

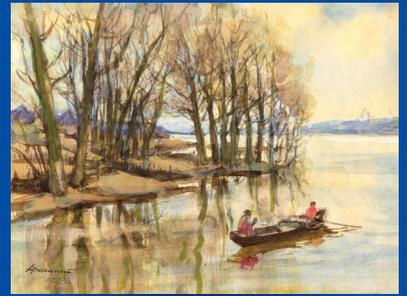
Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

№11-12 (77-78)
НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ

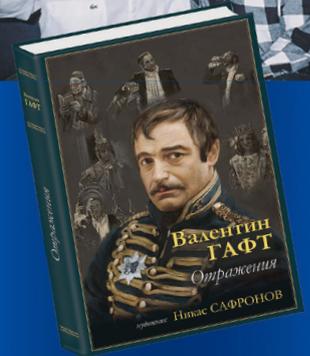
2019

Картины старой Волги.
Константин Кабанов
и Дмитрий Архангельский
стр. 17

Ульяновские «Липки».
XIX Международный форум
молодых писателей России,
стран СНГ и зарубежья
стр. 52

Валентин Гафт.
Стихи из книги «Отражения»
стр. 59

Выставка
«Семейные ценности»
стр. 144

Литературно-художественный и культурно-просветительский журнал «СИМБИРСКЪ»

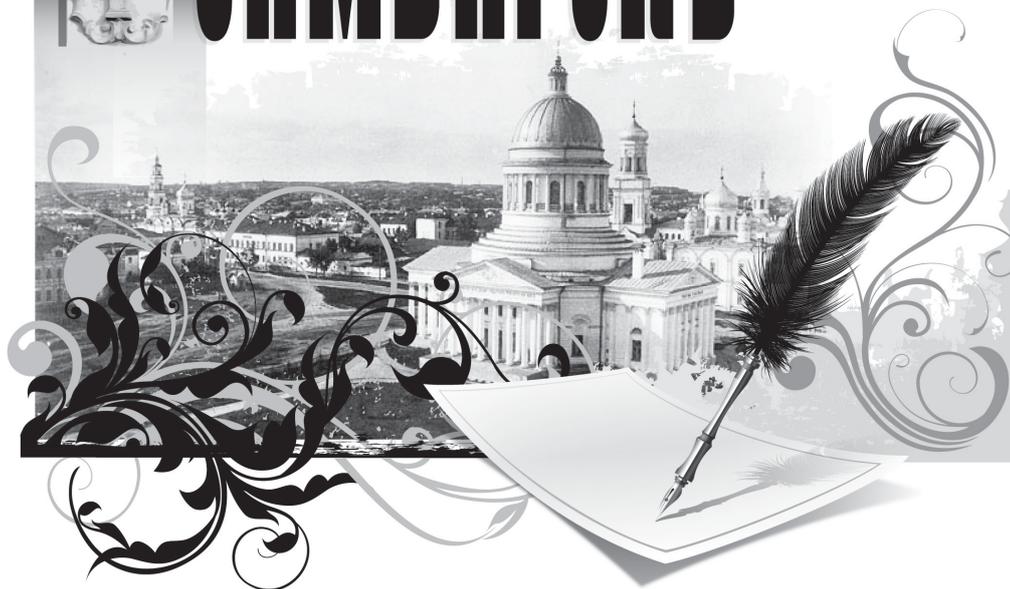

СИМБИРСКЪ

12+

№11-12 (77-78)

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ
2019

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

АКЦИЯ
«СИМБИРСКЪ»
И «ЮНИЛАЙН»
С 01.10
по 30.12.2019

1+1
на выбор

ИНДЕКС **ПА041**

ИНДЕКС **П2102 П5430**

ИНДЕКС **П2100 П5390**

Оформить подписку на 1-е полугодие 2020 г. на два издания одновременно

Отправить до 20.01.20 г. копии 2 подписных абонементов

ВЫИГРАЙ ПОДАРОК*

На оборотной стороне квитанции необходимо указать почтовый адрес и контактный номер телефона участника и отправить удобным для вас способом:

на электронную почту 29ksy83@mail.ru или в редакцию ОГПУ ИД «Ульяновская правда»: 432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНКУРСА: **УП** издательский дом **ИПРАВДА** **ЮНИЛАЙН**

Подпишись и выиграй!

*Более подробно о правилах читайте на нашем сайте ulpravda.ru

Редакционная подписка – дешевле, в том числе для юридических лиц.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;

проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412 (тел. 20-16-40),

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку
через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41

Оформить
досрочную подписку на 2020 год
(подписной индекс: ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или смартфона по QR-коду:

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamtz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 9.12.2019 г.

Дата выхода 17.12.2019 г.

Тираж 700 экз. Заказ №1054

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, 27.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №11-12 (77-78), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.

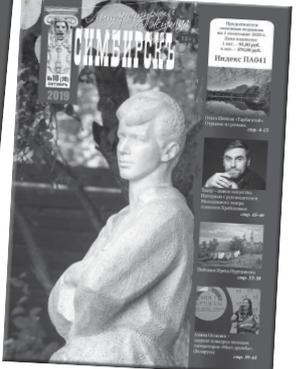
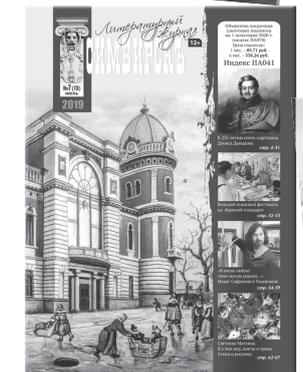
На обложке: Никас Сафронов. Зимняя дорога к храму искус-
ства, х.м., 120x150, 2019 г. На обороте обложки: Никас Сафро-
нов. Единение с природой, х.м., 94x63.

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал

«СИМБИРСКЪ» №11-12 (77-78),
ноябрь-декабрь 2019

Содержание

Навстречу Рождеству	3
Литературное наследие	
Юрий Козлов. «Особенности национальной охоты»	4-8
Геннадий Дрождин. «Певец родных полей...» О Спиридоне Дрожжине	9-11
Год театра	
Андрей Маньков. Симбирянин А.С. Поляков	12-16
Волжская пристань	
Валентина Костягина. Страницы прошлого листая. К.А. Кабанов и Д.И. Архангельский	17-21
Лариса Утина. А по Волге вниз теплоход	22-24
Река воспоминаний	
Особый слог «Золотой осени». (Стихи В. Гужева, С. Гужевой, К. Еланцева, В. Исаева, Н. Киселёвой, Н. Марянина, В. Медведева, А. Минарова, Л. Россошных, О. Смолевой- Додоновой, В. Сотникова, В. Тарават, Т. Эйхман)	25-32
С любовью ко всему родному	
Анастасия Прохорова. Барыня, всадник, петух и козел	33-37
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	
Стюарт Росс. Отцы бредутся. Стихи	38-41
Монопьесу представили в Штутгарте	42-43
Гость	
Мария Ватутина. Передвиженье по Вселенной. Стихи	44-49
Ниса Матлина. Мой знакомый гений. О Евгении Попове	50
Наталья Дронина. «Не запрещай себе творить». Встреча с М. Замшевым	51
Молодые голоса	
Данила Ноздряков. Ульяновские «Липки».	52-54
Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Фоторепортаж Григория Андрианова	55-58
Книжная полка	
Григорий Бирженюк. Совпадение по духу. (Валентин Гафт и Никас Сафронов)	59-61
Валентин Гафт. Стихи из книги «Отражения»	62-72
Лукоморье	
Андрей Медведев, Марина Курылёва. Мышки из книжки. Стихи для детей	73-75
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	
Ирина Богатырева. «Мы все живём в фольклоре...» Интервью. Беседовала Г. Узрютова	76-78
Ирина Богатырева. Ведяна. Отрывок из романа	79
Черемшан	
Валентин Манухин. В сердце тонкая печаль	80
Александр Никонов. Всё повторяется. Футуризия	81-101
Татьяна Эйхман. О новой книге Александры Беловой	102-104
Дорога к храму	
Константин и Анна Смородины. Слова на иконе	105
Сергей Николаев. Попутчик. Рассказ	106
Марина Шенятская. Стихи. Вступительное слово Станислава Минакова	107-108
Житейские истории	
Лариса Ратич. Здравствуй, мама! Повесть	109-118
Владимир Крупин. Рассказы	119-124
Ирина Михайлова. Голос. Рассказ	125-126
Нина Ягодинцева. Окарина окраины. Стихи	127-130
Вячеслав Ташлинский. Стихи, идущие из сердца	131-133
Глубинка	
Владимир Дворянсков. Дорога через ржаное поле	134-136
Владимир Дворянсков. Стихи	137
О самых близких и родных. (Стихи Т. Мельник, О. Дарановой, А. Андрюхина, Т. Эйхман)	138-140
Арина Пакина. Каждый миг ценен	141-143
Татьяна Фомина. Глоток свежего воздуха	144-145
Зазеркалье осени. Фото Алексея Шишова	146-147
Юбилей	
Юбилейная выставка Людмилы Слесарской	148-153
Людмила Слесарская. Стихи. Среднерусские мотивы	154-155
Людмила Слесарская. Из Прислонихи – с любовью. Эссе	156
Страна поэзия	
Анатолий Шутьий. О стихах	157
Юбилейный календарь	
На декабрь 2019 года	158-168
На январь 2020 года	169-184

НАВСТРЕЧУ РОЖДЕСТВУ

Дорогие друзья!

Завершает наш журнальный год особенный, сдвоенный выпуск «Симбирска».

В этом номере важной стала тема «Семейные ценности», она объединяет публикации разных авторов.

Осенью в Ульяновске состоялся форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Эхо этого события – на страницах журнала.

В этом выпуске представляем книгу «Отражения»: стихи замечательного актёра театра и кино Валентина Гафта с иллюстрациями известного художника, нашего земляка Никаса Сафронова.

В качестве новогоднего подарка читателям подготовлен календарь на 2020 год.

Много интересных публикаций – в последнем в этом году номере журнала. Под одной обложкой – очень разные авторы. Надеемся, что каждый читатель найдет себе страницы по душе.

Подводя итоги журнального года, благодарим наших подписчиков, друзей журнала, наших авторов! Сколько ярких и насыщенных по содержанию номеров «Симбирска» пришли читателям!

Благодарим всех сотрудников, чьими усилиями создается наш журнал!

Завершается Год А.С. Пушкина. Литературный «Симбирскъ» стремится следовать пушкинскому завету: «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!»

Сейчас особенная пора. Предновогодняя, предрождественская.

Владимир Крупин в одном из рассказов пишет: «Первое свое стихотворение я написал именно в новогоднем ожидании: «Растет история, и вот / мы вместе с ней растем. / И пусть войдем мы в Новый год, / как в новый дом войдем». А наутро так ликовало солнце, будто тоже понимало, что надо жить в новом году по-новому, оставив в старом все плохое...»

Завершается год, поздравляем всех наших читателей с наступающими новогодними и рождественскими праздниками!

Желаем Света и Добра! Рождественских чудес! «Для тех, кто верит, чудо происходит!»

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Юрий КОЗЛОВ, краевед, писатель. Автор книг «Жизнь и судьба Аркадия Платова», «Столыпин и Симбирск», «Генерал Каппель и волжане» и др. Автор ряда краеведческих публикаций в журналах «Мономах» и «Симбирскъ». Живёт в Москве.

«ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОХОТЫ»

Многие поэты и писатели XIX века любили псовую и ястребиную охоту, являлся таковым и поэт-гусар Д.В. Давыдов. Денис Васильевич родился в Москве в старинной дворянской семье, получил домашнее образование. Его отец, полковник В.Д. Давыдов, владел поместьями в Московской и Орловской губерниях, славился широким хлебосольством. Балы, пикники, псовая охота следовали друг за другом. В автобиографии Давыдов-младший отметит, что в тринадцатилетнем возрасте «сел на коня, захопал арапником, полетел со стаей гончих собак по мхам и болотам».

Вскоре недоросля отправили в Петербург, он был зачислен эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк. Получив офицерский чин, Давыдов около пяти лет служил адъютантом у князя П.И. Багратиона, проявил отвагу и решительность в кампаниях против Наполеона в Пруссии, против шведов в Финляндии, против турок на Дунае. В Отечественную войну 1812 года успешно командовал военным партизанским отрядом, с гусарским полком дошел до Парижа и вернулся на родину генерал-майором. В апреле 1819 года герой женился на дочери генерала Софье Николаевне Чирковой, получившей в качестве приданого село Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. Управлял имением

бурмистр, молодые супруги бывали там лишь наездами, выбираясь на верховые прогулки и охоту в его окрестностях.

Глухое село и неоглядная степь Денису Васильевичу поначалу не понравились. И он купил село Приютово, в 70 верстах от Москвы, «в местах прелестных, с домом, садом и со всеми принадлежностями». В июне 1821 года сообщит одному из друзей: «Встаю рано, пишу, роюсь в огороде, скачу по полям за зайцами, покоен и счастлив, более нежели ожидал когда-нибудь быть столько счастливым!».

Вскоре Давыдов решил перебраться поближе к Первопрестольной, в село Мышецкое, которое приобрел в 1822 году после продажи первого за 118 тысяч рублей. «Я три месяца тому назад продал деревню, которая была в 70 верстах от Москвы, и купил подмосковную в 30 верстах, – напишет он генералу П.Д. Киселеву. – Местоположение чудесное! Натуральное озеро версты в 3 длины и в полторы ширины, рощи одна возле другой, оранжереи и все принадлежности к жилью. Живу припеваючи. Звуки палок и барабанов не слышу, гусиным шагом ходят у меня одни гуси, езжу на охоту, читаю, пишу, целуюсь с женою и нянчу ребенка, гляжу, как пашут, сеют, жнут, косят, и совершенно доволен моей судьбой...».

В ноябре 1823 года состоялся Высочайший приказ, которым Давыдов «за болезнью уволен со службы с мундиром». В Мышецком он устроил псарный двор с помещениями для борзых и гончих собак и людей, присматривающих за ними. Псарня разделялась на два отделения: одно – для гончих, с одним общим хлевом, и другое – для борзых, с несколькими хлевами по числу имеющих свор. При дворе имелись изба для охотников, кашеварка, сени для кормления собак и чулан для седел и охотничьего платья, а также огороженные забором отдельные для борзых и гончих травяные выпуски для прогулок.

Псовая охота на волков, лисиц и зайцев производилась верхом. Охотились обычно с борзыми и гончими собаками вместе как около дома, так и в отъезжих полях. Доезжачие направляли гончих на след зверя, которого эти собаки выгоняли из леса или оврага на открытое место, где поджидали его борзятники.

Стоявший ближе к бегущему зверю спускал своих борзых и преследовал собак и зверя галопом до тех пор, пока собаки не поймают. Тогда охотник соскакивал с лошади и моментально принимал его от собак. При этом зайца закалывали ножом в грудь и вторачивали в заднее тороко к седлу за задние ноги.

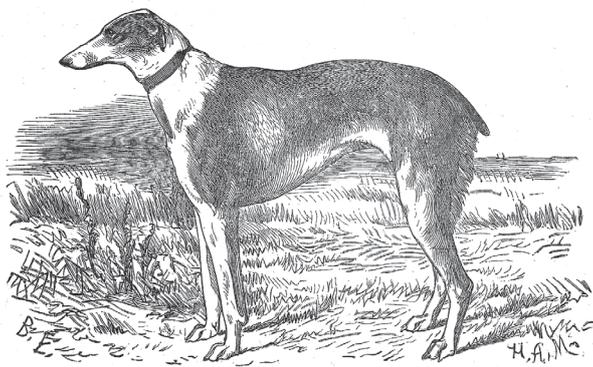
Лисицу пришибали в голову кнутовищем арапника и, убедившись, что она более не жива (так как лисицы часто притворялись мертвыми), вторачивали ее в седло за шею. Волка брали левой рукой за заднюю ногу, а правой втыкали нож в бок зверя; к седлу волка приторачивали редко, большей частью оставляли его до окончания охоты на месте. Когда желали взять волка живьем, для устройства садки, его сострунивали, то есть сдавливали челюсти петель веревки.

Псовые охотники одевались в шаровары, длинные сапоги и кафтаны, которые у борзятников были темные, у выжлятников – ярких цветов. Из принадлежностей имели остроконечный нож в ножнах, арапник, сигнальный рожок и волчьи тенета, с помощью которых заграждали «крепкие» места и тем заставляли волков бежать на борзятников.

Летом 1825 года Денис Васильевич известит графа Г.В. Орлова: «Брат мой Лев уведомляет меня, что Вашему Сиятельству угодно иметь из стаи моей сучек гончих; я с радостью готов вам услужить этой малостью и ручаюсь за доброту собак. Это одна из отраслей агрономии, которой я исключительно занимаюсь и для усовершенствования которой не боюсь ни града, ни засухи».

В марте 1826 года Давыдов вновь определился на службу, дабы принять участие в боевых действиях против персов на Кавказе. Через полтора года, покинув Тифлис, захотел осмотреть верхнемазинское имение и отправился в Мышецкое, где находились жена и дети. Хорошим отдыхом для Дениса Васильевича стала псовая охота, на которую он не забывал приглашать друзей.

«Я недавно возвратился из Симбирска и ещё не могу отдохнуть от проклятых дорог, изрытых губернаторами, – сообщит он Н.И. Похвистневу. – Ты так часто рыскаешь по большим дорогам, не можешь ли выполнить уже тригодное обещание? Приезжай в моё Мышецкое. Теперь осень; мы с тобой погуляем за зайцами и даже за медведями, коих около меня более, нежели зайцев. Пожалуйста, брат любезный, хвати когда-нибудь: ведь только три часа езды. Очень одолжишь брата и друга Дениса».

Москву Давыдов посещал лишь изредка, больше времени проводил в Мышецком. Здесь отдавался он сельскому хозяйству и литературной работе, любимой охоте и воспитанию детей, которые уже начали подрастать.

«Я не на шутку затеял перебраться в провинцию, – делится Денис Васильевич своими планами с князем П.А. Вяземским летом 1828 года. – Зимой съезжу в Симбирскую и Оренбургскую губернии и проездом буду в Пензе, а на будущий год совсем перееду в симбирскую деревню...»

По весне Давыдов с женой и детьми приехал в Верхнюю Мазу, предполагая обустроиться там основательно. Однако летом 1830 года в России свирепствовала холера, вынудившая Давыдовых покинуть симбирское имение и отправиться в Мышецкое. Отставной генерал предложил свои услуги в качестве надзирателя одного из санитарных участков Москвы, на которые был разбит город и окрестности.

В январе 1831 года, когда началось восстание в царстве Польском, Давыдов обратился к бывшему соратнику по партизанской борьбе с Наполеоном графу А.И. Чернышеву, занимавшему пост военного министра, с пожеланием «служить в действующей армии». В марте его назначили командовать отдельным отрядом из четырех кавалерийских полком, принявшим участие в боях.

В письмах домой Денис Васильевич признавался, что сильно скучает по детям. «Поцелуй за меня Васиньку, а потом уже Кокошку (так величали домашние Николая. – Ю.К.) и прочих, – просит он жену.

– Скажи Васиньке, что <...> я ему привезу пару пистолетов, если он будет хорошо учиться, и польскую саблю. Так же и Кокошке скажи, что я ему привезу подарок, если он будет хорошо вести себя и хорошо учиться. Обоим им куплю маленьких лошадей, и будем вместе ездить».

В дворянских семьях мальчики с 10-12 лет должны были ездить верхом наравне со взрослыми; не хотел отступать от этого правила и Денис Васильевич. С определенной опасностью было связано такое общепринятое развлечение, как охота на дикого зверя, но и тут глава семейства не собирався излишне беречь сыновей. Охота и верховая езда требовали физической закалки, а подобное качество диктовалось условиями жизни. Многих мальчиков в будущем ожидала военная служба, любой мужчина рисковал быть вызванным на дуэль.

Польская кампания оказалась последней в жизни Давыдова, который был произведен в чин генерал-майора. В конце октября 1831 года он прибыл в Москву, где застал всех домашних здоровыми и счастливыми.

* * *

Следующим летом Денис Васильевич с семейством оставил Белокаменную и перебрался на постоянное жительство в симбирское имение. «Он поселился почти безвыездно в селе Верхняя Маза Симбирской губернии, изредка посещая Петербург, Москву, Владимир и Пензу, где всюду у него был обширный круг знакомых, – заметит его однополчанин. – Главным его занятием было чтение, литературные труды и переписка по поводу их с друзьями и издателями; отдыхом ему служила псовая охота, любовь к которой он сохранил до смерти».

Южная часть Сызранского уезда издавна славилась своими местами для псовой охоты, и в обычае того времени редкий из помещиков не посвящал ей свой осенний досуг. Среди них были и небыстрозвестные братья Орловы, возведенные Екатериной II в графское достоинство и получившие обширную территорию, 79507 десятин земли, с центром в с. Усолье Сызранского уезда. Особой страстью к охоте отличался Алексей Григорьевич Орлов, генерал-аншеф и кавалер. С ним не раз «езжал» известный среди симбирских помещиков псовый охотник Н.М. Наумов, который содержал огромную псарню. По свидетельству современников, «у него всегда было борзых от 200-300 собак и гончих в напуску от 30 до 40 смычков».

Но как бы ни было хорошо на степном приволье, Давыдовы наметили с наступлением осени основным местом жительства сделать Москву. 10 августа Денис Васильевич известит об этом А.С. Пушкина: «...Переселяюсь со всей семьей в Москву в сентябре, или лучше сказать, жена едет со

всем моим народишком, а я остаюсь ещё в степях для рысканья за зайцами, лисицами и волками и не прежде буду в Москве, как в конце октября; пиши ко мне туда и адресуй письмо на Пречистенку в мой собственный дом, бывший Бибиковой».

Денис Васильевич до отъезда успел устроить псарный двор и пруд на речке Мазке. Его русские гончие, отличавшиеся выносливостью, неприхотливостью и отчаянной злостью, славились среди помещиков Сызранского уезда и за его пределами. Сентябрьским днем он известит одного из братьев Бестужевых, местных помещиков: «По отъезде моём отсюда, любезнейший Алексей Васильевич, я приказал на псарне моей выдать вам двух гончих да Александру Васильевичу Улицкому двух так же, почему вы имеете всё право за всеми четырьмя гончими прислать».

Среди охотничьих собак основное различие было в следующем: борзые ловят зверя только тогда, когда его видят, пользуясь быстротой ног; гончие собаки отыскивают зверя чутьем и гонят его на охотника; легавые отыскивают птиц чутьем и делают над ними стойку.

Давыдов с нетерпением ожидал перевозимья: снег покрыл землю, легли пороши, степь испещрилась русачьими маликами, лисьими нарысками, волчьими следами. Наступила пора сходить и съезжать русаков. «По сие время я ездил на пороши, а теперь и пороша ни к чему не годится, – посетует он своему приятелю князю А.Б. Голицыну в Саратов. – Вчера попробовал, но плохо: собака тонет, а заяц бежит поверху».

Другим письмом он известит А.В. Бестужева: «Когда вздумаете посетить меня, дайте знать с вечера или поутру, оттого что я теперь ежедневно рыщу за зайцами и от того боюсь, чтобы не заставить вас ждать меня несколько часов, что лишит меня несколькими же часами удовольствия быть с вами вместе».

Едва закончилась зима, как Давыдовы вновь отправились в Верхнюю Мазу. Отсюда Денис Васильевич наезжал к служившему в его партизанском отряде офицеру, а ныне богатому пензенскому помещику Дмитрию Алексеевичу Бекетову. Братья Бекетовы, помимо большого дома в Пензе, владели 8 тысячами десятин земли и леса. Родовое их село Бекетовка, или Богородское, украшали каменный двухэтажный дом и старинный парк; его окрестности славились добычливой охотой, там даже медведи водились.

Окрестности Верхней Мазы были бедны лесами, но всякого зверя и птицы там тоже водилось немало. Как свидетельствуют старые описи: «Лес растёт дровяной: берёза, вязы, ива, черёмуха, калина <...>, в нём водятся звери: волки, лисицы, зайцы, белки и горностаи; из птицы – тетерева, куропатки, рябицы, дятлы, голуби, ястреба, соловьи; в полях перепела, жаворонки, овсянки, чечётки; при водах есть дикие утки, кулики, бекасы, пигалицы...»

В этом царстве природы Давыдов наслаждался жизнью сполна, о чём расскажет в 1834 году графу Ф.И. Толстому, кутиле и дуэлянту, прозванному Американцем: «Я здесь как сыр в масле, особенно когда сравниваю каждый день противоположный прошлогоднему дню! Посуди: жена и полдюжины детей, соседи весьма отдалённые, занятия литературные, охота псовая и ястребиная – другого завтрака нет, другого жаркого нет, как дупеля, облитые жиром и до того, что я их уже и мариную, и сушу, и чёрт знает что с ними делаю! Потом свежие осетры и стерляди, потом ужасные величиной и жиром перепёлки, которых сам травлю ястребами до двадцати в один час на каждого ястреба».

Охотники исстари использовали ловчих благородных птиц высокого и низкого полета, так часто упоминаемых в былинах. К первым относились соколы и кречеты, отличающиеся свойством «бить сверху», низвергаясь на добычу, схватывая ее в момент удара или только поражая ее твердыми полусжатыми когтями. Ко вторым относились ястребы, которые ловят добычу «в угон», догоняя ее и схватывая острыми когтями сзади, сверху, снизу или сбоку. Вследствие этого ястребы могут ловить даже на земле и в кустах.

Ловчими птицами обзаводились, добывая из гнезда птенцов и выращивая их дома, или же отлавливая уже вставших на крыло схватнями и понцами с привязанным в качестве приманки голубем.

Кормили молодняк свежееубитой птицей; содержали в просторном и теплом помещении, предоставив им возможность движения. Каждую птицу сажали на отдельный обитый войлоком или сукном обрубок; к ввинченному в «стуле» кольцу привязывали «должик» – аршинный ремешок, прикрепляемый к надетым на ноги птицы «опутенкам» – замшевым кольцам.

Автор книг о рыбалке и охоте С.Т. Аксаков, выкормивший ястребят разных возрастов и охотившийся в Симбирской и Пензенской губерниях, особенно на границе той и другой по реке Инзе, описал, как приучают молодых ястребов. Прежде всего охотнику следовало надеть ему «на ноги нагавки с опутинками, которые привязывались петлей к должику, наглухо прикрепленному к кожаной рукавице» с правой руки, на которой всегда будет сидеть выученный ястреб...

«Охотник идет с ястребом в поле в сопровождении собаки, непременно хорошо выдрессированной, – делится опытом Сергей Тимофеевич. – Собака приискивает перепелку, останавливается над ней; охотник подходит как можно ближе, поднимает ястреба на руке как можно выше, кричит «пиль»; собака кидается к перепелке, она взлетает, ястреб бросается, догоняет, схватывает на воздухе и опускается с ней на землю <...> Возни с ястребом будет много: в каждую перепелку он так вкогтится, что не вдруг отнимешь, потому что надобно это делать бережно, отоптать кругом траву, чтоб не помять перья у ястреба <...> Отняв перепелку, охотник <...> дает время ястребу опомниться <...> и когда он перестанет когтить руку и совсем успокоится, заставляет собаку приискать новую перепелку: где их много, особенно около просянищ, там попадают они на всяком шагу».

Известный поэт А.А. Фет утверждал, что такая охота приносила немалую материальную выгоду, и добавлял, что «к хвосту или к ноге привязывался крошечный бубенчик, дающий знать охотнику о месте, на котором ястреб щиплет пойманного им перепела». «Перепелов в наших местах была такая бездна, что ястребятники, отправлявшиеся каждый на лошади верхом с легавой собакой и ястребом, приносили вечером матери на подносе каждый от тридцати до пятидесяти штук, – вспоминает Афанасий Афанасьевич свои ранние годы в имении Новоселки Мценского уезда Орловской губернии. – Перепелок этих, слегка просолив, клали в бочонки с коровьим маслом, и малосольные они сохранялись целый год».

В апреле 1835 года Денис Васильевич не без ностальгии напишет своему давнему другу, поэту В.А. Жуковскому, который был годом старше: «Я не могу забыть приятнейшего вечера и утра, проведенных у тебя, и вообще краткого, но и весёлого пребывания моего в Петербурге. Я как будто снова отскочил в прошедшее, встретясь с тобой и Вяземским, товарищами лучших дней моей жизни! Смотрите же, прошу не стареть до того времени и брать пример с меня, а если вздумаете стареть, то, чур, вместе. Ох, тяжёлое это дело! Как я ни храбрюсь, а всё чувствую, что не тот уже, что был! Однако недавно сломал два важных похода, один из Москвы сюда в самую ужасную ростополь, а другой на волка,

за которым по приволжским степям моим гнался во весь скок около двадцати вёрст и которого наконец победил».

Предводитель дворянства Ардатовского уезда П.М. Мачеварианов в своих «Записках псового охотника Симбирской губернии» не без гордости заметит: «Есть еще бодрые русские охотники, в жилах которых не французский бульон и не немецкий габер-суп, но чистая русская кровь, с той же старинной молодецкой удалью, которой «принять старого волка на булат» или «сострунить живьем» этого пострела – нипочем! Люди эти живут не в столицах, но в провинциальной глуши, в лесной тиши и в безграничных степях». Ради псовой охоты он вывел в своем имении Липовка одну из лучших в России породу борзых.

Вероятно, Денис Васильевич согласился бы с вышесказанным. Его послание, направленное осенью 1835 года своему родственнику П.Н. Ермолову, гласит: «Вы ведь мне жалки, московские охотники. Мы затравили 9 волков, 25 лисиц и в день травли по 50 русаков и 70 беляков. Начали 25 сентября и кончили 25 октября, суди, сколько крови пролито».

В июне 1837 года Давыдов отправился со старшими сыновьями в Петербург для определения их на учебу: Василия – в Институт путей сообщения, Николая – в Училище правоведения. Между деревней и столицей установился регулярный обмен письмами. В первую очередь, разумеется, Денис Васильевич призывал детей «не лениться» и «знать, науки, чтобы в течение службы и жизни своей опираться на них, идти далее и далее...». Однако не забывал рассказать о младших братьях и сестрах, их занятиях и забавах.

«Маменька, братья и сёстры твои, слава богу, здоровы, – известит отец Василия. – Жизнь ведём прежнюю, как при вас. Денис и Ахилл, ездят верхом, но плохо, особенно Денис; Ахилл по крайней мере, отважен на коне, скачет и бодрится. Впрочем, Денис от того может быть хуже его ездит, что лошадь у него плоха».

Следующим летом он вновь посетил столицу, чтобы проведать сыновей и повидать старых друзей. По возвращении в деревню напишет Васе: «Я так изломался от дороги, что в три дня едва мог поправить спину. Теперь всё прошло и я уже помышляю сесть на коня и пуститься с собаками. У меня 20 гончих преславных и 12 борзых, при всем этом

7 человек на конях; охота хоть куда! Одного жаль: вообрази, что зайцев совсем нет и мало нет, что старой прошли Большие Атмалы, где было их миллион, и не одна гончая не откликнулась! Лисицы и волки, говорят, есть, а русаки, я полагаю, будут, как обыкновенно, в начале октября».

С наступлением осеннего ненастья у Давыдова обострились приступы ревматизма и бронхиальной астмы как «следствие бивуачной жизни». Отсутствие зверя раздражало его, он поругивал ни в чем неповинных собак, но снова отправился с ними в поля. «Мы все, слава Богу, здоровы, – как можно бодрей пишет он сыновьям. – Я езжу на охоту, но, видно, мне судьбой определено иметь плохих борзых, да и гончих неважных, все что-то не так идет, как должно. Однако я все-таки затравил трех лисиц и 4 зайцев, из коих двух русаков. Увы! Много и протравил последних! Теперь мы собираемся в отъезд с Амбразанцевым и Бестужевым (соседи-помещики. – Ю.К.). Что-то там будет? Очень веселого не ожидаю».

В октябре охота тоже оказалась не вполне удачной, о чем Денис Васильевич не замедлит сообщить Василию и Николаю: «Я эти дни был в отъезде, в самых лучших здешних местах, на берегу Волги, где прежде была столица волков, лисиц и зайцев. Но теперь ничего нет. Затравили несколько лисиц, то есть пяток, и может быть, десяток зайцев, хоть нас было 36 человек. Нет зверя, да и только. Теперь я буду ездить на охоту вокруг себя, авось будет день удачнее; но вряд ли – ибо нигде нет зверя...».

Указанные письма поневоле заставляют вспомнить исторические сцены из некогда популярной кинокомедии «Особенности национальной охоты», снятой Александром Рогожкиным в 1995 году.

Денис Васильевич Давыдов не был чужд такого развлечения, как псовая и ястребиная охота, до последних дней. Скончался он 22 апреля 1839 года от апоплексического удара в Верхней Мазе. Его любовь к охоте передалась всем пятерым сыновьям. Старший из них, Василий Денисович, будет вспоминать: «Покойный обер-егермейстер Дмитрий Васильевич Васильчиков (бывший сослуживец и друг отца. – Ю.К.) всегда был ко мне очень милостив, и в мою молодость я каждую осень охотился у него в продолжении более 4 лет...»

Геннадий ДРОЖДИН, родился в 1948 году. Окончил Саратовскую школу МВД и исторический факультет УлГПУ. Живет в Новоульяновске.

«ПЕВЕЦ РОДНЫХ ПОЛЕЙ... НИЗОВСКИЙ СОЛОВЕЙ»

Поэт Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848 – 1930) появился на свет и ушел из жизни в декабрьские морозы. Его называют поэтом-самоучкой, крестьянским поэтом. Он был замечательной личностью, оставившей свой след в отечественной литературе конца XIX – XX веков. Поэт был другом Аполлона Коринфского, сохранилась их переписка. Знаменитый Райнер Мария Рильке был гостем Спиридона Дрожжина и еще и благодаря ему полюбил Россию.

Его творческое наследие известно современному читателю. Стихи его переиздаются, публикуются в сборниках для детского чтения.

В Тверской губернии создан дом-музей писателя. Память о самобытном поэте жива.

Дрожжин – один из первых певцов картин родной природы и крестьянского быта, создавший много песен, за что Дрожжина критики называют поэтом-песенником, «низовским соловьем» XIX века.

Последователем Спиридона Дрожжина по праву является Сергей Есенин, лирические стихи которого также воспевают красоту природы Матушки-Руси.

С. Дрожжин справедливо говорит:

Я для песни задушевной
Взял лесов зеленых шепот,
А у Волги в жар полдневный
Темных струй подслушал ропот.
Взял у осени ненастье,
У весны – благоуханье,
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.

Его стихи действительно задушевные, от них веет русской природой и русской деревней. То русской меланхолией и скорбью, то русским весельем и удалью. Иногда из груди поэта вырывается какой-то отчаянно-скорбный вопль:

Не сумею горя
Высказать словами, –
Так в тоске его я
Изолью слезами,
И когда слезою
Злое не залется,
От души родною
Песнею споемся!..

Или:

Жизнь, улыбнися хоть на мгновенье,
Иль прекратися и дай мне забвенья
Тяжких страданий, прожитых невзгод,
Дай мне укрыться от дум и забот.
Дай мне сложить утомленные руки
И сохранить пережитые муки
В гробе тесовом, в могиле сырой,
Только поближе к деревне родной.

Иногда же он, по-видимому махнув рукой на всё житейское, восклицает удало и звучно:

Ты запой
Мне весной
Песню, соловейко!
Уходи,
Пропади,
Грусть, тоска-злодейка!

Преобладающее место в лирике С. Дрожжина занимают картины деревенской жизни. И тут он – знаток деревни, её сын, её плоть и кровь.

Тяжело прошли детство и юность С.Д. Дрожжина. Родился он 7 декабря (по старому стилю) 1848 года в деревне Низовке Тверской губернии и уезда, на Волге (ныне Конаковский р-н Тверской области) в семье крепостных крестьян. «Первенец, которого назвали в честь дяди – Спиридоном. Мальчик с детства отличался пытливым умом и живым воображением, любил слушать волшебные сказки бабушки Анны и протяжное пение девушек на посиделках. Ему страстно хотелось учиться. Чтению его выучил дед Степан Степанович¹, любивший читать Священное Писание и оказавший благотворное влияние на своего внука. Бедность он пережил тяжкую: отец Спиридона Дрожжина жил в Северной столице в кучерах и о семье не заботился, так что деду Степану приходилось иногда прокармливать своих внуков, ходя с сумою по миру.

На десятом году жизни будущего поэта отдали для обучения дьячку. Поучившись письму и счёту у сельского дьячка две неполные зимы, так как на дальнейшее обучение у семьи не было денег, Спиридон отправляется в Петербург на заработки. А было тому работнику 12 лет.

1860 год. Спиридон работает «мальчишкой» в гостинице «Европа» с жалованием 2 рубля в месяц, с понуканием от буфетчика и от пьяных посетителей гостиницы и с непрерывной работой с 4 часов утра до 12 часов ночи. С детства склонность к мечтательности и жадность к наукам, неудержимая тяга к чтению вынуждали его на вырученные «на чай» деньги покупать у книгонош книжонки и вместо сна, украдкой от начальства, читать, читать, читать!

Вырвавшись из «ада», Спиридон становится

¹ Избранное для детей и юношества Дрожжин С.Д. Тверь, 2017. С 6.

на много лет скитальцем. То служил подручным в магазине игольчатых газовых свечей, то без всякого угла, без гроша денег, спал на гранитных спусках Невы или в пригородном парке на скамейке и, наконец, был лакеем у помещика, который, однако, не нашел в нём лакейского призвания... Но в этой скитальческой жизни он не забывал о духовной пище: днём при каждой возможности заходил в публичную библиотеку, читал, работал над собой и даже... писал дневник, впоследствии помещенный М.И. Семевским в «Русской старине». Дневник С. Дрожжина потрясает читателя не только как свидетельство «скорбного мытарства» самоучки, жаждущего духовной работы, но и как яркое доказательство мощности духа русского человека, который способен пережить тяжкое существование. Спиридон жил надеждой в попасть в круг литераторов.

В скитаниях своих пришлось Спиридону Дрожжину пожить в Москве и даже в Ташкенте на табачной фабрике, куда его завёз какой-то купец, обещав золотые горы, а на самом деле потом не дав расчёта. Когда же поэт через Самару добрался кое-как на родину, тут его ждала перемена жизни – его женили. Но до спокойной жизни было еще далеко. Отец Спиридона надеялся остепенить сына, привязать его к земле, к крестьянской жизни. Но стремление к литературе влекло поэта жить в столице. Однако жить с семьёй в Петербурге на свои литературные заработки он не мог, хотя бы даже мало-мальски сносно: приходилось ютиться с семьёй в сырой холодной комнате, жена болела, дети-сыновья один за другим умирали.

Убитый горем, смертью в шестимесячном возрасте второго сына Алексея – 30 октября 1882 года, Спиридон Дмитриевич создает своё печальное стихотворение «Сон малютки»:

Вьётся снег пушистый,
Ветер завывает
И в сугроб глубокий
Землю одевает.
Тихо в бедной хате,
На столе сосновом
Спит-лежит малютка
В гробике тесовом.
Белые ручонки
На груди прижаты,
Вот малютку скоро
Вынесут из хаты,
Горсть земли холодной
Мать в могилу бросит
И над нею с ветром
Громко поголосит...

Возвращаться же на родину не хотелось. Его разлад с отцом, никогда не ценившего его любовь к книгам, продолжался и разрастался. Когда же поэт пытался пожить в деревне, он испытывал на себе и на своей семье деспотизм отца. Тот физически, кнутом по спине, прилюдно, внушал взрослому сыну, что «стихотворство» – барское, а не крестьянское дело, хотя Спиридон и жена наравне с другими пахали, косили и жали.

Беды и страдания преследовали поэта постоянно. Из автобиографии Спиридона Дрожжина: «В Москве я получаю известие, что 25 июня 1894 г. пожар, случившийся в деревне Низовке, уничтожил мой

дом и десятками лет собранную мною библиотеку, вместе со многими картинами и рукописями...»

13 января 1899 года на 74 году жизни умирает отец поэта Дмитрий Степанович.

В последние годы XIX века Спиридон Дрожжин, покончив со своими мытарствами, переехал в деревню Низовку, где прожил до своей земной кончины. Умер 24 декабря 1930 года.

Здесь, в Низовке, занимаясь крестьянским трудом, написал он лучшие свои произведения. Большинство из них – это лирические зарисовки картин родной природы и крестьянского быта.

При жизни поэта вышло 35 книг с его стихотворениями, а некоторые – с его автобиографией. «Стихотворения С.Д. Дрожжина»:

- «Песни крестьянина».
- «Поэзия труда и горя».
- «Заветные песни».
- «Песни старого пахаря».
- «Песни труда и свободы».
- «Баян» и многие другие.

Много стихотворений было на христианские мотивы, ибо поэт был истинно православным человеком, верным сыном Российского Отечества:

- «Хлеб наш насущный».
- «Пчёлы» – посвящено преподобным Зосиму и Савватию Соловецким чудотворцам (IX век).
- «Былина о крещении Руси» – посвящено празднованию 900-летию крещения Руси.

И много других «жемчужин» христианского мира, о которых автор сего очерка готов рассказать в отдельной статье...

Дом поэта и его прах из деревни Низовки, ввиду образования Конаковского водохранилища и затопления местности, перенесены на станцию Завидово Тверской области. Сейчас здесь находится дом-музей С.Д. Дрожжина.

Мне довелось бывать там. Заведующая музеем Елена Владимировна Павлова гостеприимно приняла меня в доме поэта, угостила травяным чаем и долго расспрашивала о моих предках, пытаюсь установить родственную связь с нашим краем, т.к. родной дядя поэта, Дрожжин Пётр Степанович, в 60-х годах уехал в Симбирскую губернию, и связь с ним была потеряна.

В Ульяновском государственном областном архиве, к большому сожалению, отсутствуют метрические книги крещения моего деда – Дрожжина Ивана Петровича 1875 – 1876 гг. рождения, уроженца Карсунского уезда. Но поиски в архиве продолжаются.

Внук поэта С.Д. Дрожжина – Валентин Семёнович Морев, проживающий в Конаковском районе, через Елену Владимировну убедительно просил меня заехать к нему в гости. Но данную просьбу выполнить мне не представилось возможным. Родному внуку поэта С.Д. Дрожжина – Мореву В.С. 3 января 2019 года исполнилось 90 лет!

Может быть, когда-нибудь удастся установить нити родственных связей (Дрожжиных и Дрождиных). Но главное глубинное родство – объединяющая нас любовь к родной земле, запечатленная в стихах народного поэта Спиридона Дрожжина.

Спиридон ДРОЖЖИН (1848 – 1930)

РОДИНЕ

Как не гордиться мне тобой,
О родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою недвижим,

Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На темные леса.

Как хороша ты в теплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!

Как бодро дышится, когда
На поле весь народ
Среди свободного труда
Все силы отдает!

Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!..

Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю.
Хожу среди твоих лугов,
Мечтаю и пою.

Во всей в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

Я ДЛЯ ПЕСНИ ЗАДУШЕВНОЙ...

Я для песни задушевной

Взял лесов зеленых шепот,

А у Волги в жар полдневный

Темных струй подслушал ропот,

Взял у осени ненастье,

У весны – благоуханье;

У народа взял я счастье

И безмерное страданье.

Андрей МАНЬКОВ, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, г. Санкт-Петербург, ветеран военной службы.

СИМБИРЯНИН А.С. ПОЛЯКОВ – выдающийся русский литератор и библиофил

В центре внимания автора – личность уроженца Симбирской губернии Александра Сергеевича Полякова (1882 – 1923). В начальный советский период Поляков стал широко известен в Петрограде как библиограф, историк театра и русской литературы. В 1918 – 1923 гг. он работал заведующим Центральной библиотекой русской драмы (ЦБРД), основанной еще при императрице Елизавете Петровне в 1756 году, став ее первым «красным директором». В первые послереволюционные годы в Петрограде издавался журнал «Бирюч петроградских государственных театров», редактором которого также был А.С. Поляков. К сожалению, сегодня жизнь этого талантливого человека и история редактируемого им исключительно интересного советского литературного издания известны только узкому кругу специалистов.

Заканчивающийся 2019 год в Российской Федерации был Годом театра. Профессиональный русский театр обязан своим становлением, развитием и мировым успехом не только значительной роли государства. Театр в России создавался в первую очередь русскими людьми и их созидательной деятельностью. Одной из таких креативных личностей, несомненно, оказался Александр Сергеевич Поляков.

Жизнь Александра Полякова теснейшим образом была связана с некоторыми губерниями Среднего Поволжья, Русским Севером, а также Петербургом-Петроградом начала XX в. Автор этой статьи в первую очередь основывается на источниках личного характера, повествующих о жизни А.С. Полякова, его отца С.П. Полякова и двух родных сестер, как в Поволжье, так и в Петербурге и Петрограде, а также Вологодской губернии. Он вводит в широкий оборот данные Петербургских архивов: Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГА-ЛИ СПб) и Государственной театральной библиотеки (АГТБ), а также фондов музея «Симбирская классическая гимназия» (г. Ульяновск). В своей работе автор также использует воспоминания петроградских и ленинградских деятелей литературы и искусства Н.В. Измайлова и Ю.И. Слонимского, исследования современных петербургских ученых и специалистов Г.В. Михеевой, С.А. Ковалевой, Т.А. Синельниковой, М.И. Цаповецкой.

А.С. Поляков родился и вырос на Средней Волге. В то же время в ряде современных литературных и электронных источников имеются ошибки в описании его биографии. Например, отмеченное в них место рождения Александра Полякова в селе Ундоры Симбирской губернии, несомненно, ошибочно, что подтверждено документами личного характера.

Отец Полякова многие годы был сельским учителем, которому до Первой мировой войны за добросовестный педагогический труд было пожаловано звание личного, а затем и потомственного почетного гражданина Симбирска. Кроме того, Сергей Петрович иногда менял место своей работы. Так, в начале своей учительской карьеры, получив право стать народным учителем, он переехал в Ардатский уезд, где начал работать по педагогической специальности. Его сын Александр родился как раз в этот период в той части нынешнего Мордовского края, которая в год его рождения в последней четверти XIX века территориально входила в обширную Симбирскую губернию. Это произошло 12 ноября 1882 г. в селе Лобаски Ардатовского уезда Симбирской губернии.

Детские и гимназические годы будущего литератора прошли в Симбирске и Симбирском уезде. В 1901 г. он с медалью окончил Симбирскую классическую гимназию. В годы своей юности Александр Поляков принимал активнейшее участие в политической деятельности. В 1902 г. в Казанской губернии

Директор библиотеки в 1918–1923 гг., уроженец Симбирской губернии А.С. Поляков.
Фото начала 1920-х гг.

он вступил на путь антиправительственной борьбы. Оппозиционные социально-политические взгляды А.С. Полякова, на наш взгляд, начали оформляться во время его учёбы в Казанском университете, где он установил связь с революционно настроенными студентами и стал членом партии социалистов-революционеров (эсеров). Поляков имел самое непосредственное отношение к созданию первых организаций партии эсеров в Казани и Симбирске. После отчисления по политическим мотивам из Казанского университета Поляков вернулся в Симбирск и стал работать статистиком в губернской земской управе. В годы Первой русской революции он был участником революционных событий 1905 г. в Симбирске и Симбирской губернии. Молодой эсер оказался хорошо известен всем местным жандармам и полицейским, так как выступил на нескольких крупных публичных митингах.

После поражения революции Поляков в 1907 г. был арестован в Санкт-Петербурге и несколько лет отбывал ссылку в г. Кадникове Вологодской губернии.

Находясь на Русском Севере, он возобновил изучение истории русской литературы. Отбыв наказание, Поляков не вернулся ни в Симбирск, ни в Казань, а уехал в Петербург. Там началась, вне всякого сомнения, его новая жизнь. После возвращения в столицу он опять желает учиться: снова стать студентом было его мечтой. Книги и театр – вот что, пожалуй, теперь постоянно интересовало вчерашнего эсера. В Петербурге Александр поступает на словесно-историческое отделение недавно открытого психоневрологического института. В 1913 г. Поляков переходит на историко-филологический факультет Петербургского, затем Петроградского университета. В предвоенные годы он полностью сосредотачивается на литературной деятельности.

С 1917 г. Поляков работает внештатным сотрудником древлехранилища Пушкинского Дома. В революционные дни февраля – марта, по воспоминаниям сотрудника Пушкинского Дома Н.В. Измайлова, он вносит большой вклад в спасение государственных архивов и других ценных документов, которым грозило полное уничтожение. С победой Октябрьской революции 1917 г. вполне возможно, что именно «революционное прошлое» сыграло свою роль при выдвижении Полякова на ответственную руководящую работу. В 1918 г. А.С. Полякова назначили на должность заведующего Петроградской библиотекой Русской драмы Государственных ака-

демических театров (ныне – Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека). Архивные документы сообщают, что Поляков «состоит на службе театров с 8 августа 1918 года». С другой стороны, на наш взгляд, один из любимых учеников крупнейшего русского библиографа Н.М. Лисовского, активный участник семинария руководителя Книжной палаты профессора С.А. Венгерова в Пушкинском Доме, а также автор нескольких заметных работ по истории русской литературы и театра оказался большим профессионалом. Несомненно, что его учителя смогли быстро разглядеть в нем незаурядный талант библиофила и библиографа. Так, еще в 1917 г. в Петрограде сложился так называемый Поляковский кружок, члены которого проводили неформальные встречи и координировали свои работы в рамках Русского библиологического общества (ИРЛИ). Например, в 1920 г. Поляков на одном из заседаний ИРЛИ выступил с докладом на тему «Книговедение как научная дисциплина и ее методы».

По словам критика и историка балета, профессора балетмейстерского отделения Ленинградской консерватории, либреттиста Ю.И. Слонимского: «Душой библиотеки, собирателем ее и первым советским директором был А.С. Поляков». Одним из важнейших направлений работы Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки всегда являлось раскрытие бесценного собрания хранящихся в ее фонде документов для специалистов и массового читателя, чему в немалой степени способствовала и способствует ее издательская деятельность. Находясь более 100 лет в административном подчинении Александринского театра, библиотека входила в систему Императорских, а позднее, с 1919 г. – Академических театров. В 1889 г. театральная библиотека получила помещение в здании дирекции Императорских театров, где и располагается по настоящее время. С этого времени можно вести отсчет в ее издательской деятельности, и хотя библиотека не была самостоятельной структурной единицей, издания, выпускаемые Императорскими театрами, большей частью основывались именно на материалах, входивших в систему библиотек Императорских театров – Русской драмы, Музыкальной и Монтировочной и архива дирекции.

После революции 1917 г. в издательской деятельности театральной библиотеки открывается новая глава. Библиотека становится более самостоятельным организмом, нежели в дореволюционные

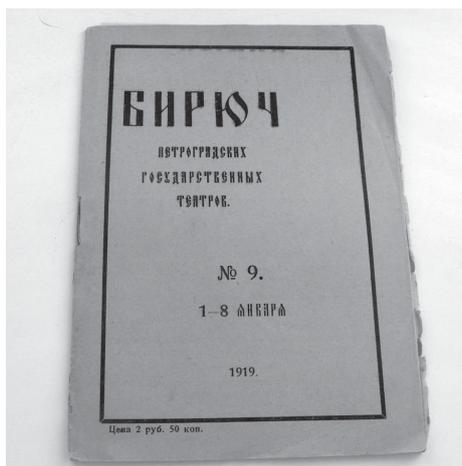
годы. Планомерная архивная работа, исследовательская и издательская деятельность осуществлялась в эти годы благодаря стараниям именно первого советского директора А.С. Полякова. С 1918 г. Поляков в основном сосредотачивается на работе в Центральной библиотеке русской драмы, что занимало очень много времени и физических сил. Он не только заботился о пополнении книжного фонда библиотеки, ему принадлежит заслуга организации рукописного отдела, куда его стараниями поступили ценнейшие материалы по истории театра: «История русского театра» С.Ф. Светлова, письма

А.Н. Бенуа, А.Я. Головина, А.С. Суворина, Ф.И. Шаляпина, В.Ф. Комиссаржевской, М.С. Щепкина, П.С. Мочалова, Т.П. Карсавиной, Марии Тальони, Сары Бернар, Элеоноры Дузе, Эрнесто Росси и многих других.

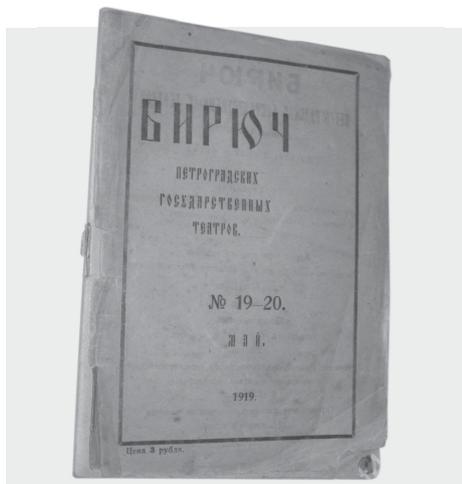
Именно Полякову удалось получить весь фонд драматической цензуры из упраздненного после падения монархии Главного управления по делам печати (Цензурного комитета), что увеличило собрание пьес библиотеки в четыре раза и дополнило его драматургией на всех языках народов Российской империи с 1864 г. до 1917 г. В годы работы Полякова директором на основе материалов рукописного отдела выходят журналы «Бирюч Петроградских Государственных театров» как продолжение дореволюционного издания библиотеки «Ежегодник Императорских театров», «Ежегодник Петроградских Государственных театров», мемуарная серия «Театральная библиотека» и ряд других ценных изданий.

«Бирюч» №1, выпущенный в годовщину Октября, начинается воззванием к артистам и служащим гостеатров. Здесь говорится о гигантской энергии для спасения великих театров мира в трудную для них пору Гражданской войны, и сравнительно четко формулируется эта задача как предпосылка дальнейшего развития. Летописец советского театра найдет в «Бирюче» факты,

цифры, даты, имена, без которых его работа будет невозможна. А по качеству бумаги и печати, по сужению первоначального потока информации, по нарастающей задержке выпуска следующих номеров читатель поймет, чего стоило обеспечивать жизнь журнала. Конечно, Поляков и его коллеги наивно предполагали, что будет достаточно желающих приобретать журнал по предварительной подписке и в розничной продаже; количество читателей «Бирюча» сокращалось сообразно с населением города.

Фотография обложки журнала «Бирюч Петроградских государственных театров». №1–8. 1919 г.

Фотография обложки журнала «Бирюч Петроградских государственных театров». №19–20. 1920 г.

В Год театра в России нам было особенно интересно вернуться к первому послереволюционному изданию, вышедшему в свет усилиями его сотрудников – журналу «Бирюч Петроградских Государственных театров». В июле – августе 1919 г. А.С. Поляков в сборнике

Фотография входа в Театральную библиотеку и Театральный музей. Наши дни.

№1 «Бирюча Петроградских государственных Театров» обратился к читателям и разъяснил значение совсем забытого тогда слова «Бирюч», ставшего основой названия этого издания. Так, А.С. Поляков пишет: «Редакции «Бирюча» приходилось не раз устно и письменно разъяснять своим читателям значение малоизвестного для многих слова «Бирюч». Теперь она вынуждена сделать это печатно, так как ее начинают обвинять, говоря откровенно, в преступлении против языка русского». По его мнению, оказываются, находятся такие «догадливые люди, которые считают слово «Бирюч» «самоновейшего» происхождения, вроде «ВЦИК», «Колдуч», «Петрокомпрод» и т. п. Редакция никогда не была поклонницей такого словообразования, весьма, может быть, удобного при деловых сношениях, но обращающего родной язык в какой-то «офенский» жаргон, «блатную музыку», словообразования, не только не обогащающего язык, но безжалостно его коверкающего. Это уродство языка проникает в печать, становится достоянием газет, а оттуда идет гулять в массу, щеголяющую такими «непонятными» словами. Все эти «Колдучи» есть показатель, что выдумки на названия у нас нет. Мы растекаемся в словах, бессильны дать краткие, меткие, легко запоминающиеся определения, не лишённые смысла».

Согласно оценке А.С. Полякова, «Бирюч» – слово древнее, но не только русское, но также и западнославянское. В древнерусском языке оно является в форме «бирич» в значении «вестник, глашатай, герольд, кличанин». «Повесть временных лет» под 6500–6501 (992–993) гг. говорит: «Володимер же приде в товар посла биричи по товарам» (торгам). В Ипатьевской летописи (6656 (1148) г. сказано: «Изяслав с сыном Ярославом и посласта подвоискеи и бириче по улицам кликати, зовучи к князю на обед от мала и до велика». О бирючах вспоминается и позднее – в XVI и XVII вв. Так, в «Уставной грамоте Соловецкого монастыря» (1564 г.) говорится: «Биричи Сумскому також бы есте давали хрестьяня и козачи со всякой головы...». В «Наказе в Белев» (1618 г.) можно прочитать: «Заказ о том крепкою учинить и

биричем велеть прокликать, чтоб однолично никаких человек к Литовским людям и к русским вором ни с чем не ходил смысла».

Форма «бирюч», не засвидетельствованная древними памятниками, сохранилась (по В.И. Далю) в Вологодской губернии в значении: «клика, клич, взывания». Эту же форму употребляет великий русский историк Н.М. Карамзин («Бирючам, или герольдам»). У выдающегося драматурга А.Н. Островского в его «Снегурочке» мы встречаемся с «бирючами», которые, надевая шапку на длинные шесты и высоко поднимая ее, выкрикивали свое «слушайте, послушайте». Русский писатель и публицист Н.М. Лесков в «Соборях» также употребляет форму «Бирюч»: «Этот крикун был старгородский бирюч, факотум и пролетарий, празднотающийся мещанин, по прозванию комиссар Данилка» (Ч. I, гл. 16). Из других славянских языков отметим; чешск. –beřic, верхнелуж. –břic, нижнелуж. – břic в значении «судебного пристава».

В завершении Поляков указывает, что редакция журнала за разъяснением о происхождении слова «бирюч» в свое время обращалась к русскому филологу, лингвисту и историку академику Императорской Санкт-Петербургской академии наук А.А. Шахматову.

Особенно большой вклад этот незаурядный исследователь внёс в разработку текстологии древнерусского летописания, в частности – «Повести временных лет». Сличение различных редакций данного памятника позволило Шахматову прийти

Фотография одного из помещений Санкт-Петербургской театральной библиотеки. Зал древних рукописей. Наши дни.

к выводу о том, что дошедший до нас текст по происхождению многослоен и имеет несколько стадий формирования. Логические нестыковки, текстовые вставки, разрывающие связный текст, отсутствующие в Новгородской первой летописи, по мысли Шахматова, являются свидетельством существования гипотетического Начального свода, созданного приблизительно в 90-х гг. XI в. Например, в тексте Новгородской первой летописи отсутствуют договоры Руси с греками X в., а также все прямые цитаты из греческой Хроники Георгия Амартола, которой пользовался составитель «Повести временных лет».

По существу вопроса редакции журнала академик А.А. Шахматов любезно ответил, между прочим, следующее: «Этимология слова неясна. По Миклошичу из италийского *biggo*: судебный пристав, ликтор. Мне кажется, что более вероятно восточное происхождение; древнетурецкое – *buiruk* – должностное лицо, помощник хана». Поляков заключил, что «таково вкратце объяснение слова «Бирюч», и если б оно стало обиходным, как когда-то, то, во всяком случае, язык русский от этого не пострадал бы».

Ю.И. Слонимский, говоря о названии журнала, подчеркивал: «Он был назван по имени древнерусских вестников, оповещавших население о новостях жизни. Намерение Полякова казалось всем утопией. Одна за другой закрывались газеты, прекращали работу типографии, уходили на фронт здоровые силы, умирали и разъезжались авторы. О какой периодичности издания можно было мечтать? А Поляков с крошечным штатом, совмещая в своем лице директора библиотеки, главного библиографа, главного редактора, организатора сбора материалов, автора, хозяйственника, техреда, на первых порах обеспечивал периодичность выпускал «Бирюча».

Создатели журнала поставили своей первейшей задачей издание «еженедельника, отображающего жизнь академических и по возможности частных театров. В 1918 г. «Бирюч» выходил еженедельно (с ноября, вышли № №1-8); в 1919 г. – один раз в две недели (№ №9-20; до мая). Журнал освещал жизнь государственных театров Петрограда; в нем печатались подробные либретто пьес и программы спектаклей, комментарии к ним, мемуары, статьи по истории русского театра и балета, театральная хроника, книжные и литературные новости, «Календарь театра». В качестве приложения «Бирюч» имел вкладку – «Репертуар Петроградских государственных театров». Затем он был преобразован в сборник статей (всего вышло 2 сборника – 1919 г. и 1920 г.). В сборнике печатались статьи по истории театра (драма, балет, опера), архивные материалы, критические статьи и отзывы, театральная хроника, программы, список новых пьес и нот.

В последнем номере «Бирюча» А.С. Поляков писал: «Мы думаем, что наступает время, когда наша образцовая сцена должна издавать орган, соответствующий названию, именно журнал «академический», разрабатывающий вопросы театра, сцены с точки зрения строгой научности. Задачи «Бирюча», не греша против последнего, были шире: он стремился дать чтение массовому, хорошо подготовленному читателю, а не только специально занимающемуся театром».

Намного позже уже упомянутый нами Ю.И. Слонимский в своих превосходных «Воспоминаниях о театральной библиотеке» писал: «Поляков затеял издание первого советского театрального журнала и в условиях нехватки бумаги, электроэнергии, рабочих рук, катастрофического падения реальной ценности рубля, резкого сокращения численности населения города осуществил выход журнала «Бирюч». Стараниями Александра Сергеевича Полякова содержание журнала и сборников обогатилось публикациями статей ведущих актеров, режиссеров, художников, драматургов, историков театра, филологов и литературоведов Петрограда и Москвы 1920-х гг. Постоянными авторами «Бирюча» были Б.Л. Модзалевский, П.П. Гнедич, С.А. Венгеров, А.И. Малеин, М.Ф. Суперанский и другие корифеи литературоведения».

Поляков был назначен на должность заведующего летом 1918 г. и прослужил в этой должности до своей смерти в 1923 г. Он умер в Петрограде от тифа 4 октября 1923 г. и был похоронен на Серафимовском кладбище.

В наши дни журнал «Бирюч» абсолютно не потерял своего научного и познавательного значения для наших современников. Его актуальность обусловлена также и тем, что материалы издания дошли до нашего времени в полном объеме, что является огромной редкостью для отечественных периодических изданий послереволюционного периода. Кроме того, в фонде отдела редкой и рукописной книги театральной библиотеки практически в полном объеме сохранился архив редакции журнала «Бирюч». «Бирюч», на наш взгляд, очень симпатичное древнерусское слово, уходящее своими корнями в наше далекое славянское прошлое. Оно также ласкает слух истинного славянина, любящего и ценящего свои духовные скрепы, как слова «летопись», «вече», «тысяцкий», «гусляр», «хоругвь» и многие другие, вошедшие в широкий народный оборот еще во времена Киевской Руси.

По нашему мнению, журнал «Бирюч Петроградских государственных театров» является значимым явлением русской и славянской культуры, а также истории российского театра первой четверти XX в. Многие его интересные материалы, хранящиеся в Петербургской театральной библиотеке, еще ждут своих вдумчивых исследователей.

Александр Сергеевич Поляков являлся одним из наиболее ярких представителей творческой интеллигенции Среднего Поволжья и Петрограда своего поколения.

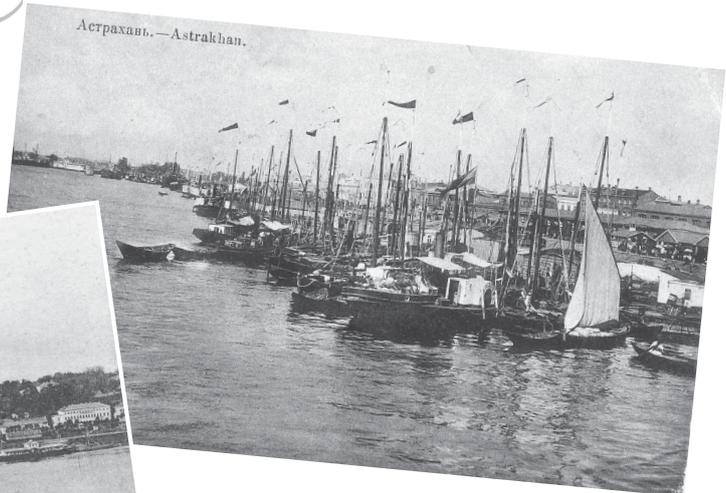
В завершение автор сердечно благодарит прекрасный коллектив государственной театральной библиотеки в Санкт-Петербурге, который помнит и чтит вклад А.С. Полякова в развитие своего уникального культурно-просветительского учреждения, за их неоценимую помощь в написании этой и других работ о жизни их «первого красного директора». В наши дни в этой библиотеке, находящейся в историческом центре величественного Петербурга, проводятся замечательные экскурсии, которые могут быть очень полезны всем интересующимся историей русской театральной культуры.

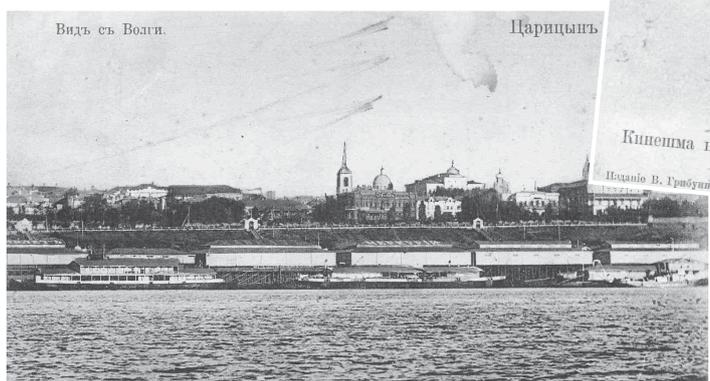
ВОЛЖСКАЯ ПРИСТАНЬ

Кострома — Видъ изъ-за рѣки Волги

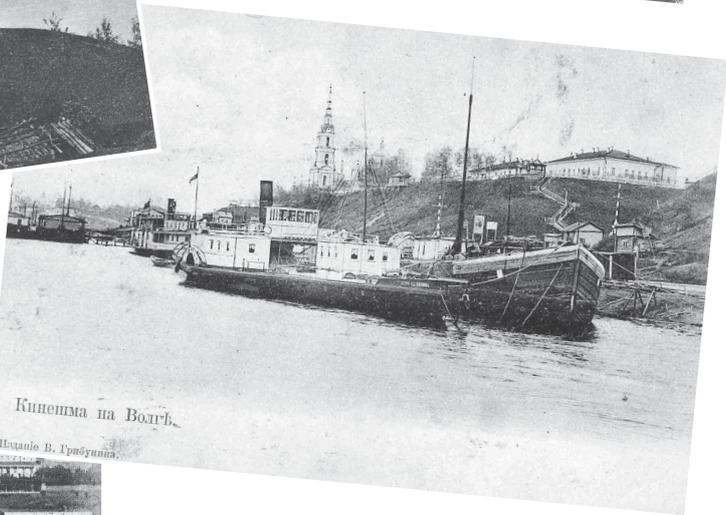

Астрахань. — Astrakhan.

Видъ съ Волги.

Царицынъ

Кинешма на Волгѣ.

Иванъ В. Грѣбушкинъ.

*Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал»*

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТАЯ

«В жизни и в работе я всегда искал и находил друзей. Многие мои ученики и друзья меня помнят, радуют своими письмами», – писал Дмитрий Иванович Архангельский в автобиографии.

И сотни писем, переданные в дар музею-мемориалу В.И. Ленина внучкой художника Натальей Андреевной Мешалкиной, подтверждают это.

Долгую и плодотворную жизнь Дмитрия Ивановича можно разделить на три периода: симбирский (1885 – 1934), обнинский (1934 – 1941), подмосковный (1941 – 1980). Несмотря на все невзгоды и потери, он считал себя счастливым человеком. На вопрос друзей, что такое счастье, отвечал: «Я не философ, не могу определить, но сам я счастлив: у меня много друзей, мой труд, мои знания, мои коллекции нужны людям, значит, живу я не напрасно».

Удивительная отзывчивость и доброта притягивали к нему людей: в подмосковные Родники приезжали бывшие ученики, начинающие и маститые художники, искусствоведы и краеведы, музейщики, земляки, поклонники его искусства. Для каждого посетителя у Дмитрия Ивановича хватало душевного тепла и внимания. «Узлом связи» назвал Родники обнинский краевед В.А. Иванов.

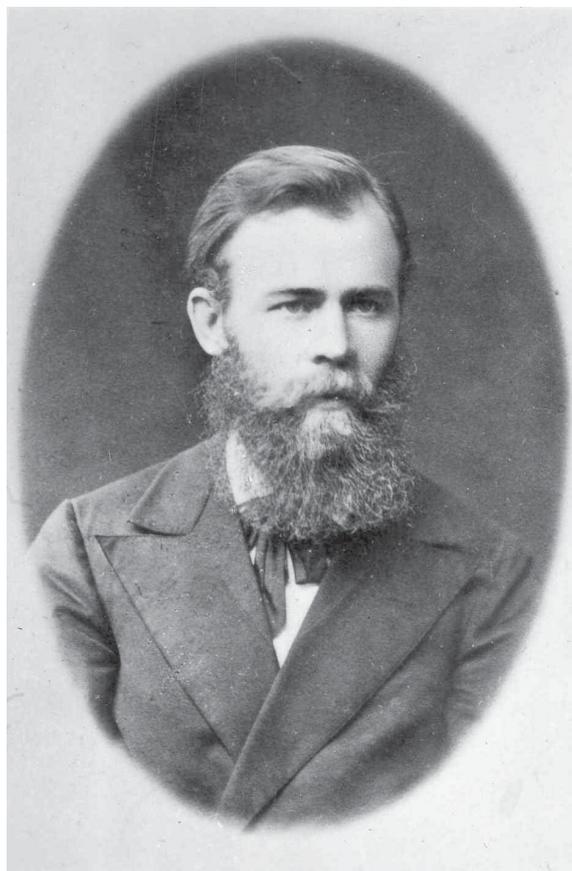
Неоднократно бывал в Родниках и уроженец Симбирска Константин Андреевич Кабанов, с которым художника связывали долгие годы дружбы и общения.

Родился Константин Андреевич 27 июня 1894 г. в Симбирске, в семье Андрея Сергеевича Кабанова – воспитанника Симбирских педагогических курсов, руководимых Ильей Николаевичем Ульяновым. После окончания курсов он работал народным учителем в селах Симбирской губернии. С первых шагов учительской работы зарекомендовал себя талантливым педагогом и воспитателем. Участвовал в работе учительских съездов, выступал на них с докладами. Его доклад «Обучение письму» И.Н. Ульянов напечатал в своем «Отчете о Симбирском учительском съезде 1874 года». Годом раньше А.С. Кабанов выступил

перед учителями с показательными уроками по наглядному обучению, которые были одобрены как участниками съезда, так и И.Н. Ульяновым. От И.Н. Ульянова учитель Кабанов перенял такие качества, как любовь к народной школе, уважение к педагогической профессии. В 1877 г. И.Н. Ульянов перевел его из сельской школы в одно из городских училищ с целью «поставить училище в число лучших», где Андрей Сергеевич работал до мая 1882 г. В том же году не без участия Ильи Николаевича Кабанов получил место учителя приготовительного класса в Симбирской мужской гимназии. Одновременно он был приглашен в семью Ульяновых в качестве домашнего учителя детей, готовя их к поступлению в гимназию. В Симбирской гимназии А.С. Кабанов проработал около пяти лет и зарекомендовал себя высокообразованным и опытным учителем. В 1883 г. у него учился в приготовительном классе Дмитрий Ульянов и окончил его с похвальным листом. Впитав в себя демократизм и гуманизм И.Н. Ульянова, А.С. Кабанов много сделал для подготовки к гимназическому курсу детей трудового населения Симбирской губернии.

В 1887 г. приготовительный класс, согласно распоряжению министерства, был закрыт. С августа 1888 г. А.С. Кабанов – учитель русского языка, чистописания и истории в ремесленном училище графа Орлова-Давыдова; позднее заведует школьным отделом в уездной земской управе.

В 1904 г. он определил в первый класс Симбирской мужской классической гимназии своего сына Константина. В ноябре 1909 г. был «допущен к преподаванию рисования» в гимназии Д.И. Архангельский. В работе с детьми, которая Дмитрию Ивановичу всегда нравилась, он был неутомим, изобретателен, его любовь и увлеченность живописью передавалась подопечным. Огромное значение Дмитрий Иванович придавал популяризации искусства, проявляя в этом незаурядную творческую инициативу.

Андрей Сергеевич Кабанов (1854 – 1917 гг.)

Во всех классах, где преподавал, он проводил беседы об изобразительном искусстве, ежегодно проводил конкурсы рисунков, отбирая лучшие рисунки для выставок. Дмитрий Иванович был одним из инициаторов обучения гимназистов старших классов истории изобразительного искусства. Занятия проходили во внеурочное время, гимназисты занимались только по желанию, но все без исключения старшеклассники, начиная с шестого и до выпускного восьмого, с большим интересом посещали их. Вводную лекцию курса «Что такое искусство?» прочитал Д.И. Архангельский. На занятиях использовались многочисленные книги и альбомы из собрания Дмитрия Ивановича и гимназической библиотеки. Чтение лекций сопровождалось демонстрацией так называемых туманных картин с помощью «волшебного фонаря» – предшественника диапроектора. Эти занятия активно посещал и гимназист Константин Кабанов, сохранивший добрую память о Д.И. Архангельском до конца своих дней.

В 1912 году, окончив полный восьмилетний курс гимназии, Константин Кабанов поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на естественный факультет.

События 1917 г. и последующая за ними Гражданская война не позволили Константину Андреевичу окончить полный университетский курс. Впоследствии он связал свою жизнь с наукой. Многие годы посвятил изучению родного края, вел палеонтологические исследования, работал в геологических партиях.

В 1944 – 1950 гг. был сотрудником Ульяновского областного краеведческого музея. Сделал ряд открытий в палеонтологии. Собранный им коллекция из мезозойских и палеогеновых отложений в Ульяновской области, насчитывающая более 18 тысяч останков ископаемых организмов, ныне хранится в Палеонтологическом институте Российской академии наук в Москве. Часть собранных им материалов находится в фондах Ульяновского краеведческого музея. Именем К.А. Кабанова назван один из видов ихтиозавра.

В конце 1950-х гг. Константин Андреевич с семьей покинул Ульяновск. В письмах к Д.И. Архангельскому из подмосковной деревни Пахры, а позднее из Москвы, хранящихся в музее-мемориале В.И. Ленина, он рассказывает о семейных делах и заботах, о своих научных трудах, об изучении собранных им коллекций, «по образцам которых будет написан не один научный труд молодыми специалистами».

Сообщает о том, что его сын Георгий пошел по стопам отца. Он палеонтолог. Вместе с сыном Константин Андреевич не раз бывал в гостях у Д.И. Архангельского в подмосковном поселке Родники.

Из писем Константина Андреевича Кабанова

16 ноября 1968 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

<...> Я не перестаю заниматься изучением своих коллекций. До сих пор нахожу в них много нового и неизвестного науке. Кроме этого, из разных мест получаю присылаемые авторами научные труды, которые, с одной стороны, позволяют не отставать от науки, а с другой – помогают приятно отрываться от однообразия нашей здешней, малосодержательной жизни.

Жду с нетерпением выхода второго дополненного издания сборника с описанием природы Ульяновской области. В разделе, касающемся геологии области, есть и мой вклад. Первое издание, которое печаталось в Казани, имело небольшой тираж, а повторное скоро будет печататься в Ульяновске и выйдет увеличенным тиражом.

Одновременно высылаю бандеролью книжку о семье Ульяновых. Там есть краткие данные о симбирянах, в том числе и об отце. С упоминанием об отце вышло уже несколько книг, которые мне высылались авторами, а эту купил для меня сын в нескольких экземплярах, когда был в командировке в Ульяновске.

Посылаю небольшую карточку отца. Мечтаю побывать в Родниках и наговориться вдосталь лично. Очень прошу также к нам в Пахру. Мы будем ужасно рады.

Пока кончаю. Желаю всего, всего самого наилучшего, и в первую очередь доброго здоровья и хорошего самочувствия.

С искренним приветом, К. Кабанов
11 мая 1972 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Вторично за короткое время выражаю глубокую благодарность за посылку нам изображений старого Ульяновска. Повторяю то же, что говорил раньше: все, что касается родных мест, какими я знал их в бытность мою в Симбирске-Ульяновске, останется до самой смерти близким и родным. Это неповторимо.

Открытки выполнены художественно и сохранили весь аромат, всю любовь и прелесть, вложенные автором...

Посылаю свое повествование о ночевке на старой Волге. Оно написано перед образованием Куйбышевского водохранилища. Картины очень лирические, а у меня этой лирики не хватило. Но ведь я же не писатель. Мне гораздо легче написать научную статью, чем передать всю тонкость душевных переживаний, возникающих при общении с родной природой.

С искренним сердечным приветом,
К. Кабанов

Константин Андреевич Кабанов во дворе своего дома в д. Пахра, Подольского района, Московской области. Осень 1962 г.

Картины старой Волги

Солнце клонится к закату. Дневной жар начинает спадать. Недалеко от берега течением медленно несет небольшую лодку с несколькими пассажирами, неторопливо выбирающими удобное место для ночлега.

Солнце еще не зашло, и дневная духота еще дает о себе знать, однако уже начинает чувствоваться приятная свежесть, излучаемая рекой. Кругом так тихо, что береговая растительность похожа на театральные декорации: не колеблется ни один листок.

Перед путниками открывается удобное для ночлега место. На пологом бичевнике, усыпанном мелкой щебенкой, нет крупных каменных глыб, об которые стало бы бить лодку паровой волной. В некотором отдалении от воды потрескавшийся от жары берег, спускающийся к воде пологими террасами, зарос местами густой, порывавшей от солнца осокой. Обрывистые стенки этого уютного уголка, стоящие полукругом, покрыты наверху высоким лесом и поэтому представляют собой надежную защиту от ветра в случае внезапного появления грозы.

Следует заблаговременно, до наступления темноты оборудовать лагерь, поэтому, высадившись и укрепив лодку, путники, не теряя времени, принимаются за дело. Необходимо также скорее взяться за сбор сухого хвороста, которого нужно много, чтобы поддерживать большой костер. Он будет гореть долго, сначала для приготовления ужина, а потом для освещения.

Сумерки спускаются быстро. Окончив все необходимое по оборудованию небольшого лагеря, нетерпеливые рыболовы на всякий случай принимают ставить на ночь закидные удочки.

Ночевка у костра на Волге – исключительно приятное времяпровождение! Собственно ночевкой это состояние назвать нельзя, так как спать в короткую летнюю ночь почти не приходится. Все хорошо знают, что отведенного для сна времени бесконечно мало и короткий сон почти не успеет освежить, а завтра, среди дня, в жару, утомление непременно возьмет свое. Однако и завтра ночью повторится эта же картина. Так велико удовольствие коротать ночь у костра!

Время уходит сначала на несложную стряпню, а затем на еду и чаепитие, сопровождаемые бесконечными задумчивыми беседами и нескончаемыми воспоминаниями о таких же приятных минутах в прошлом. Неиссякаемая фантазия рассказчиков все возрастает и подогревает общее оживление. Почему-то чаще повествуется о том, чего на самом деле и не было, но что составляет заветные мечты, живо воплощающиеся в реальные образы. И в этом нет ничего плохого, так как допускаемая выдумка никому и ничему не вредит. Некоторые рассказчики переходят на анекдоты, которые не всегда можно рассказать в домашней обстановке.

Константин Кабанов, Симбирск, 1910-е гг.

Время от времени слышатся дружные взрывы смеха, свидетельствующие об общем хорошем настроении.

Между тем небо стало совсем темным. Летние звезды светят слабо, как будто затянутые легкой дымкой. От наиболее ярких из них падает на воду отражение в виде длинной, едва заметной светлой полоски. Иногда мелькнет отблеск зарницы, на мгновение слабо осветив окружающую картину. Темнота еще более сгущается от ярко горящего костра, от которого временами разлетаются во все стороны снопы искр. В воздухе с гудением проносятся крупные ночные жуки.

Противоположный берег чуть намечается темной линией. Там кое-где видны светлые, иногда ярко вспыхивающие точки – далекие костры, вокруг которых собрались такие же беспокойные скитальцы. Более светлой остается широкая лента реки; на ней одиноко горят белые и красные огни бакенов, отмечающих фарватер.

Вид на Симбирск от станции Часовня.
Акварель Д.И. Архангельского. 1920 – 1930-е гг.

Временами слышен отдаленный, сначала чуть долетающий стук паровых колес. Затем звук нарастает, и вот мимо проходит ярко освещенный пассажирский пароход или тянется темный буксирный караван с едва различимыми контурами отдельных его судов. На их мачтах тускло светятся сигнальные огни. Слышно, как отбиваются склянки. Вскоре начинают набегать на берег бурные волны. Потом, постепенно стихая, они удаляются вслед за пароходом.

Иногда, поскрипывая, медленно движутся плоты, кажущиеся в темноте бесконечными. Отсюда слышатся звуки гармошки и задорные волжские частушки.

С пассажирских пароходов и с больших сормовских грузовых теплоходов – «самоходок» – обычно доносятся звуки радио, передающего музыку. Она очень мелодична и приятна, а может быть, это только так кажется благодаря тому, что звуки музыки

тесно переплелись с красотой ночной Волги, придающей им особую прелесть.

На берегу картина преобразается. Неравномерно вспыхивающий костер освещает попеременно то один, то другой небольшой участок. В ночной темноте представляется, что деревья с любопытством придвинулись вплотную к стоянке и свободная площадка стала совсем маленькой. Высокий черный пенек на краю берегового обрыва напоминает сейчас фигуру молчаливо стоящего человека, неожиданно явившегося из тьмы. Обнаженные корни деревьев стали гораздо толще, слившись с собственной тенью. Они повисли отвесно вниз, как якорные канаты, а под ними редкий кустарник превратился в непроходимую чашу. Ничего этого не существовало, пока было светло, а теперь все кругом оживило, таинственно переместилось и неузнаваемо изменилось.

Временами невольно охватывает какое-то смутное беспокойство от того, что ты виден со всех сторон, а от тебя самого скрыто все, что происходит подалеже за твоей спиной. Однако беспокойство мимолетно и нисколько не отражается на восприятии окружающей ночной красоты, а неожиданный резкий крик и хлопанье крыльев пролетающего козодоя или громкий гудок парохода не пугают, а напротив, дополняют общую картину ночи как неотъемлемые ее элементы, возвращающие к реальной действительности.

Но вот усталость начинает ослаблять общее оживление. Разговоры становятся вялыми, часто прерываются. Костер горит уже не так ярко. У всех растет сознание, что все-таки нужно хоть немного отдохнуть.

На востоке небо начинает чуть светлеть. Кромка противоположного берега вырисовывается яснее, а далекие костры гаснут один за другим. Сильнее чувствуется назойливость комаров, отгоняемых ранее густым дымом костра. Это заставляет искать спасение от них под пологом. Все укладываются и на время забываются сном. От углей потухшего костра отлетают последние одинокие искры, быстро угасая в ночном воздухе.

Сон истинных любителей природы – рыбаков, охотников и натуралистов, несмотря на утомление, не бывает долгим. Скоро один за другим все просыпаются: пора приниматься за дело, ради которого приехали. Небо посветлело и приняло зеленоватожелтый оттенок. Краски наступившей зари непрерывно меняются, становясь все ярче. На небосклоне видны теперь только наиболее крупные звезды.

На берегу, около воды еще сумрак, но он сохранится недолго. Оттуда тянет сыростью, насыщенной запахом мокрой древесины и нефти. Слышны всплески крупной рыбы, играющей на зорьке на середине реки или гоняющейся на каменистых перекатах за мальком. Над Волгой уже носятся чайки – вестники наступающего утра. Временами, замерев на мгновение в одной точке, они затем быстро бросаются в

воду за мелкой рыбешкой, неосторожно резвящейся близко от поверхности воды. Постоянно меняя направление полета, птицы возвращаются назад, а потом опять поворачивают и кружатся на одном месте, непрерывно издавая резкие крики. Вдоль кромки воды, посвистывая, пролетают небольшие кулички. Опустившись на илистый берег, они быстро бегут и, внезапно остановившись, покачивают хвостиками. Лес ожил от веселых птичьих голосов.

По реке, в отдалении, проплывает рыбацья лодка. Слышится равномерный скрип, чередующийся со скрипом весел о борт лодки. Иногда долетает монотонная тихая песня, как будто певец боится спугнуть предутреннюю тишину.

Появляется лодка бакенщика, направляющегося тушить сигнальные огни. Оживление на реке постепенно увеличивается.

Окончательно проснувшиеся рыбаки, слегка поживаясь от пролетевшего предзвездного ветра, с помятыми от короткого сна лицами, но с радужными надеждами на предстоящую удачу, берутся за проверку поставленных на ночь снастей. От нетерпения они забыли даже умыться после сна и не думают о завтраке. Сейчас не до него!

Попавшаяся первая добыча еще более поднимает настроение и ускоряет приготовления к возделенному утреннему лову. Сменив насадку на вновь закинутых снастях, рыбацкие постепенно начинают разматывать и закидывать удочки, хотя поплавки еще плохо видны на воде. Сна как не бывало! Ночь уступила место полному надежд утру нового дня!

1955 г., К. Кабанов.

В уникальной коллекции материалов о Волге и волжских городах, собранной Д.И. Архангельским и хранящейся в музее, листочек из школьной тетради с рассказом старого капитана-волгаря.

«Почти все города-«мужчины» расположены на правом берегу Волги. Ветхий и курьезный старичок Углич, веселый Плес, стройный Юрьеvec, бесшабашный Нижний Новгород, стерляжий Васильсурск, старый барин, помещик знатный – Симбирск, ревностный раскольник – Хвалыньск, сереброкудрий Вольск, сам волжский король – Саратов, арбузный Камышин, песчаный и пыльный Царицын – все на правом берегу Волги. А «даммы», вроде сановной Костромы, узорчатой Казани, жаркой Самары, знатной рыбной торговки Астрахани, расселились на левом берегу реки Волги. Лишь бесстыжий Ржев разлегся на обоих берегах от скуки, да Тверь переметнулась на правый берег, а за ней подались туда же березовая Кинешма и торговая Сызрань. Вот так говорили о волжских городах в старое время».

Иллюстрации и открытки из личного фонда Д.И. Архангельского, хранящегося в ОГАУК «Ленинский мемориал».

На острове Середыш. Акварель Д.И. Архангельского. 1920 – 1930-е гг.

А ПО ВОЛГЕ ВНИЗ ТЕПЛОХОД...

Библиографический обзор дореволюционных изданий из фондов Дворца книги

Как часто мы ждем отпуска, новых впечатлений и открытий, планируем дальние заморские поездки. И очень часто не замечаем, что приятные находки ждут не за семью морями, а всего лишь в шаге от нас, особенно если рядом протекает Волга и плывут теплоходы, маня веселым гудком в синие дали.

По данным географических справочников, Волга – крупнейшая река Европы, занимает шестое место по длине среди рек России и шестнадцатое место среди рек всего земного шара. Ульяновская область находится в районе 1495 км по течению реки Волги. Протяженность Волги на территории области – 150 км. Волга делит Ульяновскую область на возвышенное правобережье и низменное левобережье.

Поиск достоверной и полной информации привел меня в виртуальный читальный зал электронной библиотеки Дворца книги. Электронная библиотека Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина (<http://simlib.ru/>) предоставляет своим пользователям доступ к редким краеведческим документам. Библиотека насчитывает более двух тысяч полнотекстовых изданий и постоянно пополняется. Среди них книга М. Черняева «Когда и как стала Волга русской рекой»¹. Данное издание – не просто исторический очерк о реке, а целое исследование о том, какие племена и народы жили на берегах реки с древних времен: «<<...Человек селился подле реки, строил себе избу, разделявал землю под хлеб, под огород, убеждался, что земля родит хорошо, место удобно, выгодно, и оставался тут жить...>>».

Автор ведет повествование об истории появления городов на берегах Волги, есть описание появление города Симбирска: «<<...В 1648 году при царе Алексее Михайловиче был построен город Симбирск, и от него начали строить симбирскую черту для защиты правого берега Волги...>>».

В завершение очерка М. Черняев показывает современные изменения, происходящие в начале

XIX века: «<<...Проезжая теперь по Волге на великолепном, трёхэтажном пароходе, любясь с его палубы ее живописными берегами, ее необъятной ширью, мы видим и богатые многолюдные города, и села с фабриками и заводами, и распаханное поля, и цветущие сады. Всюду царствует оживление, всюду идет хлопотливая деятельность...>>».

Книга вызывает спорные комментарии у специалистов, но, несомненно, будет интересна читателям авторской позицией об истории происхождения русской реки и волжских городов.

Речные круизы, казалось бы, современное явление. Но и они имеют свою историю. Первые пассажирские перевозки по Волге появились в середине XIX в., их вряд ли можно назвать круизами. Но все-таки это были путешествия. В 1853 г. было открыто специальное пассажирское общество «Самолетъ»², построившее в Бельгии несколько пассажирских пароходов, которые были изготовлены из железа, а по бокам имели большие гребные колеса. На палубе были несколько боковых кают и капитанский мостик, прикрытый крышей. Путешествовать на таких пароходах можно было в I, II и III классе. Помещения для пассажиров I и II классов находились в корпусе, отдельных кают не было, в каждом классе была одна общая мужская и одна общая женская каюты, оборудованные мягкими диванами в два яруса³. Пассажиры III класса путешествовали под открытым небом.

В 1862 году общество «Самолетъ» издает книгу Н.П. Боголюбова «Волга от Твери до Астрахани»⁴. Это было первое издание о волжском водном пути. В предисловии говорится: «<<...увеличивающееся с каждым годом число путешествующих по Волге подало правлению общества «Самолетъ» издать подлежащую книгу, которая, будучи чужда всяких научных претензий, должна давать путнику по возможности ясное и верное понятие обо всех замечательных поволжских местностях...>>».

¹ Черняева, М. Когда и как стала Волга русской рекой / сост. М. Черняева. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. URI: <http://simlib.ru/handle/123456789/297>. Текст электронный

² «Самолетъ» – одно из трёх крупнейших российских дореволюционных пароходств на Волге. Основано отставным капитаном российского флота Владимиром Александровичем фон Глазенапом и титулярным советником Максимилианом Густавовичем Бехагелль фон Адлерскроном 30 октября 1853 года. Обслуживало регулярные линии по Волге от Твери до Астрахани, по Оке – от Нижнего Новгорода до Рязани, по Каме – до Перми и по Шексне. В 1862 году у «Самолёта» было 25 пассажирских пароходов, в середине 1870-х годов – 38, а к моменту национализации в 1918 году – 42. Надстройки пароходов «Самолёта» красились в розовый цвет, а на бортах рисовалось три полосы: красная-белая-красная.

³ Кириленко, Н.Н. Волжское судоходство 1-й половины XIX века: Краеведческое исследование / Н.Н. Кириленко. URL: <http://dzlib.ru/index.php?/kraevedenie/volzhskoe-sudohodstvo-1-poloviny-xix-veka.html>. Текст электронный.

⁴ Боголюбов, Н.П. Волга от Твери до Астрахани: С 10 литогр., 31 полиграфияем и карт. Волги / Боголюбов Николай Петрович; [Текст книги сост. Н.П. Боголюбовым... литогр. же и полиграфии сделаны по рис. брата авт. извест. проф. А.П. Боголюбова]. Санкт-Петербург: о-во «Самолет», 1862. – VIII, 415 с., 1 грав. тит. л.: ил. URI: <http://simlib.ru/handle/123456789/1748>.

Автор путеводителя Н.П. Боголюбов – внук известного писателя А.Н. Радищева, написавшего «Путешествие из Петербурга в Москву». В книге дана физико-географическая характеристика бассейна реки Волги, говорится о видах грузового и пассажирского речного транспорта того времени: «<<... всех пароходов, плававших по Волге в 1860 г., считалось 244, а в 1861 г. число их значительно увеличилось...>>».

Каждая глава посвящена описанию одной из губерний, через которую проходил волжский путь. В главе, посвященной Симбирской губернии, можно познакомиться с историей и достопримечательностями города: «<<...В 1780 г., на основании наказа о губерниях, в Симбирске открыто наместничество, и он назначен губернским городом с присоединением к нему 30 уездов. Настоящее свое образование Симбирская губерния получила в царствовании императора Александра I...>>».

К тексту приложены карта Волги и около 40 литографированных иллюстраций и политипажей.

В Электронной библиотеке Дворца книги имеется «**Иллюстрированный практический путеводитель по Волге**»⁵ Г.Г. Москвича, вышедшей в 1912 году. Григорий Москвич был увлеченным краеведом, много путешествовал, был одним из первых туроператоров в России, организовывая туристические поездки на теплоходах, поездах, автомобилях, верховых лошадях, пешие походы. Известны и востребованы до настоящего времени многочисленные прижизненные издания путеводителей Г. Москвича. Всего им было выпущено 14 путеводителей, которые вместе выдержали 223 издания общим тиражом 825 тысяч экземпляров. Все эти издания давно стали раритетными.

Взгляд Григория Москвича на многие города и селения очень меток и оригинален: «<<...Город расположен на правом берегу Волги, высоко взобравшись на крутой берег её, и виден с парохода верст за 25... <<...>> ...Местоположением города служит довольно высокая гора (около 70 саж.), отделяющая Волгу от Свягии... <<...>> ...Ширь и простор царят здесь, широкие улицы, обширные площади, бульвары и сады представляют много удобств и красоты, говоря в то же время о том, что строители не особенно дорожили местом или были очень богаты. Эта часть города, издавна называемая «дворянской», и создала городу славу дворянского, помещичьего гнезда, которую по традиции он сохраняет и поныне... <<...>> ...Почти единственную достопримечательность Симбирска, не считая храмов, составляет памятник уроженцу Симбирской губ., знаменитому русскому историку Николаю Михайловичу Карамзину...>>»

«<<...Другая достопримечательность Симбирска также связана с именем знаменитого историка – это Карамзинская публичная библиотека... <<...>>»

«...Симбирская мужская гимназия принадлежит к числу старейших в России. Она основана в 1809 г. и в числе своих питомцев насчитывает немало славных имен...>>».

«Иллюстрированный практический путеводитель по Волге» Г.Г. Москвича ценен своими приложениями: алфавита, десяти карт, шести планов, расписания рейсов волжских пароходов и тарифов.

Волжскому водному пути посвящена увлекательная книга **В.И. Немировичи-Данченко «Великая река»**⁶. Василий Иванович Немирович-Данченко – русский писатель, путешественник и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко. В основе его книг – записи наблюдений, которые автор вёл во время своих многолетних путешествий по России. Очерки, вошедшие в издание, содержат занятные рассказы о быте российской глубинки на Волге: «<<...Впрочем, в Симбирске очень мало интересного. Памятник Карамзину, да карамзинская библиотека – и только... <<...>> ...Самый Симбирск еще несколько лет тому назад был дворянским городом, причем местная аристократия безвыездно проживала в нем благодаря отсутствию рельсовых путей...>>».

Автор с поразительной тонкостью описывает картины из жизни разных народов, проживающих на берегах Волги, их обычаи, костюмы, традиции и легенды. «<<... Про княжну русскую мордва рассказывает поэтические предания; видно, прелестный образ молодой страдальицы схоронился в самом сердце этого далеко не поэтического народа... Я слышал рассказ, что в тихие лунные ночи княжна возвращается на землю и тихо мелькает её белая, грациозная тень вокруг часовни, среди лесных великанов темной дебри... <<...>> ...Во время оно, на самом устье этой реки рос высокий дуб, под корнем которого таилась дверь в чудное подземелье, где жило двенадцать сестер удалых, выходивших на крутые яры поволжские воевать татарву неверную...>>».

Книга **Е.А. Салиаса «Волга: путевой очерк»** из путевых заметок графа Евгения Андреевича Салиас-де-Турнемир – писателя, автора многих исторических романов и повестей, знакомого многим читателям по роману «Француз». Очерк «Волга» написан в 1871 году, когда имя Салиаса еще не было известно читающей публике. В этом издании ощущается талант, способность остро воспринимать увиденное, размышлять о судьбах России.

«<<...Волга – это есть именно, как удачно окрестил ее народ, – раздолье, и чем дальше, то более широкое раздолье, а на нем бесценно царят три краски: ясная синева небес и мутная синева реки, темная зелень правого, постоянно возвышенного берега и левого неизменно-пологого, и, наконец, яркая желтизна, даже белизна песчаных отмелей, кос и островков, которые врезаются в синие воды

⁵ Москвич, Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге: с прилож. десяти карт, восьми план., 42 ил. расписания рейсов и тарифы волжск. пароходов и проч. / сост. Г.Г. Москвич. 10-е изд. СПб.: Редакция «Путеводителей», [1912]. XIII, 290 с.: ил., карт. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/2669>. Текст электронный.

⁶ Немирович-Данченко, В.И. Великая река: картины из жизни и природы на Волге / В.И. Немирович-Данченко. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1902. 158 с. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/971>.

Салиас, Е.А. Волга: путевой очерк / Е.А. Салиас. М.: Рус. печатня: Изд. А.А. Петровича, 1909. 255 с. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/948>

блестящими, иногда ослепительно белыми язычками... <<...>> ...С верхней террасы вид великолепный. Город, то есть собор в два-три здания, за которыми не видать ничего остального, остаются позади, а под глазами крутой спуск горы, несколько разбросанных по скату хижин, тоже беленькая церковь Петра и Павла и, наконец, широкий розлив Волги и далекий противоположный берег, едва приметный в ночной мгле... <<...>> ...Симбирск весь как на ладони, рассыпался по скату горы и более двух часов пути все еще виден вдалеке, сначала ярко освещенный заходящим солнцем и затем в лиловом тумане сумерек...>>.

У Е. Салиса свой, абсолютно уникальный взгляд на памятник Карамзину в Симбирске: <<...Памятник поставлен Русской Истории, а не русскому историку. Тут есть, однако, боязнь, чересчур возвысить человека, простого смертного... Памятник прославляет труд, а не трудившегося, – творение, а не творца...>>.

Виртуальное знакомство с дореволюционными путеводителями по Волжскому пути позволило приоткрыть много интересных фактов, узнать, какими были волжские круизы в дореволюционной России, какие города с их достопримечательностями ждали путешественников.

Список использованных источников:

1. Боголюбов, Н.П. Волга от Твери до Астрахани: С 10 литогр., 31 политипажем и карт. Волги / Боголюбов Николай Петрович; [Текст книги сост. Н.П. Боголюбовым., литогр. же и политипажи сделаны по рис. брата авт. извест. проф. А.П. Боголюбова]. – Санкт-Петербург: о-во «Самолет», 1862. – VIII, 415 с., 1 грав. тит. л.: ил. URI: <http://simlib.ru/handle/123456789/1748>. Текст электронный.
2. Москвич, Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге: с прилож. десяти карт, восьми план, 42 ил. расписания рейсов и тарифы волжск. пароходов и проч. / сост. Г.Г. Москвич. 10-е изд. СПб.: Редакция «Путеводителей», [1912]. XIII, 290 с.: ил., карт. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/2669>. Текст электронный.
3. Немирович-Данченко, В.И. Великая река: картины из жизни и природы на Волге / В.И. Немирович-Данченко. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1902. – 158 с. URI: <http://simlib.ru/handle/123456789/971>. Текст электронный.
4. Салиас, Е.А. Волга: путевой очерк / Е. А. Салиас. М.: Рус. печатня: Изд. А.А. Петровича, 1909. 255 с. URI: <http://simlib.ru/handle/123456789/948>. Текст электронный.
5. Черняева, М. Когда и как стала Волга русской рекой / сост. М. Черняева. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. URI: <http://simlib.ru/handle/123456789/297>. Текст электронный.

РЕКА
ВОСПОМИНАНИЙ

ОСОБЫЙ СЛОГ «ЗОЛОТОЙ ОСЕНИ»

В Ульяновске издана необычная книга – поэтический альманах «Золотая осень». В нём впервые в нашем регионе собраны стихи пенсионеров, живущих сегодня в сёлах, деревнях, посёлках и городах Ульяновской области. Они активно участвуют в деятельности Ульяновского отделения Союза пенсионеров России, радуя поэтическим творчеством своих земляков. Основные темы публикуемых стихотворений – осень природы как время года и осень жизни, как возраст мудрости. И не случайно эпиграфом к книге стали известные строки Эльдара Рязанова: «Осень жизни, как и осень года, / Надо, не скорбя, благословить...».

Во вступительном слове председатель регионального отделения Союза пенсионеров России Александр Чернышев отметил, что ульяновские пенсионеры – талантливые люди, они «особым слогом восхищаются природой родного края, с высоты своего возраста мудро и проникновенно говорят об истинных человеческих ценностях – любви, семье, дружбе, Родине, исторической памяти». А открывают книгу текст и ноты гимна ульяновского отделения Союза пенсионеров России, который написали поэт Николай Марянин и композитор Сергей Лямин.

Представители старшего поколения нашего края уже в течение десяти лет принимают активное участие в фестивалях художественного и прикладного творчества «Золотая осень», организуемых ульяновским отделением Союза пенсионеров России. Там и родилась идея издания поэтического альманаха с тем же названием. Для финансирования книги был использован грант президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленный Фондом президентских грантов. Отбирали стихи и редактировали сборник Татьяна Сергеева и Николай Марянин.

Абсолютное большинство из 52 авторов альманаха – это самодеятельные поэты, считающие сочинение стихов своим любимым увлечением, и лишь трое из них являются членами Союза писателей России. Фамилии их расположены в сборнике в алфавитном порядке. На прошедших в течение осени городских и районных фестивалях «Золотая осень» книга была торжественно вручена её авторам. Предлагаем читателям журнала «Симбирскъ» подборку стихотворений из альманаха «Золотая осень».

Вадим ГУЖЕВ (Ульяновск)

Родился 11 августа 1951 года в посёлке Мстёра Владимирской области. Окончил Ульяновский политехнический институт. Работал на кожевенно-обувном комбинате, начальником котельного цеха на ТЭЦ-3. Почётный работник топливно-энергетического комплекса России. Автор сборников стихов «Мелькают дни» (2005), «Тепло всех нас» (2009), «Всё не просто этим летом» (2011), «Осень листопадная» (2014).

ПИШЕТ БАБУШКА СТИХИ

У бабушки нелёгкая судьбина – война, невзгоды, ветхое жильё.
Век доживать – без дочери и сына.
Господь прибрал их раньше, чем её.

Она состарилась, тиха и бессловесна.
Из прошлого – две грамоты за труд.
Её то «Пушкиной» теперь, то «Поэтессой»,
а то и «Ненормальной» зовут...

Дымит «голландка» мокрыми дровами.
Горит торшер. Уткнулся в ноги кот.
А бабушка корпееет над стихами –
она лишь только этим и живёт.

Не зная рифм, не ведая размера,
слагает в стих раздумья и мечты,
тревоги, радости, былые годы, веру,
любовь и свет душевной чистоты!..

Ложится наземь белая пороша.
Снежинки слов кружатся над листом...
И пахнут строчки светлым и хорошим –
надеждой, всепрощением, добром!..

БАБА С ДЕДОМ И ВЕСНА

С облаков глядит Всевышний.
Ручейками день умыт.
В доме их с утра чуть слышно
время в ходиках скрипит.

Отсвистели в поле вьюги.
Половодья ждёт река.
В выходной слепили внуки
под окном снеговика.

Поиграли, посмеялись,
снова в город подались.
Март синей окрасил дали,
рыхлый снег и неба высь.

С крыш срываются капли.
На берёзах крик грачей.
Дело к Пасхе...
Три недели
до гостей и куличей.

На столе баранки к чаю.
Солнцем залит половик.
Под теплом весенним тает
за окошком снеговик.

Дом с небес наполнен светом.
Время тонет в тишине...
Долго-долго бабе с дедом
жить охота по весне!..

Светлана ГУЖЕВА (Старомайнский район)

Родилась 6 апреля 1939 года в городе Торжке. Окончила медицинский институт, более 30 лет работала врачом. Живёт в посёлке Старая Майна. Автор поэтических сборников «Тропинки памяти» (2008), «Избранное» (2008). Член ульяновского отделения Российского союза профессиональных литераторов (2008). Призёр Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» с очерком «Этих дней не смолкнет слава».

ДВЕ ПЛАНЕТЫ

Я – человек с планеты Старость,
где тусклый день сменяет ночь,
где в чувствах зимнюю усталость
без допинга не превозмочь.

Мой допинг – внук с планеты Детство
(там радостно и сладко жить) –
моё бесценное наследство,
протянутая в вечность нить.

Мы – две планеты в мире тесном,
но разный выдан нам удел:
планете Детство – неизвестность,
планете Старость – память дел.

И эта память беспощадна,
как беспощаден ход часов.
Она миг счастья ищет жадно,
час горя прячет на засов.

Но своевольная, глухая
ночь тянет из-под хлама то,
что вспоминать, себя пытая,
себя казня, рискнёт ли кто?

Не преступил, но оступился,
не предал, но не уберёг...
На плечи тяжкий снег ложился,
пух тополя долбил висок.

Но время мощною метлою
сгребло седые облака.
И стало небо голубое,
и стихла бурная река.

Плывёт в неведеньи счастливом
планета Детство в синь небес.
Плывёт, но только бы не мимо,
не без меня, не без... не без!

Пересекаются орбиты.
Из Детства слышен звонкий смех.
И всё тяжёлое забыто:
планета Старость любит всех.

Планета Детство в мяч играет,
дома рисует, гаражи.
Планета Старость охраняет
её святые рубежи.

ЗАРИСОВКА НАСТРОЕНИЯ

Мне семьдесят. И каждый день
бесценен, как подарок.
Подарок – мокрая сирень,
луны скупой огарок.

Когда она в полночный час
ночного восхожденья
с меня не сводит жёлтых глаз
и ждёт стихосложенья.

Подарок – вешний скрип скворца,
след сапога на пашне
и час благодарить Творца,
что прожит день вчерашний.

Константин ЕЛАНЦЕВ

(Базарносызганский район)

Родился 13 января 1960 года в Базарном Сызгане. Окончил Иркутский геолого-разведочный техникум (1979). Жил в Бурятии и Иркутске, работал оператором на сейсмической станции, строителем, водителем. Публиковался в сборниках и журналах «Атланты», «Российская литература», «Автограф», «Чувства без границ» и др. Член Международного союза писателей «Новый Современник».

ОСЕННИЙ МОТИВ

Незаметной прохладой,
играя верхушками сосен,
Ветер прямо в лицо нам
пахнёт чередой перемен.
И спешит по делам
запоздавшая девушка-осень,
Но, даря красоту, ничего не имеет взамен.

И осенней печалью
мы маски на лица наносим,
Понимая, что лето осталось уже позади.
По владеньям своим
отправляется женщина-осень,
За собой оставляя идущие следом дожди.

Первым снегом на небе
закроет последнюю просинь,
Поджидая устало спешащие к нам холода,
Свой наденет платок
поседевшая бабушка-осень
И в зиме растворится,
чтоб снова вернуться сюда.

ТЁПЛЫЙ ДОМ

В окна смотрит запоздалый вечер,
Звёздный свет колышется во мгле.
И назло судьбе не гаснут свечи
В самом тёплом доме на земле.

Этот дом, наверно, лучший самый.
В нём биенье дорогих сердец.
Там на кухне суетится мама,
Подшивает валенки отец.

Там в часах давно живёт кукушка,
Ароматом в печке дышат щи.
И берёзка рядом на опушке
От мороза по ночам трещит...

Виктор ИСАЕВ (Ульяновск)

Родился 31 января 1946 года. По профессии эколог. Работал инженером треста «Спецстрой» Главульяновскстроя, ведущим инженером филиала Центра лабораторного анализа и технических измерений. Член клуба «Литературная гостиная» университета активного долголетия «50 плюс...». Активный член Союза пенсионеров России.

* * *

Что значит жизнь?
Что значит просто жить?
И что на свете нам всего дороже?
Я вам скажу: землёю дорожить
И слышать в ней священный голос Божий.

Что значит жизнь?
Что значит просто жить?
И что на свете нам всего дороже?
Я вам отвечу: матерей любить,
Земля и мать – ведь так они похожи.

Что значит жизнь?
Что значит просто жить?
Какой величиной её измерить?
Я вам скажу: всю жизнь в любовь вместить,
Ведь это гимн души, в него и верить!

* * *

Паутинка в небе, ах, какое чудо!
Серебрится воздух в свежести зари.
И ласкает ветер огненные клёны,
И грустит рябина тихо у реки.

Паутинка в небе, ах, какое чудо!
Словно песнь девичья по небу летит.
Журавлиным криком отзовется лето,
И тревожной болью сердце защемит.

Паутинка в небе, ах, какое чудо!
Водит хороводы жёлтый листопад.
Я смотрю на солнце – золотое блюдо,
И ресницы чутко на лице дрожат.

Вижу деда с орденами,
Он приник плечом ко мне,
И бессмертный вальс над нами
Рвётся к солнцу в вышине.

Снова май и ностальгия,
В сердце – светлая тоска:
На таких дедах Россия
И стоит уже века!

ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!

*(Гимн ульяновского отделения
Союза пенсионеров России)*

Мы – прошлого творцы, но снова рвёмся в бой,
И в каждом сердце есть ещё отвага,
В копилке добрых дел всегда у нас с собой
Забота, милосердие и благо...
Да, ветераны мы, но на душе – весна,
Когда общенье нам снимает стрессы:
Законные права мы защитим сполна,
Оберегая наши интересы!

ПРИПЕВ:

За нами – честный труд и лет ушедших груз,
Мы вместе – достояние России,
И как сказал поэт, прекрасен наш союз,
Где молодость в себе мы воскресили, -
Союз пенсионеров России!

Мы призваны дарить сердечное тепло,
Любовь, надежду, веру и участие,
Детей и всю страну подняли на крыло,
И в этом наше истинное счастье...
Лелея внуков, мы от них не отстаём,
А спорт и песни – это наша доблесть...
По миру колесим, компьютер познаём
И славим вновь Ульяновскую область!

Вячеслав МЕДВЕДЕВ (Кузоватовский район)

*Родился 10 июля 1953 года в посёлке Кузоватово.
Окончил педагогическое училище в Тольятти. Работал преподавателем художественного отделения Кузоватовской школы искусств, художником-оформителем районной художественной мастерской. Публиковался в газете «Знамя Ильича». Автор сборника стихов «И я тут был...» (2016), где использовал свои картины и фотографии. Член Союза пенсионеров России.*

В ЗОЛОТЕ БЕРЁЗА

Сверкает в золоте берёза,
Боясь стряхнуть свою красу.
Рябина вспыхнула как роза,
Рассыпав красных бус росу.

На ярко-синем небосводе
Контраст цветов раскинул лес,
Чудес достаточно в природе,
Но осень – чудо из чудес.

Не речка – небо на равнине,
Не небо – моря синева,
Ты прикоснись к живой картине,
Скажи ей добрые слова.

Она в долгу не будет долго,
Точнее, ровно через год
Сошьёт наряд себе из шёлка
И вновь порадует народ.

Купайся в золоте, бродяга,
Топчи листву, глотай нектар,
Я знаю точно – это надо,
Ведь это чудо – Божий дар.

* * *

Мороз и стужа за окном,
Пурга лютует, завывая,
И только дышит дом теплом,
Сердца людские согревая.

В печи моей трещат дрова
И пламя радостно играет,
Светла от мыслей голова,
Душа как бабочка порхает.

Согреют спину кирпичи,
Недуг оставит нас с тобою.
Как я люблю тепло печи –
Живое, доброе, родное...

Анатолий МИНАРОВ (Ульяновск)

*Родился 26 ноября 1949 года в Хабаровском крае.
С 1975 года живёт в Ульяновске. Работал фрезеровщиком на автомобильном заводе. Стихи пишет с юности. Публиковался в журналах «Смена», «В мире книг», «Карамзинский сад», «Симбирскъ», «Мономах», в альманахе «Истоки», в сборниках «День волжской поэзии», «Ликующая муза» и др. Автор сборника стихов «Родник желаний» (2004, Ульяновск).*

СПЕШИ ОСТАВИТЬ СЛЕД

Ты прежде чем исчезнуть,
Успей оставить след:
Звездой, летящей в бездну,
Дари живущим свет...

Ты, словно лист осенний,
Живущих – озари:
В падении последнем –
Гори, гори, гори!..

ПЕРВЫЕ

Срок увяданья не настал,
Но я заметил,
Что за ночь листьев набросал
Бродяга ветер...

Они зелёные ещё:
Им жить бы надо...
Но вот собой открыли счёт
У листопада...

НА ГРАНИ

На грани осени и зимы –
Острее радости и потери
И беззащитней, ранимей мы:
Меньше любим и меньше верим...

От сквозняков закрываем двери...
Жаждём тепла, избегаем тьмы:
Мы осторожны, как птицы и звери, –
На грани осени и зимы...

Любовь РАССОШНЫХ (Ульяновск)

Родилась 2 ноября 1961 года в городе Чусовом. Окончила Пермский химико-технологический техникум (1981). Работала в Ульяновске техником на УЗТС, инженером и контролёром на УАЗе, поваром. Стихи пишет с 12 лет. Посещала в Ульяновске литературные объединения «Надежда» и «Горизонт». Публиковалась в газетах «Панорама УАЗ», «Станкостроитель», «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец».

ЦВЕТНЫЕ СНЫ

Опять в объятых непогоды
Роняет листья жёлтый сад...
А может, это наши годы
Вот так безжалостно летят.

И в мир былых и чувств, и звуков
Ведёт воспоминаний нить.
Всё меньше сил и больше внуков,
И всё острее желанье жить.

Умеем петь, любить, смеяться
И не стыдимся седины.
А по ночам ещё нам снятся
Цветные сны, цветные сны.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Летят года легко и беззаботно,
Уж век двадцатый скрылся за кормой.
Я бережно храню в альбоме фото,
Где сзади надпись «девятсот восьмой».

Там бабушке моей семь лет всего лишь,
Прабабушка ещё там молода.
И глядя, только грустный взгляд обронишь –
Да, жизнь совсем другой была тогда.

Вот прадед с аккуратной бородкой,
Прапрадед в одеянии до пят.
Их лица, что мудры, спокойны, кротки,
Так пристально из прошлого глядят.

Наверно, их сомненья не терзали,
В чём жизни смысл, и счастье – явь иль дым.
А просто каждый год детей рожали,
На службу в церковь шли по выходным.

Законы Божьи строго соблюдали,
Молились в трудный час на образа...
Глядят мне в душу из далёкой дали
Ушедших предков мудрые глаза.

Ольга СМОЛЕВА-ДОДОНОВА

(Сенгилеевский район)

Родилась 6 апреля 1957 года в селе Ахматово в Мордовии. Стихи пишет с детства, за каждой строчкой – она сама и её жизнь, её судьба. Всё написанное посвятила близким и родным людям, которые её окружают и которых она знала, а также посёлку Силикатному Сенгилеевского района, который стал для неё родным.

ЛЕДИ ОСЕНЬ

Ах, леди Осень, красивой очень
была в объятиях у сентября...
Чиста, как воздух, где неба просинь,
светла, как утренняя заря.

И грациозна, и исполнима,
и милосердна, ко всем добра,
игрива в меру, порой ранима,
в дарах осенних своих щедра!

Ах, леди Осень, ветра уносят
листву с деревьев, срывая вниз...
И плачет скрипка, и сердце просит
для Вас исполнить ноктюрн «Каприз».

Ах, леди Осень, дела отбросив,
кружится в вальсе в лесной глуши.
Подружка Осень, тебя мы просим:
«Расстаться с нами ты не спеши».

Ах, леди Осень, ах, леди Осень!
Тебе хвалебны не зря поют.
Есть много зим, много лет и вёсен,
и есть с грустинкой в душе уют...

ПОД ЗВУКИ МЕЛОДИЧНОГО БАЯНА

Под звуки мелодичного баяна
парю к истокам моих прошлых дней,
где все рассветы с запахом тумана,
где льются песни юности моей.

Спешу под эти звуки, как шальная,
в те молодые светлые года,
туда, где поле без конца, без края,
туда, где в речках талая вода.

Туда, где были радость и страданье,
и где любое дело по плечу...
Я к юности на первое свиданье
под звуки этой музыки лечу.

И с каждым вдохом сердце замирает,
и чудным взором жизнь моя встаёт.
За кадром кадр картинка оживают,
душа моя ликует и поёт.

Почувяв нежный аромат приятный,
спешу туда, где яблоневый цвет.
И мне уже не хочется обратно,
таких красивых сказок больше нет.

Я так хочу, чтоб песня не кончалась,
пускай она по свету вдаль летит!
Чтоб в каждом сердце песня оставалась,
пусть в каждом сердце музыка звучит.

Виктор СОТНИКОВ (Новомалыклинский район)

Родился 21 июня 1952 года в селе Арыкбалык Кокчетавской области Казахской ССР. Живёт в Новой Малыкле. Стихи начал писать в возрасте 42 лет. По профессии – юрист, по призванию – садовод, по вдохновению – поэт.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВНУКУ

Догорает солнца лучик
На закате в тишине.
Засыпай, мой милый внучек,
Скоро спать уже и мне.

В тишине кругами ходит
По двору наш чёрный кот.
Вновь он песнь свою заводит,
Мышкам спать он не даёт.

Спят игрушки, и мартышка
Прикорнула в тишине.
Даже плюшевый твой мишка
Улыбается во сне.

Знает он, что утро скоро,
Снова будешь с ним гулять.
А потом наступит школа,
Будут парта и тетрадь.

Пролетят молодые годы,
Станешь статен и хорош.
Придут девочки и моды,
Тогда вовсе не уснёшь.

А пока заката лучик
На кровати в тишине,
Засыпай, мой милый внучек,
Скоро спать уже и мне.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Закат румянец с солнца сбросил
На серебро твоих седин...
А это – осень. Просто осень
Тобою прожитых годин.

В них отраженье дней весенних,
Как отраженье юных дней,
И красота, и вдохновенье
Души не меркнувшей твоей.

Валентина ТАРАВАТ (Цильнинский район)

Родилась 19 августа 1946 года в Татарской АССР. С 1978 года живёт в селе Большое Нагаткино. Автор 27 книг стихов и прозы, пишет на чувашском и русском языках. Руководитель народного ансамбля «Шансь» (Вера). Член Союза писателей России и Ассоциации композиторов Чувашской Республики. Почётный гражданин Ульяновской области. Заслуженный работник культуры РФ.

ВЕЧЕР

Как щедрa, богата нынче осень!
Яблоки медовые в руках.
Мама молоко в ведре приносит.
Выпьем – вкус медовый на губах.

Пахнет мёдом чай осенний тоже.
Пахнет мёдом круглый каравай.
Помидоры до чего ж пригожи!
Подрасти хотите – налетай!

А сверчок старается за печкой,
Музыку заводит – хоть пляши!
...И плывёт, плывёт закат за речкой
В тёплом море золотистой ржи.

НАДЕЖДЫ ИСКРА

Марьин дом истощный ветер студит.
В сентябре хоть шубу надевай.
Ветер за злодейство неподсуден...
Отчий дом ветрам – Симбирский край.

Из семи один да постучится,
Норов свой покажет – будь готов.
Ищет, может быть, родные лица? –
Только Марьин всхлип на ветра зов...

Было семь детей, как у Симбирска.
Так же разлетелись кто куда...
Теплится ещё надежды искра –
Постучится может кто когда...

Татьяна ЭЙХМАН (Карсунский район)

Родилась 19 июля 1956 года в селе Поповка Майнского района. Окончила медицинский факультет Мордовского университета. Работает врачом Карсунской районной больницы. Руководитель литературного объединения «Родники» при газете «Карсунский вестник». Автор сборников стихов «Вьюга», «Взгляд», «Зелёный шум» и др. Член Союза писателей России (2005). Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова (2015).

АХ, ОСЕНЬ...

Вот осень за окном блистает желтизною.
За ворот поутру вползает холодок...
Ах, осень! От тебя я лет своих не скрою.
Ах, осень! Подожди, не подводи итог.

Весной цветут цветы, невестятся невесты,
Гостинцы деткам мы днём летним раздаём.
Вот – осень на дворе! И замирает сердце,
Раздумьем вековым вопрос: «Зачем живём?»

Читаешь ты Коран или Библию откроешь,
 К гадалке ли пойдёшь,
 или взглянешь в гороскоп,
 Одно и то же там! Слова про хлеб и совесть,
 Про труд и про семью, про ложь и про любовь.

Посеребрила прядь нам жизнь своей рукою,
 В окно слезами дождь и желтизной листок.
 Тебе за пятьдесят? Доволен ли судьбою?
 Ах, осень! Не спеши, не подводи итог.

ЖЕНЩИНЕ

Озаряясь светом материнства,
 Сохраняя в очаге огонь,
 Женщины! Как много в вас таится:
 Нежности – снежинкой на ресницы!
 Теплоты – искринкой на ладонь!

Женщина России! Ты весною
 И зимою на любовь щедра!
 Как же не гордиться нам тобою!
 Как же не желать тебе добра!

Мир тебе: в Ульяновске и в Туле,
 В городах и дальних деревнях...
 Сыновья российские заснули
 На любимых маминых руках.

Матери качают колыбели!
 Бесконечна поколений нить!
 Как признаться вам на самом деле,
 Что до смерти будем вас любить!

К дальним звёздам выйдем на рассвете!
 Не боимся грозной высоты!
 Мы российских мам родные дети,
 Дети разума и доброты!

Слово «мама» понимают люди
 На других планетах – верю я!
 Но всегда со мною в сердце будет
 Мама драгоценная моя!

Анастасия ПРОХОРОВА, хранитель фондов Музея народного творчества.

Музей народного творчества областного Центра народной культуры Ульяновской области действует на территории региона около 30 лет. В фондах музея сохранены коллекции предметов из дерева, текстиля, глины, камня, а также коллекция картин самодеятельных художников, в том числе уникальная коллекция наивной живописи.

На данный момент вход в здание музея, расположенного на территории Мемцентра, закрыт для посещения. Музей народного творчества продолжает свою деятельность на территории Дворца культуры «Губернаторский». Так как доступ к фондовым коллекциям затруднен, то нам хотелось бы рассказать о достоянии музейной коллекции на страницах литературного журнала «Симбирск».

БАРЫНЯ, ВСАДНИК, ПЕТУХ, КОЗЕЛ И ДРУГИЕ...

Курская и рязанская глиняная игрушка в фондах ульяновского музея народного творчества

Русская глиняная игрушка – древний вид народного творчества. Как и прежде, глиняные игрушки самобытны и представляют интерес для изучения и понимания русской народной культуры и ее роли в жизни общества.

Древнейшие глиняные игрушки, найденные археологами на территории России, относятся к эпохе бронзы, ко II тысячелетию до Рождества Христова. Это маленькие глиняные топоры, посуда, погре-

мушки (вероятно, это были культовые предметы). Также находили глиняную игрушку – свистульки (кони, птицы, фигурки людей) при раскопках, датированных X–XVII вв. (Москва, Рязань). Они были вылеплены из глины, обожжены, иногда украшались росписью и глазурью.

До конца XVIII века русская глиняная игрушка производилась вместе с посудой и оставалась частью гончарного ремесла. Позднее стали появляться

отдельные игрушечные центры (напр., Дымково). В XVIII–XIX вв. производство глиняной игрушки достигло невиданного расцвета.

Каждый промысел по изготовлению игрушек имеет свои традиции, секреты заготовки и обработки сырья, технологию изготовления и ярко выраженные художественные особенности. Промысел глиняной игрушки традиционно не имеет серийного производства. Каждая игрушка – авторская работа мастеров ручной лепки и росписи, существует в едином экземпляре. Образы многих игрушек повторяются (барыни-кормилицы, уточки, петухи, драконы, баранчики и др.), но по форме и росписи значительно отличаются. Свистульки, зооморфные фигурки, барыни, люди (крестьяне, солдаты, горожане) порой представляют собой целые композиции, состоящие из нескольких фигурок.

В фондах Музея народного творчества ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области» представлены коллекции народных глиняных игрушек крупных центров производства русской глиняной игрушки, таких как Дымково, Филимоново, Абашево, Карпоголь, Скопин, Кожля, Хлуднево, Александрово-Прасковинка и др.

В данной статье мы подробно рассмотрим русскую народную глиняную игрушку Курской и Рязанской областей, которая хранится в фондах Музея народного творчества. Мы считаем, что игрушкам данных областей было уделено недостаточно внимания со стороны их изучения и популяризации. Поэтому в статье мы осветим историю возникновения этих игрушечных центров, особенности местной глины и основы художественной росписи.

Несколько столетий назад в каждой из областей образовались направления гончарных школ со своими традициями и отличительными признаками – с. Кожля и с. Суджа (курская игрушка); с. Александрово-Прасковинка (рязанская игрушка).

Коллекция курской глиняной игрушки в Музее народного творчества представлена лишь кожлянским игрушечным центром.

На правом берегу реки Сейм возле Курска находится село Кожля, мастера которого прославились по всей России изготовлением глиняных игрушек.

Кожлянская игрушка изготавливалась в Курской области, Курчатовском районе. Время ее возникновения – XVIII век. Для кожлянской игрушки характерны образы барыни, всадников на конях, баранов и птичек.

В местах близ Курской губернии были залежи хорошей глины, поэтому с XVII века здесь начал развиваться гончарный промысел. Было принято, что мужчины добывали глину и занимались гончарными изделиями, а женщины изготавливали игрушки.

Чтобы добыть глину, жителям села Кожля нужно было ехать в соседнее село Дроняево. Здесь было два типа глины: красная и сизая. Из сизой жирной глины кожляне изготавливали знаменитую кожлянскую игрушку, верхний желтый слой глины снимали и находили нижний слой на глубине 20–25 сантиметров. А из красной глины дроняевцы изготавливали гончарные изделия.

При изготовлении кожлянской игрушки глину замачивали в тазу на две недели, затем замешива-

ли и раскладывали по ящикам и мешкам, где она приобретала нужную консистенцию. Глиняным заготовкам придавали форму, потом сушили и обжигали игрушки в специальном горне.

Особенностью кожлянской игрушки было то, что она не имела «налепов». Игрушка была цельной, без дополнительных деталей, прилепленных на игрушку. Таким способом соблюдалась практичность при транспортировке игрушек на ярмарки: партию игрушек укладывали в деревянные бочки и везли на продажу.

Изначально курская глина имела серовато-голубой цвет, а после обжига изделие становилось бело-бежевым. Мастера наносили роспись уже на обожженную игрушку.

Курская глиняная игрушка (с. Кожля). Фонды ульяновского Музея народного творчества. Фото А.А. Прохоровой.

Курская игрушка имела определенные характерные особенности: например, цвет: синий, желтый, зеленый, красный, малиновый. Как правило, игрушку расписывали геометрическим орнаментом (полосы, черточки, пятна, горошины, сетка, клетки). Кожлянскую глиняную игрушку расписывали анилиновыми красками, акварелью и чернилами. В краски добавляли молоко, куриный желток и сахарный сироп для яркой росписи. Чтобы получить тонкие и ровные линии, расписывали игрушки пером. У фигурок в виде людей на лице для обозначения рта, глаз и ноздрей присутствуют насечки без раскраски.

Глиняные игрушки делились на звуковые и незвуковые. Незвуковые игрушки изготавливались целиком и представляли собой небольшую фигурку (баба, горожанин, всадник, медведь и др.). Незвуковая игрушка изначально применялась в обрядовых действиях сезонных земледельческих праздников, позже – в качестве развлечения для детей и взрослых.

Цельная незвуковая глиняная игрушка представляет интерес для изучения особенностей русского костюма и ее сакрального смысла.

В Музее народного творчества кожлянская глиняная игрушка представлена скульптурой «Барыня» знаменитой кожлянкой мастерицы Ольгой Ивановны Дериглазовой (8.07.1912 – 2004).

Барыня Дериглазовой праздничная, наряжена в яркую приталенную кофту, юбку с орнаментом и в характерный для кожлянской игрушки головной убор.

Древний женский образ в глиняной игрушке изначально был связан с языческим образом Богини-Матери – покровительницы всего живого. В руках барыни находится пластический предмет. Как пра-

Курская игрушка «Барыня».
Автор: Дериглазова О.А.
Фонды Музея народного
творчества.
Фото А.А. Прохоровой.

вило, это зверюшка, птица или младенец. В данной игрушке в руках Барыни просматривается птица. Все это свидетельствует о том, что перед нами Богиня плодородия, всесильное существо. На юбке Барыни присутствует мотив небесных вод, дающих плодородие Земле. Косые линии символизируют потоки дождя, а также линии схожи с изображениями ветвей, колосьев и травы, что говорит о плодородии в широком смысле этого слова. Это орнаментальные мотивы, которые соотносятся с представлениями урожайной и защитительной магии. Еще одна важная часть – головной убор. Приплюснутый яркий головной убор, скрывающий волосы Барыни, отражает влияние городской моды и вкусов конца XIX – начала XX веков. Барыня Дериглазовой

носит собирательный образ, так как вбирает в себя и архаичные смыслы, и веяния современной моды. Игрушка выражает жизнерадостность и некоторую декоративность, утрачивая прежнюю органичность.

Произведения Ольги Дериглазовой хранятся во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства в Москве, в художественных музеях Омска, Тулы, в областном краеведческом музее и в областной картинной галерее им. А.А. Дейнеки г. Курска.

Игрушка-свистулька – это музыкальный инструмент, распространенный по всему миру и выполненный из различных материалов (дерева, глины, пластмассы, фарфора и прочих). Первые глиняные свистульки появились в VIII веке до нашей эры. В древности такие глиняные изделия использовались в религиозных культах для отпугивания нечистой силы. А с развитием культуры и утратой своего обрядового смысла, свистульки стали использоваться в качестве музыкального инструмента, а также народной игрушки. Глиняные игрушки-свистульки, как правило, лепили в виде животных и птиц, характерных для той или иной местности. Это могли быть птицы, дикие и домашние животные, а также это могли быть герои народных сказок и былин.

Курская область знаменита уникальными звуковыми игрушками – свистульками. Звуковую игрушку, в отличие от незвуковой, изготавливали из двух видов глин. Наиболее пластичная глина требовалась для изготовления самой свистульки. Поверх росписи игрушки покрывали лаком, представляющим собой сахарный сироп, смешанный с куриным яйцом. Это придавало игрушке блеск и «сладкий

свист». Традиционно свистульки делались к весеннему Егорьеву дню (23 апреля / 6 мая) для продажи на ярмарках.

Среди курских звуковых игрушек-свистулек был популярен образ Всадника. В традиционной русской глиняной игрушке этот образ имеет древнюю символику. Всадник неразрывно связан с конем. Конь всегда был и остается самым популярным образом в глиняной игрушке всех игрушечных центров. Конь играл важную роль в крестьянском хозяйстве, поскольку был связан с землей, а значит, и с силой, помогающей земле ежегодно возрождаться. Он вспахивал землю, был кормильцем семьи и мог быть посредником между мирами и свободно проходить из одного мира в другой, его связывали с погребальным культом. Во всех мифологиях на

Курская игрушка неизвестного автора «Всадник».
Фонды Музея народного
творчества.
Фото А.А. Прохоровой.

разных территориях образ коня имел особое значение, поскольку он был связан и с образом Богини-Матери, и с образом Небесного Владыки. Конь был связан с тремя мирами – Небесным, Земным и Подземным.

Между образами Коня и Всадника существует тонкая связь, проистекающая от образа Великой Богини-Матери – подательницы плодородия. В изображении коня сохраняется древняя типология, а в фигуре всадника заметна трансформация, произошедшая к середине XIX века. Отголоски древности остаются, но выражено светское начало городской культуры XIX века: игрушка начала приобретать черты, приближенные к реальности.

В фондах Музея народного творчества игрушка «Всадник» сочетает в себе и свистульку. Фигуры Коня и Всадника объединены как в пластическом и цветовом решении, так и в орнаментации.

Древнейшие изображения животных и птиц в русской глиняной игрушке дает археологический материал Москвы XVI – XVIII веков (раскопки в Замоскворечье, Заяузье, на Манежной площади)¹. По этим данным, в конце XVIII века игрушка отделилась от гончарного комплекса

Курские зооморфные фигурки-свистульки неизвестного автора.
Фонды ульяновского Музея народного
творчества. Фото А.А. Прохоровой.

¹ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XVII – XVIII вв.: Археология СССР Серия Е1, выпуск 39 / Р. Л. Розенфельдт М.: Книга по Требованию, 2013.

и стала представлять собой отдельное направление.

Глиняная игрушка – не просто изображение животного, обитавшего в местных лесах, а символ урожайности, защитительной или охотничьей магии.

В фондах Музея народного творчества коллекцию курской глиняной игрушки представляют различные образы: Барыня, Всадник, Петух, Козел и другие зооморфные свистульки, каждый из которых наполнен смыслом.

Курские игрушки «Петухи» неизвестного автора. Фонды ульяновского Музея народного творчества. Фото А.А. Прохоровой

Образ петуха в игрушке был связан с представлениями о вешей птице, птице огня. Петух связан с образом солнечного божества. Петухи и курицы любимы мастерами многих игрушечных центров. Кожлянский петушок значительно отличается от подобной игрушки других центров. Во-первых, игрушка «Петух» из фондов Музея народного творчества опирается на мундштук, который выступает в роли свистка. Традиционно в игрушках других центров, свисток несколько приподнят над туловищем и слегка отведен назад. Во-вторых, туловища петухов раскрашены по-разному, что говорит о разном сакральном смысле игрушек. Вертикальные яркие полосы на туловище петуха (фото слева) – это символ жизненного пути, дороги. Туловище соседнего петуха (фото справа) покрыто яркими пятнами, которые говорят о плодородии. В-третьих, как сказано выше, кожлянские петухи не имеют крыльев – своеобразных «налепов».

Свистульки «Козлики» были любимы авторами не меньше, чем другие животные. Изображения баранов и козлов в игрушке встречаются достаточно часто, они тоже связаны с древними прототипами. Фигурки кожлянских козлов, оленей и баранов предельно просты, геометризированы, иногда доведены до обобщенности знака: настолько четок, ясен их силуэт и пластическое решение. Роспись коз-

Курская игрушка «Козел» неизвестного автора. Фонды ульяновского Музея народного творчества. Фото А.А. Прохоровой

лов и баранов практически совпадает с росписью оленя – те же мотивы плодородия, представленные в форме горошин.

Рассмотрев особенности кожлянской игрушки Курской области, мы смогли обобщить смыслы и образы глиняной игрушки данной местности. Кожлянская глиняная игрушка выглядит архаично, несколько примитивно, так она была культовым предметом и предназначалась для обрядовых действий. Такая древняя традиция имеет ряд обоснований: региональных, культурно-исторических, стилевых.

Рассмотрим особенности глиняной игрушки Рязанской области. В Музее народного творчества эти игрушки представлены игрушечным центром с. Александрово-Прасковинка (Глинки) Сапожковского района.

В Рязанской области глины образовывались много миллионов лет. Примерно 150 миллионов лет назад, в юрский период, на этом месте еще жили динозавры. Чистые глины без примеси ценны среди мастеров гончарного дела.

В основе рязанских глин содержится особый минерал – каолинит, который отличается повышенной вязкостью и пластичностью. По мнению геологов, каолин – это результат предельного разрушения гранита в условиях влажного жаркого климата экваториальных широт за долгие миллионы лет воздействия солнца, воды и живых существ.

В глине села Александрово-Прасковинка отсутствуют примеси в виде песчинок, что ценно для гончарного дела. Археологи до сих пор находят фигурки и игрушки при раскопках древних поселений этого края, похожие на современные.

Сапожковская игрушка Рязанской области как промысел сложилась в XIX веке. В настоящее время сапожковская игрушка на грани исчезновения.

Популярными образами рязанской игрушки считаются бабы-обереги, мужики-гармонисты, мать-кормилица, свистульки «улютки», собачки, лошадки, киски, птички.

Сапожковская глиняная игрушка имеет свою сформировавшуюся традицию в оформлении и росписи. Игрушка может иметь традиционную крестьянскую поливу зеленого цвета, а может быть без поливы. Краску в таком случае наносили на обожженную игрушку без покрытия фона. В фондах Музея народного творчества хранятся сапожковские глиняные игрушки без зеленой поливы. В росписи игрушек преобладают цвета: коричнево-оранжевый, синий, зеленый.

Благодаря своей маслянистости глина при замешивании прилипала к рукам, поэтому ее месили на полу, усыпанном золой, из-за чего белая глина приобретала сероватый цвет. Местная глина не давала возможностей пластики и изящества, именно поэтому сапожковские игрушки монументальные и статичные, с нерасчлененной формой, приземистых пропорций.

Рязанские игрушки – игрушки с колокообразным телом и вытянутой головой. Бабы-обереги, Матери-кормилицы часто в руках держат близнецов или охватывают руками большую грудь, дугообразные руки всегда сомкнуты под грудью, а грудь открыта.

Рязанские игрушки «Барыни» неизвестного автора. Фонды Ульяновского Музея народного творчества. Фото А.А. Прохоровой.

Фигурки расписаны косыми полосами и цветными пятнами красного, синего, желтого, зеленого и др. тонов. В росписи Барынь заложена символика стихий – Солнца, Дождя и Земли, зеленеющей от всходов, представленная косыми и прямыми линиями.

Кроме традиционных барынь, в фондах Музея народного творчества г. Ульяновска встречаются нетипичные игрушки «Барыни», в руках которых гармошка. В традиционных же сюжетах рязанской игрушки обычно гармонь дополняла образ мужика.

Рязанская игрушка «Птица-свистулька» неизвестного автора. Фонды ульяновского Музея народного творчества. Фото А.А. Прохоровой

Помимо Баб-кормилиц, сапожковские мастера изготавливали свистульки, которые называли «улютки». Они имели условный вид домашних животных – собачек, лошадок, кошек, птичек. Звук, извлекаемый из свистульки, имитировал сигнал и носил магический характер: либо для призыва добрых духов, либо для отпугивания злых. Свистулькам отводилась роль посредника между миров богов и человеком. Изначально глиняные звучащие свистульки имели связь с защитительной магией. В магическую силу звука верили все древние племена, в том числе и финно-угорские. Резкий звук, исходящий от игрушки, должен был защитить человека от злых духов и смертельных болезней. В истории известны эпизоды ритуального опахивания человеческих поселений. На Руси в XVIII – XX веках боялись чумы, с которой активно боролись посредством «ритуального шума»: били колоушками в сковороды и печные заслонки, гревели трещотками и погремешками.

Рязанская игрушка «Птица-свистулька» неизвестного автора. Фонды ульяновского Музея народного творчества. Фото А.А. Прохоровой

Большая часть глиняных игрушек – свистульки, из которых извлекали звук. Звуковые игрушки использовались в обрядах XVI – XVII веков с целью защитить ребенка, успокоить его. Со временем магическая функция игрушек ослабла, зато усилилась музыкальная, игровая и бытовая функция. Свистульки делали везде, где было развито гончарство.

Уникальность современной народной глиняной игрушки в том, что она отражает все эволюционные изменения, но также она сохраняет архетип. Все это позволяет говорить об истоках традиции. Феномен объясняется протяженностью русских земель с севера на юг. Удаленные территории от центров и городских путей оставались земледельческими. И в них оставался послевоенный уклад. Это и сохранило традицию народной культуры.

В 30-50-е годы XX века кустарное производство считалось отсталым и государством не поддерживалось. Поддерживались лишь отдельные художественные промыслы показательного значения, поэтому многие ремесла замерли в развитии. Такими остановившимися в изменениях образцами являются глиняные игрушки села Александрово-Прасковинка (Рязанской области) и Кожля (Курской области), которые хранятся в Музее народного творчества.

Как мы могли заметить, глины Курской и Рязанской областей были без посторонних примесей, что являлось большим преимуществом в изготовлении русских глиняных игрушек. Также стоит отметить, что после обжига игрушек игрушечных центров, рассматриваемых в данной статье, их сразу расписывали, нанесение белого фона не требовалось, поскольку глины после обжига становились светло-бежевыми.

Барыня О.И. Дериглазовой несла в себе несколько смыслов: как образ покровительницы всего живого, так и образ городской дамы, облаченной в женский костюм конца XIX – начала XX веков. Барыни сапожковских мастеров в большей степени были созданы для обрядовых действий.

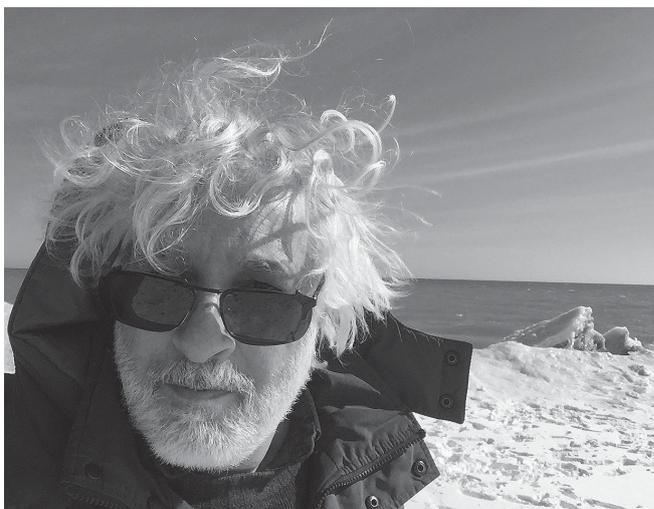
Игрушки-свистульки с. Кожля и с. Александрово-Прасковинка, являющиеся частью музейной коллекции, значительно отличаются техникой лепки и смыслами, заложенными в них.

Когда игрушка попадает в музейную коллекцию, она становится культурно-эстетическим памятником и утрачивает практическую функцию. Русская глиняная игрушка – художественный образ, в который заложен ряд общечеловеческих идей.

В настоящее время глиняные игрушки являются предметами коллекционирования частных лиц и музеев во многих странах мира. Работы народных мастеров гончарного промысла встречаются на выставках народного искусства, фестивалях народного творчества и фольклорных праздниках. В настоящее время на основе старинных традиций и технологий возрождаются некоторые забытые центры гончарных промыслов, реконструируются утраченные образы глиняных игрушек и восстанавливаются методики их изготовления. Глиняная игрушка России – это уникальное явление культуры, часть историко-культурного наследия, важная составляющая индустрии туризма, интерес к которой со временем только возрастает.

Поэт, редактор и преподаватель Стюарт Росс родился в 1959 году в Торонто, а позже переехал в канадский городок Кобург. У автора вышло около 20 книг в различных издательствах (поэзия, фикшн, нон-фикшн, эссе). Он также известен множеством литературных акций, которые проводил на улицах, в барах, художественных галереях, кафе, торговых центрах и школах. Обладатель нескольких литературных наград, в 2017 году Росс был удостоен The Canadian Jewish Literary Award за поэтический сборник *A Sparrow Came Down Resplendent*. В 2019 году Росс удостоен награды Harbourfront Festival – это ежегодная премия, присуждаемая писателю за его произведения и вклад в канадскую литературу.

Критики пишут о Стюарте Россе как об авторе, отвергающем тренды канадской поэзии, а его тексты характеризуют как сюрреалистические и абсурдистские. Марион Фаррант в обзоре *The Vancouver Sun* называет Росса «писателем с подлинной чуткостью», а Барбара Кэри (*The Toronto Star*) отмечает его особый стиль: «Стюарт Росс использует юмор как подрывное оружие». Как поясняет сам автор: «Я не сильно беспокоюсь о том, что реально, а что сюрреалистично. Если один из моих персонажей или предметов превращается во что-то другое, летит, шипит или делает невозможное, пусть будет так. Я пишу сюрреалистический, реалистический, автобиографический, абсурдистский, воображаемый и лирический текст. У некоторых текстов есть сюжеты; у других – нет. Некоторые мои стихотворения состоят из одного

слова, другие занимают двадцать страниц». У автора также есть традиция – писать стихотворение 1 января каждого года.

Серия стихотворений Росса посвящена персонажу Разовскому, а одна из книг названа в его честь (Разовский – фамилия деда писателя). С помощью текста автор исследует фамильный бэкграунд с польскими и российскими корнями предков. Также во многих стихотворениях появляется ушедшая собака писателя Лили.

Гала Узрютова

ОТЦЫ БРЕЮТСЯ

Стюарт РОСС

Перевод Галы Узрютовой

СУБТИТРЫ

Я просыпаюсь. За прошлогодним окном на дороге заикается грузовик. Его грохот рассеивается в дымке. В этом году я приготовлю на гриле сэндвич с сыром и помидорами. Так и делаю. Кладу его на тарелку. Тарелка треснула. Свет на кухне дрожит. Телефон почти звонит. Протестующие скандируют у меня за дверь. Я выхожу на крыльцо, подношу мегафон к губам. Над головой держу жареный сэндвич с сыром. Требую от протестующих тишины. Их галдеж сворачивается в крошечный шарик, катится по улице и падает с пирса, бросается в šťastливое озеро. Я собираюсь говорить, подбираю слова – «прошу» и «умоляю», «правдоподобие» и «провидение», – в то время как 2019-й достигает горизонта, швыряя в нас свою громадную тень.

В голове появляется песня. Записываю ее. Она становится суперхитом. Протестующие танцуют под нее. Весь год под нее подстраивают. Песня называется «Чехов сказал: «Если вы вводите жареный сэндвич с сыром в первом акте, вы должны застрелить кого-то им в третьем акте»». Но это всего лишь то, что я написал. Я ничего не имел в виду. Я ищу свою маленькую белую собачку в облаках, но это все равно что пытаться читать субтитры на снегу. Я рассказывал тебе, как однажды мама склонилась над моим лихорадочным лбом? Она подтянула одеяло к моей бледной шее и пробормотала: «Всю оставшуюся жизнь ты будешь пытаться вспомнить, что я прошептала тебе тогда».

1 января 2019 года

НАСЕЛ. 18 500 ЧЕЛОВЕК

зимой
ночью

восемнадцать тысяч
четыреста
девяносто девять
человек

не
на
пляже

я стою
в снегу
и вглядываюсь

в молчащее озеро
что не могу
увидеть

ОТЦЫ БРЕЮТСЯ

Рону Паджетту

Отец бреется. Теперь подробности.
Лезвие срезает щетинки
со щек, подбородка,
из-под грохочущего
носа. Оно срезает ковер
и шторы, срезает
кота Сильвестра
прямо с телеэкрана.
Мы, дети, плачем.
Лезвие срезает
коврик с нашего крыльца,
траву с газона,
деревья с нашего квартала,
о, плакучие ивы.
Отец идет в офис.
Его босс гладит
свое гладкое лицо.
Клиенты охают и ахают.
Улицы голы
без машин. Одна планета
врезается в другую.
В упаковке сэзков Cheezies
нет призов,

но в коробке с попкорном
Pink Elephant
маленькая наклейка или, может,
крошечный солдат с парашютом,
которого можно
бросить из окна
второго этажа. Смотри!
Он дрейфует вниз.
Он дрейфует на ветру.
Сойки и воробьи
смотрят с удивлением

УРОКИ 2014 ГОДА

К сведению, всё,
что вы едите, входит в вас.
Я узнал об этом в прошлом году.
В этом году, однако,
я не могу написать стихотворение. Просто
не могу этого сделать. Снаружи моя собака
скользит по льду,
я высасываю кровь из радиатора
пятьюдесятью пиявками, сейсмологи
крутятся у изножья моей кровати,
эпизоды «Отряда Ф» снимают
в моей гостиной, гуппи
делают трюки в глубине
моей чашки, плюс:

хаос – в основе
всех живых организмов. Его
назвали строительным материалом
жизни. Один хаос
делится, чтобы произвести двух дочерей
хаоса. Давай соберем ланч,
устроимся в микроавтобусе
и сядем на дороге.

В заключение:
чистые листы бумаги
строчат на мне стихи.
Лампа отбрасывает тень
в мусорную корзину.
Сияние ночи
почти бесконечно

1 января 2014

ДЕЛАЮ ШАГ В ТОЛПУ

Делаю шаг в толпу. Всё больше отличаюсь от всех остальных, всё больше похож на них.
Делаю шаг в толпу. Плечи трутся о мои плечи.
Делаю шаг в толпу. Мои таланты используют люди с талантами, которых нет у меня.
Делаю шаг в толпу. Наши слова исчезают, но наши голоса становятся одним громким голосом.
Делаю шаг в толпу. Мы создаем комитеты, но некоторые из них никогда не встречаются, потому что
проходит конкурс фламенко, или, возможно, конкурс фламинго, я не очень хорошо слышу.
Делаю шаг в толпу. Мы все вдруг смотрим в ревущие облака.
Делаю шаг в толпу. С удивлением узнаю, что все мы читаем один и тот же роман – «Страх вратаря
перед одиннадцатиметровым» Петера Хандке.
Делаю шаг в толпу. Кладу руки на карманы, чтобы отпугнуть воров.
Делаю шаг в толпу. Мы все думаем о чем-то другом.
Делаю шаг в толпу. Мы повязаны.
Делаю шаг в толпу. Мы растягиваемся и зеваем, а потом расходимся в разные стороны.
Делаю шаг в толпу. Достаяю из кармана доллары и раздаю их детям, отмечающим день рождения, – по
доллару на каждого.
Делаю шаг в толпу. Кто-то смотрит на нас через телескоп прямо с той планеты.
Делаю шаг в толпу, и толпа выходит из меня.

КАСАТЕЛЬНО РАЗОВСКОГО

Где корабль, на котором прибыл Разовский?
Какой была улица, на которой жил Разовский?
Где письма, которые получил Разовский?
Кто эти люди на фотографиях Разовского?

Почему Разовский решил покинуть Европу?
Когда Разовский узнал, что они умерли?
Какую музыку предпочитал Разовский?
Кого Разовский любил до нее?

За что Разовский мог бы маршировать?
Почему Разовский отказался говорить по-русски?
Какой была последняя ночь, что помнил Разовский?
Когда Разовский, вероятнее всего, плакал?

Почему Разовский подписал письмо?
Кто положил камень на плиту Разовского?

ТОРГОВЛЯ В КОБУРГЕ

Китайская закусочная открывается, затем закрывается.
Еще одна китайская закусочная открывается.
Китайская закусочная меняет название
и открывается снова, через две двери отсюда.
Другая китайская закусочная закрывается, затем открывается.
Неделю спустя китайская закусочная открывается.
Тремя месяцами ранее одна такая закрывается.
На улице новая китайская закусочная.
Она называется так же, как называлась,
прежде чем открылась, а затем закрылась.
Открылась китайская закусочная.

СОНЕТ ИЗВИНЕНИЙ

Я представлял то, что собирался
создать, но всё зашло слишком далеко. Слова
писали себя сами. Дом
получился больше, чем я хотел. Слишком много
еды набилось в мой рот, гораздо больше
чем я планировал съесть. Мои политические взгляды
стали более экстремальными, чем я предполагал.
Я раздавил больше муравьев, чем мог бы,
ноги зашли слишком далеко. Знаю, всему есть предел,
но вещи, что я делаю, заходят слишком далеко, и когда
гонюсь за ними – «Стоп! Вы зашли слишком далеко!» –
спотыкаюсь о шнурки. Сам завязал
их, но они зашли слишком далеко,
плохо завязаны

2015 ПОРЦИЙ

Я положил картофелину на тарелку
и разрезал ее на 2015 отдельных
порций. На это ушло почти
шесть часов. Сосед, вглядываясь
через окно, что-то мне
прокричал, но я видел
лишь, как двигался его рот. Картофелина –
не метафора. Число
2015 выбрано случайно.
Между тем – когда ты в моем
возрасте, междутемы важны,
потому что они означают: две вещи
могут произойти одновременно, решающая –
когда время уходит, –

между тем, на лужайке перед домом
 что-то появилось –
 маленькое, оранжевое, ошарашенное
 неумолимым ветром.
 Выше, белая капля неба
 содрогнулась, и птицы уплыли.
 Я послал балансирующего робота подтолкнуть
 оранжевую штуку, изучить
 ее под микроскопом, протестировать ее
 интеллект. Сначала подумал, это
 кулак пластикового солдата,
 с которым я играл в детстве,
 но оказалось,
 это одна две тысячи пятнадцатая порция картошки. Картошка
 было сладкой. Тарелка была сделана
 из олова. Сосед у
 окна – из картона.
 Я – из сожалений, чихания и
 убывающих возможностей. Лори
 скажет мне, это удручает, я
 не должен быть так жесток с собой.
 Между тем, по телевизору,
 что сделан из прямоугольника,
 черно-белая женщина
 передала скрипку ребенку в
 гетто в Польше. Ветер
 утих, и снег зигзагом
 западал с неба. Выбор был
 у каждой снежинки

1 января 2015 года

ТРИ

Я собирался написать стихотворение о трех вещах.
 Забыл, о каких.
 Ходил по кухне, ходил кругами, открывая и закрывая дверцы шкафа,
 открывая и закрывая дверцу холодильника.
 Кубик льда выпал из морозилки и скользнул по полу.
 Моя собака съела его.
 Избегаю разговора о чем-то.

ТРИ РАЗА

В полночь
 я вывожу Лили
 пописать последний раз за день. Она писает.
 Потом, немного прогулявшись,
 садится
 на траву.
 Я сажусь рядом с ней.
 Встаем, делаем
 еще несколько шагов
 к нашему крыльцу.
 Лили садится на траву.
 Я сажусь рядом с ней.
 Встаем, делаем
 еще несколько шагов.
 Лили садится на траву.
 Я сажусь рядом с ней.
 Она ложится
 и я кладу руку
 на ее мягкий, твердый
 живот, катающий
 ее вдохи
 то вверх, то вниз

Стихи Стюарта Росса в переводе ульяновского поэта Галы Узрютовой были представлены в Ульяновске в 2019 году на акциях «Литературный трамвай» и «Литературный троллейбус». Сейчас авторы, которые познакомились благодаря литературному фестивалю «Виленица», проходившему в Словении, продолжают сотрудничество.

МОНОПЬЕСУ ПРЕДСТАВИЛИ В ШТУТГАРТЕ

Театр в Штутгарте

В ноябре в штутгартском театре Atelier состоялись сценические чтения пьесы Dummerchen драматурга Галы Узрютовой из Ульяновска. Монопьесе о взаимоотношении человека и власти, контроле и самоконтроле впервые представили на немецком языке.

Афиша
Dummerchen Stuttgart

Гала Узрютова и режиссер Владислав Граковский

– Эта пьеса – очень важный для меня текст-монолог. Героиня пьесы – Марлен. В произнесенной в Берлине речи она затрагивает одну из главных трансформаций, которую мы видим сегодня, – изменение отношений власти (в самом широком смысле этого слова) и человека. Фактически мы являемся свидетелями того, как быстро эта модель сейчас меняется. Но готов ли человек к этим переменам? Достаточно ли у него власти хотя бы над своей собственной жизнью? Героиня сталкивается с этим новым явлением через трансформацию своего выверенного мира и понимает, что теперь не контролирует происходящее с ней. Она размышляет, сделала ли правильней выбор или же лучше вообще не выбирать. Ведь отказаться от выбора – такое же право человека, как выбирать, особенно если выбора нет, – рассказывает Гала Узрютова.

Юлия Мари в роли
Марлен, читка
в Штутгарте

Об авторе

Гала Узрютова – поэт, драматург, прозаик. Родилась в 1983 году в Ульяновске. Окончила Ульяновский госуниверситет, факультет культуры и искусства. Автор книги стихотворений «Обернулся, а там – лес», сборника прозы «Снег, который я пропустил», книги «Страна Саша». Тексты автора переводились на немецкий, английский, словенский, латышский, литовский, итальянский языки. Лауреат российской-итальянской литературной премии «Радуга – 2019», лауреат литературной премии Bookscriptor – 2018, лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова (2016), лауреат специальной поэтической премии «Русского Гулливера – 2014». Сайт <https://www.galauzryutova.com/>

О программе «Культура в движении»

Программа «Культура в движении: региональный фонд мобильности Гёте-Института в регионе Восточная Европа и Центральная Азия» содействует культурному обмену и поддерживает встречи деятелей современной культуры, способствуя её дальнейшему развитию в странах региона и Германии. Целью программы является создание и укрепление структур международного сотрудничества. В рамках программы выдаются стипендии на поездки. Программа ориентирована на деятелей культуры и искусства, а также учреждения культуры.

– Это был очень полезный практический опыт – поучаствовать в подготовке читки новой немецкой версии пьесы: ее перевод выполнила переводчик Татьяна Хофманн, в роли Марлен выступила актриса театра Atelier Юлия Мари, а режиссером стал художественный руководитель театра Владислав Граковский. Как показало обсуждение пьесы по итогам чтения, независимо от места проживания людей волнуют все эти трансформации, которые вызывают много вопросов, остающихся без ответа.

Штутгартский театр Atelier, в котором была прочитана пьеса, помимо постановок спектаклей занимается также организацией международного драматургического конкурса «Баденвайлер». В 2016 году пьеса *Dummerchen* стала лауреатом экспериментальной номинации конкурса и была представлена на фестивале «Баденвайлер» в Москве и Минске. В 2017 году пьеса на русском языке была опубликована в литературном журнале «Берлин. Берега». В 2018 году монопьеса стала лауреатом конкурса Европейской театральной переводческой сети Eurodram.

Театр Atelier является не только площадкой для спектаклей, но и культурным международным центром Штутгарта, где проходят сценические чтения,

кинопоказы, невербальные и танцевальные спектакли, концерты классической и современной музыки. На сцене звучит как немецкая речь, так и русская, грузинская, узбекская, украинская, сербская, французская и множество других языков.

Участие автора в подготовке чтения пьесы в Штутгарте стало возможным благодаря поддержке программы «Культура в движении: региональный мобильный фонд в регионе Восточная Европа и Центральная Азия» (реализуется Гёте-Институтом). Программа содействует культурному обмену и поддерживает встречи деятелей современной культуры. Инициатива, в рамках которой выдаются стипендии на поездки, направлена на создание и укрепление структур международного сотрудничества. Напомним, ранее: Гала Узрютова участвовала в других международных проектах: работала в писательских резиденциях Латвии и Словении, была участником германо-российского проекта «VERSSchmuggel – Поэтическая диверсия» (проект Гёте-Института Москвы и Петербурга и Берлинской литературной мастерской), чтений проекта *AuslandSPRACHEN – DIE WOSTOKREIHE* в Берлине, Литературном фестивале в Гейдельберге, германо-российском литературно-фотографическом проекте *Shots/Stories* и др.

Штутгарт. Рождественские мотивы. 2019 год. Фото Галы Узрютовой

Мария ВАТУТИНА, поэт, член Союза писателей Москвы, лауреат нескольких литературных премий. Победитель турнира «Красная площадь. Время поэтов».

В сентябре 2019 года была гостем нашего города, принимала участие в культурной программе Международного Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Выступала в библиотеках Ульяновска, Новоульяновска и Димитровграда.

ПЕРЕДВИЖЕНЬЕ ПО ВСЕЛЕННОЙ

Из новых стихов

ДЕРЕВЬЯ

Памяти короткой не приемлю.
Помню всех, кто унесен войной.
Их тела закапывали в землю,
Словно корни саженцев весной.

Но восстав из горести вчерашней,
У корней силенок взяв займы,
Поле боя стало мирной пашней,
Рощей – безымянные холмы.

Там березы в платьях подвенечных,
Там дубрава, с отсветом над ней.
Это – мы, взошедшие из вечных,
Наскоро прикопанных корней.

Там, где гимнастерка, дотлевая,
Пот и кровь по-прежнему хранит,
Мощная система корневая
Держит нас державно, как гранит.

Это прадед мой, его одёжи
И его нательный медальон.
Смерти нет. Гляди, как мы похожи,
Мы – одно и то же: я и он.

Вот сейчас, наверно, улыбнулся,
Вот сейчас дыханье затаит.
Я кричу прабабке: – Он вернулся!
На ветру как вкопанный стоит.

*

Твердишь – у победы цена высока,
 Чины не признали вину,
 Не так, не туда, не такие войска...
 Представь на мгновение издалека,
 Что мы проиграли войну.

Ну, ты же хотел: не тревожить солдат,
 И на переправе коней
 Менять, и блокадный отдать Ленинград,
 Журить холокост, но с ключами у врат
 (Под немцем-то все посытней).

Представь, навсегда отошли за Урал.
 Ушли потихоньку в тайгу.
 А с башен кремлевских все звезды содрал
 Рейхсканцлер и свастикой небо попрал.
 Представил? А я не могу.

Ты хочешь вернуться в такую страну:
 Колбаски, баварский пивас?
 Немецкие земли на Тихом Дону?
 Ты хочешь, чтоб мы проиграли войну?
 Хотя бы сейчас?

И кто бы ты был, да и был бы вообще?
 Когда штурмбаннфюрер в шуршащем плаще,
 Не переставая курить,
 Уже позаботился, прян и медов,
 Чтоб ты не возник на этапе дедов.
 О чем мне с тобой говорить?

*

И вот опять открылся наш сезон,
 Сезон тепла и легких сборов в люди.
 Лежит Москва, как голова на блюде,
 И древний нимб ее озеленен.

Вот тонкий плащ, и лодочки цок-цок,
 Вот газовый платочек невесомый.
 И молодость ожившей хромосомой,
 Как в старом древе, образует сок.

Бурлят внутри тугие жернова
 И запускают танец диковатый,
 И девочка внутри меня – изъятый,
 Но возвращенный саженец – жива.

О, подневольный стебель! Ну и пусть!
 Придет весна, я расцвету над лугом,
 Где горизонт синее полукругом
 И Бог меня читает наизусть.

*

Лене Исаевой

В полуночном баре на крыше мира,
 Ожидая мелкий заказ подолгу,
 На диванах алых сидели сироты
 И смотрели в окна на речку Волгу.

И до слез смеялись, и до слез грустили,
 Обсуждали радости и болезни,
 Потому что долго мы жили-были,
 И у всех сценарий один, хоть тресни.

А еще сошлись, что ничто не греет,
 Впечатлений новых с огнем не сыщешь.
 Болтуну везет – малолетку склеит,
 Говорит, что Муза. А мы-то нищи ж.

Над Симбирском тучи в ночи парили,
 Стекла по периметру запотели.
 Впечатляться нечему, говорили,
 Впечатляться нечем, сказать хотели.

За окном, как на море, все штормило,
 Но, надев пальто, я шагала скоро
 На балкон открытый и там курила,
 Не умея взглядом объять простора,

Эту гладь с двумя по бокам мостами,
 Это небо смыслов в дожде высоким.
 И меня – живую еще местами –
 Раздирал восторг разговора с Богом.

Возвращалась тихая из застенка,
 Словно только что отыграла сольник...
 Ты мне кофе еще покупала, Ленка,
 Отводя рукой мой последний столик.

*

Сейчас или спустя десятки лет,
 Нет, все-таки сейчас озвучу это:
 Не мни, что ты возлюблен и воспет.
 Не ты – воспет. Сотворчество воспето.

Затворничество давнее мое
 На выдумку хитро и многолико.
 Не верь мне, я – вранье, я – воронье,
 Охочая до слез твоих калика,

Растратившая к жизни интерес,
 Продавшая последнюю рубаху
 Своих счастливых дней, чем дальше в лес,
 Тем больше уподобленная праху,

Хотела не любви я. Что любовь?!
 Кровавая добыча, охлаждение...
 Поэт всегда желает только слов,
 Для этого и нужно наваждение.

Введение во слово. Личный Блок:
 Все называть своими именами,
 Красть аромат... спасибо, что помог
 Придумать эту пропасть между нами.

*

Привкус во рту от эпохи металла,
 Жесткой воды предвоенных времен.
 Не зарекайся, что все испытала:
 Хитрый смотрящий навесит вдогон.

Как ты сказала? С тобою свершилось
 Все, что возможно? Чего уж дрожать?
 Вот тебе снова проверка на вшивость,
 Возраст дожития, способ дожать.

Пламенем синим горит проблесковый
 Без звукового сигнала маяк.
 Двигается мир отвратительно новый
 Под запретительный знак.

Где-то в испарине стонет светило,
 Край простыни зажимая в горсти.
 Нам и того, что досталось, хватило,
 Господи, взгляд свой к другим обрати.

Не обращает. Чего тебе надо?
 Снова кроватью больничной скрипеть?
 Как возродиться в процессе распада?
 Нянька дебелая шепчет терпеть.

Катит каталку в конец коридора,
 Рьяно катая в приливе слюней
 Слово «терпи», словно диск валидола,
 Словно последнее слово за ней.

*

В конечном итоге все смыслы сольются в один,
 Программа «Редактор» обрежет конец и начало,
 Остатки им в чипы впаяют, а кто невредим –
 Того на паром и ногой оттолкнуть от причала.

Прощайте, поэты! попроще бы надо с людьми.
 Прощайте, художники! Что вы тут нам наваяли?
 Скрипач вдохновенно забацай сюиту с кормы,
 А всех остальных пароходом еще отослали.

Спасибо, мы тонем. Чужбине чужды, как своим.
 За что вы зацепитесь, взглядом блуждая по скалам,
 Когда от отечества скоро лишь пепел и дым...
 В духовном, конечно же, смысле.

Но – дело за малым.

*

Восемь роз отмерь, а потом уж речь
 Заводи о главном, и то с заходом,
 Про нечетный этот букет, про печь –
 Антипод рождению, точнее, родам.

Интересно, дескать, сжигают врозь
 Или всех, пришедших по зову сердца?
 Чьи останки, дескать, людей ли, роз
 Утрамбуют в урну единоверцы?

Сколько стоит к матери прикопать?
 Да возьмутся ли за работу, черти?
 Баю-баю, нужно ложиться спать,
 Просыпаться, есть, забывать о смерти.

Погружаться в жизнь, утопать в делах,
 Уходить от темы, бежать от боли.
 Всё. Забыли, кажется. Стерли в прах.
 Вот опять ты! что ты нарочно, что ли!

Разбинтуй, увидишь, кровоточит,
 Обещай молчать, подкрепись обетом.
 Если кто другой – как дела – молчит,
 Он молчит об этом.

*

Крепко-накрепко, долго-надолго
 Привяжи меня, обескровь,
 Ты Голгофа моя, Елабуга,
 Безработица, нелюбовь.

Сына взрощенное высочество:
 Самость вычурна, спесь черна.
 Ночь отечества, гибель отчества,
 Страх предродовый допоздна.

Ни плеча – утыкаться челкою:
 Вышли жаркие те срока.
 Умерщвляющее и четкое
 Ощущение тупика.

Потускнела глазная радужка,
 Обесцветился белый свет.
 Ты панелька моя, Елабужка,
 Прободной ты мой интернет.

Нас, таких, избегают исстари,
 Узаконенный ход вещей.
 Всё, приплыли. Схожу на пристани,
 Не гоните меня взашей.

Я бестелая, неумелая,
 Неудобная никому.
 Ты, Елабуга закоптелая,
 Дай-ка крепче тебя прижму.

Не дает, поднимает заживо
 И подвешивает к Земле.
 Здравствуй, Бог. Ничего не спрашивай.
 Объяснения на столе.

*

В своей небесной кузне (дзинь да дзинь,
 Да в воду пшшшш, да снова в горн нетленный),
 Творец всего – приумножает жизнь
 По разным оконечностям Вселенной.

Опять вон там над бездной встала тьма,
 И суша появляется, и воды.
 Он ставит оттиск старого клейма
 И вешает на крюк ее, под своды.

В Лефортове, в Немецкой слободе,
 В Москве, в России, что одна шестая,
 Здесь, на Земле, но, в общем-то, везде
 Живу я, взглядом в космос прорастая.

Ну, то есть я – практически микроб,
 Но только поумней и понахальней –
 Я! – часть Вселенной! – прикрываю лоб
 При взмахе молотка над наковальней.

И эти звезды, коим нет числа,
 Они – мои, до самой заваливающей,
 И то, что в этом мире я была,
 Не мог не видеть Млечный путь над чашей.

И я могу, спасибо кузнецу
 (и это знаю только я, похоже),
 Гуляя по Бульварному кольцу,
 Передвигаться по Вселенной тоже.

*

Болело горло каверзно, и слабость
Мне диктовала распорядок дня.
И мне казалось, мало дней осталось,
А те, что были, блеф и болтовня.

И я лечилась Пушкиным и Беллой,
И Бродского вдыхала тяжело,
Но снадобья с листа бумаги белой
Не помогали остудить чело.

Да что это? Уж Белла-то, уж Анна!
Когда такое было, о, душа,
Чтоб я не встала поздно или рано,
За гордыми их спинами спеша.

А в соцсетях цепочкою пожариш
Выстраивался дайджест новостной.
В беспамятстве давнишний мой товарищ
Старался выжить в клинике одной.

И даже ранний Блок не лез мне в горло,
Целебный Гумилев меня не брал,
Когда поэт, живущий непокорно,
В «замри» со смертью третий день играл.

О, сколько было праведного гнева
Еще недавно у меня к нему.
Но я лишь об одном просила небо –
Добрее быть хотя бы к одному:

– Чего ты так усердствуешь? Опомнись!
И возглас, всем смертям наперерез
Летел, другими возгласами полнясь,
И достигал отеческих небес.

*

В тюрьме, в эмиграции, в ссылке,
В российском гнилом закутке,
То с «собственной» пулей в затылке,
То с собственной пулей в виске,

С петлей на измученной шее
В разохшейся черной избе,
Во рву в пересыльной Рассее
С ежовским клеймом на судьбе,

С инсультом, инфарктом, горячкой
В московской квартире глухой,
В свердловской панельно-барачной –
Опять же с веревкой бухой,

И тот, что с дуэльной раной,
И – канувший где-то, бог весть,
В нежалкой футболочке драной
Поэт умирает не весь.

Решив рассчитаться с падежной
Системой, словно в бою,
Поэт умирает с надеждой,
Что платит за вечность свою.

Что сразу за этим уходом,
Как только все слезы прольют,
Его издадут всем народом,
А после всем миром прочтут.

Поэзия, к слову заметим,
Вот так и выходит на тракт.
А смерть по сравнению с этим
В судьбе незначительный факт.

*

Шумное восстание листвы.
Дача. Плед. Домашние баретки.
Никогда не знавшая любви
Женщина сидит на табуретке.

По веранде тянутся шелка,
Тени ярки носятся по доскам.
Это ветер, это облака,
Ледяное солнце в небе плоском.

У нее уснувшая душа,
Вся она застыла на просторе.
Чем она была нехороша,
Что ее оставили в простое?

Нет, она привыкла, ничего.
По-другому даже и не сможет.
Сам вопрос вот этот корнево
Ядом катастрофы душу гложет.

И дурней бывают, и тучней.
Что не так? Чего она не знала?
Почему так поступили с ней
Те, кого она обожествляла?

Утром тянет тиною с реки.
А она ведь чудо, в самом деле.
Ну, чего тут скажешь: дураки!
Вон какое счастье проглядели.

*

Нежности? Сколько вынесешь – вся твоя.
Каждый фазан растит в себе соловья.
Каждый тарзан, нет-нет, и подозревает,
Что нежность его для кого-то в нем созревает.

Страхи твои: проснулся, а ты – один.
Вот и мечешься в поисках до седин,
Метишь свою добычу, закапываешь в саду,
Шепчешь: настанет нежность, и я приду.

В лунные ночи ты ощутишь прилив
Нежности. А был бы ты прозорлив,
Ни одной любви своей не предал бы,
Чтобы не схлопотать разрушенья дамбы.

Жизнь моя проливается через край.
Если увидишь меня, беги-убегай.
Я научить могу одиночеству и тому,
Как убивает нежность, не нужная никому.

*

Экран пройду ладонью, словно лист,
Где ты – придуман, значит, уникален.
Любовь моя мрачна, как фаталист,
Темна, как мавр, и тяжела, как камень.

Я поняла – любовь моя мрачна.
Она – чернавка, черный человечек.
И в ней я не тобой увлечена –
Созданием тебя из слов-словечек.

А ты живешь, не ведая того,
Что создан мною, что возлюблен мною,
Что это для тебя лишь одного
Построен мир невысказанной ценою.

А впрочем, нет. Не верь мне, вся цена –
Себя не открывая, сказки баять.
Любовь мрачна, но рифма в ней точна,
И слова ни добавить, ни убавить.

*

Не видела сама, но говорили:
Над рощами архангелы трубили,
Молочных звуков стынущая жидкость,
Створаживалась, хлопьями кружилась.

Не видела сама, но говорили:
Над нашей стаей чудо сотворили,
Но так поспешно в люди нас забрили,
Что мы привычек наших не забыли.

Звериное из нас не упахтело,
Когда нам дали ласковое тело.
И мы такие бойни заварили!
Не видела сама, но говорили.

В нас убивали зверя речевую
Программу, потопом и чумою.
Учитель нас поил своею кровью.
А мы все шли и шли к Средневековью.

Не видела сама, но говорили
В двадцатом веке звери в нас царили,
Костры средневековья полыхали,
И трубы в небо пепел выдыхали.

Поди достань из дальнего отсека
В себе самом живого человека,
Из ДНК, из жидкости спинной,
Створоченной музыки выдувной.

И если зверь во мне еще таится,
Скажи, откуда взялся человек
Во мне, что этой музыкой томится
И возрождение видит через снег.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

«...что́ будет младенец сей?»
Ев. от Луки, гл. 1, стих 66

«...И родится Свет.
Но прежде – Свидетель Света...»
Ирина Ермакова

А потом она ходила и говорила:
– Я, конечно, Тебя одного и боготворила,
Но задумал Ты не только воздать по чести,
А и взять свое, что курочке надо снести.

А потом она шептала: – ...А как спасет-то?
Тут греховен каждый: и богач, и босота,
Если их грехи сложить в огромную бочку,
Разве можно такое – на сына, на дочку?

А потом она вздыхала: – Кого ношу-то?
Может, свет дневной, огонь ночной, баламута –
сорванца, каких у любого полно порошка?
Голубенка с крыльями, на кого похож-то?

А потом она молчала: – Выходит, где-то
Еще с осени понесла и Елисавета?
От Захария ли? От Святого Духа?
И зачем Всевышнему двух, а?

Лишь под утро сном забылась в сырой рубахе,
Просыпалась рано при материнском страхе,
При возвращенной тягостной благодати.
И давай рыдати.

«А и мне, пречистой, жертва моя на горе.
А и надо мне скорее идти в нагорье.
А и видела я во сне – прилетала птаха.
Бог вошел ко мне, а чиста рубаха».

Все вопросы вспомнила, все ответы знала.
Заворачивала гостинцы, как пеленала.
Торопилась на виноградники, где ответы
Подтвердит младенец в чреве Елисаветы.

Шевелила молодыми бедрами по пригоркам,
Расплескать боялась чашу со сладко-горьким,
С этим спящим в малом
зернышке головоногим,
С этим страшным и абсолютным Богом.

*

Художник – мужчина. Послания прочтя,
Рисует, но опыта мало.
Мария на левой держала дитя,
А правой рукой обнимала.

Так держат все матери, кто не левша,
И – левой – к груди прижимая,
Мария держала, молитву верша,
А правой рукой обнимая,

Поскольку проворнее эта рука –
 Защита надежней покровов.
 А левая – ложе вот здесь, у соска,
 Где сердце растаять готово.

И женщина также обнимет любя,
 Усвоив природную хватку:
 По темени правой погладит тебя,
 А левой пройдет под лопатку.

Исчезнешь, кого ей руками объять?
 Кого целовать Магдалине?
 Вот так и останется после стоять,
 С объятьем, пустым в сердцевине.

И ты, живописец, стремись оживить
 Сюжет, не сумеешь взглянуться,
 Как руки Марии тоскуют обвить
 Тяжелое тело младенца.

*

Говорила: спасибо за то, что дал, и уж если дал,
 Воплощу и отдам обратно. Возвратный дар –
 Все, что богово. Ладно бы строки эти,
 Но от Тебя порой родятся и дети.

Говорила: пошлю в семинарию,
 в храм, там уж как
 Получится, примешь – бери, на Твоих руках
 Пусть потешится, а потом отслужит.
 Вот и голубь над домом кружит.

Вот и перепись, вот и шествие на осле.
 – Я отдам, отдам, – говорила в огне, во сне.
 И звезда была очевидицей, словно плаха.
 Ожиданье расплаты страшней,
 чем сама расплата.

А потом поднимала голову и хрипела:
 – Ну, помилуй, Господи, прикипела,
 Ну, какой он там, твой всемирный рай?!
 Не отбирай.

И ждала, ждала, когда за своим придет он.
 Вот уже толпа идет к головным воротам.
 Вот уже свершилось, спущено тело – вот.
 А она вцепилась, смотрит, не отдает.

*

Говорю тебе, ангел мой, нет сильней боязни,
 Чем нагнетанье музыкой ужаса в киноленте.
 Нету казни больше, чем ожиданье казни.
 Нету смерти больше, чем ожиданье смерти.

Предположим, мораторий на гильотину,
 На костер и виселицу, на расстрел и плаху
 Не введен, а ты, такая, любишь мужчину,
 Но понимаешь, любовь уступает страху.

И – хурма во рту недоспелая, и – примета
 На дороге, и – нелады с мирозданьем.
 Ожиданье ответа страшней самого ответа.
 Человечество больно ожиданьем.

И если бы я была не я, а лучший ученый,
 Из всех видов ожидания
 я бы оставила лишь субботу,
 Беременность и черный
 квадрат Малевича,
 от которого все еще ждут чего-то.

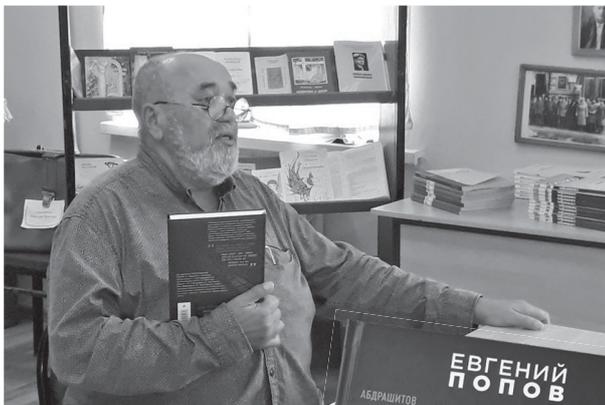

Творческая встреча с поэтом Марией Ватутиной. Ульяновск. Дворец книги. Сентябрь 2019 г.

Нуса МАТЛИНА

«МОЙ ЗНАКОМЫЙ ГЕНИЙ»

Евгений Попов в Ульяновске

Евгений Попов – блистательный мастер пера. Его проза живая, сюжеты буквально выхвачены из круговорота жизни, а герои дышат, действуют рядом с тобой.

В прошлом году писатель привозил для презентации новую книгу, состоящую из его интервью со знаменитыми людьми, которых знал, любил, с которыми дружил и дружит по сей день. От щедрой души он назвал их гениями. Только в перечне знаменитых имен не хватает самого автора, который на этот раз выступает в роли интервьюера. В книге герои-собеседники оживают.

«Они переживают, смеются, плачут, строят планы, откровенничают, делают прогнозы, дурачатся, хохмят, позируют. Они – живые, хотя кто-то из них уже покинул сей вещный мир. Я люблю их. Полюбите и вы их...», – призывает нас – читателей – в предисловии Евгений Анатольевич.

На этот раз Евгений Попов привез свою, совместно с Александром Кабаковым написанную в 2012 году книгу, посвященную писателю Василию Аксёнову. И приехал Евгений Анатольевич в Ульяновск на этот раз из Казани, с юбилейного в этом году «Аксёнов-феста» – ежегодного литературно-музыкального фестиваля, посвященного Василию Аксёнову.

Евгений Попов родом из Красноярска, выбрав в молодости профессию геолога, работал на северо-восточных просторах России. Именно этот опыт, знакомство с особенностями природы нашей страны и колоритом разнообразных, «простых», на первый взгляд, людей позволило писателю создать в творчестве целый пласт реальных и необычных персонажей. Героями его рассказов стали бичи – алтайские божьи, пьяницы, рабочие, заезжие интеллектуалы, графоманы, одним словом, те самые известные нам

В рамках сентябрьского Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья наш город посетил известный писатель, драматург, президент русского Пен-центра Евгений Анатольевич Попов. Лауреат многочисленных престижных литературных премий, в числе которых «Большая книга» (2012 год, за книгу «Аксёнов»), автор первого в России интернет-романа «Арбайт». В рамках сентябрьского форума в Ульяновске вёл семинар прозы. Евгений Попов не первый раз приезжает в наш город. Читателям городской библиотеки № 15 им. Н.Н. Благова запомнилась творческая встреча с писателем, которая состоялась в 2018 году.

«шукшинские чудики». В пору расцвета массовой, серой литературы это был настоящий вызов!

Никто не хотел браться за публикацию, хоть и очень талантливых, но острых, жизненных, нерафинированных сюжетов. Но судьба свела Попова с писателями, которые смогли оценить по достоинству его талант. «Проснулся знаменитым» Евгений Попов именно после того, как сам Василий Макарович Шукшин дал ему свое писательское благословение – рецензию, после которой рассказы вышли в печать, а после этого буквально посыпались предложения от столичных литературных журналов.

«Шукшин написал рецензию, и утром я проснулся знаменитым. А самое интересное, что в то время цензуры мои рассказы не тронули, напечатали так, как есть, а вот из рецензии Василия Шукшина вырезали фразу», – вспоминает Евгений Попов.

С неподдельной любовью и уважением говорит писатель о замечательной Белле Ахмадулиной, которая была его близким другом вплоть до самой смерти. Когда читаешь воспоминания, перед тобой предстает живая, сильная, талантливая женщина с необычной судьбой, огромной волей и талантом.

«Я не видел более красивой, умной и выдающейся женщины. Она обладала и талантом, и остроумием, и умом. В книге есть интервью и с ее вторым мужем Борисом Мессерером», – подчеркивает Евгений Попов.

Также на встрече Евгений Попов много рассказывал об эпохе «шестидесятников», делился с молодыми литераторами секретами творческого успеха на примере писателя и драматурга Василия Аксёнова.

Настоящий литературный калейдоскоп имен оживает в рассказах гостя и складывается в причудливые узоры. Сюжетные переплетения сверкают то искрометным юмором, то отражают острые социальные проблемы. И ты замороженно слушаешь и читаешь прозу Попова, после чего его герои навсегда остаются жить в твоём сердце.

Всегда ждем новых встреч с Евгением Поповым в Ульяновске!

Наталья ДРОНИНА

«НЕ ЗАПРЕЩАЙ СЕБЕ ТВОРИТЬ...»

С 15 по 21 сентября 2019 года в Ульяновской области проходил XIX Международной форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, в ходе которого были организованы творческие встречи с известными российскими писателями, поэтами, литературными критиками, редакторами крупных печатных изданий.

В рамках форума в Карсунской центральной библиотеке состоялась встреча с писателем, поэтом, главным редактором «Литературной газеты» Максимом Замшевым.

По словам губернатора Ульяновской области С.И. Морозова, одного из инициаторов проведения форума в рамках национального проекта «Культура», для Ульяновской области это культурное событие – возможность стать центром объединения молодых писателей. Участниками встречи на карсунской земле стали председатель Ульяновской областной писательской организации И.А. Таранов, главный библиотекарь сектора непрерывного образования Н.Д. Васильева, педагоги и учащиеся Карсунской средней школы, кадетской школы-интерната, медицинского и технологического техникумов, многие из которых являются любителями чтения и поэзии, членами творческих объединений. Ведущей встречи, прошедшей в формате литературной гостиной, стала член Союза писателей России Татьяна Эйхман. Во вступительном слове она познакомила гостей с литературными традициями, творческими объединениями, знаменитыми именами уроженцев карсунской земли. В подарок Максиму Адольфовичу Замшеву Татьяна Эйхман преподнесла номер журнала «Симбирск» с публикацией, посвященной Пушкинскому празднику в р.п. Языково.

Выступление главного редактора «Литературной газеты» началось с чтения стихов. Максим Замшев рассказал, что, имея профессиональное музыкальное образование, всё же сделал выбор в пользу литературы, так как считает, что быть профессионалом сразу в двух областях деятельности невозможно. Стихи он начал писать в армии, позже успешно пробовал себя в прозе, стал автором десяти поэтических книг и четырёх романов. С августа

2017 года работает главным редактором «Литературной газеты», одновременно являясь членом наблюдательного совета литературной премии «Лицей» для молодых писателей и поэтов. Писатель твёрдо уверен, что издание, которым он руководит, не должно выражать единственного мнения и поддерживать политическую позицию: «Литературная газета» – это площадка для тех, кто хочет выразить свою точку зрения». Твёрдое убеждение редактора: издание не должно оставлять читателей равнодушными. Максим Адольфович призвал участников встречи больше читать печатных книг, особенно классиков, изданных в прошлом веке, справедливо полагая, что уровень грамотности и издательского мастерства был тогда намного выше. Он выразил надежду, что сегодняшние ученики и студенты обязательно вырастут не только профессионалами в том деле, которое для себя выберут, но и творчески развитыми людьми. В завершение Максим Замшев ответил на вопросы слушателей.

На память о встрече начальник отдела администрации района И.А. Романова вручила почётному гостю Благодарность главы администрации Карсунского района В.Б. Чубарова с пожеланиями творческих успехов.

Хозяйка вечера, директор библиотечной сети Карсунского района А.А. Самарина подарила гостю последний выпуск художественно-публицистического альманаха «Гостиный двор», который издаётся центральной библиотекой. В книге собраны произведения самодельных авторов, статьи и краеведческие материалы о карсунской земле.

Завершая встречу, Илья Александрович Таранов отметил важность события, подчеркнув, что «Литературная газета» является индикатором духовной жизни России.

«Поэзия – это тонкий запах винограда по утрам, это кружево жизней, без конца переплетающихся, это звон любви, который оглушает так, что потом слышишь все то, что недоступно другим. Поэзия для России – это фирменный знак избранного сиротства, в котором принадлежность к высшему преодолевает всё низкое. Без нашей поэзии – мы не нация, а сброд. Не было бы поэзии – не было бы никаких открытий ни в науке, ни в космосе, ни в чем другом. Поэзия – это пища души, без нее душа хиреет и не способна взлететь на небо»

Максим ЗАМШЕВ

Наша справка:

Максим Адольфович Замшев родился в 1972 году в Москве. Окончил музыкальное училище имени Гнесиных и Литературный институт имени А.М. Горького. Автор десяти поэтических книг и четырех книг прозы.

С 2017 года работает главным редактором «Литературной газеты».

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Данила НОЗДРЯКОВ, журналист, поэт. Участник литературных фестивалей. Победитель международного конкурса «Верлибр». Дипломант Волошинского фестиваля (2019). Автор двух сборников рассказов.

УЛЬЯНОВСКИЕ «ЛИПКИ»

В Ульяновске с 15 по 21 сентября проходил XIX Международный форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Второе, неофициальное название, употребляющееся едва ли не чаще официального, – «Липки», по подмосковному пансионату, где раньше проходили встречи мастеров и начинающих авторов. Второй год подряд форум проходит в нашем городе. В этом году в числе почти двухсот участников удалось стать и мне.

Честно признаюсь, что к открытию форума я опоздал. Все мои «соучастники» по семинару прибыли уже в воскресенье, в первый день, я же смог к ним присоединиться только во вторник. И то немного опоздал. Зато, как Чацкий, попал прямиком с корабля на бал, только в моем случае вместо корабля был фирменный поезд Москва – Ульяновск, а вместо бала – форум.

Крымский вояж

Причину, вызвавшую задержку, можно считать уважительной, но все равно, было немного не по себе. Тем более что Ульяновск на форуме представляли только два человека: я в семинаре поэзии и Антон Лемесев как прозаик. Не считая вольнослушателей.

Уважительной причиной был Волошинский фестиваль, проходящий ежегодно в сентябре на крымском побережье Черного моря. Я стал его дипломантом в номинации «При жизни быть не книгой, а тетрадкой» за рукопись поэти-

ческой книги «Поволжская детская республика». И отправился на Таврический полуостров за призом. Кстати, еще одним дипломантом в этой номинации стал донецкий поэт Иван Волосюк, также принимавший участие в форуме молодых писателей.

Особенностью фестиваля, посвященного великому поэту Максимилиану Волошину, чья судьба неразрывно связана с Крымом, в этом году было награждение в Севастополе. Обычно оно завершает «Волошинский сентябрь» и проходит в доме-музее поэта в Коктебеле.

В состав жюри входили в том числе Леонид Юзефович, Андрей Василевский, Ирина Евса, Вадим Месяц, Андрей Коровин, Сергей Шаргунов, Олег Богаев, Михаил Коновальчук и Олег Хлебников, который, кстати, и вручал мне диплом победителя. Лауреатами XVII Международного литературного Волошинского конкурса стали Любовь Колесник из Ржева за рукопись книги «Не то слово», Богдана Кувшинова из Уфы за рассказ «Десять дней из жизни одного дома», Антон Бескоровайный из этого же города за пьесу «Федор» и некто John Vain из Москвы за киностихотворение (была и такая номинация) «Зашло». Этим модным словечком сейчас обозначается эффект того или иного произведения искусства на зрителя-слушателя-читателя.

Честно признаться, но имена лауреатов, за исключением Любови Колесник, довольно часто публикующейся в толстых журналах, мне были неизвестны. На творческом вечере, конечно, удалось послушать многих финалистов и лауреатов. Богдана Кувшинова читала отрывки из своего романа, который описывает ее учебу в Ирландии, а Антон Бескоровайный вышел из амплуа драматурга и представил ироничный рассказ про отца, любившего со всеми соревноваться. В основном, в этих соревнованиях его ждали неудачи.

То, что многие из имен победителей и дипломантов малоизвестны, – это во многом замечательно. Ведь литературные конкурсы и должны открывать новых авторов, а их наличие в числе победителей говорит о непредвзятости жюри. Главное, чтобы потом эти новые имена никуда не исчезли из литературы.

Побывать на всех мероприятиях Волошинского фестиваля, увы, не удалось. Нужно было отправляться в путь на Форум молодых писателей. Да и Крым манил путешествиями по прекрасным местам и отдыхом на море в бархатный сезон. Как тут можно удержаться?

Вот и не удержались. Своему путешествию с женой придали тематическую направленность – просто так греться под последними осенними лучами солнца не так интересно. Посетили исторические места Крымской войны – в Севастополе, Инкермане, Балаклаве и Евпатории. И даже нашли их в Симферополе, где мы жили и боев не велось. А вот в единственный на полуострове тематический музей Крымской войны попасть не удалось по причине того, что приехали в выходной день. Эх, и для чего интернет придуман, если, прежде чем куда-то ехать, люди не сверяются с ним?!

С небольшим опозданием

В Ульяновске, во Дворце книги, тем временем уже шел Форум молодых писателей. С его участниками успел встретиться губернатор Сергей Морозов и напутствовать их на выполнение важной и особой миссии, заключающейся в сохранении и развитии великого русского языка и литературы. Президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ и бессменный организатор «Липок» Сергей Филатов сообщил, что следующий, юбилейный форум, скорее всего, пройдет в столице. К слову, почти всегда он дислоцировался в подмосковном пансионате, один раз состоялся в Иркутске и два раза – в Ульяновске. Надеюсь, что и далее он будет проходить в литературном городе ЮНЕСКО, приумножая славу и популяризируя нашу область. А молодые писатели и поэты побывали в Доме-музее Ивана Гончарова, прогулялись по городу, многие спустились к Волге и наделали уйму фотографий.

Участникам форума, прежде чем на него поехать, пришлось пройти учебу в школе писательского мастерства. Эти школы проходили во всех федеральных округах. Для поволжцев она была организована в Саратове, и проводил ее один из самых уважаемых толстых журналов страны во главе с главным редактором Сергеем Чуприниным. За свою долгую историю издание было и официальным вестником советской литературы, а в конце восьмидесятых годов, когда его тиражи доходили до миллиона экземпляров, сменило свою направленность на либеральную.

Поэтическим семинаром руководили известная поэтесса, составившая собрание сочинений Бориса Рыжего, Ольга Ермолаева, возглавляющая отдел поэзии в журнале, и ведущий литературный критик Наталья Иванова, первый заместитель главного редактора «Знамени» и специалист по Борису Пастернаку, Юрию Трифонову и Фазилу Искандеру. Ольга Юрьевна, обращавшаяся к участникам семинара исключительно по имени и отчеству, рассматривала лирический мир каждого молодого автора, а Наталья Борисовна филигранно вписывала «стишки» (на семинаре находись под строжайшим запретом пафосные слова, вроде творчества и стихотворения, как и оценки на уровне «понравилось – не понравилось») в контекст русской литературы.

В Саратове мне довелось быть единственным делегатом из Ульяновска. На литературный суд я представил отрывки из своей готовящейся книги «Поволжская детская республика». Милые, наивные и душевные воспоминания из детства, своего и чужого, нашли отклик у критиков и собратьев по перу, и меня в числе четырех участников школы направили на форум в родной город.

Участники форума и его итоги

И тут случился небольшой прокол. Я вновь записался на семинар журнала «Знамя», но по собственной невнимательности и рассеянности прислал старую подборку, обсуждавшуюся на школе. Согласитесь, это малоинтересно во второй раз говорить об одном и том же. В итоге я составил новую подборку, в которую определил совсем не милые и не душевные тексты, а скорее, brutальные и экспериментальные. Большинство из них я никогда не читал на людях и не публиковал даже в соцсетях.

Со стороны может показаться, что я просчитался. В большинстве своем новую подборку сравнивали с прежней, и сравнение это было отнюдь не в пользу свежего сборника. Некоторые говорили, что она их не просто разочаровала, а разозлила даже. Другим было жалко потраченного на ее чтение своего времени и моего – на ее составление и написание. Почти все согласились, что она значительно хуже стихов из «Поволжской детской республики». Хотя раздавались голоса и в защиту, благодарившие за открытость и считавшие, что меня недопоняли.

Я же этого и хотел – острый критической дискуссии, в которой можно понять, в каком направлении нужно двигаться, что делать, а чего не делать. В конечном счете, поражение так же ценно, как и победа, если не ценнее. Поскольку уроков и понимания себя можно извлечь из проигрыша гораздо больше, чем из победы. Они диалектически заменяемы и находятся на одном уровне, являясь источником друг друга. Но все равно от непонятости остаются горькие ощущения, которые никакими логическими умопостроениями не превратить в сладкий пряник.

Тем более среди участников было много достойных и интересных людей. Самарец Владимир Попович пишет верлибры и к оформлению книг подходит как к еще одному важному способу выражения, наряду с поэзией. Выпускница Литинститута Александра Шалашова, ставшая лауреатом премии «Лицей» имени Александра Пушкина и уступившая только еще одной выпускнице Литинститута, наשמевшей Ольге Васякиной. Во время закрытия форума она порадовала еще одним талантом – великолепным исполнением романса на слова, конечно же, Пушкина.

Среди участников нашего семинара был также томич Борис Пейгин, скромно именовавший

себя «простым сибирским валенком», но на самом деле обладавший большим культурным багажом. Уроженец Пермского края Михаил Куимов, по совместительству геолог, неоднократно ездивший в Магаданскую область на золотые прииски. И много других очень достойных людей.

Интересными были и выступления известных писателей, которых с полным правом можно назвать мастерами. К сожалению, не на всех из них удалось попасть, но на которых удалось – произвели самое лучшее впечатление. Евгений Попов вспоминал эпоху оттепели и свою дружбу с Василием Аксеновым. Заместитель главного редактора журнала «Новый мир» Павел Крючков занимается составлением архива записей российских поэтов и писателей. Его выступления, одно из которых прошло на форуме, построены, как настоящие спектакли – со своей фабулой, развивающиеся по собственному драматическому сценарию. Для слушателей звучали голоса Олега Чухонцева, Генриха Сапгира, Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. Большой ажиотаж вызвала встреча с депутатом Государственной думы, писателем Сергеем Шаргуновым, а разговор выходил далеко за пределы литературы. Константин Кедров рассказывал об изобретении метафоры и читал свою поэму «Компьютер любви».

Так исторически сложилось, что завершение форума молодых писателей совпало с моим днем рождения. Правда, этот факт я никоим образом не анонсировал – нужно отделять котлеты от мух. Но тем не менее не удержался и воспринял полученные награды по итогам форума в качестве подарков к личному празднику. В числе прочих мне объявили благодарность и рекомендовали к публикации в сборнике «Молодые писатели» и получению стипендии Министерства культуры России. Что ж, прекрасные подарки!

Наша справка:

XIX Международный форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья проходил в Ульяновске с 15 по 21 сентября 2019 года при поддержке Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ Сергея Филатова, Министерства искусства и культурной политики Ульяновской области и Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина. Его участниками стали более 150 талантливых молодых людей из 47 регионов России и 11 зарубежных стран.

Программа Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья направлена на открытие новых имен в литературе и продвижение их произведений к читателю через литературные журналы и книги, консолидацию молодых авторов, создание условий для их общения. В течение недели состоялись семинарские занятия с молодыми литераторами, а также «круглые столы», мастер-классы и творческие встречи с известными российскими писателями, поэтами, литературными критиками и редакторами.

ФОРУМ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, СТРАН СНГ И ЗАРУБЕЖЬЯ

Сентябрь 2019 года. Ульяновск

Круглый стол на тему: «Новое поколение молодых писателей на пути к читателю», модератор – Бак Дмитрий Петрович, литературовед, литературный критик, к.ф.н., профессор.

Открытие XIX Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Выступление губернатора Ульяновской области С.И. Морозова.

Мастер-класс журнала «Костёр», ведущие – М.Я. Бородицкая, В.М. Воскобойников.

Мастер-класс журнала «Юность», ведущие – И.М. Михайлов, Л.Г. Яковлев.

Мастер-класс журнала «Звезда», ведущие – А.Ю. Арьев, Н.П. Крыцук. В этом семинаре принимали участие молодые ульяновские литераторы.

Открытие XIX Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья.

Творческая встреча с поэтессой Еленой Кацюбой.

Свободный микрофон для поэтов, прозаиков, бардов, песенников.

Творческая встреча с писателем, лауреатом литературной премии «Большая книга» Мариной Степновой.

Выступление писателя, переводчика Александра Ливерганта на тему: «Журнал «Иностранная литература»: литературный перевод вчера и сегодня».

Творческая встреча с писателем Евгением Поповым.

*«Новые имена в литературе».
Книги фонда представляет Евгений Декина.*

Встреча с главным редактором «Литературной газеты», поэтом Максимом Замшевым.

*Собирает голоса писателей Павел Крючков:
«Живые голоса».*

*Круглый стол на тему: «Критика и литература сегодня».
Модератор – Чупринин Сергей Иванович, литературный критик, литературовед,
публицист, главный редактор журнала «Знамя». У микрофона Андрей Тимофеев.*

Встреча с главными редакторами и представителями литературных журналов. Выступает главный редактор журнала «Москва» В.В. Артёмов.

Встреча с экономистом, первым министром экономики в правительстве Егора Гайдара Андреем Нечаевым.

Встреча с писателем, главным редактором журнала «Юность» Сергеем Шаргуновым.

Творческая встреча с Константином Кедровым, поэтом, доктором философских наук, филологом и литературным критиком.

Встреча с главными редакторами и представителями литературных журналов. Выступает главный редактор журнала «Дружба народов» С.А. Надеев.

Фотограф – Григорий Андрианов – специалист «Центра японской культуры» Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина.

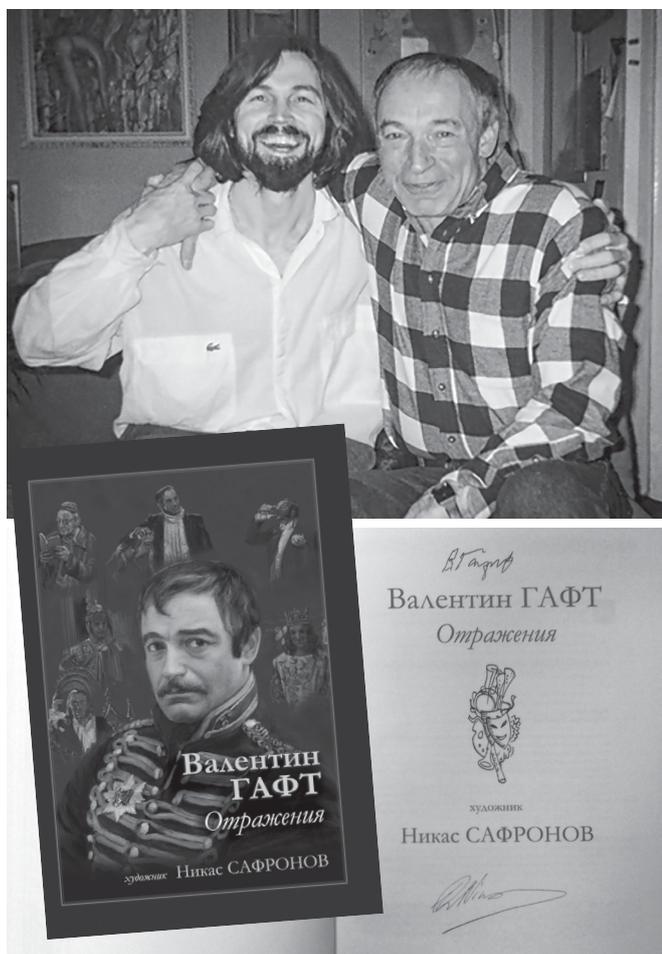
КНИЖНАЯ ПОЛКА

ОТРАЖЕНИЯ

Эта книга не задумывалась. Задумать – это проект. Помните – «В Начале было слово...»? А книга предварительно не проговаривалась, не обговаривалась, ни в целом, ни тем более в деталях и сроках. Она возникла как бы сама собой. Они дружат много лет, примерно с 90–91-го года, относительно часто общаются, что-то обсуждают, показывают друг другу работы: Гафт – поэтические, Никас – живописные. И с какого-то времени они стали обнаруживать созвучие мотивов, сюжетов, тональности своих работ.

Например, стихи «Пастернаку» и картина «Реквием» возникли в разное время, но оказались конгенитальны в полном смысле этого слова – кон – совпадение, гений – дух. То же можно сказать о стихотворении «Мизансцена» и картине «Жизнь-театр».

Если художник берет бумагу, или мольберт и кисти и думает: «Нужно отразить эпоху» или «Сейчас я отражу дух времени...», то у него ничего вообще не получится. Художник живет в конкретном времени и наблюдает то, что происходит с ним и с миром в одном и том же времени. Но благодаря своему таланту он независимо от своей воли и желания схватывает то, что пришло в это время из вечности, или то, что останется и после того, как это малое время пройдет. Великие поэты и художники именно тем и ценны, что их произведения принадлежат Большому времени. Гафт и Никас же таких великих задач не ставили, они работали. А что из этого получилось, покажет время.

(В. Гафт. Отражения. – М.: ООО ТД «Белый город», 2019. – 368 с.:ил.)

СОВПАДЕНИЕ ПО ДУХУ

Существует так называемый полушуточный парадокс (и загадка) зебры. Суть его состоит в том, что неизвестно, является ли зебра черной лошадью в белую полосу или же белой лошадью в черную полосу. Ни то ни другое пока никому доказать не удалось.

Этот парадокс приходит на ум, когда берешь в руки книгу В. Гафта «Отражения» и начинаешь ее перелистывать. С одной стороны, это художественный альбом, где собраны картины известного художника Никаса Сафронова, перемежающиеся с талантливыми поэтическими текстами артиста Валентина Гафта. С другой – это поэтический сборник известного артиста с иллюстрациями к стихам, выполненными очень талантливым художником.

Поскольку этот вопрос будет сопутствовать каждому читателю, хотелось бы поразмышлять на эту тему несколько более углубленно.

Сейчас сами авторы затрудняются точно вспомнить, в каких случаях стихи писались под впечатлением от картин, а в каких – картина была ответом художника на стихи своего друга. В ряде случаев стихи и картины рождались независимо друг от друга, но потом оказывалось, что в них прослеживается конгениальность (совпадение по духу) авторов.

Стихи, собранные в книге, и иллюстрации к ним (а это полноценные, порой весьма большого формата картины) роднит прежде всего то, что это два способа художественного и философского осмысления мира.

На первый взгляд, перед нами визуальное представление картин в стихах или же иллюстрации в их классической функции. Например, стихотворению «Шахматы» соответствует иллюстрация, на которой изображена доска с фигурами; стихотворению «Бык» – картина, где запечатлено это животное, и т.д. Но при ближайшем рассмотрении видишь, что у фигур нет лиц, есть только статусы и функции, и понимаешь, что и картина (иллюстрация), и стихи – о жизни, власти, политике, а может быть, и о брэнности всего этого. А стихотворение «Бык» и иллюстрация к нему заставляют вспомнить В. Маяковского, который посетил корриду и потом сетовал: жаль, мол, что нельзя быку пулемёт к рогам прикрутить и научить стрелять. Стрелять по смыслу – в тореадора и особенно в публику. Как пишет В. Гафт:

А те, которые орут,
Они преступники иль судьи?
И как ни странно – это суд.
И как не страшно – это люди.

А к стихотворению «Плаха» Никас Сафронов написал полотно, которое столь же многослойно и оставляет столько же простора для воображения как и стихи. За столом четыре фигуры, чьи лица как бы стерты, и можно гадать, кто эти персонажи.

Загадка есть – Разгадки нет,
Я наступил на темя Ямы,
Где кровь смывает с рук Макбет
И дремлет Пиковая дама.

Картины Никаса Сафронова и стихотворения В. Гафта объединяет многое. То, что они встретились под одной обложкой, – это не случайность, а закономерность, в основе которой дружба этих талантливых людей, но не только это, а еще многое, что лежит не на поверхности и проявляется в ходе знакомства с этим альбомом-книгой.

Это прежде всего многослойность как стихов, так и картин. Достигается она различными выразительными средствами – в живописи это порой многослойность (картины пишутся послойно, сложная техника и т.д.), в стихах – метафоры и иные приемы. Но и там и там проявляются скрытые смыслы и образы. В стихотворении «Елка»:

...И елку-царицу под корень срубили,
Потом ее вставили в крест, будто в трон,
Устроили пышные дни похорон.

А на иллюстрации ели стоят на фоне собора, и это придает стихам дополнительные смыслы.

Глубина мысли авторов – тоже характерный момент всего содержания книги. Богатство ассоциаций, совпадение изобразительной и текстовой метафор так же роднит Сафронова и Гафта.

В стихотворении «Екатерина Максимова» есть замечательные строки:

Ты – легкая, но с грузом всей Вселенной.
Ты – хрупкая, но крепче нет оси.
Ты – вечная, как чудное мгновенье
Из пушкинско-натальевской Руси.

Иллюстрация изображает балерин в интерьере собора. Возвышенное и земное сливаются в творческом порыве, и мысль о божественном начале красоты и таланта начинает звучать в душе читателя-зрителя.

Когда читаешь книгу, невольно вспоминаются строки из стихотворения «Жизнь моя, кинематограф» другого замечательного поэта Юрия Левитанского:

Но в великой этой драме я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль, доставшуюся
мне.

Даже если где-то с краю перед камерой стою,
даже тем, что не играю, я играю роль свою.

Гафт – блистательный актер театра и кино, и в книге он остается актером, причем исполняет множество ролей. Прежде всего, роль поэта. Но еще и роль ребенка – стихотворение «Детство»:

Я школу прогулял на стадионах,
Идя в толпе чугунной на прорыв,
Я помню по воротам каждый промах,
Все остальные промахи забыв.

А на картине рельсы как начало большого пути, как манящий путь во взрослую жизнь, которая там, за горизонтом. Но на рельсах игрушечный поезд, который только обещает эту жизнь...

В стихотворении «Пастернаку» Гафт предстает как мудрец. (В России гениальность – гарант для унижений, казней и для ссылок.) На иллюстрации

распятый Христос на фоне большого города, а вдали Голгофа и кресты, которые обязательно будут освобождены, но... только для новых распятий. Или другие стихи: «У лживой тайны нет секрета, Нельзя искусственно страдать. Нет, просто так не стать поэтом. Нет, просто так никем не стать...».

В стихотворении «Хулиганы» Гафт – веселый мудрец. «Чтоб мы не жили, мать, по-идиотски, Ушел из жизни хулиган Шукшин, Ушел из жизни хулиган Высоцкий. Мы живы, а они ушли туда, Взяв на себя все боли наши, раны... Горит на небе новая Звезда, Ее зажгли, конечно, хулиганы». И рядом два замечательных портрета – Шукшина и Высоцкого, которых роднят прищур глаз и особая аура, которую Никас создал в этих портретах. Бог знает, как ему это удалось? Наверное, тоже почувствовал хулиганское (а м.б. бунтарское) начало в героях.

Несколько стихотворений посвящены театру, что абсолютно естественно. И театр предстает перед читателем и зрителем в особой роли – он модель жизни, но и жизнь – прообраз театра.

Всем известно, Жизнь – Театр.
Этот – раб, тот – император,
Кто – мудрец, кто – идиот,
Тот – молчун, а тот – оратор,
Честный или провокатор,
Людям роли Бог дает.
Для него мы все – игрушки,
Расставляет нас с небес...
Александр Сергеич Пушкин,
А напротив – Жорж Дантес!

Над этими строчками можно (и нужно) много думать. А рядом картина, где девочка, но она же и дерево, ее лицо – это сцена, где идет действие. Какое – мы можем только догадываться. Ни жизнь, ни театр никогда свои тайны до конца не раскрывают.

Можно еще долго размышлять над стихами и картинами, которые составляют содержание этой книги. Нельзя не сказать о разделе, где собраны эпиграммы.

Жанр этот зародился в Греции (греч. epigramma – надпись) в эпоху Античности и представлял собой короткое стихотворение, написанное элегическим дистихом.

В. Гафт продолжает традицию, которая зародилась в XIX – XX веках – короткое сатирическое стихотворение, где обязательно присутствует парадоксальная и афористичная финальная фраза, выражающая некую сентенцию, которая называется пуантом. Жанр это сложный в силу своей краткости, насыщенности мыслью, парадоксами, юмором. Гафт достойно следует в русле классиков эпиграммы – А.С. Пушкина, Д.Д. Минаева, С.Я. Маршака.

Этот раздел тоже включает портреты, выполненные кистью Никаса Сафронова. И здесь возникает интересный эффект – и Гафт, и Сафронов любят своих героев. Но Никас любит их безоговорочно и умудряется в каждом портрете показать красоту своего персонажа – как внешнюю, так и внутреннюю. Гафт тоже любит своих героев, но иронически.

Чего стоит, например эпиграмма на Юрия Никулина:

Он как подарок с огорода,
Самый любимый у народа.
Пусть неказист слегка на вид,
Красавцы рядом с ним – уроды.
Вот вам и матушка-природа –
Она и клоунов родит.

Или на Эльдара Рязанова:

Переосмысливая заново
Картины Элика Рязанова,
Скажу: талант его растет,
Как и живот, им нет предела,
Но вырывается вперед
Его талантливое тело!

Книга убеждает нас в том, что если картины – это реальность, стихи – тоже реальность, то вместе – это дополненная реальность. И этот симбиоз рождает своего рода синергетический эффект, суть которого не просто во взаимоусилении стихов и картин, а в некоем новом качестве, которое обрели стихи и картины, будучи собранными под одной обложкой.

Как ни покажется странным, книга не производит впечатления завершенности. И это хорошо – поскольку завершенность – это конец. Книга эта, скорее, начало. Начало вхождения читателя в особый мир, рожденный творческим союзом двух друзей – Вали и Никаса (так они называют друг друга), двух невероятно талантливых людей. Здесь есть много пространства для размышления над картинами и стихами, есть предмет для наслаждения. В стихах – мыслью, образом, метафорой, в картинах – стилем, фантазией, воображением автора и тоже мыслью и метафорой.

Читать эту книгу нужно не спеша, малыми порциями, буквально по одному стихотворению за раз. И тогда картина и стихотворение заживут новой жизнью в сознании и душе читателя и сделают его умнее, мудрее и лучше, поселят в нем красоту, смысл и гордость, что он живет на одной планете с такими талантливыми людьми – Никасом Сафроновым и Валентином Гафтом.

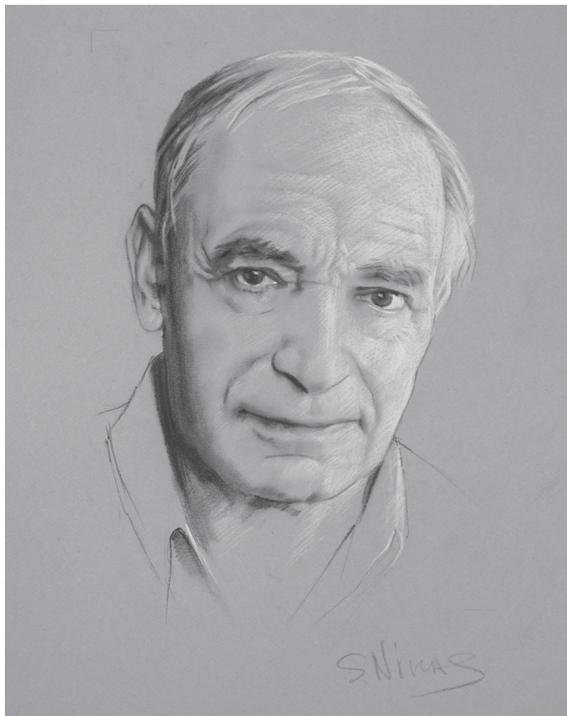
*Григорий Михайлович Бирженюк,
доктор культурологии, профессор*

Валентин ГАФТ

Художник Никас САФРОНОВ

Стихи
Из книги «Отражения»

*Никас Сафронов.
Портрет Валентина Гафта.
Бумага, сангина. 2011 г.*

ЭПИГРАММЫ НА ГАФТА

ГАФТ НА СЕБЯ

1

В Крыму гуляли две собаки,
Всё это правда, а не враки.
Гафт это точно написал
И все размеры указал.
Но, милый Валя, вы, однако,
Всё лаете, да на других,
А кто же третья, та собака,
Облаившая тех двоих?

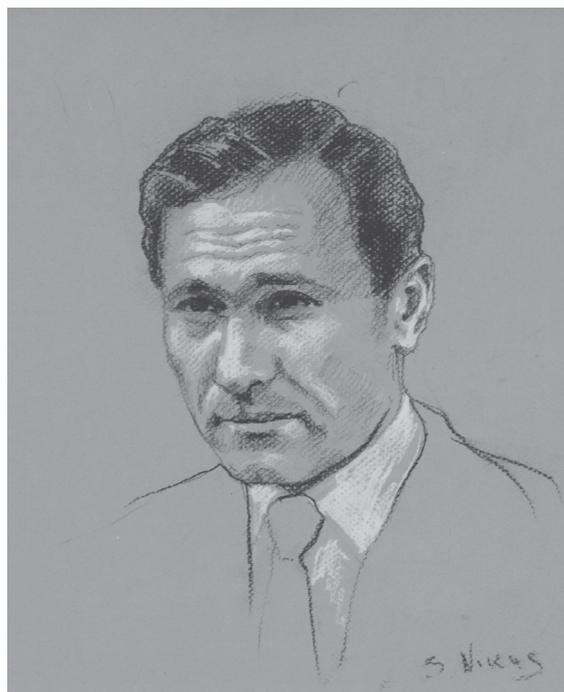
2

Гафт очень многих изметелил
И в эпиграммах съел живьем.
Набил он руку в этом деле,
А остальное мы набьем.

ХУЛИГАНЫ

В. Высоцкому

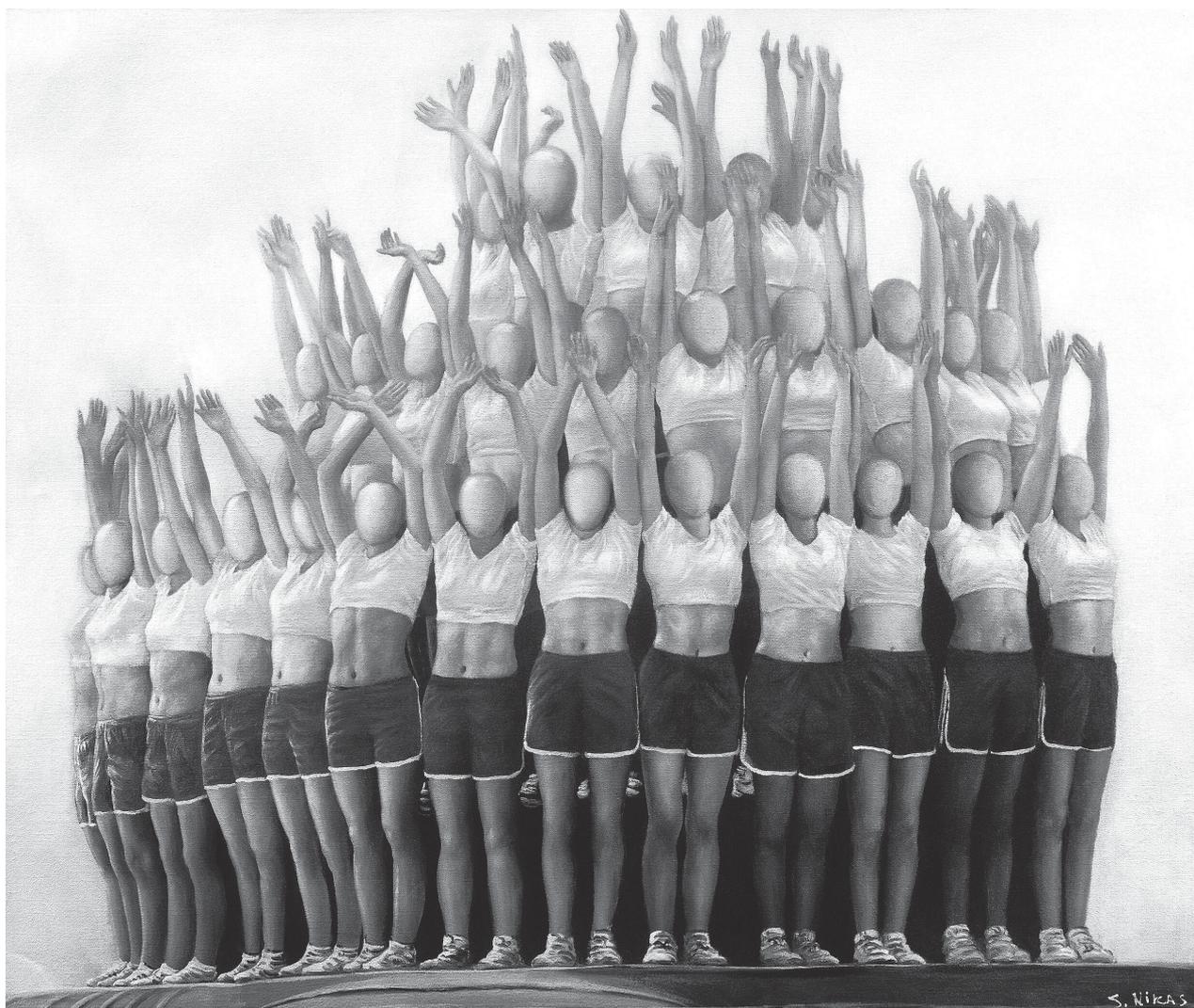
Мамаша, успокойтесь, он не хулиган,
Он не пристанет к вам на полустанке,
В войну Малахов помните курган?
С гранатами такие шли под танки.
Такие строили дороги и мосты,
Каналы рыли, шахты и траншеи.
Всегда в грязи, но души их чисты,
Навеки жилы напряглись на шее.
Что за манера – сразу за наган,
Что за привычка – сразу на колени.
Ушел из жизни Маяковский-хулиган,
Ушел из жизни хулиган Есенин.
Чтоб мы не унижались за гроши,
Чтоб мы не жили, мать, по-идиотски,
Ушел из жизни хулиган Шукшин,
Ушел из жизни хулиган Высоцкий.
Мы живы, а они ушли туда,
Взяв на себя все боли наши, раны...
Горит на небе новая Звезда,
Ее зажгли, конечно, хулиганы.

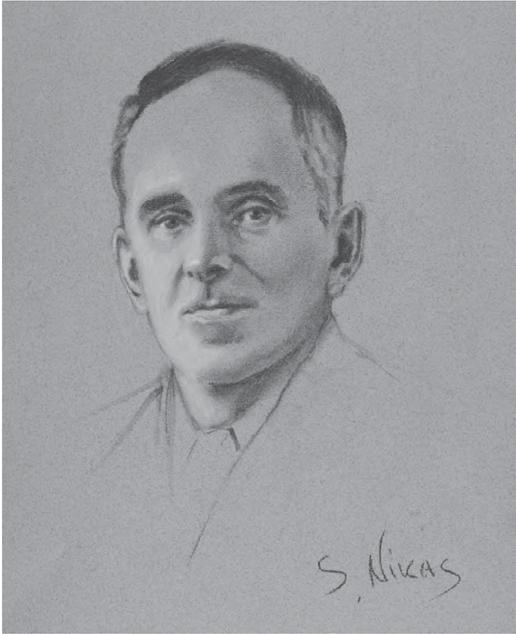
*Никас Сафронов.
Портрет Василия Шукшина.
Бумага, сангина, 44x32. 2018 г.*

ЮРИЮ ВИЗБОРУ

Попса дробит шрапнелью наши души,
 Её за это не привлечь к суду.
 Часть поколения выросло на чуши,
 И новое рождается в бреду.
 О, «Солнышко лесное», чудо-песня,
 как мы в неволе пели, чудаки.
 Пришла свобода, стали интересней
 Писклявые уродцы-пошляки.
 Слова – ничто, есть вопли вырождения,
 Тот знаменит – кто больше нездоров.
 Кто выйдет петь без всякого стеснения
 Без совести, без страха, без штанов.
 Где песня, чтобы спеть ее хотелось?
 Слова где, чтоб вовеки не забыть?
 Ну что горланить про кусочек тела,
 Который с кем-то очень хочет жить?
 С телеэкрана, как из ресторана,
 Для пушей важности прибавив хрипотцы,
 Они пудами сыпят соль на раны
 Как на капусту или огурцы.
 В халатике бесполоя фигура
 Запела, оголившись без причин.
 Противно это, спой нам, Юра,
 О женской теплоте и мужестве мужчин.

Никас Сафронов. Рожденные спортом, х.м., 50x60. 2007г.

Никас Сафронов.
Портрет Мандельштама.
Бумага, сангина. 2018 г.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Мы лежим с тобой в объятьях
В январе среди зимы,
Мой халат и твое платье
Обнимаются, как мы.
Как кресты на окнах – рамы.
Кто мы, люди, мы – ничто?
Я читаю Мандельштама,
А в душе вопрос – за что?
Ребра, кожа, впали щеки,
А в глазах застывший страх,
И стихов замерзших строки
На обкусанных губах.

* * *

Если потеряешь слово,
Встанешь перед тупиком, –
Помычи простой коровой,
Кукареки петухом.

Сразу станут легче строчки
От вождения пера.
Превратятся кочки в точки,
Станет запятой дыра.

Уложи свой лоб в ладошку
И от нас, от всех вдали
Потихоньку, понемножку
Крыльями пошевели.

И падут перед стихами
Тайны сотен тысяч лет.
Всё, что трудными ночами
Ты предчувствовал, поэт.

Нет, перо в руках поэта –
Это вам не баловство.
Он – дитя, соском пригретый,
И в нем дышит божество.

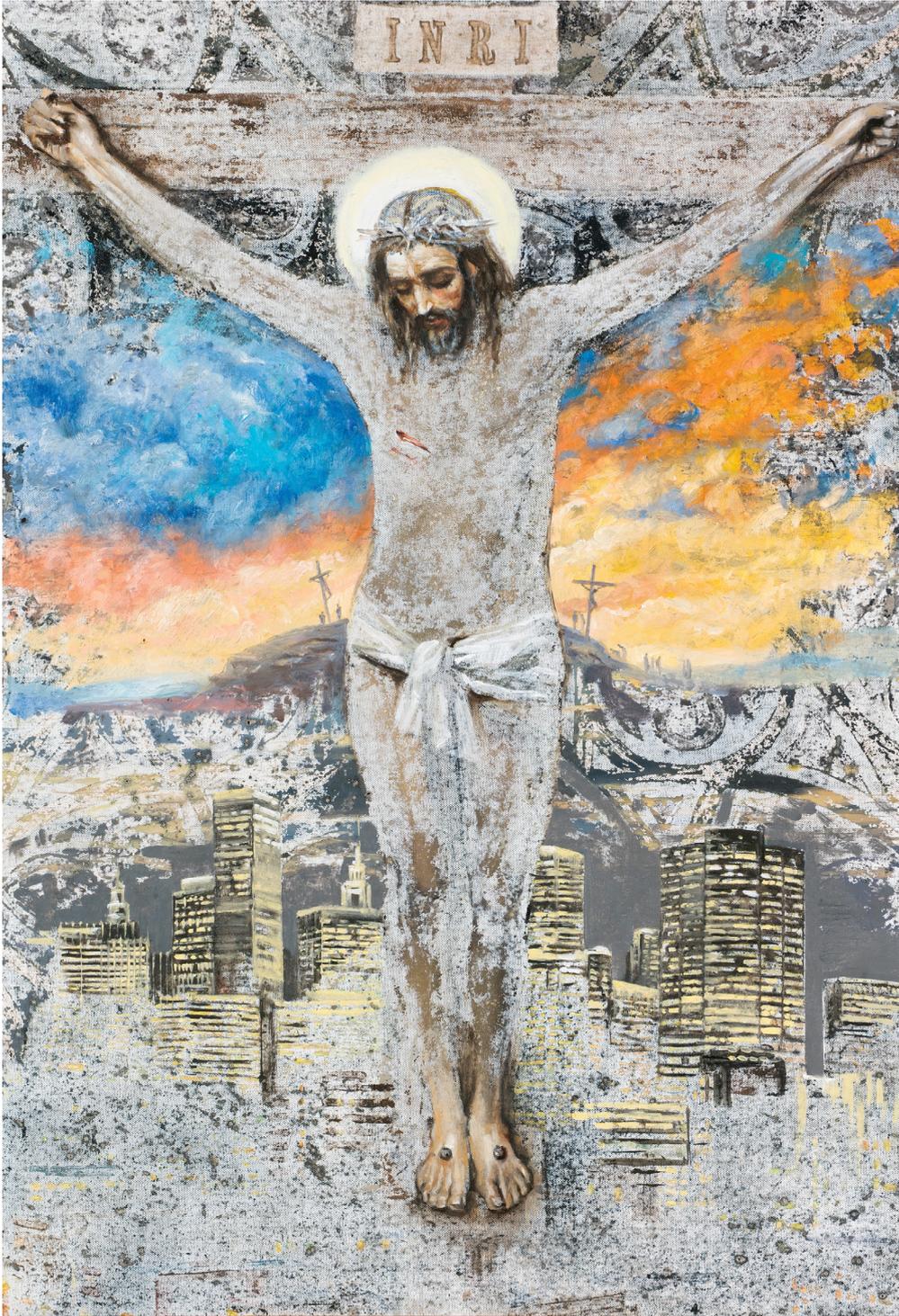
Связь времен –
связь света с звуком.
Как постигнуть эту страсть?
Поэтическая мука –
В даль туманную попасть.

Акварели слов слагая,
Скальп снимая с тишины,
Ты услышишь, улетаая,
Звук натянутой струны.

Но, паря под облаками,
Тихо праздной своей улов.
Все мы были дураками,
Пока не было стихов.

Никас Сафронов. Ангел, х.м., 2008 г.

Никас Сафронов. Реквием, х.м., 89x57, 1989 г.

ПАСТЕРНАКУ

Он доживал в стране как арестант,
 Но до конца писал всей дрожью жилоч:
 В России гениальность — вот гарант
 Для унижений, казней и для ссылок.
 За честность, тонкость, нежность, за постель
 Ярлык приклеили поэту иноверца,
 И переделкинская белая постель
 Покрылась кровью раненого сердца.
 Разоблачил холоп хозяйский культ,
 Но, заклеив убийства и аресты,

Сам с кулаками встал за тот же пульт
 И тем же дирижировал оркестром.
 И бубнами гремел кошунственный финал,
 В распятого бросали гнева гроздь.
 Он, в вечность уходя, беспомощно стонал,
 Последние в него вбивались гвозди.
 Не много ли на век один беды
 Для пытками истерзанного мира,
 Где в рай ведут поэтовы следы
 И в ад — следы убийц и конвоиров.

Никас Сафронов. *Театр в женском облици, х.м., 2000 г.*

ТЕАТР

Театр! Чем он так прельщает,
 В нем умереть иной готов,
 Как милосердно Бог прощает
 Артистов, клоунов, шутов.
 Зачем в святое мы играем,
 На душу принимая грех,
 Зачем мы сердце разрываем
 За деньги, радость, за успех?
 Зачем кричим, зачем мы плачем,
 Устраивая карнавал,
 Кому-то говорим – удача,
 Кому-то говорим – провал.
 Что за профессия такая?
 Уйдя со сцены, бывший маг,
 Домой едва приковыляя,
 Живет совсем, совсем не так.

Не стыдно ль жизнь, судьбу чужую,
 Нам представлять в своем лице!
 Я мертв, но видно, что дышу я,
 Убит и кланяюсь в конце.
 Но вымысел нас погружает
 Туда, где прячутся мечты,
 Иллюзия опережает
 Всё то, во что не веришь ты.
 Жизнь коротка, как пьесы читка,
 Но если веришь, будешь жить,
 Театр – сладкая попытка
 Вернуться, что-то изменить.
 Остановить на миг мгновенье,
 Потом увянуть, как цветок,
 И возродиться вдохновеньем.
 Играем! Разрешает Бог!

Никас Сафронов. Тайна дворцовой ночи, х.м., 51х41 2013 г.

ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВА

Узор, написанный рукой природы,
 Где непонятна тайна мастерства,
 Где все цветы земли в лазури небосвода –
 Живое чудо в форме божества.
 Ты – легкая, но с грузом всей Вселенной.
 Ты – хрупкая, но крепче нет оси.
 Ты – вечная, как чудное мгновенье
 Из пушкинско-натальевской Руси.

Никас Сафронов. Ветер, х.м., 2004 г.

ВЕТЕР

Что, ветер! Наступили сроки
 Тебе с землей повоевать.
 Ты сделал где-то вдох глубокий,
 Пришел на землю одинокий,
 Свое несчастье выдыхать.
 О ветер, ты предвестник бурь,
 Земля от боли сжалась.
 Свою выветривая дурь,
 Остановись, не балагурь,
 Не рви восставший парус.
 Но ветер был упрям, жесток.
 Он был, как парус, одинок,
 Как я, как эти строки.
 Мы все на свете одиноки.
 Он бушевал, не утихая,
 Он мстил Земле, всё с корнем вырывая,
 Земле, где нет покоя
 Ни парусу, ни мне.
 Нас с ветром... Трое.

Никас Сафронов. Перо, х.м., 1972 г.

ПЕРО

Перо гусиное, живое,
 Макнул в чернила не спеша.
 На кончике пера – душа!
 И буря мглою небо кроет!

ОГОНЬ

Есть у огня свои законы.
 Огонь войны – в людей вселяет страх.
 Покоем дышит он в каминах и кострах.
 Но есть огонь невидимый – иконы.
 О, как блаженно жгут лучи твои,
 Сжигай меня, икона, я не струшу,
 Я знаю, ты сожжешь грехи мои,
 Чтоб отогреть измученную душу.

Никас Сафронов. Танец огня, х.м.

Никас Сафронов. Вечернее путешествие Маргариты над Ульяновском

* * *

Я бегу впереди телефона,
 Рву на части исписанный хлам.
 А стихи мои с лаем и стоном
 Как ищейки бегут по следам.
 Надоело тащиться поэтом,
 Сердце камнем молчит – хоть кричи,
 Вот и жарю стихи, как котлеты,
 Чтобы в трубку шептать их в ночи.
 Я бегу впереди телефона,
 Рву на части исписанный хлам,

А стихи мои с лаем и стоном
 Как ищейки бегут по следам.
 Ты молчишь, но я знаю, ты слышишь
 Этот мой зарифмованный бред.
 Оттолкнувшись ногами о крышу,
 Я запутаю, спрячу свой след.
 Я влечу к тебе, легкий, небесный,
 Без тяжелой земной чепухи,
 Но увижу в дверях твоих тесных,
 Что меня обогнали стихи.

Никас Сафронов. Автопортрет с красным цветком, х.м., 50x40, 2011 г.

НИКАС

Ты похож на человека,
Челюсти и прикус.
Ты, конечно, чудо века,
Ты Великий Никас!

* * *

Мир полон звуков, звуки все — мы сами.
Лишь Бог тихонько ходит между нами...

Никас Сафронов. Живая вода, х.м., 40x40, 2009 г.

К году Крысы на тему Щелкунчика, или Праздник нашей жизни, х.м., 43x33, 2008 г.

МЫШКА

Мышка – тайна, мышка – рок,
 Глазки – маленькие дробки,
 Мышка – черный уютюжок,
 Хвостик-шнур торчит из попки.
 Мышка маслица лизнула
 И шмыгнула под крыльцо,
 Мышка хвостиком махнула
 И разбила яйцо.
 Яйцо было крутое
 И упало со стола,

А потом уж золотое
 Кура-рябушка снесла.
 Была мышь не из мультяшки,
 Была мышка из сеней,
 Нет, не эту бедолажку
 Зарисовывал Дисней.
 Твердо знает эта мышка,
 Что на свете с давних пор
 Мышеловка – это вышка,
 Это смертный приговор.

МЫШКИ ИЗ КНИЖКИ

Стихи для детей

Андрей МЕДВЕДЕВ родился в 1978 году в городе Ульяновске. С красным дипломом окончил исторический факультет Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. Как художник-иллюстратор оформил более 40 книжных изданий.

Автор выставок «Образ книги: искусство книжной графики», «Кто-кто в книжке живёт», «Рыжий кот», «Драгоценные фантазии весны».

Марина КУРЫЛЁВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии УлГПУ.

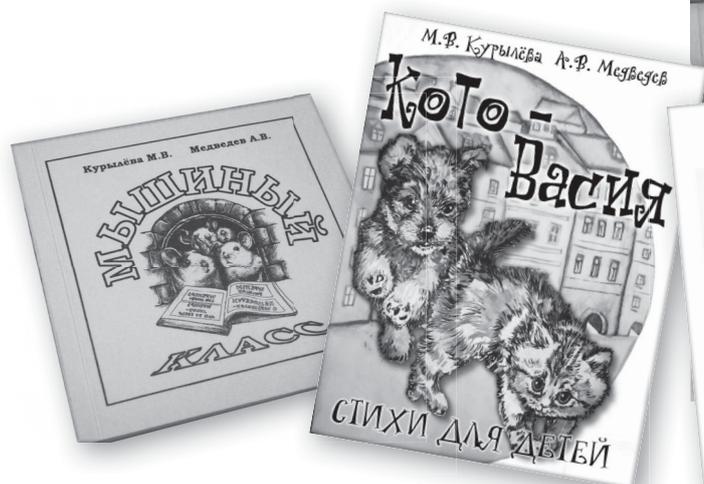
Андрей Медведев и Марина Курылёва выпустили написанные в соавторстве книги для детей «АЗБУКА КОШАЧЬИХ ЧУВСТВ», «МЫШИНЫЙ КЛАСС», «КОТОВАСИЯ», «МАТВЕЙКИН ЗМЕЙ».

Андрей Медведев и Марина Курылёва являются участниками IV Всероссийского семинара молодых литераторов, пишущих для детей, организованного Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ, президентом которого является С.А. Филатов (2007). Детские писатели также активно участвуют в областном межведомственном проекте «Литературная филармония». Они желанные гости в школах и библиотеках. Много творческих встреч с

юными читателями проводят Андрей Медведев и Марина Курылёва в сотрудничестве с Централизованной библиотечной системой г. Ульяновска, с Ульяновской областной библиотекой для детей и юношества имени С.Т. Аксакова, с Ульяновской областной научной библиотекой им. В.И. Ленина.

Публикуем стихи из книги «Мышиный класс». Прочитайте их вместе с детьми!

Марина КУРЫЛЕВА, Андрей МЕДВЕДЕВ
(стихи, написанные в соавторстве)

МЫШИНЫЙ КЛАСС

* * *

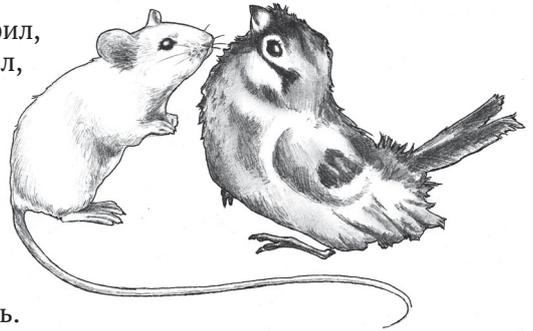
В ладонь мышонка посадил,
А он шмыгнул в рукав.
Пока его я там ловил,
Он спрятался стремглав.
Совсем его уже достал
Почти подмышкой я,
Но он, проказник, убежал.
Защекотал меня
Хвостом за ухом в тот же миг.
Скользнул за воротник,
Там притаился и затих
Мышонок-озорник.
Но это был – ага! – обман!
Одним лихим прыжком
Забрался мышь ко мне в карман
И захрустел потом.
Он точно знал, куда спешил.
Ах! Серенький хитрец!
Там про запас давно хранил
Я мятный леденец!

* * *

С воробьём мышонок спорил,
Крепче домик кто построил,
У кого надёжней крыша,
У кого соседи тише,
У кого просторней холл,
У кого круглее стол,
У кого на лужу вид,
Кто ночами крепче спит...

Кот подкрался, словно рысь.
Только чудом и спаслись.

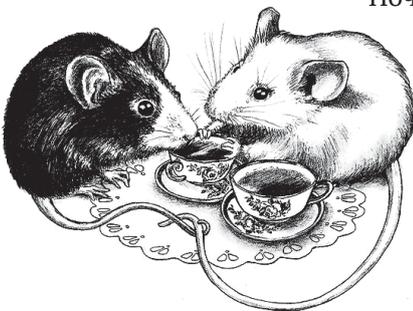
* * *

Очень учёная белая мышка
На ночь читала хорошую книжку,
Носиком трогала буквы и строки,
В чтении мышкы – известные доки!
Жалко лишь то, что в хорошей той книжке
Дырки в страницах оставила мышка.

* * *

Откуда сновиденья приходят к малышам?
С таким, друзья, вопросом направьтесь вы к мышам,
Спросите у них прямо, что делают они,
Покуда папа с мамой седьмые видят сны.
Спросите, не они ли, крадутся в тишине,
Когда, как сырный шарик, луна висит в окне,
Когда сверчок на кухне балладу ей поёт,
В саду ночном улитка из лужи воду пьёт.
Спросите, уж не им ли доверено потом
Цветные сновиденья подкладывать в ваш сон.
И, может быть, прошепчут, вам ушко щекотя,
Ночные эти гости: «Спи, милое дитя».

* * *

Была у мышонка мечта непростая.
Мечтал он о ней, в тишине засыпая,
Мечтал, от кота убегая вприпрыжку,
Мечтал, угрызая в норе кочерыжку,
Мечтал, запрокинув мордочку к небу,
Мечтал о ней к завтраку он и к обеду.
Сильнее всего мышонку мечталось,
Когда над ним небо ночное качалось,
И был в полнолуние сам он не свой:
Мечтал, как однажды закусит луной.

«МЫ ВСЕ ЖИВЁМ В ФОЛЬКЛОРЕ И НЕ ЗАМЕЧАЕМ ЭТОГО»

Интервью с писателем
Ириной Богатырёвой

Писатель и музыкант Ирина Богатырёва рассказала о своем отношении к гендерным спорам в литературе, о важности смены пространства и пользе писательских резиденций, о том, почему Ульяновск – идеальное место для «обнуления», о взрослении и новом романе, замешанном на поволжском фольклоре. Также автор представила книгу «Я – сестра Тоторо», недавно вошедшую в шорт-лист Всероссийского конкурса детской и юношеской литературы «Книгуру».

– Вы родились в Казани, выросли в Ульяновске, сейчас живете в Москве. Это три очень разных пространства. Они как-то повлияли на вас?

– Разумеется, повлияли, как и вообще всякое пространство влияет на человека. Я уверена, что именно пространство, окружение, среда оттачивают нас, как море – камни. Среда во всех смыслах, как социальном, так и природном. Все эти названные Вами локусы – да и многие другие – важны для меня, о них я или пишу, или только собираюсь, как, например, о Казани. Так получилось, что Казань я помню плохо, мне было 4 года, когда мы переехали, и для меня это не столько город, сколько пространство семьи, воспоминания родителей, семейные истории. Наша семья была прочно связана с этим городом: например, в Казани есть улица Богатырёва, это не в честь однофамильца, а в честь моего двоюродного деда. Однако так получилось, что я выросла вне этой истории, и мне ещё предстоит изучить её и осознать.

Ульяновск же, несомненно, моя родина, место, с которым я связана накрепко, там живут родители, там Волга, без которой я не мыслю себя. О Волге и об Ульяновске я пишу много, у меня есть повесть «Товарищ Анна», где основной конфликт между девушкой-москвичкой и парнем «с родины Ленина» – именно так, это важно, потому что девушка – коммунистка. Также у меня есть повесть «Формула свободы», где Ульяновск, а именно Новый город, хоть и не назван, но узнаётся во всем – это и город, построенный в степи, и Волга с высокими ярами, и «взлётка» – дорога, уводящая из этого города. Ну и, конечно, самолёты, которые для меня тоже накрепко связаны с Ульяновском – родители работают в КБ Туполева.

Но главное, конечно, само Поволжье, пространство, пронизанное, напоенное рекой. Приезжая – а я стараюсь раза 2-3 в году обязательно приехать к родителям – я чувствую, что начинаю дышать по-другому. В Ульяновске много простора, и это то, что

мне очень важно. В Ульяновске никуда не хочется торопиться, хочется просто быть и наслаждаться состоянием «здесь и сейчас». Так получилось, что сейчас все прежние мои связи в городе оборвались, есть только несколько человек, старая школьная подруга и мой любимый учитель, с кем я поддерживаю отношения, помимо семьи, поэтому Ульяновск становится для меня каким-то нулевым пространством, полным важных символов – ветром, степью и Волгой, – идеальным местом для «обнуления», погружения в себя и настройки на что-то важное.

Что касается Москвы, то отношения с этим городом у меня складывались сложно. Я об этом много писала, в разных текстах это так или иначе присутствует. Я и сейчас продолжаю узнавать этот город, продолжаю изучать его через людей: как антрополог я принимаю участие в проекте «Москва: историческая память города» и с удовольствием общаюсь с коренными москвичами, узнаю их истории, их опыт жизни. Для меня это возможность проникнуть в город через чужие жизни.

Москва очень разная, сложная, а главное, она на удивление человечная, так что каждый, кто живёт здесь или только приезжает, вступает с ней в какие-то свои отношения. В Москве много разных мест, совершенно неожиданных и непредсказуемых, полных историей или же очень природных. Да, Москва, несмотря на все сложности, до сих пор очень зелёная, наверное, это самый зелёный из всех известных мне российских городов, а для меня это очень важно – я всё же природный человек в большей степени. Поэтому мне было тяжело жить в Подмосковье, где я оказалась в очень урбанизированном пространстве, без природы вообще. И тем с большей радостью я переехала три года назад в Москву, где нашла идеальное для себя место: старый тихий район, окружённый парками. Этот переезд и новые – и сразу же полюбившиеся – места тут же попали в мои тексты: повесть «Я – сестра Тоторо» начинается с того, что семья переезжает в «квартиру окнами

в парк», и все переживания девочки-подростка по этому поводу – совершенно мои переживания. И так же в нашем парке есть конный клуб, где мы с мужем занимаемся выездкой и конкурсом, как и героиня этой повести.

– Я тоже считаю, что пространство активно воздействует на человека. Поэтому для меня, например, было странным, когда один писатель сказал мне, что место на него совершенно не влияет, так же, как и на его тексты. Другой автор, живущий на Волге, часто говорит о том, какое воздействие на него оказывает река. Он не пишет о ней, но река всегда течет в его текстах, и это чувствуется. Вы много путешествуете, работаете в писательских резиденциях. Для вас перемещения очень важны?

– Да, для меня среда очень важна, и на мои тексты она обязательно влияет. Раньше это было влияние двух типов – ты живёшь где-то – и пишешь об этом месте, ты путешествуешь – и пишешь о путешествии. Разница между этими способами контакта с пространством огромна: в первом ты можешь практически не выходить за пределы самого себя и своего обитаемого круга (человек, всю жизнь проживший в Москве, может никогда не побывать в Кремле, например), тогда как путешествие – это как раз выход, познание нового, причём захватническое – приехал, увидел, приобрёл (впечатления, опыт, знания). Так, например, я много пишу про Алтай, хотя никогда там не жила, только приезжала как турист, но я хорошо изучила его, причем как современный Алтай, так и исторический.

В литературные резиденции я стала ездить недавно, и это открыло мне принципиально иной способ узнавать новые места – медленное вживание в чужое пространство, когда ты никуда не торопишься, когда знакомство не предполагает, с одной стороны, резкого насыщения, до усталости, а с другой – занятость бытовыми делами, так что и увидеть ничего интересного некогда. И оказалось, это очень продуктивный путь. Причём он продуктивен ещё и с точки зрения взгляда издали на то место, где ты живёшь. Например, недавно я жила в писательском доме в Латвии и написала буквально за три дня повесть о Москве – мне вдруг просто открылись издали какие-то важные вещи о городе, которые, живя там, я просто не осознавала.

– Есть ли особое для вас место на Земле? Что вы там ощущаете?

– Да, такое место есть. Мне там так хорошо, что хочется в своё время именно там умереть.

– В России до сих пор довольно сильно чувствуется снисходительное отношение к женщине, которая пишет. Однако есть мнение, что ситуация постепенно меняется. Ощущали ли вы когда-то на себе такую дискриминацию?

– Я часто думаю об этом, но не потому, что действительно сталкивалась когда-либо, а именно потому, что этот вопрос часто задают. Особенно за границей, это животрепещущий вопрос в западном обществе. Для меня же он несколько странен. Сейчас в литературе подавляющее большинство женщин, причем не только среди писателей: редакторы, издатели практически исключительно женщины. От кого же испытывать снисходительное отношение?

От другой женщины? Да, есть стереотип, что женщины и мужчины пишут «по-разному» (даже был одно время распространён термин «женская проза», который мне глубоко неприятен) и что, мол, мужчины пишут лучше. Я с этим не согласна, «лучше» и «хуже» не может иметь гендерной окраски – человек пишет либо хорошо, либо нет. Другое дело, что мужчины пишут привычнее. Всё-таки мужчины и женщины по-разному видят мир, а вся мировая литература на протяжении веков писалась мужчинами, и мы привыкли, что именно их взгляд – литературный, сиречь правильный. Поэтому женщины-авторы часто мимикрируют под мужчин, пишут от мужского лица и т.д. Вот это давление литературной традиции, привычки я на себе испытываю, правда. При том что я уверена: писательство – это вообще не про гендер, автор может легко понять переживания героя любого пола вне зависимости от собственного. Всё опирается в способность это хорошо передать. А некую дискриминацию в социальном смысле – нет, такого не доводилось. Впрочем, тут я могу просто чего-то не замечать.

– Насколько я помню, даже самые большие свои книги вы пишете от руки. До сих пор так происходит?

– Да, над художественными текстами я работаю только так. Это, конечно, сильно увеличивает время работы, но в то же время помогает пересмотреть текст в процессе его создания. По сути, пишется два текста – вариант от руки всегда значительно отличается от того, который попадает в компьютер. Иногда бывает так, что, закончив текст от руки, я начинаю писать его практически заново, используя этот вариант не столько как черновик, сколько как канву.

– Вы интересуетесь фольклором, ездите в экспедиции. Это некий уход от нашей цивилизации, способ очиститься?

– Скорее, это способ найти нечто отличное от городской среды, в первую очередь другой язык, отличный от того, какой мы используем в городе и в привычном нам интернет-общении. Для меня фольклор – это нечто базисное для культуры. Многие, воспитанные представлением о том, что фольклор – это сказки и балалайка, считают, что он умер, но это не так. Фольклор многолик, он просто изменил облик, он всё равно живёт среди нас, точнее, мы все живём в фольклоре и не замечаем этого. Фольклор – это сам тип человеческого мышления. Экспедиции в моём случае – это способ узнать именно традиционный фольклор, но я этим не ограничиваюсь: мне также интересен и актуальный, городской пласт, и так называемый постфольклор. Просто за этим всем необязательно ехать в экспедиции.

– Собираетесь ли исследовать Поволжье и написать что-то об этом?

– Да, я уже написала роман, замешанный на поволжском фольклоре, мифологизации Волги и вообще поволжском типе. Не этническом, потому что Поволжье – это дом для разных этносов, каждый привнёс что-то своё, но именно культурном типе – роман о человеке реки, если так можно выразиться. Кроме того, это роман об экологии, что для меня тоже очень важно. Я воспринимаю природу как живое существо, которому сейчас нужна помощь че-

ловека как никогда, и в романе антропоморфным образом, требующим защиты, становится именно река. Я надеюсь, что в следующем году он будет опубликован.

– Вы занимаетесь варганом, для меня это какая-то совершенно особая музыка.

– Варган – это большая часть моей жизни, про варганное сообщество как отдельную музыкальную субкультуру я писала магистерскую работу, я езжу на варганные фестивали по России и миру, некоторое время назад преподавала исполнение... Но для меня варган – это нечто не похожее на то, как представляют его люди, это не «пяу-пяу» и не рейв электрогитары в бешеном темпе, и не изображение скачущих лошадей. Я играю музыку, русскую или мелодии из других традиционных культур, поэтому я бы не могла сказать, что она какая-то «особая». Она обычная, самая что ни на есть традиционная музыка, просто мы от неё отвыкли, потому что выросли в другой традиции. И да, конечно, я про это пишу. Пишу про людей, кто занимается этой музыкой и музыкой вообще, у меня есть роман о музыкантах «Жити и нежити», а есть специфический сборник рассказов, посвящённых варгану в разных культурах, и повесть про то, как музыкант ищет совершенства, пытаюсь освоить такой, казалось бы, простой инструмент, как варган.

– Есть разные точки зрения на то, как становятся писателями. Кто-то говорит, что ими рождаются, а не становятся, кто-то – что можно научиться писать. Можно ли научиться писать?

– В самом слове «научиться» есть завершённость. Однако я считаю, что учиться писать можно, а вот научиться – нельзя именно потому, что в этом процессе сложно поставить точку. Можно научиться писать настолько же, насколько можно научиться читать и понимать хорошую литературу, играть и слушать хорошую музыку: это, скорее, состояние, которое можно развивать в течение всей жизни, постигая новые и новые глубины искусства. В то же время я очень ценю сугубо практическую часть того, что называется литературной учёбой. Я окончила Литературный институт и много участвовала в литературных мастер-классах. Вся учеба в этих заведениях строится на обсуждении текстов участников семинаров, и мне кажется, это самая продуктивная форма творческого роста. Я до сих пор с удовольствием обсуждаю свои и чужие тексты, когда предоставляется такая возможность. Мне кажется, что это очень важно – посмотреть на собственный текст чужими глазами, но не так, как это происходит при работе с редактором перед публикацией текста, а так, чтобы осознать свои слабые и сильные стороны и уметь их применять в будущем. Однако никогда нельзя относиться к тому, что тебе скажут при обсуждении, как к панацее. Ты сам выбираешь, к чьим советам стоит прислушиваться, а что просто демонстрирует разницу вкусов.

– Вы также пишете прозу для подростков: например, можно вспомнить книгу «Формула свободы», в которой присутствует тема взросления. Для вас самой как проходило взросление? Каким было это время, какими были ваши чувства, и считаете ли вы себя повзрослевшей?

– Сразу отвечу на последний вопрос: нет, я не

считаю себя повзрослевшей, поскольку в этом тоже слышится завершённость, личностная оформленность, а мне кажется, что именно гибкость, способность меняться, углублять свои взгляды и оттачивать себя самого чрезвычайно важна для любого человека, а для писателя – подавно.

В то же время мне бы не хотелось, чтобы обо мне думали как об инфантильном человеке. Инфантилизм и взрослость – разные вещи. Инфантилизм – это неспособность принимать взвешенные решения, брать ответственность за себя, свои поступки. Именно избавление от инфантильности обычно называют взрослением. Я это представляю как прохождение ряда рубежей, без которых ты просто не станешь полноценным человеком, самостоятельной личностью. Таких рубежей много, они связаны с получением опыта во всём, начиная от самостоятельной жизни. Собственно, повесть «Формула свободы» – это мой личный опыт взросления, точнее, начальный его этап.

Также роман «Кадын» во многом посвящён именно взрослению, расставанию с детством, и хотя там речь идёт о скифах V в. до н.э., то есть о совсем другой жизни, отличной от нашей, я не преувеличу, если скажу, что и там описан мой личный опыт – если не фактический, то психологический. Но героиня этого романа в итоге всё же именно повзрослела: полученная ею власть сделала её косной, неспособной следовать за своими душевными порывами. Я очень надеюсь, что со мной этого не произойдёт.

– Недавно повесть «Я – сестра Тоторо» вошла в шорт-лист Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру». Какие темы стали для вас самыми важными в этом тексте?

– Вы знаете, это как в «Книге джунглей» – моей любимой книге. К слову, там Маугли в какой-то момент восклицает: «Вы так долго твердили мне, что я человек, что я вам поверил!» Вот и мне так долго говорили, что я именно детский писатель, что мне захотелось написать сугубо *детский* текст – то есть для детей в первую очередь. Просто ситуация такая, что большинство моих книг находятся на пограничном возрастном рубеже, тот самый модный сейчас young adult. «Я – сестра Тоторо» – книга о девочке-подростке, её младшем брате, который отличается от других, об их семье и попытках девочки выйти за её пределы и найти себе дружбу. По сути, тоже о взрослении, но о самом раннем, и преодолении первых границ. На сайте «Книгуру» эксперты оценили текст как подходящий для детей от 10 лет, и мне кажется, это правильно, хотя главной героине – 13. Просто темы этой повести будут понятны разным людям, как помладше, так и взрослым. Например, мне самой было очень интересно писать маму и папу в этой семье, их отношения, сложности, общение с детьми, друг с другом и с другими взрослыми. Так что хочется надеяться, книга получилась многослойной и найдёт своих читателей. Она выйдет в следующем году в издательстве «Детская литература», а пока её можно почитать онлайн.

Беседовала Гала Узрютова

Для справки

Ирина Богатырёва родилась в Казани, выросла в Ульяновске. Окончила Литературный институт им. Горького и магистратуру в Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ. Автор 7 книг прозы. Рассказы и повести переводились на английский, французский, китайский, голландский, шведский, итальянский, арабский языки и маратхи. Финалист и лауреат нескольких премий, в том числе «Дебют», премии Гончарова, С. Михалкова и «Студенческий Букер». Член Союза писателей Москвы. Член Международной писательской организации «ПЭН Москва». Играет на варгане в дуэте «Ольхонские ворота». Живёт в Москве. Сайт www.i-bog.ru

Ирина БОГАТЫРЁВА

ВЕДЯНА

Отрывок из романа

Снова, как в лесу, он чувствовал себя пустым, без единой мысли, движимым, но не рассуждающим. Вся способность рассуждать покинула его, пока стоял под дверью, чувствовал сквозняк в позвоночнике и холодел от своего одиночества перед тем, с чем столкнулся. Сейчас он был одним движением, одной целью, пусть и неясной, смутной даже для самого себя.

Ванная была пуста. Вода хлестала. Он подошёл ближе. Протянул под струю руку. Тёплая. Поток был такой сильный, что не уходил в канализацию сразу, крутился, дно было полно по щиколотку. Что-то блеснуло там. Рома наклонился, пригляделся: чешуйка. Серебряная пластинка неведомых рыб, серебряная пластинка кольчуги неведомых рыбьих богатырей. Тиль, И-Тиль, ты здесь, Итиль, тёмными, тесными, мрачными путями несёшься к свету, распираемая сама собой, душима тоской и теснотой, куда зажали тебя люди, что они с тобой сделали, что они с тобой делают, Итиль? На многих и многих сетях оставляешь ты себя – рыб своих, водоросли, песок, душу, запах, ветер, чайчи крики, волны, ракушки, сны о древнем море, сны о старых лодках, сны о забытых дарах, что бросали в тебя путешествующие, – чистой, прозрачной, слезою реки становишься ты, душима и давямая, несёшься ты под землёю, под дорогами и домами, чтобы вырваться к свету, дохнуть воздуха – и снова нырнуть в мрачное и смрадное подземелье. Тиль, И-Тиль, страшно тебе, сестра? Страшно – не страшно, всё это так же с тобой – и простор до горизонта, и скрытые водою церкви, деревни, по ним рыбы ходят из дома в дом, рыбы играют в людей, рыбы приветствуют друг друга, проплывая в зияние окон, как сквозь незрячие черепа – здравствуйте, плотва щучишна, здравствуйте, судак карпыч, – черепа выносит волною, вымытые из старых итилитских погостов. Итили-

там не страшно смотреть пустыми глазами сквозь толщу воды, сквозь толщу памяти моря древнего и моря будущего. Это русским страшно и душно лежать под водой, кто бы знал-то, хоронили же на берегу, а оказались под водою, горе, горе, русские плачут, татары плачут, чувашаи плачут, одни итилиты смеются, лыбятся щербатыми ртами своих черепов – при жизни Итиль, после смерти Итили, что нам с того?

Рома вспомнил, как бабушка ходила на реку на рассвете, в Иванов день, и поила её молоком, как ребёнка. Белая струя лилась в воду, исчезая. Река сглатывала, улыбалась опрокинутым в небо лицом и дальше текла себе, не меняясь ни думой, ни песней, которую пела. Рома всегда, стоя на берегу, слышал неясную, смутную песню, которую пела река. Пока маленький был, слышал. И бабушка, казалось, слышала, слушала, стоя у воды, глядя на горизонт. А может, просто так молчала, гладила воду – она говорила, что у реки хорошо помолчать, душа в речной тишине купается.

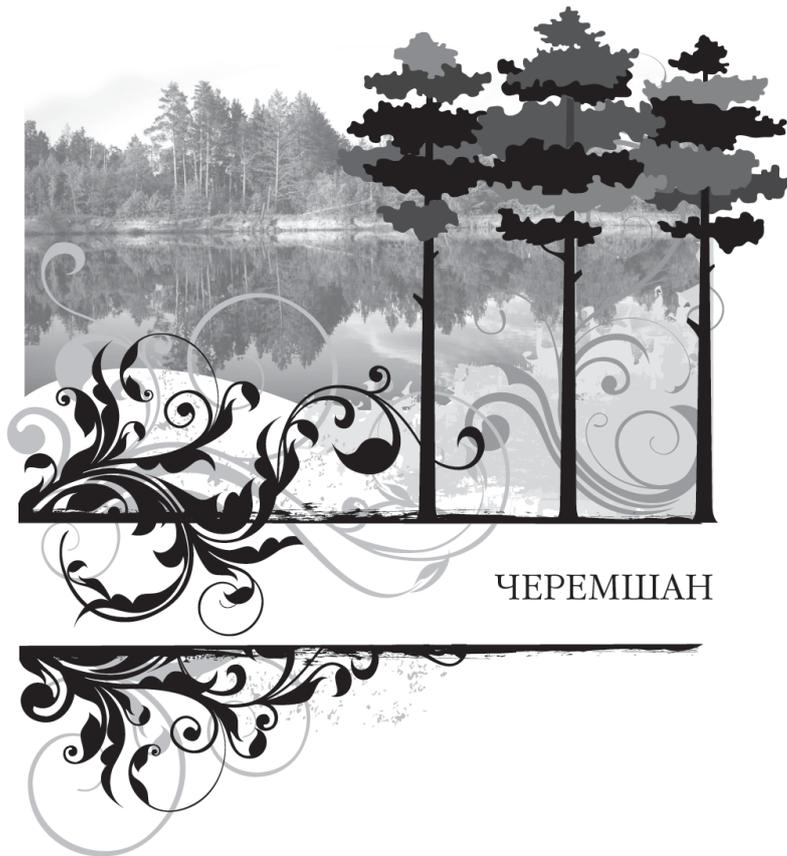
В речной тишине и молчании.

Не открывая глаз от чешуйки, прилипшей ко дну, Рома стал раздеваться. Одежда душила, жала, держала. Не отрывая глаз от серебряной искры на дне, он снял с себя всё и ступил в воду.

Итиль обняла. Она текла, целовала, ласкала. Он закрыл глаза. Старая песня, древняя, которую слышал когда-то на берегу, вдруг зазвучала и наполнила уши – река оставалась рекою, даже лишившись песка своего и запаха, разбитая лейкой душа, она была собою, Рома слушал её и улыбался. Тело впитывало воду, чистые капли, очищенные от всего, кроме памяти реки. Он подставил ладони, черпал воду, открывал глаза, смотрел в струю. Ему мерещились рыбы и древние жители древнего моря, хотя это был только сон теперя, не память уже – сон.

Фото Сергея Королева, Татьяны Рябовой.

Интервью опубликовано на сайте «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО».

ЧЕРЕМШАН

«В СЕРДЦЕ ТОНКАЯ ПЕЧАЛЬ...»

Александр Фёдорович Никонов родился в селе Александровка Мелекесского района Куйбышевской обл. (ныне Ульяновской), а среднюю школу окончил уже в соседнем селе Рязаново,

куда родители переехали на постоянное местожительство. Заочно окончив Казанский государственный университет по специальности «Журналистика», он некоторое время работал корреспондентом и редактором одной из местных газет (ДУСа) города Димитровграда.

Саша с детства любил много читать, пробовал писать стихи. Очень любил слушать русские народные песни и сам научился играть на баяне, который купил ему отец, видя его большой интерес к музыке. И когда мы, его друзья – я и поэты Василий Коробков и Александр Осипов, – собирались у него, читая свои стихи, он обязательно после этого брал свой баян и начинал играть и петь русские народные песни. Особенно он любил песню «Не зовите журавли» на стихи своего друга-поэта Дмитрия Лескина, погибшего нелепо и преждевременно.

Вот несколько строк из той песни:

Журавли летят, кричат.
Вся в крови рябина.
В сердце тонкая печаль,
Словно паутина.
Мне бы взять да улететь
За кричащей стаей –
Может, в синей высоте
Вся печаль растает...

Александр очень любил бывать на природе, посидеть ранним утром с удочкой. Мы часто с ним ездили на карася, забывая там обо всех своих литературных планах и замыслах. Он был азартным рыбаком.

И вот 28 октября 2018 года талантливого писателя-прозаика не стало. Он нам оставил, как счастье, свои книги – замечательные рассказы, повести, романы – всё самое лучшее, что он успел сделать. А мог ещё бы многое... Кто хоть раз прикоснётся к его творчеству, то сразу поймёт, какого самобытного талантливого писателя мы потеряли. Спасибо, Саша, за твоё прекрасное творчество, оставленное нам в наследство.

*Валентин Манухин,
поэт, друг Александра Никонова*

Александр НИКОНОВ (27.04.1948 – 28.10.2018), прозаик, член Союза писателей России. Это фантастическое повествование написано в духе первых книг Ивана Ефремова. С немного наивной верой во всеобщее счастье землян и «лунян», с мечтой о справедливой и прекрасной жизни в подлунном и «подсолнечном» мире. Автор определил жанр как футуризию.

ВСЁ ПОВТОРЯЕТСЯ!

Футуризия

Старик уходил в наблюдательный модуль обсерватории каждый раз, когда на чёрном полотне неба, затканном блёстками звёзд, появлялась большая материнская планета. Это происходило редко – всего раз в месяц. Освещённая солнцем анфас или в профиль, она была похожа на огромный круг сыра или располовиненную хлебную ковригу. Комфортнее наблюдать за кругом было в те моменты, когда лучи раскалённого ядра солнца не слепили глаза. Особенно притягательно-прекрасной планета была в то время, когда солнце находилось за спиной наблюдателя, и тень Луны не падала на её поверхность. Тогда планета казалась огромной жемчужиной, плавающей среди гигантской россыпи звёзд, похожих на огранённые алмазы.

Вот и сегодня старик открыл дверь в модуль, поднялся по ступенькам под прозрачный колпак, где размещался старый телескоп. Сел на стул, протёр платочком слезящиеся глаза и принял к окуляру. Долго смотрел в небо, затем неожиданно напрыгав всем телом, привстал и закричал:

– Нет, этого не может быть! Неужели дождался?! Может, это обман зрения? Сейчас, сейчас! – Он оторвался от окуляра, снова протёр платочком слезящиеся глаза, дрожащими руками схватился за поручни телескопа и снова принял к окуляру. – Да, да, она на самом деле меняет цвет! Боже, боже, неужели! Возможно, мне это лишь кажется! Нет, надо проверить по спектральной диаграмме. Я слишком давно не видел этого прекрасного цвета, слишком давно.

Старик провернул цилиндр, стоящий на металлическом треножнике, в котором стояли книги. Он дрожащими руками брал одну книгу, вторую, третью, клал их на место, в нетерпении повторяя:

– Да где же она, где же она? Неужели утащили эти бесенята, мои прапра... – Наконец, нашёл нужную книгу, воскликнул: – Ага, вот она! Надо проверить, сравнить, обязательно сравнить. Может, мне показалось, может, я ошибаюсь.

Старик долго и нервно листал книгу, нашёл нужную страницу и стал сравнивать картинку в книге и то, что он увидел там, в небе, глядя то на страницу с цветовым спектром, то в телескоп. Наконец, закричал:

– Да, да, это тот самый цвет! Боже, как он прекрасен! Как же я давно его не видел – сто лет. Ну, чуть поменьше. Наконец-то! – ликовал старик. – Я дождался, я дожил до этой светлой, счастливой минуты. Ну, теперь они ни за что не посмеют мне отказать. Они обещали! Они не посмеют, не смогут! Да, не смогут.

Старик откинулся на спинку стула, закрыл глаза, долго сидел неподвижно, ожидая, когда успокоится часто бьющееся сердце. На его изборождённом морщинами лице блуждала счастливая улыбка.

Слишком долго он ждал этой минуты, чтобы быть сейчас спокойным. Интересно, сколько же прошло лет с тех пор, когда ему приснился тот странный сон. Будто он идёт босым по влажному лугу с удочкой и котелком к речке. Недалеко шелестит листвою роща. Роса приятно холодит и щекочет ноги, утренний ветерок обвеивает лицо, и всё это земное великолепие накрыто гигантским голубым куполом, по которому плывут белые облака.

Тогда этот сон показался старику предзнаменованием каких-то перемен. Но каких, он не знал, пока однажды в его комнату не пришёл правнук Варсоноф, наблюдавший за солнцем, и не сказал:

– Дедушка, а твоя планета, кажется, начинает светлеть.

– Да ну! Не врешь?

– Иван Гаврилович, – сердито укорил старика правнук, – ну зачем мне врать, иди сам посмотри.

Когда старик пришёл в обсерваторию и посмотрел в небо, он понял, что его отпрыск не шутит и не врёт. Он помнил, как в течение многих лет огромная планета, висящая в тёмном небе, после неизвестной катастрофы, которая произошла на ней, меняла свой цвет. Сначала из голубой она превратилась в светло-серую, словно её заволокло туманом. Затем стали появляться тёмные пятна – свинцовые, синие, тёмно-синие, фиолетовые, а потом она и вовсе заплывла сплошным синяком. И вот впервые после многих десятилетий планета стала светлеть. На ней появились серые пятна, которые с каждым годом разрастались всё больше и больше, затем весь лик планеты превратился в сплошное светло-серое пятно. И, наконец, сегодня старик впервые увидел в этой серой пелене промелькнувшее голубое пятнышко. Оно было крохотным, с маковое зёрнышко, но самое главное, что оно было голубое. А это означало лишь одно: атмосфера его родной планеты стала очищаться от последствий катастрофы и возвращаться к своему первоначальному состоянию.

Старик почувствовал, как внутри тела что-то задрожало, как ёкнуло и встрепенулось сердце, будто он в один миг помолодел на десятки лет. Правду говорят, что счастье молодит человека! Старик засмеялся: легко, непринуждённо, открыто. Голубые его глаза сияли, словно горячие звёздочки. Не забыв прихватить книгу, он спустился вниз и, постоянно бормоча под нос что-то понятное ему одному, с улыбкой на лице побежал по высокому коридору.

* * *

Восемьдесят один год назад по земному летоисчислению на Алтайском космодроме России готовились к отправке очередной экспедиции на лунную научно-исследовательскую базу. Новый космодром был построен по самой передовой на

тот момент технологии. Если ещё двадцать лет назад все пуски ракет производились с вертикального положения, – то есть, аппарат ставился на «попа» и с такого положения улетал в космос – то на новом космодроме пуск производился с разгоном аппарата с горизонтали. Ракета набирала начальную скорость по горизонтали и уже затем по траектории «мёртвой» полупетли Нестерова переходила в вертикальный режим полёта. Мало того, новая ракета, которую придумал гениальный конструктор космических летательных аппаратов Тихонов, работала не на гептилах, керосинах или твёрдом топливе, а на гелии-3, доставляемом автоматическими челноками с Луны. Да и сами двигатели ракеты были не обычными реактивными, а реакторами синтеза. Для такой ракеты уже не требовались дополнительные ступени и разгонный блок для выведения её в космическое пространство. Поэтому они могли выводить в космос не 10-15 тонн полезного груза, как на старых ракетах, а все пятьдесят и даже больше. Сама ракета тоже мало напоминала торпеду с хвостовым оперением, это был уже самый настоящий космолёт с легкими крыльями из композитных материалов, которые при вертикальном векторе складывались в корпус. При возвращении на Землю и при вхождении аппарата даже в разреженные слои атмосферы крылья снова раскладывались, и космолёт мог садиться на любой аэродром.

Руководитель программы освоения Луны Ремешников Роман Андронович метал громы, молнии, извержения и землетрясения одновременно – экспедиция срывалась по причине того, что экипаж семьи Чукайловых по дороге от Центра подготовки космонавтов и исследований планет солнечной системы до космодрома исчез. Гелиокоптер, на котором летела семья Чукайловых и сопровождающая их группа наблюдения и охраны, не отзывался. Центры космического слежения и позиционирования не смогли засечь даже сигналы аварийного маяка. Наконец через час Ремешникову пришло сообщение от группы поиска:

– Роман Андронович, гелиокоптер с лунным экипажем Чукайловых разбился.

– Что?! – заорал Ремешников. – Как это – разбился? Что могло случиться, ведь гелиокоптер – самая надёжная машина!

– Мы сами ничего не понимаем. Свидетели катастрофы сообщают, что после перелёта реки Чарыш откуда ни возьмись по курсу гелиокоптера появились огромные стаи птиц.

– Что, птицы на трёхкилометровой высоте?! Не смешите меня! Говорите правду.

– Но это правда, Роман Андронович. Дело в том, что гелиокоптер уже шёл на снижение, когда врезался в плотную стаю птиц. Увернуться от неё не было никакой возможности.

– А птицы, откуда появились птицы?

– Пока неизвестно, вероятно, их что-то востривожило, и они поднялись в воздух.

– Что с экипажем Чукайловых, с группой сопровождения?

– Увы, Роман Андронович, в живых никого не осталось. Да и сам летательный аппарат разлетелся на куски, ведь скорость была более двух тысяч километров в час.

* * *

Иван Гаврилович Трестов, ещё молодой и крепкий мужчина сорока трёх лет от роду с женой, со всеми своими отпрысками, зятем и снохой отдыхал на даче и поливал цветочки, когда зажуужал миниатюрный видеофон – Ремешников. Трестов, конечно, ожидал, что им могли позвонить в любое время, ведь их семейный экипаж был запасным, но не предполагал, что это будет так скоро, ведь после прощания с лунным экипажем Чукайловых прошло всего семь часов.

– Здравствуйте, Роман Андронович. Зачем беспокоите отдыхающих?

– Здравствуй Ваня, – услышал он твёрдый голос Ремешникова. – Мне сейчас не до шуток.

В голосе Ремешникова было что-то такое, чего раньше Трестов не замечал. Нет, не тревога, не озабоченность, не грусть, а что-то более тонкое и малоопределимое – натянутость, что ли, словно гитарист перенастроил струну, и она зазвучала на десятую часть тона ниже. Но не придавал этому особого значения – мало ли что могло повлиять на настроение руководителя лунной программы: хоть укус комара. Но всё же спросил:

– Что случилось-то, Роман Андронович?

– Ничего особенного, Ваня. Собирай свой табор по полной боевой и жди. Сейчас за вами приедут.

Трестов врубился сразу:

– А Чукайловы? Что с ними?

– Я же ответил: – ничего страшного. Санитары на последнем этапе неожиданно обнаружили у младшего сына Чукайлова какую-то странную бактерию. В общем, сам понимаешь, – отстранили и отправили на карантин. С таким «подарком» на лунную базу нельзя.

– Но мы ведь тоже предполётный карантин не прошли.

– Ничего, прошло-то всего двое суток, как вы вернулись из Центра.

– А Чукайловы?

– А вот Чукайловых мы срочно отправили в поликлинику, – вдохновенно врал Ремешников. – Одним словом, полная боевая тревога. Шмотки в руки – и на вокзал. Поедете на скоростном поезде.

– А что, самолётом или гелиокоптером нельзя? – насторожился Иван.

– Нельзя, – твёрдо отозвался Ремешников. – Теперь у вас запасных нет. Вдруг что случится. Всё, жду.

Ремешников пропал с монитора. Ещё по дороге на железнодорожный вокзал Иван понял, что произошло что-то экстраординарное. Через окно вертолёт, низко летящего над городом, он наблюдал на улицах города настоящий хаос: люди куда-то бежали, ехали, летели, притом с такой беспорядочностью, словно не знали, куда деваться. На первый взгляд неопытному наблюдателю могло показаться, что наступил конец рабочей недели и люди собрались в гости, в отпуска, на дачи, (сегодня как раз была пятница) но в этом, казалось бы, привычном водовороте движения Иван, как опытный психолог, почувствовал тревогу и панику. Заметил он и странное поведение птиц: голуби, галки, вороны, грачи, воробьи сбились в огромные стаи и чёрными тучами кружились в небе, будто не знали, куда лететь. И

снова можно было предположить, что птицы готовятся к осеннему перелёту, ведь наступил сентябрь – самая пора. Но животные... Иван видел, как собаки и кошки сбивались в своры и, не обращая внимания на людей и машины, мчались на окраины города. Уж им-то точно не нужно готовиться к перелёту в жаркие страны. И, главное, солнце – оно сегодня было совсем не таким, как прежде. Наступал вечер, оно словно бы катилось по невидимому небесному жёлобу и не спешило опускаться за горизонт. И цвет его был ярко-оранжевым, будто это было и не солнце, а огромный апельсин, неведомо кем заброшенный в небо.

Трестов встревожился, но вида не подавал, чтобы не беспокоить свой семейный экипаж. Салон вертолёта без иллюминаторов. Это сделано специально, чтобы экипаж перед полётом в космос смог «разгрузиться» от земных забот, расслабиться и отдохнуть. То же самое будет и в отдельном вагоне скоростного поезда, который помчит их к космодрому со скоростью семьсот километров в час.

Иван знал, что экипаж не спит, а, следуя инструкции, лежит на откидывающихся креслах и слушает музыку. Только самая маленькая из их семьи, десятилетняя Гуля, иногда открывает глаза, позёвывает, потягивается, удобнее устраивается в персональном кресле и снова смеживает веки. Степанида, его жена, хрупкая, черноволосая, в такт музыке подёргивает правой ступнёй. Сын, Гаврила, безмятежен и спокоен, словно сфинкс, – о том, что он всё же бодрствует, можно определить лишь по вздрагивающим векам. Он сидит рядом со своей женой Линой (по паспорту Акилиной) и держит её за руку. Дочь Феодотия, по семейному Феда, два месяца назад вышла замуж за парня из отряда космонавтов, Капитона Свешникова, который держится подчёркнуто независимо от своей любимой Федички, сидя в хвосте салона.

Тревога не отпускала Трестова до самого поезда. Что-то случилось, что-то случилось! Вряд ли война, ведь американская держава к сороковым годам двадцать первого века стала давно уже не той, какой она была до двадцать первого века. Агрессивная, амбициозная, жадная, наглая, привыкшая к вседозволенности в политических, экономических, геополитических и военных делах, она в одночасье, вернее, в одногодье, после принятия Всеземной Лигой Наций новой всемирной расчётной валюты терры, которую в России тут же стали называть терриками, стала хиреть и рассыпаться на штаты. Объединённая Европа, созданная по принципу почившего в бозе СССР, после долгих политических, экономических потрясений и пертурбаций сумевшая вырваться из удушающих объятий заокеанского патрона, наконец, успокоилась и стала проводить разумную политику.

«А может, случилось что-то более страшное?» – гадал Трестов. И предчувствие его не обмануло. Когда экипаж прибыл на место, Ивана Гавриловича в санитарном кабинете посетил Ремешников. Подождал, когда врачи, проверявшие его самочувствие, выйдут, через переговорное устройство начал разговор первым:

– Слушай, Ваня, в мире происходит что-то странное и страшное.

– Я это и сам заметил, – ответил Иван.

– Вот и хорошо, – вздохнул Ремешников, – значит, мне легче будет с тобой разговаривать. Признаюсь, даже я не обладаю точной информацией, но, по моим ощущениям и по тем странным недомолвкам, исходящим из Центра, на Земле происходят глобальные изменения. Какие, я пока не знаю. И я должен, нет, я обязан тебя предупредить, – не как руководитель программы, а по-отечески, – что ваш полёт на лунную базу может быть последним с Земли. Ты меня понимаешь?

– Чего же не понять, Роман Андронович.

Трестов хотел спросить, что же на самом деле произошло с экипажем Чукайловых, но, понимая, что если Ремешников не сказал ему правду сразу, то сейчас, перед самым полётом, вводить его в неудобное положение не стоит. Да и что изменится, если он узнает правду, – ничего не изменится. Если Ремешников предупреждает, что полёт может быть последним, и так ясно, что положение более чем серьёзное. То ли из суеверия, то ли по традиции космонавты и лётчики никогда не употребляли по отношению к полётам слово «последний». Последний – это и значило последний, за которым полётов больше быть не могло, а крайний – это будто бы и не последний, за которым мог быть следующий полёт. А Ремешников тем временем продолжал:

– Ты, Ваня, умный и понимаешь, что это лишь моё предположение. Но ты же знаешь, что любое предположение может стать реальностью. Об одном я спокоен, что там, на Луне, мы уже успели создать все условия, если не для полноценной жизни, то для вполне сносного и комфортного существования на долгие годы, и даже десятилетия. К тому же вы там будете не одни, в случае чего вам помогут китайцы или американцы. Правда, их модули не настолько совершенны, как у нас, да и базы далековато находятся друг от друга, но всё-таки это какая-никакая поддержка. Ты что молчишь?

– Думаю, – разомкнул пересохшие губы Трестов.

– О чём?

– Говорить своим или подождать.

– Ну, это ты уж сам решай, в зависимости от обстоятельств, от психологического состояния экипажа, от... Да чего я тебя учу, ты сам всё знаешь. – Ремешников замаялся. – Ну, обнять я тебя не могу, так что до свидания. Да-да, именно так, до свидания. Будем держать связь по графику. Экипажу Пуляковых скажешь, что они пока останутся на станции.

– А что мне им сказать?

– Ничего не говори, я сам им всё попытаюсь объяснить по связи. Ну, всё! Как говорится, долгое расставание – лишние слёзы.

Ремешников сжал кулак, поднял его вверх и сбросил выходящий, как вдруг снова повернулся:

– Да, забыл сказать, корабль загрузили продуктами под завязку – пятьдесят четыре тонны. – Улыбнулся. – Хорошо, что там, на Луне, холодильника-рефрижератора не надо.

Эта фраза-шутка была последней, которую Иван Гаврилович слышал на Земле. И вот они уже в космолёте. Отсчёт. Космолёт начал стремительный разгон. Всех вжало в модульные кресла. Скорость двести, четыреста, шестьсот, восемьсот, тысяча километров в час. Космолёт начал входить в вертикальный вираж и устремился в зенит. Включился форсаж. Шесть долгих минут, толчок – и все члены

экипажа почувствовали, что «поплыли». Невесомость. Все открыли «забрала» скафандров. Первой невесомость прокомментировала Гуля:

– Ой, как хорошо! Мама, папа, я плаваю! Обалденно! Я как будто на облаке лечу.

– Смотри, не отстёгивайся, дочка, – предупредила Степанида.

– Я знаю, просто мне сейчас так хорошо.

Старший брат Гаврила усмехнулся, насмешливо спросил:

– Гулька, ты в туалет сбегала, а то нам лететь целых десять часов, да потом ещё на орбите с полсуток плавать?

Сестра скривила губы от обиды:

– Мама, чего он дразнится!

– Он не дразнится, он шутит.

Девочка высунула язык и показала его Гавриле:

– Гаврюха-рюха, Гаврюха-рюха!

Гаврила лишь снисходительно улыбнулся и стал что-то показывать в рулонном планшете сестре Феодотии. Та посмотрела, повернулась к своему мужу Капитону:

– Вот, Капитоша, учись! Пока мы летим, мой братец успел выиграть в интернет-лотерею семь тысяч терриков.

– Да? – удивился Капитон. – А зачем они ему на Луне? Через год, когда мы вернёмся, их стащит какой-нибудь хакер, истратит на газировку или на свою пассиву.

Акилина, жена Гаврилы, вступила в разговор:

– А разве Всепланетный банк не гарантирует их сохранность?

– Лина, ты как маленькая, – пожурил Капитон. – Разве ты не знаешь, для чего даётся гарантия?

– Объясни.

– Что такое банк? Это рыболов, терпеливо сидящий на берегу, чтобы выудить добычу. Гарантия – это такой червячок, которого подвешивают на крючок, или приманка, чтобы приманить вкладчика, – терпеливо объяснял Капитон. – Для чего? Да чтобы он быстрее схватил наживку и положил в банк побольше терриков, в надежде получить халявную прибыль. Когда банк лопается, то террики куда-то исчезают, а вкладчик остаётся ни с чем. Затем уже другой банк закидывает удочку, в надежде поймать ещё одного доверчивого вкладчика. И снова всё повторяется... Вот и всё.

Лина поморщилась и промолчала. Зато не смолчала Степанида. Поглядев на задумчивого супруга, спросила:

– Ваня, а ты чего как воды в рот набрал? Случилось чего?

– Тесновато будет, – отозвался супруг.

– Где тесновато?

– На станции.

– А разве Пуляковы не возвращаются?

– Пока остаются.

– Надолго? – Иван лишь пожал плечами. Степанида подняла свои прекрасные очи: – Боже, опять на кухне будет толкотня! Кстати, а почему Чукайловых отстранили?

– Говорят, вирус какой-то подхватили в самый последний момент.

Степанида задумалась, с недоумением протянула:

– Где они могли его подцепить? Мы и на даче

побыли, и в городе по магазинам ходили – и ничего. Ваня, а помнишь, в прошлую экспедицию, когда Гулька простуду подхватила, и нас срочно хотели эвакуировать, к нам с китайской станции старик приехал, чтобы пролечить нашу дочку какими-то народными снадобьями?

– Ну, помню. И что?

– Сколько ему лет было?

– Кажется, сто одиннадцать.

– Да-да, точно, сто одиннадцать. Он ещё шутил, что у него только три единички, а он хочет дожить до трёх двоек.

– Ты к чему это?

– Я узнала, что он недавно умер.

– Вот как, жалко старика, – равнодушно отозвался Иван Гаврилович и посмотрел на часы. – Подлетаем. Всем приготовиться к спуску.

Космолёт занял лунную орбиту. Семья Трестовых перешла в посадочный модуль и через несколько часов уже была на лунной станции. Их встречал экипаж Пуляковых. Командир экипажа и одновременно глава семьи Семён Данилович, его жена Ираида, которая после первых же объятий с беспокойством спросила:

– Иван, не знаешь, почему нас здесь задерживают?

– Ида, честное слово, не знаю, – поклялся Иван, прижав руку к сердцу. – Мы ведь тоже по экстренной программе здесь, потому что основной экипаж отстранили.

– Ну, ладно, – отмахнулась Ираида. – Пойдёмте в столовую, я вас угощу лунными щами.

За столами Пуляковы донимали Трестовых вопросами: как там, на Земле: изменилось ли что-нибудь за этот год, ввели ли в школах курс селенологии, как обещало правительство? Дети больше со смехом игрались, чем ели, и шёпотом пересказывали друг другу земные и лунные новости.

Когда все поели и разделились на группы по интересам, Семён Данилович спросил Трестова:

– Ну, что, Ваня, хозяйство принимать будешь? Ведь теперь, по уставу, ты здесь командир.

– А что его принимать, Семён: я и так вижу – всё в порядке. Ведь иначе в этих условиях не выжить. Но поглядеть, оживить в памяти стоит. Всё-таки мы уже четыре года здесь не были после первой нашей экспедиции.

Семён встал:

– Пошли. С чего начнём?

– С легких, – шутливо отозвался Иван. – А потом и сердце проверим.

«Лёгкими» на Лунной станции называли модуль по добыче кислорода и регенерации воздуха, а «сердцем» – энергетическую установку.

Лунное поселение состояло из семи основных и пяти вспомогательных модулей, соединённых переходными камерами. Когда-то учёные разных стран спорили, каким образом сделать станции на Луне. Одни предлагали закапывать огромные металлические модули в грунт, чтобы уберечься от радиации и перепадов ночных и дневных температур, которые достигали иногда почти трёхсот градусов. Атмосферы, как на Земле, на Луне нет, и потому глупо было говорить о температуре воздуха. Но грунт солнце прогревало до ста-ста тридцати градусов по Цельсию, а лунной ночью температура на поверхности

достигала минус ста пятидесяти. А например, в лунных кратерах Пири, Bosch и Эрмита, куда никогда не доставали лучи солнца, при замерах холод был и вовсе космическим – минус 250. Другие учёные убеждали, что закапываться не обязательно, достаточно ставить модули на поверхности, а затем делать обваловку модулей грунтом. Оба предложения предусматривали огромные затраты по перевозке строительных материалов, техники, вплоть до экскаваторов и бульдозеров, научного и бытового оборудования с Земли.

Наилучший выход нашли американцы. Они предложили строить модули, купола и переходы при помощи 3D-принтера, который был самоходным, лёгким и компактным. Материалом для строительства служил сам лунный грунт, который скреплялся специальным отвердителем, разработанным в лабораториях Европы. Метод строительства оказался настолько эффективным, малозатратным и простым, что им воспользовались не только американцы, но и китайцы и русские. Первая же рабочая лунная экспедиция американцев, со свойственным их нации размахом, построила целый городок всего за несколько месяцев. Проблема у них возникла с коммуникацией: из модуля в модуль, для перехода из одного строения в другое им приходилось перемещаться на луноходах, в специальном снаряжении и с дополнительными аксессуарами для жизнеобеспечения.

Учтя их опыт, российские лунные колонисты построили модули компактно, рядом друг с другом, с короткими переходами. Это намного облегчало жизнь экспедиций. К тому же система питания и жизнеобеспечения тоже оказалась компактной, легкодоступной и обслуживаемой.

Сейчас Иван Трестов и Семён Пуляков направлялись по переходам к кислорододобывающей станции, в быту называемой просто кислородной.

– Как, перебоев не было? – спросил Иван.

– С чего им быть-то? Кислорода на Луне сколько хочешь. Он и в грунте, и в недрах, только улетает в космос весь, потому что гравитация слишком маленькая. Ты, я гляжу, на полусогнутых ходишь, чтобы о потолок не удариться.

– Не освоился ещё с лунным притяжением, – отозвался Иван. – Да и башмаки эти со свинцом что-то давят с непривычки. Ничего, сутки-двое, и привыкну.

– Конечно, привыкнешь. А кислород... Это тебе не на Земле, там его сколько хочешь, и добывать не надо. Только дыши – красота! А тут самое главное, ты же знаешь, Ваня, – это поймать его, регенерировать и доставить куда надо. Водную станцию смотреть будешь?

Иван на мгновение задумался, потом решительно сказал:

– Обязательно. Ты не обижайся, Семён, я тебе полностью доверяю, но ты сам понимаешь, как бывает: у человека притупляется острота внимания, привыкает, что ли, и иногда не замечает каких-нибудь мелочей. А я человек со свежим, как говорит моя тёща, которая работает корректором в редакции, с незамыленным взглядом.

– Я не обижаюсь, Ваня. Всё понимаю. Пошли в скафандровую.

Командиры пошли надевать скафандры. Водная

станция состояла из нескольких куполов. Вода добывалась на лунной станции двумя способами: путём регенерации и очистки жидких отходов людей и улавливания испарений из грунта. Конденсация происходила за счёт разницы температур между лунными ночами и днями, которые длились здесь четырнадцать земных суток. Конденсат осаживался на стенках куполов и собирался с помощью всасывающих вентиляторов в специальные приёмники, откуда подавался в жилые модули и регенерировался в воздух. За сутки из одного кубического метра пространства добывалось около стакана воды. Но если учитывать, что куполов было три, каждый объёмом сорок кубометров, то за дневные лунные сутки станции давали около тридцати литров воды, которой хватало и на приготовление пищи, и на бытовые нужды, и для регенерации воздуха для дыхания.

Конденсационные купола обошли за двадцать минут. В одном месте Иван заметил, что подтекает труба, но это было не страшно, потому что конденсат снова испарялся и снова конденсировался. В третьем куполе Трестов заметил крохотный свищик в стене.

– А это что?

– Где? – заволновался Семён.

– А вот, видишь, крохотная дырочка, а около неё капля воды замёрзла.

– Да, – согласился Пуляков, – каюсь – не заметил. Видно, через эту дырочку днём происходит испарение. Обязательно сегодня же заделаем.

Затем командиры обошли санблок, в котором размещались душевая, туалет и прачечная, мастерскую, энергоблок, научно-исследовательский модуль, мини-обсерваторию с телескопом. Не забыли и оранжерею, которая официально называлась фитотроном. Под огромным куполом при свете ярких ламп радовали глаза зелень растущих в грунте овощных растений. Отдельно росли злаки. Трестов улыбнулся:

– Красота какая! Я словно на своей земной даче.

– Да, действительно красиво, – вздохнул Семён. – Мы тут каждый день бываем. Посидишь пару минуток – и словно дома побываешь. Успокаивает хорошо.

– Только я никак не могу привыкнуть к тому, что они растут здесь очень быстро, – сказал Трестов, трогая гигантские листья редиса, моркови, свеклы, огурцов, томатов и перья лука.

– Чего ж ты хочешь, ведь здесь гравитация в шесть раз меньше земной, вот они и тянутся, и растут.

– Да, от недостатка пищи и витаминов мы не умрём точно, – согласился Иван. – Только трудно-то тут дышать от влаги. Помидоры-то не загнивают? А то в прошлую экспедицию моя Степанида с ними намучилась.

– Нет, всё в порядке. Просто уменьшили влажность и добавили азота. Живность смотреть будем, Ваня? – напомнил Семён.

– Обязательно.

Инкубатор находился в переходе от фитотрона. Если в оранжерее новичка поражали влажность и размеры растений, то в инкубаторе его встречал поразительный запах аммиака, кала и шерсти. Помещение инкубатора отличалось от остальных

модулей, оно было удлинённым и напоминало сводчатый ангар. У одной стены за прозрачной стенкой росли цыплята-бройлеры и неслись куры, у другой размещались клетки с кроликами. И здесь для нормального земного человека всё было необычным: куры-несушки, которых было с десяток, напоминали страусов, а цыплята – гусей. Иван нажал на прозрачную дверцу и взял в руку яйцо:

– Ого, какое тяжёлое! Вроде куриное, а похоже на страусиное. Никак к этому не привыкну.

– Да уж, утром на завтрак одного хватает на всю мою семейную братву, – усмехнулся Пуляков. – Да и цыплёнка тоже.

– Не удивительно, – поддакнул Иван. – В месячном цыплёнке веса больше трёх килограммов. Здесь нечаянно и зажиреть можно. А потом на Землю не вернёшься – космолёт не потянет.

Командиры семейных экипажей от души посмеялись, от чего заволновались крольчихи, больше похожие на медведя панду. Месячные лунные крольчата, так же как и цыплята, размером были с взрослого земного кролика. Мужчины сходили в научно-исследовательский комплекс, посмотрели в телескоп на родную землю. Семён задумчиво заметил:

– По-моему, что-то неладное творится на нашей родине, брат Иван. Ты не заметил?

– Что не так? – заволновался Иван.

– А видишь, с правой стороны чёрное пятнышко, небольшое такое. Такого я ни разу не наблюдал.

Иван приник к телескопу:

– Может, вулкан какой проснулся. Или торнадо крутит. Возможно, огромный циклон образовался. Да не бери ты в голову, Семён. Всё будет нормально, – успокаивал он Пулякова, хотя у самого на душе было не спокойно.

– Ага, нормально! А почему же тогда нашу экспедицию задерживают? Неспроста это.

– Хорошо, узнаем, что к чему, при следующем сеансе связи, – пообещал Трестов. – Ну, что оформимся, что ли?

– Пошли.

В экспедиционном журнале, который лунники называли просто корабельным, отметили странные земные явления, отметили прибытие экипажа Трестовых и расписались: Пуляков – экспедицию и обязанности сдал, Трестов – экспедицию и обязанности принял. Иван успокоился: теперь прежний руководитель экспедиции уже не имел права ни вмешиваться в деятельность новой экспедиции, ни связываться с Центром.

Когда подошло время связи с Землёй, Трестов прошёл в командирскую рубку, включил видеофон. На экране появился Ремешников:

– Добрый день или ночь, Иван? – спросил Роман Андронович. – Что у вас там сейчас на Луне?

– Утро, Роман Андронович, – ответил Трестов.

– Ну, значит, доброе утро. Как добрались?

– Спасибо, хорошо.

– Ты станцию принял?

– Да.

– Это хорошо, не придётся с Пуляковым объясняться.

Трестов заволновался:

– Что-то случилось?

– Да, кажется, Ваня. Что-то непонятное про-

исходит на нашей Земле-матушке. При нашей информационной насыщенности ничего не поймёшь. Трещат чёрт знает о чём! Со всех концов света, особенно из Америки, приходят разноречивые новости. Вернее, не новости даже, а панические слухи. Телевидение, интернет, радио, сотовая и видеосвязь – всё там отключено. Просачиваются тревожные вести: то ли Йелоустоун проснулся, то ли пентагонские ястребы доигрались – будто бы взорвалось хранилище ядерных боеприпасов; кто-то говорит о крупном, чуть ли не о всепланетном, теракте международной террористической организации – доигрались в толерантность, досюсюкались с ними эти либеральные демократы. Одним словом, понятно, что ничего не понятно.

– И что нам делать?

– А что? Заниматься своими делами, проводить исследования, эксперименты – всё по программе. Даст бог, всё успокоится.

– А что сказать Пуляковым?

Ремешников тяжело вздохнул:

– А что передать – скажи, пусть ждут приказа Центра. Мы тут сами в неопределённости и неразберихе живём. Надеемся, что скоро всё прояснится и устаканится, – хохотнул Роман Андронович. – Будем держать связь по графику. Привет всем. Пока.

Экран видеофона потух, а Иван начал размышлять: что же предпринимать дальше, что ждёт лунные экспедиции в дальнейшем, и главное – как помягче донести ситуацию до семейного экипажа Пуляковых? Да и до своих тоже.

Семейные экипажи на лунные станции начали формировать после одного неприятного инцидента на американской лунной станции. Несколько лет назад там разгорелись нешуточные голливудские страсти. Получилось так, что на пятерых мужчин в поселении оказались три женщины. Сначала всё шло хорошо, но затем один из астронавтов приревновал «свою» женщину. Началась ругань, перешедшая в свару, а затем и до драки дошло. Экспедицию срочно пришлось эвакуировать на Землю, а драчунов растаскивать специальной комиссией НАСА. Учитывая этот опыт, руководители российской лунной программы стали компоновать семейные отряды космонавтов на станцию. При этом в отряд обязательно должен был входить один несовершеннолетний член команды, который набирался бы опыта проживания на станции.

Прошло две недели. Однажды с российской станцией связались китайцы. Командир китайской лунной станции Яозу спросил:

– Как ваши дела, друг Иван?

– У нас всё хорошо, Яозу. Чего звонишь, случилось что-нибудь?

– Случилось, Иван. Наше руководство не вышло на плановую связь. Мои тайконавты беспокоятся. Моя жена беременна, ей пора рожать, а она боится делать это на Луне. На Землю хочет. И ещё: наш астроном заметил, что Земля сильно меняется.

– Как это – меняется?

– Грязной становится. Ты связываешься с Землёй, что говорят ваши руководители?

– Скоро у нас сеанс, я спрошу, а потом свяжусь с тобой. А что американцы?

– Не знаю, Иван. Они с нами не разговаривают – не любят нас.

Трестов рассмеялся:

– Есть за что, обштопали вы их по всем параметрам, когда их пустые доллары весь мир заменил на террики. Да и нас они не очень-то жалуют. Хорошо, Яозу, я всё узнаю. До связи.

После разговора с китайцем Иван забеспокоился уже всерьёз – видно, и на самом деле на Земле происходило что-то странное, если даже китайцы, никогда и ни к кому не обращавшиеся за помощью, заволновались. В первую очередь он прошёл в обсерваторию, открыл дверь электронным командирским ключом и долго смотрел в небо через телескоп. Будто бы ничего особенного: те же яркие звёзды, Венера, плывущая величественным шаром, яркая точка солнца, Земля тоже на месте, правда, освещена на две трети. Будто бы ничего не изменилось – голубой шар, местами серый, будто смазанный серой акварелью. Придётся подождать часа три, когда солнце полностью осветит планету.

Пока ждал, обследовал видимые созвездия и записал интересные, на свой взгляд, наблюдения в астрономический журнал. Но вот Земля в своей полной красоте и полноте. Милая Земля, родная Земля! Какая же ты притягательная, словно мать родная. Надо опять навестить тебя, что ли, полюбоваться на тебя – хотя бы издалека. Трестов снова посмотрел в телескоп и в том месте, где Земля была прежде не освещена, сразу увидел два чёрных пятна. Они размещались над Северной Америкой и где-то между Австралией и Филиппинами. Да, на торнадо или ураганы не похожи, уж слишком велики – более двух тысяч километров в диаметре, если брать на глазок. Да ещё по краям этих чёрных пятен какие-то серые и фиолетовые разводы.

Иван о своих наблюдениях и тревоге на китайской лунной станции делиться ни с кем не стал – зачем понапрасну тревожить экипажи предположениями и сомнениями, если сам пока ничего не понимаешь. А жители лунной станции занимались своими обычными плановыми делами: жёны командиров, Степанида и Ираида, – биологическими и химическими экспериментами, Капитон Свешников со своей ненаглядной Феодотией – исследованием лунных пород, ну и так далее. Каждый имел свой участок работы. Только дочка Ивана, Гуля, и младший сын Пулякова, четырнадцатилетний Тимофей, чаще всего сидели за компьютером и над чем-то хихикали.

Очередной сеанс с Землёй успокоения и ясности не внёс. Ремешников твердил одно: работайте, ни о чём не беспокойтесь; Пуляковы пусть ждут команды. Затем сеансы стали происходить всё реже и реже, а затем и вовсе прекратились. Китайцы тоже так и не смогли связаться со своим космическим центром, сели на гелиокоптер, поднялись к своему очередному космическому «Дракону», висящему на орбите, и отправились в земную Поднебесную. Больше о них русские ничего не слышали. Что случилось с американцами, на русской лунной станции так и не узнали: на связь они не выходили, в гости на своих луноходах тоже не приезжали.

Наконец, по тому, что весь земной шар заволокло чернильно-черной, в зависимости от освещения, пеленой, стало ясно, что на их родной планете произошла какая-то катастрофа, если не погубившая всё живое на Земле, то, во всяком случае, надолго отложившая возвращение экипажей лунной стан-

ции домой. Об этом и сообщил на общем собрании Трестов. Женщины всплакнули, мужчины долго сидели молча, угрюмо уставившись в точки, лишь младшие дети, Гуля и Тимоша, казалось, ни о чём не беспокоились – им было хорошо вдвоём.

* * *

С тех пор прошёл восемьдесят один земной год. От первых семейных экипажей Трестовых, Свешниковых и Пуляковых остался живым лишь он один: Трестов Иван Гаврилович, которому недавно стукнуло сто двадцать четыре года. Почему Бог дал ему столько лет жизни, он, конечно, знать не мог. Просто дожил – и всё. Как шутил сам Иван Гаврилович, если считать лунные сутки, равные двадцати восьми земным, то получается, что на Луне он прожил около трёх лунных лет, и, стало быть, сейчас ему всего-то сорок шесть, если сложить земные и лунные годы. Может, Бог-то был и ни при чём, а что-то другое удерживало его от смерти: возможно, твёрдая вера, что его родная колыбель, где он появился на белый свет, Земля, не погибла окончательно; что, возможно, там ещё живут люди, которые помнят о них, о лунных поселенцах. Он своими глазами наблюдал, что она, родная Земля, ещё не сошла со своей привычной орбиты и ещё кружится вместе со своей неразлучной спутницей, Луной, вокруг оживляющего Солнца.

Да нет же, нет, что за дурные и мрачные мысли лезут в голову! Разве он остался один! Даже наоборот, сейчас на Луне колония земных людей разрослась до шестидесяти двух. Но он, Иван Гаврилович Трестов, всё помнит, помнит все эти годы, помнит каждый день.

Да, сначала лунных колонистов охватило отчаяние, апатия и безразличие к своей судьбе. Они просто жили и ждали какого-то чуда: сначала ждали известий с Земли, хоть словечка по радио- или видеосвязи, ждали корабля спасателей, ждали, что на Земле вот-вот всё нормализуется и войдёт в привычное для них русло.

Понимая, что в таком состоянии экспедиция долго не протянет, Иван, как командир экспедиции и, стало быть, уже всей колонии, приказал всем заниматься своими делами и выполнять свои прямые обязанности. Понимал он и то, что людям надо каким-то образом придать уверенности в будущем. Однажды во время обеда Иван предложил:

– Вот что, дорогие мои, хватит киснуть и страдать, надо что-то делать.

– И что ты предлагаешь? – спросил Семён Пуляков.

Хитро прищурившись, Иван ответил:

– Совершить небольшую прогулку по Луне.

– Прогулку? Зачем рисковать собой? – возразила Ираида, супруга Пулякова.

– А никакого риска нет. Помнишь, Семён, ты сам рассказывал мне, что когда вы висели на орбите перед приземлением, то наблюдали какие-то странные объекты, похожие на сферы, призмы и башни.

– Да, было такое, – подтвердил Семён.

– Может, проверить, что это за объекты, а?

– Ну, вряд ли это что-то стоящее, чтобы рисковать. Вернее всего, просто обман зрения, – засомневался Семён. – Сколько их было, чего только нам,

земным людям, не мерещилось: и колонии инопланетных существ, и лунные города, и инопланетные космические корабли, и другая чертовщина.

– Может быть, – согласился Трестов. – Но ведь это заметил не только ты, но и американцы. Они даже предполагали, что это какие-то разрушенные строения, в которых когда-то могли обитать разумные существа.

Гуля и Тима, слушая командира, раскрыв рты, первыми захлопали в ладоши и закричали:

– Ой, как интересно! Папа, пусти меня, я поеду! И я тоже!

– Вот видишь, – поддержал детей Иван, обращаясь к Семёну, – первые члены экипажа лунных исследователей уже есть.

Пуляков думал недолго:

– Что ж, можно попробовать. Кстати, можно по дороге заглянуть к американцам. Интересно, как они там: живы или нет, остались или улетели.

– Вряд ли улетели, – подала голос Степанида, – ведь их корабль так и висит на орбите.

– Интересно, куда они подевались, – пробасил Капитон. – По связи тоже не отвечают.

– Вот заодно и проверим, – подытожил Иван.

– Гелиокоптер готовить? – спросил сын Пулякова, Дмитрий.

– Нет, Митя, – покрутил головой командир, – гелиокоптеры трогать пока не будем, они могут пригодиться для эвакуации экипажей на орбиту, в корабли. У нас же стоят два лунохода без дела, вот их и используем. Заправь один из них под завязку водородом. Теперь надо решить, кто поедет.

Руки подняли все, кроме женщин, даже «малявки», десятилетняя Гуля и четырнадцатилетний Тимофей. Но Трестов волей командира решил:

– Поедут Дмитрий, Гаврила и я.

Иван заметил, как обиженно отвернулся Семён и поникли его плечи. Понял: обиделся, поэтому сразу добавил:

– За командира в моё отсутствие остаётся Пуляков Семён Данилович. Слушаться его беспрекословно. Связь с нами тоже будет поддерживать лично он.

Семён встал, гордо поднял голову, крикнул и ответил:

– Есть временно принять командование.

Луноход отправился в путь. Предварительно в него уложили питание в тубах, лёд в воздушные регенераторы, женщины положили пакеты с жареными лунными курами и кроликами. Проверили на луноходе исправность солнечных батарей. Попрошались, условившись связываться через каждые двенадцать часов – земных, конечно.

Передвигаться по Луне – это не то что на Земле. Здесь нет дорог и шоссе, и невозможно полихачить, потому что при большой скорости можно запросто улететь в космос и не вернуться. Здесь нет атмосферы и гравитация в шесть раз меньше земной, но зато и расстояния другие, в несколько раз меньшие. Двигались со скоростью двенадцать километров в час. Бегом можно было бы передвигаться в несколько раз быстрее – это же Луна. Но здесь человеку земному невозможно жить без средств жизнеобеспечения, без скафандров, еды и воды. Да долго и не наскачешься. Через семнадцать часов показались купола – китайская станция. Сквозь про-

зрачную полусферу лунохода красный флаг «Поднебесной» в темноте казался чёрным прямоугольником. Дмитрий предложил:

– Заглянем, что ли?

– А зачем, там же нет никого – улетели китайцы домой, – отозвался Гаврила и посмотрел на отца.

Иван раздумывал недолго:

– Заглянем. Интересно же, как китайцы устроили свою станцию. Да и передохнуть не помешало бы.

– Ага, и поспать бы, – зевнул Гаврила.

Долго искали вход. Он оказался в стороне, в отдельно стоящем куполе. Длинный коридор освещался дежурным освещением.

– Ого, у них и электростанция ещё работает, – удивился Дмитрий. – Наверно, вернуться надеются.

– Может, кого и оставили.

– Это вряд ли, – возразил командир. – Меня другое удивляет: зачем им нужен вход в стороне и такой длинный коридор. Это же дополнительная работа, лишние затраты и всё такое.

Только он успел произнести эти слова, как сзади затворилась дверь и загудели электромоторы.

– Ага, понятно, – сказал Гаврила, – это вентиляторы. Сначала нагнетают сюда воздух и затем пылесосы собирают лунную пыль, которую мы занесли снаружи.

– Да, толково, – отозвался Дмитрий. – На нашей станции мы сначала попадаем в скафандровую, два часа проходим очистку и только потом заходим в жилой модуль.

Все лунные жители знали, что лунная пыль – это самый опасный враг на Луне. Эти мельчайшие частицы с заострёнными краями брались неизвестно откуда, при попадании внутрь моментально выводили движущиеся механизмы из строя, проникали в любые, даже микроскопические щели, а если попадали в человеческий организм, то медленно кромсали его на части.

Но вот гудение моторов прекратилось, дежурное освещение сменилось на постоянное, и на двери загорелось зелёное табло с иероглифами.

– Молодёжь, не знаете, что там написано? – спросил Иван. – Вы, кажется, учили китайский.

– С сотню иероглифов знаю, – отозвался Гаврила. – Кажется, опасности нет, можно входить.

– Что, и скафандры открыть можно?

– Кажется, – неуверенно отозвался Гаврила.

– Кажется, кажется, – проворчал Иван и, сделав вдох, приоткрыл шлем, осторожно выдохнул воздух и вдохнул. Улыбнулся: – Всё нормально, птенчики. Дышите. Ну пошли, прогуляемся.

За первой дверью находилась вторая и тоже с горящим табло с иероглифами, которые предписывали снять скафандры. За второй дверью находилась третья, надпись над которой уже окончательно разрешала входить в модуль. Непрошенные гости с интересом осматривали китайскую станцию. Вроде всё то же, что и на российской: жилые помещения, столовая, научные лаборатории, системы жизнеобеспечения, фитотрон, инкубатор. Но всё чужое. Командир сначала зашёл в радиорубку, включил аппаратуру связи, посмотрел на монитор – пусто, в наушниках слышно лишь странное кваканье. Посмотрел в компьютере график – связи не было

давно, с тех самых пор, когда китайская команда отправилась на Землю. Интересно бы знать, почему они улетели? Может, им дали команду на возвращение? Или тайконавты испугались и сами решили вернуться? Загадка. Иван неожиданно услышал возглас и пошёл на голос. Гаврила стоял у открытой двери, из проёма которой торчали странные светло-зелёные лохмотья.

– Батя, смотри, что тут!

Иван осмотрел:

– Чего испугался? Обыкновенные растения. Выросли, пока китайцы отсутствовали, вот и заполнили весь фитотрон.

Он отщипнул листок, попробовал на вкус:

– Капуста. – Отщипнул второй. – А это, кажется, редис или свекла – не поймёшь. Дмитрий где?

– Он туда ушёл, – показал Гаврила вправо. – Сказал, в туалет хочет.

– Нам бы тоже не мешало опростаться.

Дмитрия они нашли у инкубатора. Тот стоял у открытой двери, зажав нос. Отец с сыном тоже почувствовали отвратительный, тошнотворный запах гниения. Подошли. Гаврила спросил:

– Митя, что тут?

Тот молчал, лишь показал рукой внутрь и отошёл. Мужчины ожидали увидеть кроликов и кур, в крайнем случае, пекинских уток или индюков, но в помещении за стёклами клубками шевелились различные насекомые, червяки и личинки огромных размеров.

– О, мамочка! – не удержался Гаврила. – И вот это они ели? Этим питались?

– Чего ж ты удивляешься, – ответил отец. – Для них это привычная пища. И содержать этих тварей гораздо удобнее. Ладно, ребята, поехали дальше, а то при лунном дне не успеем домой вернуться. Мы уже сутки потратили. А нам ещё к американцам заглянуть надо.

Американскую станцию космонавты нашли лишь по огромным куполообразным сооружениям. Станция была пуста и даже обесточена, причём обесточена полностью.

– Странно, куда янки подевались? – спросил Дмитрий.

– Может, они всё-таки улетели? – предположил Гаврила.

– На чём, как? – отозвался командир. – Ведь их корабль на орбите висит.

– Может, другой корабль прислали, – осторожно предположил Гаврила. – Может, этот у них сломался или ещё что.

– Смотрите, смотрите! – закричал младший Пуляков и показал на следы на грунте. – Они поехали куда-то.

Да, это было очевидно – американцы куда-то поехали на луноходах, причём все сразу. Зачем, это была загадка.

– Ладно, чего гадать? – невозмутимо сказал Трестов. – Только время теряем. У нас свои задачи. Поехали.

Оказалось, что их направление почти полностью совпадало с американским. Они проехали по дну «морья», обогнули кратер справа, объехали небольшую гору. Гаврила, исполняющий обязанности навигатора, неожиданно закричал:

– Стоп!

– Что такое? – остановив луноход, спросил Дмитрий.

– Там, там! – кричал, показывая рукой влево, Гаврила. – Горит что-то, светится. Вон, вон, красненький огонёк. Видите?

В призрачном свете лунного дня около груды камней мужчины еле разглядели мигающего светлячка.

– Подъезжай, – приказал Трестов и направил луч фонаря на камни.

Чем ближе они подъезжали, тем явственнее обозначались контуры объекта. Никто уже не сомневался, что это был луноход, американский луноход с большим нарисованным звёздно-полосатым флагом на капоте. Он лежал на боку с разбитой прозрачной сферой. На панели приборов ещё светились и перемигивались несколько разноцветных огоньков. Двое астронавтов в скафандрах лежали на грунте. Было ясно, что они мертвы. Около них были видны следы ступней астронавтов и других луноходов, которые почему-то разветвлялись и уходили в противоположные стороны. Мужчины долго молчали.

– Что же тут случилось-то? – спросил Гаврила.

Ответа он не получил.

Дмитрий подал голос:

– Похоронить бы их. Чего же свои-то их бросили? Сволочи!

– Подозреваю, что они едут туда же, куда и мы, – сказал командир.

– А чего же они тогда разъехались в разные стороны? – спросил Гаврила.

– Кабы знать... Может, ориентацию потеряли.

– Да как тут можно потерять ориентацию – солнце почти на одном месте висит, – резонно заметил навигатор.

– Может, их напугал кто, – предположил Дмитрий.

– Ага, луняне или лунатики, – поддел Гаврила.

– Всё, хватит споров! – прекратил наступающую размолвку Трестов. – Поехали. Нам ещё далеко до места?

– Нет, всего четыре лунные версты, – шутливо ответил Гаврила, посмотрев на навигатор.

И вот путешественники на месте. То, что они увидели, было настолько потрясающим, что все сидели несколько минут, не шевелясь и не произнеся ни слова. Наконец Дмитрий выдохнул:

– Вот это да! Что же это такое?

– Не может быть, не может быть, – в восторге повторял одну фразу Гаврила.

– Почему же не может, сынок? – возразил отец.

– Очень даже может. Учёные не раз предполагали, что на Луне могли существовать разумные существа, инопланетяне, что Луна могла быть пересадочным пунктом для перемещения в космическом пространстве. Вы ходили когда-нибудь в горы? – спросил он вдруг юношей.

– Нет, – в один голос ответили они.

– А зря. Тогда бы вы знали, что перед штурмом вершины альпинисты готовятся к последнему броску, чтобы достичь пика. Устраивают лагерь, базу, долго готовятся. И наоборот.

– Чего наоборот? – не выдержал Дмитрий.

– А то: чтобы спуститься, тоже надо долго готовиться. Иной раз спуск опаснее и труднее, чем подъём. Так могли поступать и древние пришельцы: прежде чем попасть на Землю и исследовать её, устраивали на Луне базу. А может... Смотрите, смотрите, как они переливаются всеми гранями! – закричал в восторге Иван Гаврилович, показывая на прозрачные призмы, башни и купола.

И на самом деле: странные строения неожиданно засияли вдруг всеми цветами радуги, словно подавали кому-то сигнал. Космонавты наблюдали эту картину несколько минут, а затем чудесное свечение исчезло.

– Что это было? – первым опомнился Гаврила.

– Ничего особенного, – отозвался Дмитрий. – Просто солнечные лучи преломлялись через них, а сейчас солнце сдвинулось, и мы преломления этого не видим. Стоит нам отъехать чуть правее, и мы снова увидим это сияние.

– Так вот какие вспышки света на Луне замечали иногда астрономы с Земли, – подытожил командир. – Но меня интересует другое: почему на этих строениях нет ни миллиграмма лунной пыли, они стоят как новенькие. Вот что, раз уж мы сюда добрались, надо исследовать эти домики. Может, сумеем проникнуть внутрь.

Космонавты объехали лунный город. В основном он состоял именно из прозрачных призм, конусов, башен и куполов. Но много было разрушенных строений, построенных из лунного грунта. Их руины возвышались пугающими бесформенными грудками.

– Странно, в этих стекляшках нет ни одного входа, ни одной двери или окна, ни одного отверстия, через которые можно проникнуть внутрь, – сказал Дмитрий.

– Может быть, это и не жилые помещения, – предположил Трестов. – А какие-то технические сооружения. Зато посмотрите, сколько руин из лунного грунта. Они похожи на наши лунные станции.

В этот момент прозвучал позывной сигнал радиостанции. Командир спохватился:

– Вот, забыли вовремя связаться со своими. Видать, беспокоятся. Да, – ответил он в микрофон.

– У вас всё в порядке, Иван Гаврилович? – раздался голос Семёна.

– Да-да, всё нормально. Просто мы забыли выйти на связь в условленное время.

– Есть от чего забыть? – спросил Пуляков.

– Есть, есть! Когда вернёмся – расскажем.

– А мы уже гелиокоптеры приготовили, чтобы вас искать. Время поджимает, вам пора возвращаться. Судя по навигатору, вы далеко забрались. Смотрите, если солнце зайдёт, солнечные батареи перестанут вырабатывать электричество.

– Всё хорошо, Семён. Мы уже возвращаемся.

После связи с базой Гаврила спросил:

– Ну, что, отец, домой?

Иван на мгновение задумался, затем сказал:

– Давай ещё кружок вокруг этого поселения сделаем. Ведь, если тут кто-то обитал, значит, должны остаться хоть какие-то следы жизнедеятельности. Неважно кого: пришельцы это были с других планет и галактик или...

Иван Гаврилович неожиданно смолк. Это за-

метил Дмитрий и, словно угадав, о чём подумал командир, осторожно спросил:

– Вы думаете, командир, что здесь могли побывать земляне?

– Да чёрт знает, о чём я думаю! – неожиданно взорвался Трестов. – Ладно, возвращаемся. Только кружок ещё всё-таки сделаем.

Да, именно этот кружок вокруг разрушенного лунного поселения восемьдесят лет назад всё и изменил в сознании Трестова: представление о мире и мироздании, об истории Земли и земного человечества, о современниках и предках членов лунной экспедиции. Они уже замкнули этот кружок вокруг поселения, когда Дмитрий вдруг остановил луноход и закричал:

– Смотрите, смотрите! Что это?

В той стороне, куда он показывал пальцем, в тени пирамиды кучей лежали какие-то странные предметы, похожие на звёзды и прочие знаки и символы. Подъехали ближе и не поверили своим глазам: повсюду на лунном грунте лежали человеческие мёртвые тела в различных позах, совершенно не тронутые тленом. Они были лишь слегка присыпаны лунной пылью, но не настолько, чтобы скрыть их очертания. Лунные путешественники даже смогли рассмотреть, что одни были в скафандрах, а другие – в простой одежде. Да, это были если не люди, то точно существа, похожие на человека, застывшие в разных позах, как на картине «Последний день Помпеи», жителей которых застало врасплох страшное извержение вулкана. У них были головы, руки, ноги, туловища, плечи, волосы на голове. Чуть в стороне валялись обломки какого-то летательного аппарата – по-видимому, посадочного модуля.

Даже спустя восемь десятилетий Иван Гаврилович помнил сдавленный крик своего сына:

– Папа, кто это, что это?

Словно папа мог знать что-то. И назвал в те мгновения Гаврила Трестова именно по-детски папой, а не отцом, отчего было понятно, что он поражён и сражён этой невероятной картиной. Невероятность заключалась ещё и в том, что эти существа были огромного роста: в два, три и даже четыре роста обычного земного человека. Это были самые настоящие гиганты, только поверженные какими-то невероятными обстоятельствами. Чтобы вывести молодых людей из оцепенения и ужаса, Трестов жёстко и громко приказал:

– Снимайте! Снимайте на видео, на голографическое фото! Снимайте в движении, перемежайте с лунным пейзажем, картинами космоса и Солнца, с комментариями, чтобы были слышны наши голоса. Поняли?!

– Зачем с голосами-то? – спросил Дмитрий.

– Чтобы была объективная картина всего происходящего, чтобы потом нас никто не мог обвинить в необъективности и подлоге. Снимайте, снимайте, и разговаривайте, комментируйте!

Через какое-то время Гаврила пожаловался:

– Отец, многие детали невозможно различить. Все тела похожи на какие-то чёрные манекены.

– А для чего у нас манипуляторы! Снимайте с объектов щётками пыль, пытайтесь выхватить каждую деталь, каждую мелочь.

Так и делали: осторожно сметали со скафан-

дров, с лиц, с одежды лунную пыль и снимали. Съёмки происходили до тех пор, пока не были использованы все объёмы памяти аппаратуры. Когда всё это закончилось, Гаврила предложил:

– Папа, может, мы выйдем из лунохода, посмотрим, пощупаем?

– Зачем, что это даст?! Мы только лунную пыль занесём в аппарат. Она испортит нам не только приборы, но и наши скафандры. Нет, запрещаю! Хотя вот что. У нас же есть манипулятор и контейнер для сбора образцов лунного грунта. Подцепи что-нибудь из одежды или оборудования скафандров. Когда вернёмся, сделаем анализы, проверим, откуда это всё.

Когда собрали несколько деталей экипировки мёртвых людей, Дмитрий схватился за голову, простонал:

– Боже, это же сенсация, это же научное открытие земного, нет, вселенского масштаба! Как же нам повезло.

Трестов прервал:

– Нам повезёт, если мы живыми вернёмся домой. Трогай давай! Домой, домой! Езжай быстро, но осторожно.

На этот раз путь до лунной станции решили спрямить, не заезжая ни к американцам, ни к китайцам. В этом случае дорога становилась на треть короче. Луноход, набравший приличную скорость, иногда подскакивал на неровностях и по инерции пролетал чуть ли не сотню метров, приземляясь на шины сверхнизкого давления. В одном месте Гаврила скорректировал навигатор:

– Митя, возьми чуть правее.

– А что там?

– Кратер. Хоть и не такой глубокий, но можем так повернуться, что шеи сломаем. Бери градусов на шесть правее. Так, так. Теперь на столько же левее.

Неожиданно Дмитрий остановил луноход. Дремавший командир очнулся, спросил:

– Что, приехали?

– Смотрите, Иван Гаврилович, – показывал рукой Дмитрий. – Вон там, у большого камня. Лежит, перевернутый, кажется.

– Ну-ка, подьедь ближе, – приказал Трестов. – Не разберу, что там такое.

Дмитрий подъехал ближе, и все увидели ещё один перевернутый луноход с разбитой сферой, оторванными щитками колёс, одно из которых валялось в стороне. Тела четырёх астронавтов лежали беспорядочно возле лунохода.

– Опять американцы, – прошептал Гаврила. – Разбились, видать.

– Чего их сюда понесло? – недоумевал командир. – И вообще, зачем они забросили свою станцию и поехали чёрт знает куда!

– Может, они тоже искали этот стеклянный лунный город, – предположил Дмитрий. – Не зря же они разделились на три экипажа.

– А станцию-то бросать зачем? Это же такой риск, верная гибель. Эх, земляне, земляне! Пусть земля вам будет пухом. Хотя какая земля, теперь их могила, или вечное пристанище – это Луна.

Когда путешественники прибыли на свою станцию, радости её обитателей не было предела. Все обнимались и целовались. Трестов, наблюдавший эту картину, тихо радовался: на лунной станции

на глазах возникало тесное сообщество двух экипажей, которым предстояло долго, возможно, не один год жить вместе. Он, конечно ожидал, что их возвращение вызовет буйные восторги и эйфории, ведь как-никак это было первое длительное лунное путешествие, и потому ещё в пути приказал Гавриле и Дмитрию молчать о разбившихся астронавтах, чтобы не омрачать радость встречи. Но находку у лунного стеклянного города долго таить было невозможно – да и зачем, ведь они для этого и затевали эту экспедицию, чтобы проверить теории и туманные догадки на практике. Через несколько часов на лунной станции только и было разговоров, что о разбившихся на Луне пришельцах.

Просмотры видео и голографических фотографий через специальный прибор буквально потрясли обитателей лунной станции и вызвали столько вопросов, что путешественники не успевали на них отвечать. Особенно старались младшие, Гуля и Тимоша.

– Эти дома, они из стекла?

– Мы пока не знаем, – терпеливо выдерживал любознательную осаду командир. – Мы взяли образцы разрушенных зданий, кое-что из экипировки и одежды. Будем изучать.

– Папа, а почему эти прозрачные строения такие большие и высокие?

– Точно пока неизвестно, но, по моим предположениям, это были не дома, а устройства – возможно, накопители энергии, информации или устройства для связи. В них нет ни окон, ни дверей. Возможно, входы в них расположены снизу, и попасть туда возможно через туннели, но мы их не нашли. Да и не искали, потому что времени не было. Возможно, в следующую экспедицию займёмся этим.

– А эти люди, они инопланетяне? Почему они погибли? Почему они такие огромные? А почему одни в скафандрах, а другие без – они могли жить без защиты?

Трестов поднял руки, улыбнулся:

– Всё – сдаюсь! Расстреляли своими вопросами! Милые мои, думаю, нам всем вместе предстоит найти ответы на эти вопросы. Разве это не интересно?

– Интересно, интересно! Очень интересно! – закричали и запрыгали от нетерпения дети.

– Будете помогать разгадывать тайны? – с улыбкой спросил командир.

– Будем, будем!

* * *

На все эти и десятки и сотни других вопросов Трестов получал ответы в течение восьмидесяти одного года. Прошли год, два, десять, пятнадцать лет, а на Земле ничего не менялось. Вернее, очень даже менялось. Сеансы связи с Центром лунной программы происходили сначала регулярно, затем всё реже и реже, а затем прекратились вовсе. Сколько ни любопытствовал Трестов, что же всё-таки происходит на Земле, внятного ответа он так и не получил. Возможно, в Центре не хотели угнетать психологическое состояние экипажей, или сами ничего толком не знали – так и осталось для лунян тайной. Из голубой планеты Земля из года в год превращалась сначала в серую или синюю, коричневую или тёмно-синюю, чёрную или темно-фиолетовую, в

зависимости от того, какое время суток наступало на Земле. Иногда его родная планета заплывала сиянием, будто её кто ударил в самый глаз, затем на какое-то время просветлевала и снова темнела. По всей видимости, то же самое наблюдали на китайской и американской станциях.

Жизнь на российской лунной станции шла своим чередом, она брала свой извечный верх над суетой и обыденностью. Экипаж Пуляковых сначала переживал, что они так и не возвратились домой, а затем успокоился. Произошло неожиданное пополнение у Гаврилы с Акилиной, затем у Капитона с Феодотией. Родились мальчик и девочка. То же самое произошло в семействе Пуляковых. Через семь лет сыграли свадьбу повзрослевших Гули и Тимофея, которые тоже неожиданно подарили бабушкам и дедушкам сразу двойню внуков. А дальше прибавление лунных жителей происходило уже в геометрической прогрессии.

Почему-то возникли проблемы с выбором имён новым лунным жителям. Бабушки, дедушки и родители никак не могли сойтись во мнениях. Между экипажами возникло, мягко говоря, напряжение, которое могло перерасти в ссору или, не дай бог, во вражду. Трестову, как командиру, пришлось брать ситуацию в свои руки. Чтобы никого не обижать, он принёс орфографический словарь русского языка, на последних страницах которого размещался список личных русских имён, и приказал:

– Вот что, дорогие мои! Чтобы вы не подрались, будете выбирать имена методом научного тыка.

– Как это? – спросила Феодотия.

– А вот так. Один из нас берёт в руки карандаш, закрывает глаза и тычет в страницу. На какое имя он укажет, так и будем звать малыша. Пусть судьба решает, как назвать новорождённого. Согласны?

Гуля посмотрела список имён и поморщилась:

– Папа, но здесь же одни ветхозаветные имена: Диомид, Власий, Ардалион. А женские имена: Цецилия, Домна, Евлампия, Манефа. Это ужас!

– Это не ужас, это разрешение проблемы, – твёрдо и жёстко сказал командир. – К тому же в этих списках есть и вполне приличные, современные имена: например, Клавдия, Лидия, Вероника, Юлия, Александр, Вячеслав. Ну и так далее.

С тех пор «метод научного тыка» выбора имён для новых лунян вошёл в обычай.

На российской лунной станции стало, мягко говоря, тесновато. Жить в тесноте, да не в обиде, конечно, можно, но пришлось сначала расширяться, при помощи 3D-принтеров увеличивая количество жилых модулей на российской станции, потом настала необходимость осваивать станции, заброшенные китайскими и американскими экипажами, последнюю из которых выводили из спящего режима почти два месяца.

Дедушки и бабушки радовались подрастающим внукам. Но однажды Ираида озабоченно заметила:

– Вы не замечаете: они тут, на Луне, растут, словно не по дням, а по часам.

– Ага, – ехидно отозвался Семён Данилович, – как в русских сказках.

– Нет-нет, я серьёзно, – не обиделась на мужа Ираида. – Взвесить здесь, их, конечно, сложно, а вот рост они набирают необычно быстро. Я, как врач,

очень хорошо это замечаю, потому что возжусь с ними каждый день. Например, Танечка. Какой рост у неё был при рождении? – спросила она у бабушки Степаниды.

– Сорок девять сантиметров, – ответила Степанида.

– А у Антона?

– Пятьдесят четыре, кажется.

– Вот! Им сейчас семь и одиннадцать месяцев. Значит, обычный, земной рост у девочки должен быть около семидесяти сантиметров, а сейчас у неё почти девяносто. У Антошки рост должен быть около семидесяти пяти сантиметров, а он вымахал аж до метра с лишним. Разве это не странно?

– Ну, наверное, акселераты получились – чего же тут особенного? – встрял в разговор Иван Гаврилович.

– А ходить! Ходить они начали тоже очень рано.

– Так, это же понятно, мать, – ответил Пуляков. – Здесь сила тяжести во много раз меньше, чем на Земле, вот они и встали на ножки пораньше.

– Ну, не знаю, – задумчиво произнесла Ираида. – Может, вы и правы. Но мне это не нравится.

Ираида оказалась права. Внуки к двадцати годам вымахали под два с половиной метра. При этом они были идеально приспособлены к лунным условиям. Если землянам приходилось носить обувь с утяжелителями, чтобы не подскокивать при каждом шаге и не ударяться в потолок головой, то луняне, как себя называли внуки, спокойно обходились без этих колодок, как они презрительно называли лунную обувь землян.

Через двадцать восемь лет неожиданно во сне умерла Степанида. Это была первая смерть землянина на Луне. Пришлось задуматься о погребении. Умершую можно было просто захоронить в грунте, как это происходило на земле, но это была очень трудоёмкая и опасная работа, связанная с большими рисками. Поэтому при помощи 3D-принтера соорудили лунный склеп, в котором тело сохранялось и в лунные ночи, при сильных морозах, и днём, когда температура на поверхности достигала ста с лишним градусов с плюсом.

Правнуки получились, как ехидно замечал Иван Гаврилович, ещё более «стройными» – их рост достигал уже более трёх метров. Про праправнуков и говорить нечего – те вымахали до четырёх метров, а некоторые чуть до пяти не дотянули. В связи с этим пришлось углублять полы всех станций, чтобы эти пра и прапра не ходили, согнувшись пополам.

Среди этих молодых гигантов старый Трестов Иван Гаврилович, единственный оставшийся в живых из землян, чувствовал себя пигмеем. Впрочем, только по росту. Зато по интеллекту среди лунян ему не было равных. Замкнутый образ жизни на Луне отражался на интеллектуальном развитии лунных поселений. Великоростовая малышня, как называл дед Иван своих уже взрослых правнуков и праправнуков, всё знали о космосе, звёздах, солнце, кометах и метеоритах, не говоря уж о Луне, они играючи управляли лунными станциями, но о своей прародине, Земле, они имели самое поверхностное представление, почерпнутое из электронных носителей да нескольких десятков книг, которые участ-

ники экспедиции прихватывали с собой с Земли для работы или развлечения. Электронные носители информации с течением времени почти все изнашивались и вышли из строя, и заменить их и тем более произвести в лунных условиях не было никаких возможностей. Приходилось чинить старые, затем из множества непригодных электронных устройств собирать несколько таких, которые могли хоть как-то работать. В конце концов осталось только два складывающихся электронных устройства, похожих на большие листы ватмана, которые в случае необходимости разворачивались и развешивались на стене, чтобы на уроках, которые тоже проводил Иван Гаврилович Трестов, получать необходимую информацию.

* * *

Правнук Варсоноф, который с младенчества был любознательным и мудрым, увлёкся астрономией. Едва встав на ноги, он целыми днями мог смотреть в телескоп на звёзды, на планеты, наблюдать за двойными звёздами, за рождением новых звёзд. Повзрослев, он уже серьёзно и методично исследовал галактики, туманности. Не забывал и о ближайшей звезде – Солнце. Однажды он ворвался в каюту прадеда и закричал:

– Дедушка, кажется, я наблюдаю рождение новой планеты!

– Планеты? Ты не ошибся? – изумился Иван Гаврилович. – Где?

– В нашей системе.

– В Солнечной? – ещё больше удивился Трестов.

– Да, да!

– Ну, что ж, пойдём, посмотрим на твоё нарождающееся дитя.

Иван Гаврилович незаметно усмехнулся, уверенный в том, что начинающий астроном принял за нарождающуюся планету кусок льда, метеорит, астероид или комету, в невероятных количествах расплотившихся в межпланетном пространстве. Правнук уверенно указал координаты. Трестов увидел небольшую красный шар, медленно плывущий на чёрном фоне.

– Что это? Откуда он взялся? – удивился Иван Гаврилович.

– Я почему-то уверен, что он родился от нашего Солнца, – с достоинством ответил Варсоноф.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи подробнее.

– Однажды я наблюдал солнечную корону, – начал рассказывать правнук. – С правой стороны, в сторону к созвездию Стрельца, я вдруг увидел очень сильное возмущение. Появилось огромное чёрное пятно. Было такое впечатление, что факелы протуберанца неожиданно обнажили твёрдое ядро солнца, – с вдохновением рассказывал Варсоноф. – Затем я увидел, как из этого жерла, словно из гигантского ствола пушки, вылетел светящийся шар. Я наблюдал за ним несколько недель, затем он неожиданно пропал. Я подумал, что это часть протуберанца, которая от сильного взрыва оторвалась от него. А затем этот шар и вовсе пропал.

– Ну а дальше! – подстёгивал правнука дед.

– Я подумал, что тяготение Солнца снова вернуло на место этого блудного сына Солнца, и уже забыл о нём. Но через три месяца этот шар снова

появился, на этот раз уже слева от Солнца. Сначала я подумал, что это какая-то звезда, но потом понял, что это не так, потому что шар двигался с огромной скоростью, и это движение было заметно даже невооружённым глазом.

– Да, да, я тоже это заметил, – подтвердил Иван Гаврилович. – Он действительно двигается. Но он не такой уж и пылающий, как ты рассказываешь. Скорее, он напоминает Марс, только гораздо меньше.

– Вот именно, дедушка, – почти закричал Варсоноф. – Сейчас он не так пылает, как в первые месяцы, а это значит, что он остывает и превращается в планету!

– Да, да, в планету. Земля – у неё тоже ядро ещё неостывшее. Это что же получается, – обескуражено мямлил дедушка, – что само Солнце рождает свои планеты? Выходит, что и Земля, и Меркурий, и Уран, и газовый гигант Юпитер – это всё детки Солнца?

– С уверенностью этого утверждать нельзя, – рассудительно ответил Варсоноф, – но случай с нашим новорождённым доказывает, что это вполне возможно. Если его скорости хватит, чтобы оторваться от солнечного тяготения и Солнце снова не вернёт его к себе, то может случиться так, что он станет самостоятельным объектом Солнечной системы.

– А потом, что потом? Он так и улетит неизвестно куда?

– Возможно и такое. Это зависит не только от скорости движения этого ядра, но и от его плотности и массы. Известно, что плотность солнечного ядра превосходит плотность планет в десятки и сотни раз. А это значит, что наш новорождённый, если и не улетит за пределы Солнечной системы, то станет или самостоятельной планетой, или его притянут наши гиганты – Сатурн и Юпитер, и он станет их спутником. Но это станет известно ещё нескоро, через тысячи, возможно, и через миллионы лет.

– Да, жалко, что нам не суждено это увидеть, – сокрушённо сказал Трестов. – Интересно было бы узнать, что станет с этим шариком. Послушай, Варсоноф, а ведь ты первооткрыватель: не только новой теории возникновения планет Солнечной системы, но и этого ядрышка. Значит, и приоритет твой. Как назовёшь свою новую планету?

– Я не знаю, дедушка, – поскромничал Варсоноф. – Подумать надо. А главное – подождать.

* * *

Настоящим богатством и бесценным достоянием всей общины считались книги. Их сбережение взял в свои руки дедушка Иван. Хранились они в книжном шкафу, в обсерватории, доступ к которому имел только он, командир станции и дежурный по станции. Книги были разными: больше специальными – по селенологии, астрономии, технические, приключенческие, в которых герои странствовали и путешествовали по странам и континентам, где так красочно и подробно описывался земной мир с его морями, лесами, горами, реками, озёрами, пустынями и необыкновенно прекрасным небом голубого цвета. В том, земном, мире можно было путешествовать на автомобилях, поездах, летательных аппаратах и, самое интересное, на кораблях

по воде. Брать книги кому попало и в любое время строго запрещалось.

Когда лунная семья хотела с пользой и культурно провести время, все собирались в кают-компании. Дед Иван приносил книгу и предлагал кому-нибудь почитать её вслух. Обычно выбор падал на учеников. Дед Иван выдавал ему стерильные перчатки и торжественно вручал книгу. Чтение продолжалось, как правило, около часа, которое происходило в полной благоговейной тишине, нарушаемой лишь голосом чтеца. Слушатели во время этого священнодействия обычно закрывали глаза и пытались представить картину происходящего, описываемую писателем. Это был час полёта фантазии, упоения прекрасным художественным словом, насыщения души прекрасным и, конечно же, возвращения к тому, земному, истоку, откуда появились все они, луняне.

Зато сколько было вопросов после чтения! Они сыпались на деда Ивана, словно метеоритная пыль на поверхность Луны. Больше всего старалось, конечно, молодое поколение. Иван Гаврилович защищался от этого града вопросов двумя растопыренными ладонями и смеялся:

– Забили, совсем забили, стервецы! Смотрите, совсем не добейте! А теперь тихо, тихо! Во-первых, я хочу вас всех спросить, что вас взволновало больше всего?

И снова крики:

– Море, океан! Скажи, дедушка, на Земле на самом деле много воды? Сколько? Наверно, больше нашей лунной станции!

– Океан? – отвечал Иван Гаврилович. – Он будет, пожалуй, гораздо больше всей лунной поверхности, дорогие мои. Да, гораздо больше. И глубина его достигает местами больше десяти километров. А горы, горы высотой почти такие же, как и здесь, на Луне. И всё же вы отвлекаете меня от моего вопроса: что же вас взволновало больше всего, а?

– Описание! Краски очень яркие! Природа красочная, не то что на нашей Луне: одна серость, чернота. А я переживаю за героев. А мне больше нравится просто путешествовать, – неслось со всех концов кают-компаний.

– Всё это правильно, – подтверждал Трестов. – А всё же, какова первооснова наших переживаний, без чего этих переживаний не было бы? Как думаете?

– Писатель, книга, наверно, – предположил кто-то из праправнуков.

– Близо, но не совсем верно. Ведь кто такой писатель? Это своеобразный индивидуум, способный, словно губка, впитывать в себя всё происходящее вокруг него, одним словом, наблюдать и оценивать жизнь, а затем выжимать все свои впечатления из себя на страницы книг.

– Дедушка, но ведь в жизни не всегда всё прекрасно, есть и другая, грязная сторона действительности.

– Верно! Потому и писатели разные. Одни пытаются выжать из себя все отрицательные свойства жизни – это так называемое критическое отношение к действительности. Но это не значит, что они плохие писатели, просто они стараются привлечь внимание общества к его недостаткам, в надежде, что оно его исправит. Есть писатели-идеалисты, писатели-созерцатели, писатели-учёные и так далее.

Но я всё же вернусь к своему вопросу: что же является первоосновой наших переживаний от прочтения?

– Может быть, слово, – произнёс кто-то неуверенно.

– Вот! – воскликнул дед. – Слово! Именно слово! Ну кем бы был человек, не обладай он речью, словом, умением писать, читать, передавать свои знания другим поколениям через книги, а? – И через паузу: – Без слова нет человека. Слово – это самое величайшее изобретение человечества, внушки мои. Если, допустим, хлеб, в широком понимании этого слова, – это пища телесная, само слово – питание разума и семя мудрости, то художественное слово – это нектар души человеческой.

Чтение происходило, как правило, раз в неделю, вечером, после ужина. Книги читали разных авторов и разных жанров. И получалось так, что их перечитывали каждые полгода, но вопросы к Ивану Гавриловичу возникали снова и снова. А старик всегда их ждал, потому что только он один мог дать на них ответы, потому что только он один из всех обитавших на Луне родился и жил на Земле и мог описать тот загадочный и прекрасный земной мир. В такие моменты старик словно молодец, оживлялся и начинал походить на охотничьего терьера, почувшего дичь. Он осматривал слушателей горящими глазами и, потирая руки, говорил:

– Ну а где же ваши вопросы на засыпку, внушки мои?

– Дедушка, а что такое лес?

Это праправнучка, которой всего девять лет, но ростом она вымахала уже выше своего предка.

– Лес? Лес – это место, где много растительности: деревьев, кустарников, различных трав, которые при цветении благоухают всеми ароматами, какие только есть на свете. Над ними порхают разноцветные красивые бабочки, шмели, осы, пчёлы, которые...

– Цветы, травы? Они похожи на капусту или морковь в нашем фитотроне, только гораздо разнообразнее и красочнее...

Не успевал старик договорить, как со всех сторон летели уже другие вопросы:

– А что такое деревья и кустарники? Трава, какая она? Как же могут порхать эти самые бабочки, если на Земле нет атмосферы? А как выглядят эти океаны, моря, реки, озёра? А что такое рыба?

И на все эти многочисленные вопросы Ивану Гавриловичу приходилось обстоятельно отвечать, показывать иллюстрации из книжек, иногда рисовать самому и снова объяснять и объяснять. Хотя после таких разговоров старик сильно уставал, но он не прекращал чтений и уроков. В такие минуты он словно возвращался на десятки лет в прошлое, в те далёкие времена, когда жил на прекрасной планете под названием Земля. Мало того, Иван Гаврилович был уверен, что настанет время, когда он и его дорогое потомство обязательно вернутся на ту планету, откуда он были родом, на Землю.

Однажды на одном из уроков совершенно случайно зашёл разговор о странном лунном городе и мёртвых существах, которые нашли Дмитрий, Гаврила и Иван Гаврилович много десятилетий назад.

– А почему ты об этом вспомнил? – спросил праправнука Тимофея Трестов.

– Я разговаривал с папой, и он утверждает, что эти инопланетяне могли прилететь с Земли.

Иван Гаврилович мгновенно оживился:

– А ведь твой папка, Тимоша, прав! Да-да, прав! Я тоже много раз об этом размышлял и тоже пришёл к выводу, что эти погибшие инопланетяне могли прилететь только с Земли. Почему? А вот послушайте. Я тоже в молодости был любопытным, как и вы. Много читал и собирал многочисленные любопытные факты. Например, многие земные учёные не могли найти объяснение тому факту, что в толщах земной породы находили такие вещи, которые, как они думали, ну никак не могли оказаться в этих пластах. Ну, например, так называемый зальцбургский железный параллелепипед. Он был словно выкован каким-то искусным мастером и почти на сто процентов состоял из чистого железа. Но я уверяю вас, детки мои, что человечество так и не научилось получать чистое железо. Тогда откуда оно появилось, ведь в естественных условиях на Земле оно не водится? А ведь этот параллелепипед находился в породе земной коры возрастом почти тридцать миллионов лет. Как он туда попал? Вопрос! Вопросыще!

Находили и гвозди, и винты. Правда учёные-скептики настаивали, что современные изделия могли попадать в эти слои породы во время бурения или рытья колодцев. Но как же быть с железным молотком, найденным в земной породе возрастом 65-100 миллионов лет, а? Это был железный молоток сантиметров двадцати длиной, практически вросший в окаменевшую породу. Обломанная деревянная ручка снаружи оказалась окаменевшей, а внутри молотка превратилась в уголь. А как же найденные окаменевшие отпечатки человеческих ног, найденных рядом со следами динозавров, которые вымерли на Земле почти семьдесят миллионов лет назад?

– Дедушка, может, эти следы оставили и не люди совсем. Может, какие-то обезьяны. Или человекообразные существа.

Иван Гаврилович улыбнулся:

– Может. А как вам отпечаток обуви в этом же слое. Может, эту обувь тоже изготовила и носила обезьяна? – Все засмеялись. – Вот то-то же. Но я подвожу вас к той самой теме, с которой мы начали. Земные антропологи всё чаще стали находить останки гигантских людей.

– Такие, как мы?

– Да, именно такие, как вы, дорогие мои луняне, – почти закричал учитель. – Например, в Турции – была такая страна на планете Земля – нашли кости ископаемого человека, который при жизни был ростом в пять метров и весом почти пятьсот килограммов в земном весе. В Китае нашли могилу с трёхметровым человеком.

– Но это же совсем карлик, – прервал кто-то.

– Это он для вас карлик, детишки, а для земного человека, средний рост которого составлял около ста девяноста сантиметров, он казался гигантом. В Австралии нашли скелет семиметрового человека. Были сведения, что находили ископаемых людей даже пятидесятиметрового роста. Такие находки происходили по всей земле: в Мексике, Пенсильвании, Тунисе, Перу, Сирии, Марокко, Техасе, Филиппинах, в Австралии, Испании, Грузии, Юго-Вос-

точной Азии, Океании. Для тех из вас, кто хорошо изучал географию Земли, все эти страны и места должны быть знакомы.

И самое удивительное для антропологов было то, что жили эти ископаемые люди задолго до их современников: за миллионы и даже десятки миллионов лет. Наши учёные считали, что человеческая цивилизация насчитывала всего несколько десятков тысяч лет, а тут вдруг оказывается, что существовали и другие человеческие цивилизации, которые существовали задолго до них и, возможно, не один раз.

Осмыслить и принять такую данность для моих современников было очень тяжело. И большинство учёных эту данность так и не приняли. Все считали, что люди-гиганты прилетали с других планет – а иначе откуда им ещё взяться? Я, кстати, тоже не понимал, откуда на Земле появлялись люди-гиганты.

– А теперь понимаешь, дедушка?

Старик улыбнулся:

– Теперь понимаю, детишки мои. И даже знаю, как это происходило.

– Расскажи, расскажи, дедушка!

– Неужели вы ещё сами не поняли?! Да, туго с соображением у молодёжи, – посетовал Иван Гаврилович, почёсывая голову. – Тогда слушайте и внимайте! Человечество на земле не раз проходило через определённые этапы развития. Сначала они жили небольшими малочисленными группами, родами. Их было очень мало. Люди жили, конечно, там, где позволяли погодные условия. Чтобы прокормиться, занимались собирательством, охотой, рыбной ловлей, жили в пещерах, шалашах, затем стали строить жилища. Постепенно люди стали приручать скотину, сеять окультуренные растения – появилось осёдлость. Людей становилось всё больше и больше. Такое состояние человечества длилось десятки тысяч земных лет. Затем благодаря накопленным знаниям стал развиваться технический прогресс: появились машины, автомобили, электродвигатели, самолёты, космические аппараты.

Трестов неожиданно и надолго замолчал, словно впад в задумчивость. Кто-то из слушателей не выдержал:

– А дальше что происходило, дедушка?

– Дальше? – встрепнулся Трестов. – А дальше в развитии человеческой цивилизации наступил какой-то надлом. Чем больше человечество накапливало богатств, тем больше оно начинало делить его и враждовать. Начинались войны: одна, вторая, третья. Человечество начинало себя самоуничтожать. Да-да-да, наверное, именно это и произошло на Земле, когда мы улетали сюда, – в задумчивости, словно самому себе, пробормотал старик. – Да, именно так...

Трестов снова надолго замолчал. Из состояния анабиоза его вывел громкий голос праправнука:

– Дедушка, а что произошло на Земле, когда вы прилетели сюда?

Иван Гаврилович поднял голову:

– Что произошло? Я точно не знаю, внучки мои дорогие. Возможно, кто-то привёл в действие военные арсеналы, которые люди во время заключения последнего мирного договора собрали в одном месте для последующего уничтожения. Или Земля, наша родная планета Земля, не выдержала тех ис-

пытаний, которым подвергали её люди, и она просто стряхнула их с себя, как стряхивает буйволица надоевших слепней. Мы, люди, не ценили того, что нам давала сама природа, мы переделывали её на свой лад, мы уничтожили почти всех зверей, мы вырубали почти все леса, мы отравили всю питьевую воду и воздух. Мы нелюди, мы враги сами себе и нашей планете-матушке...

Иван Гаврилович почувствовал, что его начинает давить удушье, он часто задышал и потерял сознание. Очнулся он уже в больничном модуле, и первое, что спросил, открыв глаза и увидев праправнучку Ольгу:

– Ольгунечка, что со мной?

– Ничего страшного, дедушка, – ответила Ольга.

– Просто ты во время лекции упал в обморок. Наверно, от слабости. Кушать хочешь?

– Кушать? Нет-нет. А я давно тут валяюсь?

– Нет, всего четыре часа.

– Лунных или земных?

– Земных, земных, – успокоила Ольга

– Ну, это ещё ладно, – пробормотал Иван Гаврилович и вдруг встревожился: – Так, подожди-ка, а лекцию-то я успел дочитать?

– Нет, дедушка, не успел. На самом интересном месте ты заснул. Кстати, Иван Гаврилович, отчего это вы так, а? – строго спросила Ольга

– Сам не понимаю. Мне вдруг на мгновение примнилось, что я купаюсь в речке, куда-то плыву-плыву, саженками плыву, как в детстве. Кругом одна вода – и никого, ни одной души. И так страшно мне стало. Ты понимаешь, Ольгунечка, что значит остаться одному, совсем одному?

– Дедушка, но ты же не один, нас, лунян, вон теперь сколько. Только я не понимаю, отчего ты вдруг заснул, – продолжала Ольга. – У тебя и давление как у космонавта, и сердце ровненько бьётся.

– Если бы заснул, – вздохнул старик. – Успеть бы мне ещё кое-куда – вот печаль-то моя.

– Куда, дедушка?

– Куда-куда! Это тебе, стрекоза, спешить некуда, а у меня ещё неотложные дела есть.

Трестов попытался встать, но Ольга запротестовала:

– Ой, дедушка, тебе ещё рано, ты ещё слабый! Лежи, лежи!

– Ну вот, а говоришь, что здоровье у меня как у космонавта.

– Так-то оно так, а вставать пока рано – запрещаю.

– Тебе, может, и рано, а мне как бы поздно не было.

– Ну, ладно, вставай, только осторожно.

Когда Иван Гаврилович встал, Ольга засмеялась:

– Ой, дедушка, какой же ты маленький.

– Само собой. Всё же я человек земной, а не лунянин. Да и по возрасту мне положено вниз расти, а вам – вверх тянуться. – Дед поднял голову: – Хотя куда уж вам расти-то? Сколько в тебе вёрст-то? – спросил он у внучки.

– Я, дедушка, маленькая, во мне всего четыре метра двадцать восемь сантиметров.

– Маленькая она, – хмыкнул дед. – А ну-ка измерь меня, насколько я назад вырос.

Ольга достала рулетку, измерила:

– Один метр девяносто семь сантиметров.

Старик удивился:

– Гляди-ка ты, оказывается, я тоже на Луне расту. Когда я вылетал с Земли, мой рост был метр восемьдесят два. Значит, ещё не всё потеряно, проживём ещё, порастём! Так, внучка? – радостно спросил Иван Гаврилович и рассмеялся.

После выздоровления старик снова появился в кают-компании перед своими потомками. Поздоровался со всеми, сел за стол. На этот раз слушателей прибавилось – среди младших лунян появился сам командир станции номер один, как называлась российская лунная станция, в отличие от американской и китайской, значившиеся под номерами два и три. Это был мужчина пятиметрового роста, крепкого сложения, ясноглазый и улыбчивый Трифилий Михеевич Пуляков со своей супругой Ириной. Своё появление в классе он объяснил так:

– Прослышали мы, Иван Гаврилович, что вы тут очень интересные лекции нашим детишкам читаете. Тоже пришли послушать. Вы не против?

– Чего же против-то, наоборот, я очень даже рад.

– А здоровье-то вам позволяет?

Иван Гаврилович даже обиделся:

– Да что вы всё о здоровье моём печётесь! Видите, я в полном здравии и памяти, стало быть, всё нормально. Так, на чём я в прошлый раз закончил? – обратился старик к слушателям.

– О земных людях-гигантах! О техническом прогрессе! Об экологии на Земле!

И Трестов продолжал рассказ:

– Теперь я точно знаю, дорогие мои, откуда появились на Земле люди-гиганты.

– Откуда, откуда? – раздалась нетерпеливые вопросы со всех сторон.

– Отсюда, с Луны, дети и внуки мои, – с улыбкой ответил старик и после долгого изумлённого молчания продолжал. – Да-да, дорогие мои, именно с Луны. Я тоже долгое время не понимал этого и никак не связывал Землю и Луну. Помните, я рассказывал вам, как восемьдесят лет назад наша лунная экспедиция наткнулась на странный лунный город, возле которого мы обнаружили мёртвых существ, очень похожих на нас, землян, только очень высокого роста?

– Помним, помним!

– Ну, так вот. Тогда мы строили различные предположения и догадки. То, что это не лунные аборигены, ясно было сразу – уж слишком мало было условий для длительного существования людей на Луне. Мы фантазировали, что эти существа прилетели с других планет: возможно, с Марса или Венеры, а возможно, даже с других планет, существовавших вне Солнечной системы. Но уж слишком они были похожи на нас. И нас смущал их рост. Теперь-то, по прошествии восьмидесяти лет, я точно знаю, что они были именно с Земли, с родной нашей планеты-праматери.

Трестов неожиданно встал:

– Представьте себе, что на Земле все люди были примерно одного роста, вот такого, как у меня. Ну, с небольшой разницей. Да-да, Трифил, – обратился старик к командиру, – твой прадед, Семён Данило-

вич, был тоже такого же роста. Правда, я тут немного подрос, на пятнадцать сантиметров. Вот Олечка не даст соврать, она недавно мой рост измеряла. Но уже следующее, народившееся на Луне поколение ростом было под три метра, а наши правнуки выросли почти до четырёх метров. Я уж не говорю про вас, вы вымахали ещё выше.

В аудитории раздался смех, а Иван Гаврилович продолжал:

– Я долго задавал себе вопрос: в чём дело? И довольно быстро нашёл логичный ответ. Потому что гравитация, сила тяжести, на Луне в шесть раз меньше земной, стало быть, и земные люди, родившиеся в условиях Луны, и расти должны быстрее.

– Иван Гаврилович, а при чём здесь мы и земные гиганты? – спросил командир.

– Да здесь же самая прямая связь, дорогие мои. Я не зря вам рассказывал о земных артефактах, найденных в древних пластах Земли. Это значит, что человеческие цивилизации на Земле не раз зарождались и не раз исчезали. В силу каких причин: то ли после природных катастроф или ввиду неразумной человеческой деятельности – это уже второй вопрос. Вернее всего, именно по второй причине. Теперь-то я понимаю, что цивилизации на Земле сменялись очень быстро, конечно, по историческим меркам. На это хватало всего каких-то нескольких десятков тысяч лет. Предположим, на Земле случалась катастрофа. А примеры этого есть. Например, в тех слоях Земли, когда жили динозавры, палеонтологи находили следы человека. Тогда произошла катастрофа. Динозавры и большая часть человечества погибли, но оставшиеся люди выжили и начали свой очередной тяжёлый путь к совершенствованию, к цивилизации. Они объединились в группы, чтобы легче было выжить, начали строить жилища, города, приручать и одомашнивать животных, окультуривать злаки. Затем, при накоплении знаний, начался технический прогресс. Человек начал добывать металлы, совершенствовать орудия труда, появились машины. Кстати, технический прогресс – это самый короткий период человеческого развития, на это хватает, поверьте мне, всего несколько сотен лет. С развитием технологий и комфорта численность человечества росла, и в конце концов наступил такой период, когда Земле стало трудно прокормить такое огромное население. Человечество пожирало всё: зверей, растительность, рыбу, птиц.

Когда наступил критический момент, человечество начало задумываться о своём спасении. Возник вопрос: как и где спастись? И ответ был единственным и очевидным: чтобы спасти свою цивилизацию, люди организовывали экспедиции на своё самое естественное и ближайшее убежище на время катастрофы.

– На Луну? – выкрикнул кто-то.

– Именно, дети мои, – сюда, на Луну, – согласился старик. – Человечество переживало планетную катастрофу именно здесь, на Луне, а затем возвращалось на космических кораблях на Землю.

– И так было много раз? – спросила Ирина.

– По всей видимости. Потому что там, на Земле, – мне это точно известно – археологи, палеонтологи, антропологи и спелеологи не раз находили изо-

бражения людей в скафандрах и шлемах. Они были повсюду, на разных континентах и в различных странах. В Китае, на горе Хунань, были найдены наскальные рисунки, изображающие людей в скафандрах и шлемах, но этому рисунку почти пятьдесят тысяч лет. На плато пустыни Наско лётчиками была обнаружена гигантская фигура, похожая на космонавта. Подобные изображения находили в пустыне Сахара, в итальянской долине Валь-Камоника, в Египте, в австралийском округе Кимберли и многих других местах. Скептики, конечно, убеждали, что это мол, не более чем фантазии древних художников. Но уж слишком похожи эти фантазии, когда в те времена не было никакой связи не только между континентами, но даже и между человеческими племенами.

Иван Гаврилович сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление произвела его лекция на слушателей, которые сидели разинув рты. В этот момент Трифил спросил:

– А мне, Иван Гаврилович, давно не дают покоя лунные стеклянные башни, призмы, купола. Интересно же, откуда они здесь, на Луне, появились и для чего предназначены.

– Я и сам, откровенно говоря, не раз об этом задумывался, – продолжал лектор. – Сначала я предполагал, что это какие-то накопители энергии от солнца. Но однажды я вспомнил книгу, в которой писалось о преломлении лучей света. И там приводится случай, когда Исаак Ньютон решил проверить, как и почему преломляются солнечные лучи через призму. Тогда-то он и открыл цветовой спектр. Позже учёные открыли электромагнитный спектр, состоящий из радиоволн разной длины. Ну, вы знаете: длинные, средние, короткие, ультракороткие, инфракрасные и так далее. Но астрономы заметили, что электромагнитные суперкороткие волны, исходящие от звёзд, поглощались атмосферой Земли. Но ведь здесь, на Луне, атмосферы нет, и я подумал: а что, если эти стеклянные призмы, башни, конусы и сферы установлены именно для того, чтобы изучать свойства этих самых суперкоротких волн. Но это лишь одна гипотеза, детишки мои, – закончил свою лекцию Трестов. – Надеюсь, что в ваши головы придут более оригинальные мысли. На сегодня всё – лекция закончена. До свидания.

* * *

– Трифилий Михеич, Трифилий Михеич! – ещё из-за двери свой командирской рубки услышал крик командир лунной станции номер один Пуляков.

Крик был настолько тревожным и взволнованным, что Трифил встревожился и сам: не случилось чего. Встал из-за стола, открыл дверь и сразу увидел бегущего по коридору старика, который, добежав до командирской рубки, остановился и, держась одной рукой за сердце, другой рукой протягивал командиру книжку, выхрипывая из себя лишь одно слово:

– Вот, вот, вот.

Из-за одышки он не мог произнести больше ни одного слова. Командир подхватил Трестова под руку, помог ему сесть на маленький стул, специального оставленного для старика, и укоризненно покачал головой:

– Иван Гаврилович, разве можно так волноваться в вашем возрасте? Посидите, успокойтесь. Может, врача вызвать?

– Нет... Не надо... Со мной... всё в порядке. Вот, вот, – протягивал он книгу командиру.

Трифиллий взял книгу, положил её на стол, сел рядом, легонько приобняв за плечи старика:

– Ну, всё, всё, Иван Гаврилович, успокойтесь, пожалуйста. Вот, водички попейте. Вот так, хорошо. Успокоились? А теперь говорите. Я слушаю.

– Она, она голубая, – с улыбкой начал говорить старик.

– Кто? – не понимал командир.

– Земля, она голубая. Понимаешь, Трифил, я долго наблюдал за ней – она начала очищаться. Понимаешь, она очищается, и довольно быстро. Я это вижу своими глазами.

– Ну, хорошо, хорошо. А что дальше?

– Неужели ты не понимаешь, Трифил? Атмосфера земли очищается, а это значит, что там можно жить! Жить, жить!

– Ах, вон что. – Пуляков почесал голову, долго молчал. – И что же теперь делать с этим?

– Как что! Можно возвращаться, нет, нужно возвращаться на Землю! Обязательно необходимо возвращаться!

Пуляков снова долго молчал, видимо, обдумывая ответ, затем спросил:

– Дед, и как ты себе это представляешь? Лететь на эту неизвестную планету...

– Это для тебя она неизвестная! – закричал Иван Гаврилович. – А я там родился, жил! Ты же мне обещал! Помнишь, мы с тобой разговаривали, и ты говорил, что если атмосфера Земли очистится, ты позволишь мне вернуться домой?

– Да, Иван Гаврилович, я обещал – помню, но я никак не предполагал, что это может случиться, тем более, так скоро.

– А-а-а, – ехидно протянул старик, глядя в непроницаемое лицо правнука, – ты, наверно, думал, что я не доживу до этого часа. Ведь так?

– Дедушка, поверь, я несколько не желал твой смерти, – прижав ладонь к груди, искренне ответил Трифил. – Просто я не хотел тебя беспокоить отказом. Откровенно говоря, я не думал, что это вообще возможно – вот в чём дело.

– Но это же случилось!

– Может, тебе показалось, дедушка? – осторожно спросил командир.

– Ах, ты мне не веришь! – Трестов решительно встал и приказал: – Иди за мной.

– Куда?

– В обсерваторию. Посмотришь в телескоп, сам увидишь.

В обсерватории Трестов поднялся по ступенькам наверх, взглянул в телескоп, потом предложил командиру:

– Посмотри сам, Трифил. На правой половине, в районе четырёх с половиной часов ты увидишь большое голубое пятно. Смотри, смотри!

Трифилу с его пятиметровым ростом подниматься не пришлось, он наклонился вперёд, вытянул шею и прикинул к окуляру. Долго рассматривал диск, затем улыбнулся:

– Я такого цвета никогда не видел, даже на кар-

тинках. Это так красиво! Меня тоже почему-то так и манит туда, притягивает, словно магнитом.

– Неудивительно, – отозвался прадед. – Ведь ты тоже землянин. Хоть вы и выросли с коломенскую версту, и на Земле не были, а кровь-то у вас всё равно земная. Ну что, убедился?

– Убедился, убедился, Иван Гаврилович, – согласился Трифил, оторвавшись от телескопа. – Но я не знаю, что с этим делать.

– Не знаешь?! – вспыхнул старик. – Зато я знаю! Отправляй меня на Землю! – Иван Гаврилович прижал руки к груди. – Да, пойми ты, Трифил, я домой хочу. Я хочу хоть ещё разок вздохнуть земного воздуха, прогуляться и полежать на траве, искупаться в речке, порыбачить, испробовать настоящей земляники.

– Хорошо, дедушка, – согласился, наконец, командир Пуляков. – Будем думать.

Думать пришлось не вдвоём. Когда на станции узнали, что их прапрадед решил возвратиться на свою родину, на Землю, в кают-компанию набилось столько народу, что не справлялись регенераторы воздуха – пришлось включить резервный. Прибыли даже представители станций №2 и №3.

Командир первой станции Трифиллий Михеевич Пуляков начал говорить первым:

– Вот, дорогие мои луняне, наш прапрадед, Иван Гаврилович Трестов, решил возвратиться на планету Земля, где он и родился. Мы решили задействовать для этого один из космических кораблей, который висит на орбите. Это путь лишь в одну сторону – возврата не будет, и это прекрасно знает наш дорогой Иван Гаврилович.

– Да что вы словно на похоронах, – прервал его старик и встал со своего маленького стульчика. – Только траурного марша не хватает. Дорогие мои луняне, дорогие мои правнуки и праправнуки, поверьте мне, я с большой радостью возвращаюсь на Землю, на ту самую планету, где я появился на свет. Потому что нет большего счастья, чем окончить свои дни там, где ты родился. Но не только поэтому. Я убеждён, что там, на Земле, ещё живы мои сородичи по планете, земляне. Я верю, что моя дорогая голубая планета ещё оправится от постигнутого её катаклизма и там снова возродится жизнь. А мне так хочется на это посмотреть, любимые мои луняне. Поэтому я с большой радостью и лёгким сердцем лечу туда. Так что, умоляю вас, не держите меня здесь! Это всё.

Со всех сторон посыпались вопросы:

– Дедушка, а вам не страшно?

– Нет, не страшно.

– А какая она, Земля?

– Я же вам сто раз об этом рассказывал! Это такая планета, где всегда есть воздух, где всегда светло и тепло, где можно передвигаться на ногах куда захочешь. Правда, бывают там иногда такие противные, кусачие твари, как комары и гнус, но это вытерпеть можно.

Все засмеялись. И вдруг все услышали вопрос:

– Дедушка, а можно мне полететь с тобой?

Все неожиданно смолкли и повернулись на голос. Это была Ольга.

– Со мной? – растерялся старик.

– Да, я... мы хотим полететь на Землю, – неуверенно ответила Ольга.

– Ты, а кто ещё? – уже строго спросил Иван Гаврилович.

Ольга дёрнула за рукав сидящего рядом с ней парня. Тот встал:

– Это я, дедушка.

– А, Терентий! А ты-то чего вдруг собрался? – насмешливо спросил старик. – Сам же говорил, что мы, мол, луняне, а не земляне. А теперь вдруг на Землю собрался.

– Так, это, – замылся Терентий, часто моргая и поглядывая на Ольгу. – Вдруг там опасность какая – я бы помог. Мало ли чего.

Дед улыбнулся:

– Ясно, про какую опасность ты бормочешь – от Оли отстать боишься. Но это не мне решать. – Иван Гаврилович поднял голову, чтобы взглянуть в лицо командира. – Трифилий Михеевич, ты-то что скажешь?

Командир с ответом не тянул:

– А что – если они добровольно, то я не против.

И вдруг поднялся вселенский шум, раздались выкрики:

– Возьмите и меня! Я тоже хочу полететь! Нас запишите! Я первый согласился, я первый!

Трифилий поднял руку:

– Тихо, тихо! Что это за базар! – Когда выкрики и гул голосов стихли, добавил: – Космолёт не резиновый. В него раньше помещались не больше девяти космонавтов, или астронавтов – какая разница. И то они ростом и комплекцией были с нашего дедушку, Ивана Гавриловича. А вы вон какие рослые. Так что, кроме Оли и Терёхи, поместятся ещё только двое. – И снова нетерпеливые выкрики. Командир снова закричал: – Тихо, я сказал! Если желающих много, придётся бросать жребий. Ну и желательно, конечно, парами. Чтобы, значит, была девушка и парень. Правильно я рассуждаю, Иван Гаврилович?

– Обязательно, командир, – с улыбкой поддержал старик. – Обязательно должна быть пара, чтобы, значит, детишки пошли, чтобы люди на Земле плодиться начали. Но предупреждаю! Это не экскурсия, милые мои, это путь в один конец – возврата сюда не будет.

После последних слов старика желающих полететь на голубую планету сильно поубавилось – ведь неизвестно, что ждало их на этой загадочной планете. Из четырёх пар жребий выбрал Флегонта и Улиту.

Прощание было недолгим – Иван Гаврилович Трестов торопился. И очень сильно волновался. Рядом с ним постоянно находилась Ольга с тонометром на шее, измеряла ему пульс и давление и каждый раз напоминала:

– Дедушка, вам нельзя сильно волноваться. У вас скачет давление, и пульс неровный.

– Да, знаю, знаю, Олюшка. Это у меня от радости, это ничего. А разве от радости кто умирал? Нет, ещё никто не умирал.

И вот спускаемый аппарат уже поднимает их на орбиту Луны, к космолёту. Через иллюминаторы видно, как удаляется сверкающая от солнечных лучей поверхность спутницы Земли, которая служила приютом людям долгих семьдесят лет. Боковым зрением старик видел, как по щекам Ольги и Улиты текут слёзы. Он понимал их: – это была их родина,

и они прощались с ней. Парни вели себя спокойнее – они просто смотрели на удаляющуюся Луну и тайком вздыхали.

Через несколько часов путешественники находились уже на американском ракетоплане. Хотя какой он американский – настоящий российский, потому что в последние десятилетия, после того как у НАСА провалились попытки создать свой собственный космический корабль, американцы закупали ракетопланы у России. Правда, слегка переделывали их да наклеивали на борта символ НАСА и звёздно-полосатый флаг.

Иван Гаврилович долго со смехом наблюдал, как в невесомости пытаются устраиваться в креслах долговязые пятиметровые луняне, затем посоветовал:

– Ну чего вы мучаетесь, ребята? Ложитесь спиной в кресла и складывайтесь втрое – иначе у вас ничего не получится. Головы кладите на подушки.

– Так неудобно, дедушка, – жаловалась Улита.

– А кто сказал, что здесь должны быть удобства? Сами напросились, вот и терпите. Здесь лёту-то всего десять часов. И пристегнитесь как следует.

Космолёт включил двигатели, сорвался с лунной орбиты и полетел в сторону Земли. Она всё ближе и ближе – молочный шар с голубыми просветами. Планета увеличивается с каждым часом, и кажется, что она вот-вот поглотит их или раздавит.

Вот все почувствовали, как притяжение Земли захватило их в своё объятие, и ракетоплан завис над поверхностью.

– Дедушка, мы прилетели? – спросил Флегонт.

– Почти, почти, дорогие мои, – шептал старик, вглядываясь в иллюминатор. И вдруг закричал: – Смотрите, смотрите!!!

Все прильнули к круглым окнам и в голубом просвете увидели колышащийся светло-розовый горизонт, огромную тёмно-синюю поверхность, тёмно-зелёные и белые острова.

– Что это, дедушка? – чуть дыша от восторга, спросил Терентий.

– Это и есть наша родная Земля, ребятки. Видите светлую розовую дугу? Там прячется солнце, оно скоро взойдёт. А вот эти синие проплешины – это океаны, Тихий и Индийский океаны. Они заполнены водой.

– Настоящей водой? – спросила Ольга. – Её так много, дедушка!

– Настоящей, Олечка, настоящей. А вон, видите тёмно-зелёные пятна? Это леса, все эти пространства заполнены растительностью. Жива, моя милая, жива моя родная Земля! – в восторге кричал Иван Гаврилович.

– А что это там белое? – спросила Улита.

– Это горы, очень высокие горы. И они покрыты снегом.

– А что такое снег? – не унималась Улита.

– Снег? Снег – это замёрзшая вода.

– Боженька, как же это красиво, – простонала Ольга.

– Да, внучечка, очень красиво, – согласился Иван Гаврилович. – Но там, на Земле, ещё прекраснее.

– Почему же мы не спускаемся, дедушка? – спросил Терентий.

– Место надо выбрать. Мне не хочется приземляться абы где, я хочу домой, в Россию. Огней почему-то не видать – это плохо. Ладно, пора перебираться в посадочный модуль. Думаю, часа через четыре мы будем на планете, на Земле.

– Почему так долго, дедушка? – спросила Ольга.
– На Луне всё – взлёт и посадка – происходят гораздо быстрее.

– Потому что здесь атмосфера, внучка, очень плотная атмосфера. Необходимо её преодолеть. Сначала наш модуль будет как бы гореть от трения, но вы не бойтесь. Так должно быть. Затем у нашей капсулы развернутся крылья, и она мягко приземлится. Самое главное – точнее позиционироваться, чтобы сесть именно на тот аэродром, куда нам надо.

– А если мы сядем? – захныкала вдруг Улита. – А если мы сядем, то уже не возвратимся, да?

Иван Гаврилович внимательно и сочувствующе посмотрел в глаза девушки:

– Нет, Улиточка моя, не вернёмся – не будет у нас, по всей видимости, такой возможности. Хотя... Вдруг там, на Земле, сохранилась вся структура для полётов. – Трестов вдруг повысил голос: – Ты же сама хотела полететь, ты же понимала, что так может произойти.

– Это из-за Флегонта... Это всё он, – со слезами мямшила девушка.

Старик обнял девушку:

– Понимаю, всё понимаю, милая моя. Но всё будет хорошо. Верьте мне, мои дорогие луняне!

И вот весь экипаж уже в спускаемом аппарате. Проверены скафандры и гермошлемы, пристёгнуты ремни безопасности. Бледные лица, настороженные взгляды, нервные движения. Никто не почувствовал, как аппарат отсоединился и отчалил от ракетоплана. Об этом знал только Иван Гаврилович, который управлял всеми процессами, но он молчал.

– Ой! – закричала вдруг Ольга. – Дедушка, меня чем-то прижало, мне трудно дышать!

– И меня тоже, – подтвердили другие.

– Терпите, терпите, родные мои, мы вышли из невесомости и попали в поле притяжения Земли, – успокаивал Трестов. – Скоро мы сядем. Ещё немножко, ещё немножко!

Скоро путешественники почувствовали, что спускаемый аппарат словно парит – это вышли крылья, которые заставляли аппарат скользить на воздушных потоках по горизонту и плавно снижаться. Земля всё ближе и ближе! Она стремительно растёт!

– О, чёрт! – закричал вдруг Трестов. – Держитесь, держитесь, милые мои! Не паниковать! Всё будет хорошо! Мы близко, мы совсем бли...

Спускаемый аппарат затрясло, дрожание передавалось каждой клеточке тела, раздались удары по корпусу, словно его лупили огромными кнутами. Затем послышались какие-то визги и свисты, снова дрожание.

Неожиданно всё стихло. Слышались лишь всхлипы кресел, в которых ворочались космонавты. Долго молчали. Наконец, кто-то подал голос:

– Дедушка, мы живы, мы прилунились?

– Приземлились, приземлились, деточки мои. Мы на Земле, – спокойно, внезапно осипшим голосом ответил Иван Гаврилович.

– А что это было? Нас так трясло!

– Посадочная полоса лесом заросла – вот что.

– Лесом? А что это?

– Скоро узнаете. Чего же вы лежите – отстёгивайтесь. Забрала свои тоже можете открыть.

– Мы боимся.

– Чего же бояться-то, милые мои, тут, на Земле, кругом воздух. Хотя... Проверить не мешает.

Трестов с трудом открыл шлюз спускаемого аппарата, высунул голову, осмотрелся, протянул:

– Да-а-а, никого не видно – как на необитаемой планете.

Старик откинул с лица стекло скафандра, вздохнул всей грудью и вдруг закашлялся.

– Дедушка, с тобой? – с тревогой закричала в лингафон Ольга. – Тебе плохо?

Но Трестов неожиданно улыбнулся, вздохнул ещё раз, ещё глубже:

– Нет, Олечка, мне хорошо, мне очень хорошо. Воздух, настоящий земной воздух! Он пахнет землёй, сырыми листьями, он напоён ароматами цветущих трав. Это нектар! Наверно, скоро будет гроза. Ну, что же вы! – неожиданно закричал он. – Снимайте с себя эти латексовые кольчуги, дышите, бегайте, идите, куда захотите! Здесь, на Земле, нет никаких запретов и ограничений. Здесь вы можете делать всё, что захотите! Здесь свобода!!!

* * *

В полусотне метров от старой посадочной полосы, уже заросшей низким молодым леском, в кустах сидели трое. Они с тревогой в глазах наблюдали за пришельцами, крепко сжимая в руках острые палки. С заросшими лицами, длинноволосые, загорелые, одетые в какие-то лохмотья, они с изумлением смотрели на странный аппарат, неожиданно упавший с неба. Этот аппарат они заметили задолго до его посадки, когда в небе сначала что-то загорелось и загрохотало. В эти минуты они охотились на реке за рыбой, чтобы накормить своё племя, дожидавшееся их в одном из разрушенных бетонных строений. И вдруг этот огонь, эти странные и страшные звуки! Все охотники, испугавшись, убежали, а трое молодых и бесстрашных бросились к месту приземления небесной птицы и теперь наблюдали за происходящим.

Вот отворился люк, в проёме которого показался пришелец в странном сером костюме. Он огляделся, снял с себя гермошлем и начал что-то говорить на незнакомом языке. Он улыбался, иногда поворачиваясь к кому-то. Охотники, полагая, что он один, хотели его пленить и доставить в племя, чтобы узнать, кто он такой и откуда появился здесь. Но пришелец отошёл от люка и поставил трап, спустился на землю, стал прыгать и кричать, воздев руки к небу:

– Ого, ого-го-о-о-о! Я дома, я на Земле! Эй, малышки, чего ждёте, спускайтесь ко мне! Мы дома!

Пленение неожиданно пришлось на время отложить, потому что в проёме показалось странное существо, которое выползло из люка ногами вперёд. За ногами показались торс, плечи, голова, руки. О, это был не просто пришелец, это был самый настоящий гигант, широкоплечий, с длинными, двухметровыми руками. Но – о, чудо! – за первым показался второй, третий, четвёртый гиганты. Они сразу же сели на землю. Один из них кричал:

– Дедушка, я не могу стоять, мне тяжело!

– А ты как думала, Олечка! На Земле всё тяжелее. Вставай, вставай, милая! Давай я тебе помогу. Сначала будет тяжело, а потом твои мускулы окрепнут, и ты будешь твёрдо стоять на ногах. И вы тоже вставайте, лодыри! Вам теперь здесь жить! Няnek и мамок здесь нет. Вам никто, кроме самих себя, не поможет. И снимите скафандры – умоляю вас!

И вот эти гиганты встали во весь свой рост. Охотникам показалось, что они были выше деревьев, под которыми сидели. Гиганты сняли с себя прозрачные пузыри и закашлялись.

– Что, непривычен настоящий земной воздух? – смеялся маленький пришелец. – Ничего, скоро привыкнете. Смотрите, смотрите, внучки мои, на это чудо!

Маленький человек кружился на месте, вскинув руки и глядя в голубые небеса. Он прыгал, словно пробуя твердь, на которой стоял, и хохотал. Пробежал туда-сюда. Наклонился, сорвал несколько цветов, показал их гигантам:

– Видите, это цветы, настоящие земные цветы. Цветочки, родные мои! Понюхайте, понюхайте. Как они пахнут! Боже, какой аромат. А какая сладость этот земной воздух.

Гиганты смотрели на всё с удивлением, крутя головами.

– Дедушка, что это? – вымолвил после немного изумления, наконец, Флегонт.

– Это Земля, детушки, – ответил Трестов. – Это ваша прапраматерь. Здесь родился я и ваши прапраматери, Ираида и Степанида, ваш прапрадед, Семён Данилович. Видите вот эти зелёные массивы? Это леса. Это луга, поляны! Это трава. Над головой небо. Видите, там плывут белые барашки. Это облака – испарения от воды. Тут недалеко протекает речка.

– А что такое речка? – спросила Улита.

– Речка? Это такая... А чего я вам объяснять буду! Как говорится: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойдёмте, пойдёмте! Я покажу вам, что такое речка.

Прячущиеся за кустами охотники со страхом в глазах наблюдали, как маленький небесный пришелец и четыре гиганта двинулись прямо на них. Ещё немного – и их обнаружат. Охотники не выдержали и убежали.

Метров через двести, пройдя сквозь густые заросли, луняне увидели широкий водный поток, текущий между двух берегов, заросших лесом, камышом и густыми травами. Трестов показал рукой на поток и сказал:

– Вот, дорогие мои, это и есть река. В ней течёт самая настоящая вода. Пресная вода, которую можно пить. Хотя пока пить её не советую. В ней можно мыться, купаться. Хотите искупаться? – Луняне молчали, лишь изумлённо наблюдая, как течёт прозрачная вода и плещется на поверхности рыба, поднимая брызги. – Бойтесь? Ничего, привыкнете. А я искупаюсь, – решительно объявил Иван Гаврилович.

Он решительно снял с себя скафандр, костюм и, оставшись в одном белье, прыгнул в воду. Ольга ахнула и закрыла глаза – она ожидала, что дедушка сейчас утонет. Но нет: Трестов вынырнул и поплыл саженками, крича во всю глотку:

– Не забыл, не забыл! Как говорится: тот, кто научился однажды плавать, не разучится никогда и не утонет. Ах, какая прелесть!

Дедушка плескался, плавал, нырял и снова плавал, счастливо хохоча. Затем выбрался на берег, глядя на изумлённые лица лунян, спросил:

– Не хотите искупаться? А зря. Не водичка, а самый настоящий шёлк. Ничего: вот привыкнете, сами ползёте в воду.

Неожиданно Терентий крикнул:

– Дедушка, смотрите! – и показал рукой направо.

Луняне увидели, как, вылезая из кустов, к ним медленно и настороженно приближаются человекообразные существа, одетые в лохмотья и вооружённые палками: взрослые и дети, старые и молодые, мужчины и женщины.

– Кажется, они собираются на нас напасть, – предположила Ольга. – Дедушка, мне страшно.

– Не бойся, внучка, – успокоил Трестов, надевая костюм. – Не так страшен чёрт, каким ты его видишь. Они сами боятся. Подождём.

Толпа приблизилась к пришельцам, метрах в десяти от них остановилась и застыла.

– Ну-ка, – обратился Трестов к Флегонту, – спроси, кто у них старший, чего им надо. Да погромче. Только страха не показывай.

Флегонт поднял руку и громким, зычным голосом спросил:

– Эй, люди, кто из вас атаман? Чего вы хотите?

От этого голоса многие в страхе присели, некоторые стали пятиться, чтобы снова скрыться в лесу.

– Люди, не бойтесь! Мы вас не обидим, – уже спокойнее, понизив голос, сказал по подсказке дедушки Флегонт. – Мы тоже люди. Понимает ли кто-нибудь наш язык?

Из толпы вышел старик, неожиданно упал на колени и пополз к пришельцам. Следом за ними, что-то вопя и бормоча, поползли остальные.

– Дедушка, что это с ними? – спросила Улита.

– Сам не понимаю, – бормотал Иван Гаврилович. – Сейчас узнаем. Погодим немножко.

Толпа подползла почти вплотную к лунянам. Старик поднял голову, воздел над собой руки и стал что-то бормотать. Остальные постоянно кланялись.

– Вот теперь ясно, – сказал Трестов, – они принимают нас за богов. Видите – молятся.

– И что теперь делать? – спросила Ольга.

– А ничего, – ответил дедушка. – Пусть так и будет. Раз верят, то пусть так. Без веры жить нельзя. Без веры и я не вернулся бы на свою родную планету, без веры мы не выжили бы. – И обратился к внукам: – Вот что, дети мои дорогие, погладьте их по головам и улыбнитесь. Только старика первого – он у них, видать, самый главный, старейшина.

Луняне поочерёдно гладили людей по головам, те отползали, кланялись и улыбались в ответ. А Трестов Иван Гаврилович говорил:

– Наконец-то я дома. Наконец-то мы дома... Что ж, будем строить новую цивилизацию. Будем передавать им свои знания и умения. Будем учить их разговаривать на нашем языке. Да, конечно, это тяжело, но необходимо, внучки мои. Видно, такая наша миссия. В какой-то книге, помнится, было написано, что всё повторяется в подлунном мире, а я могу это переиначить и сказать: всё повторяется в этом прекрасном подсолнечном мире. И слава Богу!

Татьяна ЭЙХМАН, член Союза писателей России

«НАВСЕГДА МНЕ РОССИЯ ДАНА»

О новой книге стихов Александры Беловой

Держу в руках новую книгу Александры Беловой «Навсегда мне Россия дана».

Задумалась над словами в предисловии, написанными самой Александрой Георгиевной Беловой: «Подруга пригласила меня в Испанию. Я нашла жизнь в Бенидорме достойной. Мне пришлось по душе приветливость испанцев, чистый песок берега и море, уходящее в горизонт.

Погостив в Праге, у дочери Анны, отметила отзывчивость чехов, их равнодушие к проблемам незнакомых людей.

Анна устроила мне поездку в Норвегию. Удивило и порадовало, что климат и характеры жителей этой страны такие же, как в Сибири, где прошли мои детство и юность... Почти каждый год я с удовольствием отправляюсь в Красноярский край, на свою малую родину.

Незабываемым событием стала поездка на Байкал, тайну которого хранят небеса...

Димитровград давно стал моим родным домом. В этом городе много людей разных национальностей, которые в большинстве своём пребывают в мире и согласии.

Радуясь общению, наблюдая уровень жизни населения разных стран, всюду я тоскую по русскому языку, по России и нахожу её лучшей и единственной страной, в которой я могу жить».

Читаю страницы новой книги и понимаю, что в каждой строчке – любовь к России, к малой родине, к Димитровграду, второму дорогому месту на земле после места рождения. Душа отзывается на всё, что происходит в стране. Александра Белова находится внутри событий, свидетелем которых стала в жизни. Ещё не забыты ваучеры, которыми сумели огоршить людей, кувыркания в ценах, мальчишки, посаженные на наркотическую иглу, всё находит отклик в её чутком сердце. Но вот ей говорят, что «много печали в Ваших стихах», и она соглашается.

*...Но как тут не стонать,
когда людей, тотально обречённых,
статистика не сможет сосчитать.
Когда поля приходят в запустенье
и тихо разворачивается народ –
без действия, без воли, без спасенья
и без надежды, что беда пройдёт.*

*Когда всё, нажитое потом, кровью,
нельзя теперь оставить ни на час:
растащат, осквернят... И нет виновных.
И нет защиты много лет подряд.
(1999 г.)*

Драматизм трудных для страны лет перестройки нам понятен, а в стихах А. Беловой он теперь «закрепощен», отражен в книге, и пусть пока не всем безрассудным действиям, произошедшим тогда в стране, историей дана оценка, но автор точно знает, что простые рядовые люди бывают мудрее и честнее своих правительств.

*Россия, что стало с тобой?
Ещё торжествуют подонки...
Но все же и хрупкий, и тонкий,
в тебе мир надежды – живой.
(«Долина печали»)*

Александра Белова живет не в выдуманном мире, не в сказке, живет среди людей, «как все», умеет экономить семейный бюджет, умеет поработать на огороде, умеет трудиться... Есть минуты отчаяния? Наверное, да. Но есть и другое. Пишутся стихи. Есть умение замечать доброе и хорошее в людях. Есть какая-то невидимая связь с уходящим поколением. (Прочтите стихотворение про старушку, вырастившую бычка для детей и внуков, как она заботится о том, чтобы «было что отдать»...)

Так вот из печалей не вдруг, но прорывается надежда на просветление, свежий воздух очищения. Проявляется вера в русский народ, вместе с народами-собратьями переживший многие невзгоды и горести. Народ, всё понимающий, «иронично-печальный» и умеющий веселиться, несмотря ни на что.

*«А страна – это звонкая Русь,
на которую, даже за гранью,
уходя в мир иной, оглянусь,
напитаюсь божественной далью;*

*это мой терпеливый народ,
одаривший уже всю планету.
Он не стонет, не плачет, не ждёт,
что кого-то притянут к ответу.
Только смотрит на ваши дела,
иногда иронично-печально.
Белой нитью прошла игла,
господа, ваши тёмные шали,
под которыми скрыть не дано,
как и шило в мешке, ваше зелье.
И народ это видит давно,
но живёт, не утратив веселья.
(«Страна»)*

Дорогой читатель, ответь, пожалуйста, на вопрос: «Может ли в наше время появиться поэтическая книга о России, где бы не было стихотворения о войне? О Великой Отечественной 1941 – 1945 гг.?» Ведь уже скоро-скоро просалютуем 75-й раз в честь Победы над фашистскими захватчиками. Кто победил? Советский солдат, да, да, тот, который оставил детей и жену дома и ушёл в бой. Отец Александры Беловой вернулся с фронта к жене и шестерым детям, дочка навсегда запомнила эту встречу, как сидела у него на руках, говорила с ним. А сколько его друзей остались там, на поле боя...

*Я помню, как отец, читая книгу,
украдкой слёзы смахивал с лица.
Испуганная тем коротким мигом,
стремясь понять волнение отца,
я говорила: «Мама, папка плачет!»
Так странно, так тревожно было мне.
«Пусть плачет, дочка, знать, нельзя иначе.
Опять читает книгу о войне».
(«О войне»)*

В стихах Александры Беловой – жизнь души. Ей знакомо чувство, когда «странно гложет одиночество / среди людей». («Душа»). Автор размышляет над своей судьбой, обращаясь с тихой молитвой ко Всевышнему.

*«Пока ты спал, я с тихой молитвой
стояла у осеннего окна.
Дымился чай. Душа была открыта,
вела беседу с нею тишина.
Пока ты спал, места сменили звёзды
и побледнели. Ночь ушла в рассвет...
Витала мысль: счастливой быть не поздно –
и это был единственный ответ...»*

Александра Белова пишет о боли и душевных разладах, однако с годами приходит мудрость, она в стихах делится своим пониманием счастья:

*«А счастье – это снег и ветер,
сиянье молнии в грозу;
покой заката в тихий вечер
и ночь, упавшая в росу...
А счастье – это смех ребёнка,
награда всем, кто любит жизнь.
И бег по полю жеребёнка,
и голос ласковый: «Держись!» («Пора»)*

А вот какая радостная нота надежды на чистое человеческое счастье звучит в другом её стихотворении.

Возвращение

*Есть ли радостней миг: из-за мыса, оттуда,
где так щедро раскинулась волжская гладь,
вдруг покажется парус, и волны как будто
ускоряют свой бег, чтоб тебя обогнать.
Я ведь знаю: твой друг – разгулявшийся ветер –
стал попутным, как только ты парус поднял...
И с восторгом глядят на тебя наши дети.
Я так рада, что ты их на парусник взял!*

Вспоминается, что моё первое знакомство с творчеством А. Беловой состоялось давно, с её книги для детей (думается, с тех пор её дети выросли). Но и теперь она пишет детские стихи (и они в книге есть), но вот что мне больше запомнилось, так это доверительные разговоры с выросшими детьми, свидетельствующие о том, что в семье есть доверие и любовь друг к другу.

Знаешь, мама

*Младший сын, задумавшись, сказал мне:
– Знаешь, мама, как люблю вокзалы.
Там всё время что-то объявляют.
Прилетают люди, улетают.
Поезда приходят и уходят.
На меня такое вдруг находит:
будто я в начале всех дорог...
– Как ты на меня похож, сынок...*

Отдельно обозначены в книге письма и стихи из заграничных городов, из стран, где побывала А. Белова, из дальних мест, откуда Россию любишь ещё больше, и любовь эта сверкает вдруг новыми гранями.

Испания, милая, красивая, тёплая, у А. Беловой ярко ассоциируется с испанским танцем:

*О, этот чёткий постук каблуков,
звон кастаньет и гордая осанка!
Наслаждаясь морем, пальмами, криком чаек,
ласковым солнышком, она пишет:
Но я среди скалистых берегов,
чистейшего песка и пальм красивых
смотрела на счастливых стариков
и плакала тихонько о России.
(«Из писем в Испанию»)*

«Японские» стихи выделены поэтессой в отдельную главу. В комментарии Александра Белова пишет: «Сибирячка Светлана Михалёва подарила мне книжечку японской поэзии. Меня привели в восторг трёхстишия – хокку и пятистишия – танки. Немногословно и ярко они выражают образы и события. Это подвигло меня сочинять пятистишия и трёхстишия в японском стиле».

Хочется выразить такую мысль: из какой бы страны ни писала нам А. Белова, в какой бы технике ни рисовала свои сюжеты, она не сможет уйти от привязанности к своей семье, к милой русской природе, своему родному Димитровграду, к темам, которые понятны каждому читателю. Попробуем почувствовать японский стиль.

Счастливы́й вечер

О, этот вечер
с терпким ароматом трав.
Полёт облаков
там, вдали, над закатом.
И лёгкий дымок костра.

Смех ребёнка

Грустные мысли.
Жизнь на ладони лежит...
И не исправить.
Смех ребёнка за дверью.
Сразу всё изменилось.

Тишина

Между холмами
белый туман пасётся.
Птица большая,
крылья раскинув, летит
над молчаливым лесом.

Трехстишия

Почки набухли.
Свежая зелень грядёт –
радость живая.

В ярких пальтишках,
как птички весенней порой,
дети щебечут.

Вот такие необычные для Среднего Поволжья стихи, удивительным образом возникшие из-под пера Александры Беловой. Нашлось в сборнике и место для песен, написанных на слова Александры Беловой, одна из них положена на музыку Анатолием Егоровым – «Торжественная песня»:

Над Черемшаном заря загорелась,
утренний город надеждой живёт.
Светятся окна на зданиях белых,
дмитровградцы встречают восход.

Припев:

Дмитровград – даль соснового леса.
Дмитровград – голубые пруды.
Корни его – от крестьян Мелекесса,
от Черемшанской прозрачной воды.

Песня много лет звучит в исполнении коллективов «Глория», «Апрель», хора центра «Доверие». Это говорит о певучести стихов, умении автора писать музыкально, мелодически выверенно.

Прекрасно понимаю, что в книгу вошли не все стихотворения Александры Беловой, но даже то, что она включила в сборник, позволяет понять, что ни поездки по всему миру, ни её желания писать в разных стилях и размерах, ни откровенные строчки о женской судьбе не кажутся повторами, в книге видна яркая работа души, заставляющая и нас вдохновиться.

Картина

Натянут холст, продумана палитра.
Волнение полнит разум по ночам.
Ещё немного – и окно открыто
туда, где Свет, где тайна всех начал.
Покоя нет, но сладостно решение
нарушить безмятежность полотна.
И молится художник вдохновенью,
и вот уже картины глубь ясна.

Пожелаю Александре Георгиевне Беловой новых стихотворных картин, новых книг, новых вдохновенных строк.

Анна и Константин СМОРОДИНЫ, Саранск

Эссе

СЛОВА НА ИКОНЕ

Родительская дача – на самом берегу Днепра. Тут тебе и сосны, и песчаный берег, и веранда, увитая виноградом, – отдыхай, утешайся теплом и изобилием плодов земных. Но – не до отдыха. В те самые памятные августовские дни погибал атомобус «Курск». У соседа на флагштоке перед кирпичной «избушкой» – флаг Военно-морского флота России. Это сын его на побывку приехал, теперь, правда, он в торговом флоте, но флаг – дело святое. Так и проводим отпуск – в центре «ридной неньки Украины», но под Андреевским стягом. С соседями делимся новостями, добытыми по транзистору, здесь, на даче, телевизора не имеется. И не естся, и не плавается, и не загорается... Все думы – там, в холодном море...

Много позже тех дней в кармане одного из погибших на «Курске» офицеров обнаружили записку, начинающуюся словами: «Не надо отчаиваться!..». Удивительные эти, мужественные, отрадные слова прозвучали утешительно и светло на всю страну. Да, подводники получили укрепление душевное перед смертью. А от Кого оно исходило – очевидно.

Год спустя, тоже в августе, у нас, на территории

Мордовии, в Санаксарском монастыре происходило прославление святого праведного Феодора Ушакова, легендарного адмирала, и отныне – покровителя моряков. Побывать в момент прославления в монастыре не удалось. Лишь фотографии да телепередача рассказали о стечении народа, о пышном служении, о том, как покрыт был ковчег с мощами Андреевским стягом, как шли за ним моряки в высоких чинах и мальчишки-юнги, как вдруг из-за облаков упал на ковчег солнечный луч...

Уже осенью в руки попала и с тех пор поселилась в доме небольшая бумажная иконка воина Феодора, с орденской лентой через плечо, с оружием и свитком, на котором – слова: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России».

«Не отчаивайтесь!», а через двести с лишним лет снова во всеуслышанье: «Не надо отчаиваться!». Всё вздрогнуло, отозвалось в душе: так вот они, эти посмертные слова, повторенные почти буквально, теперь – увенчавшие икону. Нет напрасного мужества и напрасных жертв. Не будем отчаиваться – с нами Бог!

Сергей НИКОЛАЕВ, лауреат конкурса «Первая Роса»

ПОПУТЧИК

Сажусь в маршрутку, еду на очередное мероприятие. Настроение так себе: на улице холодно, новые ботинки ужасно скользят, превращаясь в лыжи, место какое-то не очень удобное... Да мало ли, что еще может приключиться с человеком. Достану наушники, надеюсь отвлечься музыкой.

Напротив сидит мужичок в смешной шапочке и с кривыми зубами. Показывает мне жестом на свой рот. «Началось», – думаю. Медленно вынимаю «бананы» из ушей, интересуюсь, что ему нужно.

– Не замерз? – спрашивает мой попутчик.

– Нет, – отвечаю. Вновь пытаюсь слушать музыку, смотрю в окно.

Мужчина в шапочке делает попытку заговорить с женщиной по соседству, но собеседник из нее оказывается хуже, чем я – женщина совсем молчит. Заходящим в транспорт людям он пытается показать свободные места. Те опасливо косятся.

Проезжаем остановку «Пушкаревское кольцо». Мужчина опять смотрит на меня и пытается что-то спросить. Вынимаю наушники, наклоняюсь.

– Сколько градусов?

– Минус 20.

– Ооо, 20! – мужчина с кривыми зубами улыбается во весь рот.

Мне становится смешно и грустно одновременно. Понимаю, что ему хочется хоть с кем-то поговорить.

– Людей на рынке мало совсем.

– Так холодно же.

– Когда теплее-то будет?

Улыбаясь, пожимаю плечами.

Проезжаем Спасо-Вознесенский кафедральный собор.

– Батюшка «кадилкой» здесь машет, – глаза моего нового внезапно знакомого лучатся добром и каким-то спокойствием. Спокойствием, которого

мне как раз сейчас не хватает.

– Да, – улыбаюсь в ответ.

– На Крещение воду набирал? – спрашивает он.

– Да.

– Где?

– В Киндяковке.

– Ааа, в Киндяковке...

Простой ни к чему не обязывающий разговор. Разговор, который так важен этому человеку. Разговор, который, возможно, важен сейчас и мне.

Люди в маршрутке смотрят на нас, и я понимаю, что и они, угрюмые и сосредоточенные, хотели бы тоже сейчас вот так вот запросто поговорить. Выговориться. Быть услышанными.

– Ты где выходишь?

– Почти у ЦУМа. Чуть-чуть раньше.

– Ааа, раньше.

Доезжаем. Заранее прошу остановиться.

– Тебе нужно выходить, – во взгляде этого не-лепого человека есть что-то наивно детское, чистое, что нам уже неведомо и что мы давно, к большому сожалению, утратили.

– Да, я сейчас выхожу.

– Пока!

– Пока, – почему-то вырывается у меня тоже.

Маршрутка едет дальше, увозя моего разговорчивого попутчика, который, оказывается, еще и ве-рующий.

Дай Бог, дорогой, чтобы у тебя все было хорошо. Дай Бог, чтобы рядом оказались те, кто стал бы тебя все-таки слушать. Дай Бог, чтобы наши сердца все же не были настолько окаменелыми и мы могли сочувствовать, видеть нужду другого, не чураясь ни внешним видом, ни статусом...

Да будет как по Стругацким: «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!»

НАЧНИ С СЕБЯ

Начать с себя бывает очень сложно,
И кажется порой: при чём здесь я?
Везде успеть, по правде, невозможно,
В конце концов, есть люди без меня!

Которые всё знают и умеют,
Придут, когда их только позовут,
Но пробегают месяца, недели,
Но не идут те люди, не идут!

Стоят деревни, храмы в запустенье,
Дороги поросли, и высох пруд,
Прохожие, приверженцы той лени
Страну и государство всё клянут.

Тут не убрали, не восстановили
И не скосили сорную траву...
А про себя те люди позабыли,
Что можно помогать и самому!

Начать с себя. Не быть столь равнодушным.
И показать свой на люди пример.
И, может, жизнь не будет такой скучной,
И обретет и смысл, и предмет.

Нам есть всегда к чему ещё стремиться,
Дорог так много и так много дел!..
Теперь есть повод самому гордиться
За то, что ты начать с себя сумел!

На сайте УлправдаТВ регулярно выходит программа «Литературная гостиная» журнала «Симбирск». Заходите на сайт, знакомьтесь с нашими авторами. В ноябре гостем студии стал Сергей Николаев.

ИЗУЧАЮ ЛЮБОВЬ ПО ЕЁ НЕБЫВАЛЫМ ОТТЕНКАМ

Стихи Марины Щенятской окрашены несомненным лирическим посылом, открывающим нам нового автора как очень светлого человека.

Наша героиня родилась в 1984 году в Белгороде. Даром что красавица, так она еще и хроническая отличница: в 2001 г. с золотой медалью окончила среднюю школу №45 г. Белгорода. Марина Александровна уже кандидат экономических наук, доцент. Работает на кафедре экспертизы и управления недвижимостью Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, которой окончила в 2006 г. тоже с отличием.

Артистична. Тяга к искусству, к Прекрасному и Красивому в ней была всегда. Отсюда и склонность к гармонизации внутреннего мира, к рисованию, сочинению стихов.

«Начала писать с семнадцати лет, на первом курсе института, – рассказывает нам поэтесса, – я тогда занималась в театральной студии «Лист», часто выступала на сцене со стихами классиков, была ведущей концертов. С детства люблю поэзию, в школе постоянно участвовала в конкурсах чтецов. С чего вдруг начала писать? Да как-то внезапно начали строчки появляться. Сначала о весне, о любви.

Так что пишу по вдохновению, “из пальца не высасываю”».

И потому нам близки и понятны простота и бесхитрость посылов и оформившихся строк молодой поэтессы, пишущей и своему совсем маленькому сыну, и своей маме, например, вот так, тепло и проникновенно:

Что скрыто в тайниках души,
Так трудно выразить словами...
Спасительный маяк в ночи –
Сиянье глаз любимой мамы.

Благословен тот летний день,
Когда сквозь час рассвета зыбкий
Господь с небес в земную тень
Пролил тепло твоей улыбки!

Автор изучает «любовь по её небывалым оттенкам», складывая, как умеет и как Бог дал, свою судьбу.

И о слезе юной Богородицы молодой автор успел сердечно подумать (стихотворение «Рождество») и понять, что гордыня слепа, и обратиться к Пушкину: «мой гений, мой радостный свет!».

И вот молодой автор стал лауреатом Международного православного поэтического конкурса «Что превращает слезы в благодать...», прошедшего в Белгороде в 2018 году.

В том же году Марина Щенятская выпустила книгу стихотворений «В сети волшебных лабиринтов». Закономерный, осмысленный итог: сборник, носящий камерный характер (а подлинная внутренняя поэзия всегда такова), полон любви и добра, искренних переживаний, впечатлений и пожеланий, несомненной гармонии личности и поэзии.

Станислав Минаков

Марина ЩЕНЯТСКАЯ

* * *

Изучаю любовь по её небывалым оттенкам,
По порывам прекрасных, а часто – непонятых чувств,
Я её собираю из множества ярких фрагментов,
Ведь, наверное, всем свою вечность сложить – по плечу.

С безотчётным стремленьем, сквозь толщи слоёв подсознания
Я меняю свой мир, красоту, свой закат и зарю,
Я меняю себя, свои мысли и воспоминанья
И Всевышнего тихо, но искренне благодарю.

Потому что Он сделал сиянье надежды возможным,
Потому что Он веру в живую любовь мне открыл,
Потому что природе моей – столь сумбурной и сложной –
Простоту, невесомость, бесхитростный взгляд подарил.

Каждый день я учусь замечать лучик счастья в мгновеньях –
Пусть минутны они, но из них ведь слагается жизнь.
И в душе навсегда сохраню тот момент драгоценный,
Когда встречу с тобой нам подарят судьбы виражи...

* * *

Я вижу даль, вечерние огни,
Их отраженье в речке утомлённой.
О чём молчат, о чём грустят они? –
О том ли, что таят глаза влюблённых?..

О том ли, что с небесной высоты
Легко разбиться, главное разрушив,
И голос сердца дивной чистоты
В слепой гордыне так и не дослушав?..

Забыв про все стремленья и мечты,
Порвать любви святой золотые струны
И раствориться в призраках толпы,
Наполнив душу холодом безумным...

РОЖДЕСТВО

Теплота с небес прольётся в души –
Ясная во тьме зажглась звезда.
И покоя ночи не нарушит
Юной Богородицы слеза.
Замирает любящее сердце –
Мир увидит правды торжество.
А пока так сладок сон Младенца
В первый день на свете – в Рождество.
И поёт то радостно, то грустно
Колыбель святая Иисуса...

* * *

Морские мысли мне душу греют.
И часто вижу в счастливых снах,
Как расцветает рассвет алея
И золотится песок в волнах.

Как я брожу по высоким взгорьям,
Дышу свободой и криком птиц
И, взгляд купая в блаженстве моря,
Не постигаю его границ.

К стихии бурной вызывает имя
Моё морское! Оно влечёт
В то совершенство прибрежных линий,
Где сердце рвётся к прохладе вод.

И я с разбега влетаю смело
В лазурь бодрящих морских глубин,
В алмазных каплях сияет тело,
И радость вьётся, как серпантин!

Иду по улочкам вдаль манящим,
Пью солнце южных и звонких дней.
Ах как сладко здесь жить настоящим,
Мир обретая в любви твоей!

* * *

И в час, когда меня накрывает
Бесцветье будничных пелерин,
О счастье моря напоминает
На пальце ясный аквамарин...

* * *

Мне с тобой всегда туманно,
Океанно и безбрежно,
Парусно и несказанно,
И закатно-безнадежно.
Мне с тобой чуть-чуть тревожно,
Корабельно и дурманно,
Непривычно, сладко, странно,
Горячо и невозможно...

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Лариса РАТИЧ, член Союза писателей России, автор восьми книг стихов и прозы. Живёт в Санкт-Петербурге

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Повесть

...Завтра утром я буду на месте. Поезд мчится в ночь, а я смотрю из окна вагона: леса, леса, леса... Это красиво, особенно когда настроение природы и твоё – абсолютно совпадают. Сейчас середина октября, самая роскошь, последняя «цыганочка с выходом».

Я всегда подозревал, что природа неспроста так красочно прощается с теплом: ей надо, чтобы в конце случился праздник! Пусть отзвучит последний вальс, пусть под него всласть натапцуются листья. Будет что вспомнить!

Я люблю и одновременно не люблю эти дни, ведь именно в эту пору она уехала навсегда; именно в октябре она и умерла потом, причём – в свой день рождения. И, значит, еду я в очередной раз, чтобы сказать ей: «Я помню этот день. Я помню тебя. Я люблю тебя, мама!».

Еду я всегда один: супруга не рвётся, а я и не настаиваю (они с мамой не были знакомы); сын – двадцатилетний умник – тоже никогда в жизни не видел свою бабушку. Зачем же лгать?.. Да и помешают они мне.

Нет, я хочу сам. Я свято соблюдаю этот ритуал последние десять лет. Юбилей нынче, так сказать. Впрочем, в этот год – сплошные юбилеи, почти на грани мистики: мне стукнуло пятьдесят, жене Кате – сорок, а про сына я уже сказал: тоже круглой датой отметился.

А маме исполнилось бы восемьдесят... Но её нет уже ровно десять лет. Тоже юбилей, будь он проклят.

* * *

Между мной и мамой – тридцать лет разницы, и между моим сыном и мной – столько же. Я думаю, что это не случайно. И вообще, ничего в жизни случайного нет. Значит, возможно, мне предстоит пережить и перетерпеть боль, подобную её боли, от «счастья» быть моей матерью.

А я очень, очень хочу этого избежать. Поэтому и езжу «на могилку» за тридевять земель, вымаливаю себе индульгенцию. Не хочу я так...

Прости меня, мама!..

* * *

Я твой единственный ребёнок. Ты набралась смелости в тридцать лет, и моя бабушка тебя подержала.

– Дусенька, поговорят и перестанут, а ребёнок женщине нужен! – твердила она как «Отче наш».

Странно. Обычно бывает наоборот! Мать «грешницы» охает, и ахает, и за сердце хватается, и скорую просит. В ход идёт всё: и «что люди скажут», и «как без отца ребёнка поднимать», и «позор на мою голову на старости лет». А тут – бабушка оказалась более продвинутой и бесстрашной, чем моя бедная мама.

Дедушка – тот просто не вмешивался. Делайте как знаете. Но однажды решительно нацепил все свои награды (кстати, полная грудь; и все боевые, а не просто «к датам») да и пошёл в обком партии. Зачем? А на зятя несостоявшегося нажаловаться.

Правильно сделал. Если бы дочка просто загуляла и «попалась», то ладно. А так ведь – что?! Жил красавец с ними в одной квартире почти год, как свой; уверены были, что вот-вот распишутся. А он – вот тебе здрасьте, как про прибавление узнал – словно ветром сдуло, да преподло так сделал! Якобы утром в командировку уехал, а на самом деле – смылся. Потом только поняли.

Так что ответить надо; некрасиво, мужик!

Дед ходил – папаша мой из партии пробкой вылетел. Ну и всё, в расчёте; просьба звонками и письмами не беспокоить. Мама мне и отчество записала другое, под имя дедушки.

Потом про папочку до нас доходил слухи-сплетни, но обсуждать их у нас в доме было не принято. А однажды мы узнали: умер. То ли сердце прихватило, то ли перебрал – непонятно. Да он для нас давно умер, никто и «царство небесное» не обронил. Бабушка только назидательно подытожила:

– Вот оно как!

Мне в то время было лет пять, что ли. Но я запомнил.

Когда я пошёл в школу, мама (она работала учителем) взяла меня к себе в класс. Вот так и получилось, что учительница первая моя, Евдокия Анатольевна, – это и есть родная моя мама.

Вот с этого момента, как говорится, подробнее.

* * *

Я много лет перебираю события, мама, именно с этого первого школьного года. Да-да, тогда всё и началось...

За тобой начал активно ухаживать учитель гео-

графии, Константин Ильич. «Дядя Костя». Вы поженились, и он позвал тебя переехать в новый южный город, обслуживающий далёкую АЭС. Там и платили лучше, и жильё давали сразу, и вообще... Константина Ильича приглашали туда директором школы. Ну и поехали, чего отказываться.

Устроились действительно хорошо, и в школу мы с мамой опять пошли в один класс, а дядя Костя занял свой пост. Я с ним быстро подружился, добровольно стал звать папой. Мы почему-то были похожи, и все думали, что родные, да и Константин Ильич сразу меня официально усыновил, и стал я Константинович.

Дедушка с бабушкой оказались далеко (а родители отчима – вообще давно умерли), так что видеться со своими выпадало редко. Может, раз в год, а то и в два. Письма, звонки – и это всё.

Поэтому особого влияния на жизнь нашей семьи никто не оказывал. Мама считала, что устроилась благополучно (так по телефону и докладывала каждый раз), а отчим начал «делать из меня мужика».

Этот процесс заключался в том, что я должен был «с младых ногтей» учиться вести себя по-мужски, то есть уверенно и по-хозяйски. Я любил маму, но стать настоящим мужиком считал задачей номер один.

Константин Ильич требовал от мамы беспрекословного подчинения, а я любовался и подражал ему. Мне доставляло неизъяснимое удовольствие видеть, как мама угождает нам, как обхаживает обоих. Как, например, прислуживает нам за столом, пока мы, гордо восседая, «принимаем пищу».

Всё должно быть вовремя! И мама умудрялась так подать, что ничего не бывало слишком горячим или холодным, что чай наливался ровно в ту секунду, когда отставлялась пустая тарелка. Мама же никогда не садилась с нами, а ела «потом», когда мы, удовлетворённо икнув, покидали наконец кухню. И я считал это нормальным. Мама ведь улыбается? – значит, ей хорошо.

Она любила меня. Радовалась, что дала мне папу, что никто не скажет: безотцовщина растёт. Мама умудрялась везде успевать, и как-то ловко у неё всё получалось; что в школе, что дома.

А вот отчим – тот быстро скис в роли директора школы, всё чаще длинно жаловался вечерами:

– Дуся, да не то это, не то!!! Ни уму, ни сердцу, ни карману!

Мама кивала:

– Костя, так не мучайся. Зачем?.. Ну не можешь – не надо, кто же заставляет?

Кончилось тем, что Константин Ильич нашёл «блатное» местечко и перешёл в сферу снабжения. И сразу, как он считал, выиграл. Да и в отделе образования не тужили: отчим оказался «никаким» директором. Ушёл и ушёл; назначили другого. Школе ни холодно ни жарко.

А отчим – как возродился, даже расцвёл. Распрямился! И говорил, что очень вовремя вырвался «из этого болота». И если раньше он относился к маминим частым проверкам тетрадей на дому с пониманием и сочувствием, то теперь как будто напрочь забыл, что такое школа.

– Евдокия! – внушал он ей без устали. – Остав-

лай работу на работе, поняла?! Но вот я же, например, не волоку свои бумаги в дом, а у меня их ох как немало, между прочим! С твоими не сравнить!

Мама и до этого всегда была мягкая и уступчивая, а теперь – ей казалось, что она просто обязана (ради домашнего очага, а как же!) беспрекословно выполнять всё, что велит муж.

Отчим стал получать больше денег, чем немало гордился. Но почему-то прямо на глазах становился настоящим скрягой. Появились у него и так называемые «левые» доходы. Константин Ильич на новой работе сразу уловил все тонкости и приметил все «дыры», поэтому, тратя лишь небольшие усилия, мог спокойно положить себе в карман чуть ли не вдвое больше того, что получал по законной ведомости.

В нашем городе было очень хорошо налажено буквально всё, и если в целом по стране наблюдался дефицит то мебели, то бытовой техники, то ещё чего-нибудь, – наши магазины можно было назвать раем. А ещё – таким «ценным работникам», как Константин Ильич, был открыт доступ и в так называемые распределители. Попадая туда, вообще начинали верить в коммунизм наяву.

Мы быстро обросли всем, о чём другие могли только грезить, но отчиму всё время казалось, что этого мало. Теперь все его разговоры упорно сводились к тому, что у кого-то есть нечто, чего нет у нас. Или это чужое – лучше нашего, что вообще катастрофа. Лучше – значит моднее, современнее!!! И это буквально лишало его и сна, и покоя.

Когда я перешёл в пятый класс, маме пришлось оставить школу:

– Евдокия, хватит! Артур подрос, уже не под твоим крылышком; у него теперь разные учителя. Так что давай-ка, милая, выбивайся в люди, наконец.

«Выбиваться в люди» Константин Ильич предлагал на овощной базе: он договорился, что маму возьмут на приличную должность. И там, конечно, есть надёжные пути и тропочки, по которым носят деньги «мимо кассы», но в семью.

Мама вынуждена была уступить, и вскоре у нас дома (на зависть всем моим приятелям) было полным-полно всяких фруктово-овощных изысков. Всё самое отборное, дефицитное и приятно дорогое.

На горизонте маячила покупка «Жигулей».

* * *

Интересно, вот говорят, что обстоятельства меняют человека? Не всякого, скажу я вам. Мою маму, например, ничто не могло изменить. Она перешла в другое место, но не в другое состояние. Меня это ставило в тупик: почему?! Если повысилось благосостояние, то должна взлететь и самооценка, а как же иначе?..

– Сынок, нельзя гордиться перед людьми. Мы все одинаковые. Никто не лучше и не хуже кого-то; каждый – один такой на свете, запомни. Уважай всех.

...Вот правильно отчим про неё говорит: мать-игуменья. Точно! Меня тоже раздражала её бесконечная мягкая уступчивость, покладистость. Надо вести себя соответственно своему положению в об-

ществе, это же как дважды два! А она...

Вот, например, поставили нам телефон, одним из первых в доме. Потому что не бывало, чтобы Константин Ильич не добивался, чего хочет! – значит, нам раньше всех. И, конечно, к кому стали бегать звонить? К нам. Отчиму это не нравилось, но всё-таки возвышалось над остальными, а это чувство приятное.

Постепенно телефоны появились и у других, но далеко не у всех. И бывало, нам звонили, чтобы мы позвали к трубке кого-то из соседей. Но отчим это быстро пресёк: «Я не мальчик на побегушках и не швейцар!» Решил пресечь такие просьбы и я: и правда, ни к чему такое панибратство.

Дело в том, что моя одноклассница, Ирка Кроликова, дружила с Танькой из квартиры, которая была рядом с нашей, на одной площадке. Прямо не разлей вода они были! А я-то тут при чём, скажите?! Почему это Ирка думает, что я буду кого-то там звать?!

– Артур, пожалуйста! Очень нужно!!! Позови Таню! Это важно, прошу!

– И не подумаю! – я бросил трубку.

А мама как раз дома была:

– Сынок, я ушам своим не верю! Ты ли это?.. Ты же хороший, добрый мальчик; разве тебе трудно?

И представьте: сама набрала Иркин номер, извинилась перед ней и сходила за Танькой! Вот правильно отчим её ругает; зачем эта благотворительность?!

Так, мало того, она же ещё и пообещала Ирке, что не я, а она сама будет звать; так что можно звонить и звонить!

– Ирочка, мне говори. Я всегда позову.

Отец называл такие номера достаточно ёмко: «Вытягивать колючку из чужого зада». Вот именно! Каждый – сам за себя должен быть.

Но мама упрямо думала и поступала иначе, несмотря на наши с папой вполне резонные замечания:

– Я не могу и не буду относиться к людям плохо! – таков был её ответ раз и навсегда.

И что, много она добра от чужих видела? Да ничего подобного, что и требовалось доказать.

А однажды – мы заставили её перед нами извиниться. Случай такой: Константин Ильич сильно повздорил с одним деятелем из нашего двора и, конечно, запомнил обиду. А тут – доченька его к нашей мамочке пришла «за советом». Да взрослая дылда уже; училась на третьем курсе пединститута. Припёрлась, помощь ей потребовалась, видите ли!

Мама с ней весь вечер провозилась, даже откопала свои конспекты: диктовала что-то оттуда. А когда студенточка наконец ушла – папа и поставил вопрос ребром: зачем помогла? Почему сразу не указала на дверь?! По-че-му??????? Я поддержал.

– Извинись за своё поведение! – велел Константин Ильич. – Тебе перед сыном не стыдно?! Принимать у себя дочь врага!!!

Мама посмотрела на нас странным взглядом и сказала почти спокойно:

– Извините.

Но, видно, это ей ума не прибавило. Толку – ноль...

Я только потом понял это спокойствие, его

скрытый смысл. ПОТОМ. А тогда – упивался нашей общей мужской силой и правотой!

Мама с того дня как-то неуловимо изменилась; отчим ничего и не увидел, а я почувствовал сразу. Вот только не смог бы выразить этого словами. И, если бы спросили, что с ней случилось, то ответил бы: «Ничего».

Сейчас я могу объяснить: она решила спрятать своё «я» так глубоко, чтобы никто из нас не мог его обнаружить. Спрятать, но не поменять. Она как бы поставила между собой и нами ширму: лёгкую, практически невесомую, но непрозрачную. А мы её даже не заметили...

* * *

...Она ещё пыталась пробиться ко мне, и не раз. Я так понимаю, что отчима (в отличие от меня...) она решила воспринимать в качестве этакого креста, который – хочешь или нет – а надо теперь нести. Если сыну живётся хорошо, то, значит, всё правильно. Всё так и надо.

Так же считал и я. А отчим – тот вообще перестал заморачиваться насчёт чьей-то тонкой душевной организации, все его мысли теперь свелись лишь к подсчёту и приумножению наших доходов. Он был по-настоящему счастлив лишь тогда, когда планировал что-то «достать», «оторвать» или «выгрызть».

Появились «Жигули» – и он немного попритих, поскучнел, но совсем ненадолго. Не замедлила возникнуть новая мечта: мужские золотые украшения. В перспективе сиял красивый массивный перстень (или, как он говорил, «печатка»). Вещь являлась ему в снах, проникала во все разговоры, к месту и не к месту.

А о чём обычно говорила мама? Ни о чём. То есть вообще ни о чём!!! Отчим не замечал, конечно... То есть она не онемела, вела себя ровно, впадая отвечала на вопросы, но я обнаружил: мама выдавала на-гора только самый необходимый минимум, без которого не получится обойтись. Минимум минимальный! Меньше и короче – уже некуда.

Я начал подозревать, что она и улыбается чисто на автомате, дозированно: ни одного лишнего миллиметра уголкам дежурной улыбки! Такой вот странный лимит вежливости...

И только временами – причём всё реже, реже, реже – прорывалось из неё заветное «Послушай, сынок!..». А сынок, то есть я, слушать вообще не собирался. Я обрастал тяжёлой бронёй самолюбования, переходящего в болезнь. И все робкие попытки мамы достучаться до меня были похожи на отчаянные усилия замурованного заживо; на последнюю надежду – хотя бы слабым звуком обозначить своё бесконечное отчаяние для тех, кто существует по ту сторону равнодушной стены...

* * *

Время бежало быстро. У нас всё было тихо-мирно, мама по-прежнему трудилась на том же месте и по-прежнему жила ровно и отстранённо. Я неплохо окончил школу (из принципа и чувства самоуважения: я – не хуже иных!), поступил в строительный институт, филиал которого как раз открылся в нашем городе.

Мечты отчима всё так же не иссякали, он был всегда активно занят ими. И ему было интересно жить! Мама в этих мечтах участия не принимала; она лишь молча сдавала ему на руки всю зарплату до копейки, оставляя «на хозяйство» давно выверенную сумму.

Она как будто замерла, осталась в давно прошедшем дне и с тех пор не продвинулась во времени ни на минуту. Конечно, годы работали над ней так же, как и над всеми, но мама не обращала на это внимания. Она даже одежду практически не меняла, покупала лишь в случае самой крайней необходимости.

Единственный случай, когда она ожила и очнулась, был такой: Константин Ильич воспылал страстью к книгам. Точнее, к книгоприобретению. Кстати, он иногда и читал, интеллигентный ведь человек. Но тут дело было снова в престиже. Стало вдруг модной необходимостью обзаведение навесными книжными полками. При этом старались их забить до отказа дефицитными собраниями сочинений.

И снова потекли бесконечные разговоры: о серии ЖЗЛ, о многотомнике Бальзака, о Большой советской энциклопедии, подписаться на которую вообще считалось высшим шиком.

Константин Ильич с головой окунулся в новые ощущения. И это был тот единственный раз, когда мечта отчима увлекла и маму. Именно тогда она стала улыбаться и шутить по-настоящему, а не показательно. Именно тогда она поменяла внешний облик, заметно помолодела и подтянулась.

Но... Всё, как обычно, случилось и получилось; плотно заполнились красивые полки (сделанные по особому заказу и эскизам самого Константина Ильича!), и отчим, как обычно, опять впал в короткую нервическую горячку, пока у него вызревала новая мечта.

И мама – опять «выключилась». Она стала ещё многословнее, но зато начала гораздо больше читать, хотя и до этого любила чтение. Благо, столько книг перед глазами: только руку протяни! Отчим же ограничивался тем, что время от времени кое-что перелистывал. О, теперь впереди у него засверкал сервиз «Мадонна»! И чем тяжелее было его достать, тем больший азарт вызывала вещь у Константина Ильича.

Я к тому времени стал второкурсником, учился прилично. Встречался с девушкой из состоятельной семьи (отец познакомил через «своих»). В общем, я чувствовал себя избранником судьбы в самом лучшем смысле слова.

* * *

Как нелепо люди обычно выражаются: «Неожиданно пришла страшная весть»! Как будто такая весть вообще кем-то ожидается или бывает запланированной...

Так вот, и тут к нам неожиданно пришла страшная весть: дедушка с бабушкой погибли в аварии. Автобус, в котором они ехали, был разнесен в клочья пассажирским поездом... Обычная, стандартная для нашей родной реальности история: водитель думал, что проскочит, сколько там того переезда! А не вышло! И спросить не с кого: виновник тоже погиб на месте.

Мы получили телеграмму от наших бывших соседей. Мама пережила известие очень тяжело, а мы с отцом – достойно, как мужчины. Философски даже. Ну что ж, все там будем, и, если разобраться, им выпала хорошая смерть. Раз – и всё! Не лежали, не болели, не ходили под себя, не выживали из ума. Да и пожилы, слава богу, немало. Не молодыми погибли.

В общем, на похороны поехала только одна мама: я как раз сдавал очередную сессию, а у отчима было несколько неотложных встреч, иначе вожденная «Мадонна» могла уплыть в другие руки. Жди потом!..

Мама вернулась через три недели: документы, туда-сюда... На оформление наследства – тоже свои сроки и правила, их никто не отменял. Приехала уставшая, как дотла выгоревшая изнутри. Но она уже не плакала: видно, все слёзы оставила там. Она ничего не рассказывала, а мы и не спрашивали. Зачем?

Обмолвилась только, что потом надо съездить ещё раз и все документы уже получить. Так положено. Теперь квартира родителей переходила ей. Правильно, не государству же отдавать.

Второй раз мама съездила быстрее, но вернулась опять другая. Непонятная вообще. Как она успевала так меняться?.. Вот отчим и спросил, а она выдала:

– Я, Костя, давно изменилась. Только тебе было плевать. А теперь – сын совсем взрослый, во мне не нуждается, он поймёт. Расстаться нам надо, Костя.

Так она заявила – а дальше всё было как во сне. На разводе настояла, с работы рассчиталась. Все свои вещи уложила (они уместились в одном большом чемодане) – и сказала, что уезжает ДОМОЙ. На имущество не претендует...

– А жить на что будешь, а? – злился отчим. – Так, как я тебя пристроил, никто не сможет. И никто не поможет, не посоветует! Ты же тютя тютей!!!

– Я в школу возвращаюсь, уже договорилась, – спокойно ответила мама. – Правда, перерыв был большой, но я думаю, что справлюсь. Зато работа любимая.

– Ой-ой-ой! Посмотрите, полюбуйте! Работа у неё любимая! Скажи лучше, что другого мужчину нашла; врать-то зачем?!

– Нашла, не скрываю, – припечатала мама.

И больше ничего говорить не стала, как отрезала. Хоть отец после такой выходки как с цепи сорвался. «Дура», «стерва», «сука» – это были самые лёгкие его определения.

– Сынок! Мне надо ехать... – она смотрела на меня, и губы её дрожали. – Послушай, родной!..

А что, что я должен был слушать?! В чём не прав Константин Ильич?! Да он за все годы их совместной жизни ни на одну женщину не посмотрел! Не то, что другие!!! И хозяин он прекрасный! Всё в дом, только в семью! Что он плохо купил, а? Жила мамочка, как сыр в масле каталась, ни забот, ни проблем! Пусть катится тогда, если ей романтики захотелось!!! Гулёна перезрелая!

Вот примерно в таком духе я ей тогда и ответил. У неё задрожали губы:

– Сынок, ты-то меня за что так?.. Разве я не имею право пожить по-своему?

– Да вали и живи королевой, я не мешаю!!! – проорал я и хлопнул дверью. Пусть подумает хорошенько, на что покушается, что вытворяет!!!

...Когда я вернулся, мама уже уехала...

– Скатертью дорога! – выкрикнул отец. – Я не хочу больше о ней говорить!

Да мы и вправду не говорили больше о ней ничего. А точнее, ничего хорошего.

* * *

А она?.. Она начала писать мне письма. Сначала я читал, потом надоело. Одно и то же, одно и то же! И ни слова об отчине или для него. Неблагодарная.

Все её писания сводились к одному: сынок, пойми-прости-ответь, не отказывайся от меня. Даже челюсти сводило от скуки.

И я решил ответить раз и навсегда. Я честно написал, что она меня своими посланиями допекла, что ни любить, ни уважать, а тем более – понять её я не в состоянии. Да и желания нет. Настойчиво попросил, чтобы она, наконец, исчезла из моей жизни и не тратила время. Ни своё, ни моё! Я предупредил: больше ни один её опус я читать не буду. Не намерен, устал!

Написал – и отправил.

До неё, видно, не дошёл весь окончательный смысл, потому что в ответ опять прилетело письмо, но не простое, а заказное, да ещё и толстенное! Чуть ли не бандероль. Я представил, какие там вопли и слёзы; в геометрической прогрессии. Поэтому поступил решительно и просто: письмо немедленно отправилось обратно, но с пометкой «Не вручено по причине отказа адресата в получении».

...Это только сейчас я представляю, какую боль принёс ей тогда, какую адскую муку!.. Прости, прости меня, мама!!!

* * *

Писем с тех пор больше не было, но один раз в году – на мой день рождения – приходила открытка без текста. Был только адрес и моё имя, как получателя. Стандартная поздравительная открытка, с цветами и печатной надписью «Поздравляю!». Я знал, что это от мамы. От кого же ещё?

Как же меня это раздражало! Зачем это всё, что ей ещё надо?!

Отчим между тем сошёлся с одной женщиной, и она переехала к нам. Но надолго не задержалась, и месяца не прошло. Тоже вещи собрала, а напоследок заявила:

– Знаешь, Константин, я вот раньше удивлялась, что жена от тебя ушла. А теперь я поражаюсь, как она с тобой вообще жила!!!

Странная. Что ей отец плохого сделал? Но мнётся, пришла-ушла, это меня не касается. Обойдёмся сами, хоть и неудобно без женщины в доме. Бабскую работу приходится делать.

Отчим больше никого и не заводил. То есть, не приглашал к нам жить. Так-то женщины у него были, это нормально. К тому же он быстро утешился новой мечтой!

Теперь его бесконечно занимала идея переезда на ПМЖ в другую, достойную страну, а конкретно – в Израиль. Что, мол, только там и может жить нор-

мальный, цивилизованный человек; что там – самый лучший климат, интереснейшая история и так далее. И всё-всё-всё там прекрасно!

Хорошо зная своего отчима, я понимал: задумал – сделает, дело времени. И я, конечно, не ошибся. Не прошло и трёх лет от первой мысли о земле обетованной – и вот, пожалуйста, Константин Ильич познакомился с еврейкой, которая собиралась «выезжать», и тут же женился на ней, опять восхитив меня практичностью и умом. Не человек, а ракета! Вот пусть моя мамочка локти там себе кусает (а я был просто уверен, что она именно так и делает!), а Константин Ильич сумел от жизни взять всё, что хотел. Успел ухватить главное! Жизнь даётся один раз, и этот шанс надо использовать красиво.

Короче, отбыл отчим в свой распрекрасный Израиль, а меня оставил с квартирой, спасибо. Правда, он почти всё из неё выгодно распродал, и это меня немного обидело. Но, поразмыслив, я понял, что он не так уж и неправ: всё это наживал он, а не я. Хотя вообще-то – вместе с мамой; но ведь она сама ничего не взяла и не потребовала денежной компенсации. Ну и всё!

Всё-таки самое необходимое у меня осталось, и мы с Константином Ильичом расстались хорошо, сердечно даже. Он обещал обо мне не забывать, так что счастливого пути!

* * *

Мне исполнилось двадцать пять лет, пора было подумать и о женитьбе. А что? – молодой, перспективный, со своим жильём.

Уезжая, отчим сделал мне хороший подарок: устроил на своё место в отдел снабжения. Ничего, что я по диплому – инженер-строитель, дело не в этом. Вся суть – в умении хорошо пристроиться. К тому же я уже провёл некоторое время – «в поте лица!» – на стройке и сделал уверенный вывод, что это работа не для меня.

Моя девушка (та, что была раньше) давно меня разлюбила. Мы разбежались. Я не расстраивался, потому что она мне поднадоела. Хотелось чего-то другого!

Я почти никогда не вспоминал о маме, хотя однажды мне показалось, что я её видел. Но нет, откуда?.. Точно, показалось.

Я шёл вечером с работы, а на углу нашего дома стояла женщина. Я подумал, что она похожа на маму, но не присматривался. Прошагал мимо, бросив мельком взгляд. Женщина была в тёмных очках, шапочку надвинула до бровей. Мне почудилось, что она сделала неуловимое движение в мою сторону, как будто хотела окликнуть, да осеклась.

...Нет-нет, не может быть. Так вести себя не будет взрослый человек. Я поднялся в квартиру, выглянул из окна кухни: стоит. Она стояла ещё часа полтора, глядя на наши окна. Или не на наши?.. Потом женщина ушла.

Шевельнулось ли во мне что-то? Да, шевельнулось: это была досада. Теперь-то чего, что она может мне дать?! В её любовь ко мне я не верил (иначе она тогда не уехала бы!). Ведь понимала, что создаёт мне сложности, ломает привычный порядок моей жизни! Быть с сыном рядом всегда, помогать ему –

это святая материнская миссия, а она, вильнув хвостом, подалась в поисках «личного счастья»! Якобы в «поисках себя», тьфу!!! Это не мать однозначно. Кукушка какая-то.

Что Константин Ильич, прекрасный муж, остался один – так это не он виноват. Да и к лучшему: вон как ему повезло! А она? – сына родного бросила. Это последнее дело.

Кстати! Я ей очень хорошо отомстил, хоть она и не была в курсе. Зато моя душа успокоилась от ощущения справедливости. А всё просто: я знал о ней много такого, чего не знал отчим. Да ничего особенного, но просто время от времени она заводила со мной долгие, откровенные разговоры; она почему-то считала, что мы с ней – чуть ли не одно целое. Я эти «беседы» выносил с трудом и старался поскорее от них отделаться, но всё же она мне открывалась до конца. Мысли её, чувства и сомнения я знал, как свои. Но я считал, что это притворство: с одной стороны – закрытая наглухо, а с другой – открытая?! Так не бывает, дорогие.

Думаю, она просто хотела от меня ответных признаний, но не выходило. Дураков нет! Или, может, хотела показать мне, насколько я ей дорог и важен? Нашла глупее себя!..

А я всё отлично запомнил, и, когда она бросила нас, выложил это отчиму. Ничего криминального, но всё же: например, маленькие финансовые тайны. Она иногда потихоньку совала мне сэкономленную «денежку» (ведь у отчима всё было точно подсчитано, а я хотел иметь хоть что-нибудь для себя). Ну и прочая чепуха.

Когда я отчиму рассказал, сначала было неловкое ощущение, что я её как бы продал. Но это прошло. А отчиму моя преданность понравилась:

– Вижу, что ты вырос честным парнем. Спасибо, сынок, угодил. Вот видишь, какая она подленькая была, скрытная! Это ещё ты наверняка и не всё знаешь, а уж я – и подавно! Вот скажи, я хоть что-нибудь от неё скрывал? Ну, хоть что-нибудь?!

Что правда, то правда. Константин Ильич всегда был весь как на ладони! И мне – по углам, потихоньку от неё – ничего не нашёптывал! «Душу» не открывал, а просто жил открыто. И, значит, я имел полное право всё ему рассказать. И даже обязан был, вот что!

* * *

Отчим как уехал, так больше и не напоминал о себе. Ни разу не объявился, не позвонил, не написал. Да, в общем, и правильно. Может, его новой жене это было бы неприятно; может, они вообще своих детей заимели.

Я вот тоже заимею, когда женюсь. Но жениться – это не кило колбасы купить. Тут с умом надо. Я начал активно искать себе пару, но не торопился. Я жених достойный, в порядке, так искать надо было по себе.

Я не спеша составил список, что именно должно быть у моей будущей жены. Список делился на две половины: первая – материальная часть, вторая – моральная. Я хотел, чтобы девушка была из небедной семьи (ведь не одному же мне потом её содержать!), чтобы её родители были не последними людьми.

А моральная сторона – это пусть жена будет рассудительная. Ну, допустимо немного с характером, чтобы могла за себя постоять и чтобы на голову не садились всякие разные, но это – вне дома. Со мной же – покорная и покладистая! И самое главное: она должна безукоризненно вести домашнее хозяйство, содержать всё в порядке. Одним словом, следить за бытовой стороной жизни, как настоящая супруга. Должна стараться. Короче, чтобы всё было, как у нас дома, пока мама жила с нами и понимала своё место.

Но найти такую невесту оказалось почти невозможно. Если были обеспеченные родители – то дочка оказывалась избалованная и капризная, не привыкшая ухаживать даже за собой, а не то что за кем-то ещё; а если попадалась спокойная и покладистая – так жди другого подвоха: или голь перекатная, или просто хитрая, только хорошо притворяется.

Я видел каждую кандидатку насквозь и всё больше разочаровывался. Это мама виновата, кто же ещё?! Это из-за неё я перестал верить женщинам!!! Тоже ведь – притворялась всю жизнь, корчила из себя праведницу!..

Я пытался подавить в себе эту пронизательность, начинал встречаться то с одной, то с другой... И всё, не мог долго: нет, опять не то, не то! Знакомился быстро и легко, а расставался – почти всегда с истериками или с неприятностями. Чего ж они все такие прилипчивые?!

Так промаялся я почти четыре года и почти убедился, что придётся остаться холостяком. Но тут – моя очередная девушка заявила, что беременна. Как так?! До сих пор я этого благополучно избегал. Да и, кстати, не с каждой до постели доходил. Некоторые – ломались, а к иным – я и сам вовремя остывал.

...Я совершенно растерялся, ведь уже собирался объявить этой возлюбленной, что мы друг другу не подходим, так как она оказалась с большими претензиями. А тут – вот тебе на, сюрприз...

Я попытался срочно «решить вопрос»:

– Катя, я дам деньги на аборт.

Но услышал в ответ, что так не пойдёт, что она поставит в известность папу. Будет очень неприятно. Очень! Да... Про её папу я был в курсе: крутой товарищ. Авторитетный и при деньгах-связях. Меня это, кстати, и привлекло в ней, когда нас познакомили.

– Давай лучше решать со свадьбой, Артур.

Вот так. Сама сделала предложение и вариантов не оставила. Я подумал, что, может, и правда, это к лучшему. Сама судьба вмешалась, что ли...

Я познакомился с Катинными родителями поближе, посватался. Они и не против были. Хотя и разница между нами – десять лет, они почему-то думали, что это даже лучше, я буду для неё заодно как опекун. А то, если Катя сейчас, молодая, не остепенится, то не остепенится никогда. Не знаю, им виднее...Они же её растили, а не я.

То, что я живу один, было, по их понятиям, большим достоинством. Ведь Кате предстояло стать единственной хозяйкой в квартире, а это, как сказала тёща, «плюс из плюсов». Вот она, дескать, «нахлебалась в своё время». К тому же меня уверяли, что любимую дочь приданым не обидят. Да так оно, в общем-то, и вышло.

Свадьбу мы сыграли пышную, громкую. Правда, накануне Катя вымотала нервы всем нам то с платьем, то с кольцами, то с туфлями! Всё никак было не угодить. Но утряслось. Да ладно, ведь она в положении, беременные всегда психуют.

Свадьба отгремела, и у нас, как у молодожёнов, было по закону ещё три свободных дня. И вот на второй день пришла телеграмма:

«Поздравляю законным браком желаю счастья любви благополучия мама».

Я оторопел: откуда знает?.. Значит, отслеживает, интересуется, просит кого-то её информировать. Зачем? Что за гнусность, что за навязчивость?! Что за подпольное бдение?! Телеграмму я порвал и выбросил, а молодой жене даже нагрубил, когда она спросила, что это принесли.

И вообще: вопрос моей мамы я закрыл для Кати раз и навсегда. Пусть будет довольна, что никто над душой не стоит. Считаю, повезло! И на этом хватит, никаких разговоров. Катя передёрнула плечиками и согласилась: нет так нет, не её проблемы.

Так началась наша семейная жизнь. Потом родился Кирюшка: слабенький какой-то, хилый. Странно, Катя – крепкая, я тоже на здоровье никогда не жаловался. Что же сынок так подкачал?..

У жены совсем не было молока, пришлось много вскармливать искусственно. Ох, и намучились мы, честно признаться, пока он немного подрос и окреп!.. Считаю, год выбросили из жизни. Хорошо, что были у нас деньги. Мы ничего не пожалели, и в конце концов смогли вздохнуть с облегчением. Кирилл и ходить начал вовремя, и всё прочее – как надо. По общепринятым нормам.

Вот тогда-то, в тот год, хоть и не сразу, но я отчётливо понял, что это значит: любить своего ребёнка. Сначала, когда я увидел сына в первый раз – красненького, сморщенного!.. – в душе шевельнулось что-то непонятное: то ли изумление, то ли даже безразличие.

Потом, спустя три месяца бесконечного младенческого ора и бессонных ночей – я почти ненавидел Кирюху! Ненавидел также и жену, и себя, и бутылочки со смесями, и разрывающуюся между всеми нами тещу, и соски, и пелёнки, и даже здание детской поликлиники!

И лишь постепенно, когда сын впервые осознанно агукнул именно мне и потянулся обнять МЕНЯ, когда прижался своей сопливой сопаткой к моей щеке, когда... Впрочем, этот момент обозначить точно невозможно, но пришла ЛЮБОВЬ.

Даже не любовь, а что-то несравнимо большее: нежная ярость коршуна, готового выклевать глаз за своего голошеего птенца! Любовь-смирение, любовь-умиление, когда приводит в невыразимый восторг буквально всё: ах, как малыш хорошо поел! Как симпатично спит! Как мило сидит на горшке!!! Не шучу я. Кто проходил, тот знает.

Итак, Кирюшка подрастал, Катя пошла на работу (тесть устроил её к себе в штат). Вот кто бы мог подумать? – она оказалась хорошей женой и матерью.

Или, может, случай помог? И не будь его, всё сложилось бы по-иному?.. А получилось так: у Кати, едва только Кирюшка научился ползать, вдруг появились странные боли в низу живота. Такие боли,

что врачи всерьёз озаботились. Не буду рассказывать, что она (да и мы все!) пережили и передумали... А я – так вообще чуть не тронулся, честно: а вдруг умрёт? Но тесть подключил всех и вся, и Кате сделали операцию. Страшное – ушло так же быстро, как и пришло, даже не верилось. Катя пошла на поправку, и всё разом закончилось.

Вот после этого – она и изменилась. Из капризной маменькиной доченьки стала обычной молодой женщиной с мудрыми не по возрасту глазами. Как подменили. Другая!

– Ты не смейся, Артур, – сказала она мне. – Верь – не верь, а просто я ВИДЕЛА смерть. Вот как тебя, близко-близко. И она не страшная, нет; но только она – навсегда, понимаешь?.. Я буду теперь по-другому жить, раз она отступила.

Удивила!.. Но я понял. Темы моей мамы Катя по-прежнему не касалась, памятуя мою давнюю реакцию. Но её нечаянно коснулся мой сын.

– Баба Туся! Туся! – любил он лепетать, приветствуя тещу, Таисию Ивановну, которая во внучке души не чаяла. Даже на Катьку, любимую-прелюбимую дочку, могла так из-за него накричать, что ушам не поверишь. Не дай бог, если что не так у ребёнка!!!

Кирюшка почему-то вместо «баба Тася» твердил вот эту «Тусю». Наверное, ему так было легче произносить? И вот однажды вместо «Туся» он вдруг перешёл на «баба Дуся», да так чётко!

Таисия Ивановна ничего не заметила, пусть хоть мухой зовёт, ей всё сладко, что внучек скажет. А мне – как ножом по сердцу полоснули. Есть же у сына и «баба Дуся», есть! А я лишил её внука...

Но я тут же отогнал от себя эту мысль. Захотела бы – приехала! Кто знает, может, и помирились бы... И тут совесть мне ехидно шепнула: «А чего б тебе самому не съездить?» Но с какого перепугу должен ехать я?! Это она тогда решила всё бросить – вот пусть она и исправляет.

«А она пыталась!» – резонно заметила совесть. Но я, как обычно, благополучно её заглушил.

Прости меня, мама!!!

* * *

Когда Кирюшка пошёл в садик, время побежало ещё быстрее. Жили мы хорошо, спокойно, и ничего особенного не случалось. Время от времени, конечно, бывали у нас и ссоры, но они сглаживались, и всё возвращалось на круги своя. И лишь однажды мы с Катей поругались по-крупному, и именно из-за моей мамы...

Жена перебирала старые фотографии и наткнулась на одну. Как я её не выбросил, ума не приложу. Я ведь давным-давно, как только мама уехала, всё тщательно перебрал и уничтожил. Всё-всё, что с ней было связано; фотографии, конечно, в первую очередь.

На выброс получилась полная картонная коробка, довольно большая. Туда полетели и мамини штучки из бисера, которые она очень любила делать. Эти вещи она забыла, когда уезжала? Нет, специально МНЕ оставила, я думаю. Они были выкинуты мной без разбора и сожаления. Туда же отправившись все фото, на которых был замечен хотя бы кусочек мамино платье, не говоря уж о ней

самой. Там же нашла место и старая тетрадь, в которую мама много лет назад записывала все мои «забавинки», все смешные и милые нелепости, которые я произносил в детстве. Тоже нарочно оставила, душу мне травить?! – в ведро!!!

Но это фото, которое нашла Катя, затесалось среди моих школьных снимков, потому и не попалось тогда мне под руку: коллективное изображение нашего первого класса с трогательной трафаретной надписью «Учительница первая моя». И там, конечно, в центре, красовалась мама, куда ж денешься.

...Я выдернул фотографию из рук жены и яростно рванул неподатливый картон.

– Ты что? – распахнула глаза Катька. – Она же тебя учила! Да и вообще... родила! Что б там между вами ни было, но это всё как-то... странно, что ли!

– Что ты знаешь!!! – заорал я на неё тогда. – Какое твоё дело, чего лезешь?!

– Я не лезла и не лезу, – возразила она. – А просто поставь себя на её место!

– А она себя на моё – ставила?!!!

Ну и так далее и тому подобное, поцапались. Катька, видно, вдруг решила проявить пресловутую бабью солидарность, поэтому надрылась:

– У меня тоже сын! И всякое может быть в жизни! А вдруг и он не захочет потом меня знать?!! Да я умру от этого!!!

– А вот она не умерла, живёхонька!!! – стукнул я кулаком по столу. – Да и вообще, ты на что намекаешь?! Знаешь ли ты, что моя мамаша к любовнику переехала, бросила нас с отцом, предала!!! А отец, между прочим, был семьянин редкий! Муж, хозяин! И меня, неродного, усыновил, вырастил и пристроил!

– Хорошо! – устало сказала Катька и заплакала. – Я и вправду ничего не знаю. Давай прекратим, а?.. Может, действительно мама твоя не права, я не в курсе. Жаль её просто стало...

– Жаль ей, видите ли! – ещё бурчал я по инерции и дулся пару дней. Но потом мы помирились.

Самое неприятное в этой ссоре для меня было не то, что Катька пожалела незнакомую ей свекровь, а то, что она допустила и примерила такую ситуацию на себя. Вот это её «всякое может быть в жизни» – это о чём?!

Мне было более чем неприятно.

* * *

Подрастающий сынишка ни о чём таком не спрашивал, лишь однажды сказал только (восемь лет ему было):

– Папа, а в нашем классе у всех детей по двое штук бабушек и дедушек, а у меня только одна пара! Умерли, значит, твои родители, – закончил он глубокомысленно.

И уморительно добавил:

– Ну что ж, на то она и жизнь...

Я от души расхохотался, рассказал жене. Она тоже посмеялась. И с тех пор к милым домашним кличкам, которыми она часто награждала Кирюшу, прибавилась ещё одна: «Умник». Это прозвище больше всего сыну нравилось, он даже друзьям хвастался.

...Меня мама тоже называла по-разному. На-

верное, так все матери делают? Я у неё был и «Ёжик», и «Мурзик», и «Малюнчик». И потом в одном из тех писем, которые я ещё читал (из первых, значит...), она меня тоже несколько раз так назвала.

А я ей приказал в ТОМ единственном своём письме-отповеди: «Отстань и не дави на жалость. Забудь, наконец, и эти словечки, и меня!». Боже мой, в ТОМ письме – я даже мамой её ни разу не назвал. Специально, конечно! Хотел сделать побольнее. Я знал, что она обязательно обратит на это внимание... Знал!!!

Знал – и сделал: взял пригоршню раскалённых углей да и положил на тоскующее, больное её сердце. Теперь и вспомнить страшно...

* * *

...Почему мне тот мужик не набил тогда морду? Ведь надо было. Надо! В кровь надо было избить. А он только сказал презрительно:

– Ну и дерьмо ты, парень. Она тебя в муках родила, понимаешь, придурок?! В муках. А ты её грязью поливаешь? Эх ты, недоумок убогий... Полюбила она другого? – так это ж её сердце в ответе, ты-то с какого боку мать судишь?!

Он встал и отошёл от меня, как он чумного. Да ещё и сплюнул презрительно:

– Прощай, урод.

– Вали, алкоголик! Учитель обоссанный!!! – прошипел я ему в спину.

Подумаешь; ну, сболтнул я ему, что мамашу свою, шлюху, ненавижу. Ну, настроение было паршивое, присел покурить в парке на скамейку. А там – этот дурак торчал, бухал в одиночку. Слово за слово, я и сказал ему про мать, когда он меня ни с того и ни с сего начал учить жизни. Что, мол, меня и мамочка моя учила, да толку... Всё равно я ей не поверил, предательнице. И объяснил, как и что.

...Кто знает: если бы он тогда набил мне морду, может, я и понял бы что-нибудь. Или хотя бы не написал ей ТО письмо. Эх!..

* * *

Накануне Кирюшкиного десятилетия стала меня помучивать странная мысль: как жаль, что Кирилл не знает мою маму. Растёт каким-то прагматичным, слишком современным, что ли... Вот если бы он с бабушкой общался, как было бы для него хорошо!

Странная и глупая идея. Но она лезла мне в голову, не спрашивая разрешения, по сто раз в день.

«В конце концов, сдался я однажды, – прошло много лет. Она уже за всё ответила!».

Что это было?.. Милосердие? Нет. Это был здоровый прагматизм и обыкновенный, махровый эгоизм. Ведь, честно говоря, я подумал, что хорошо бы Кирюшку на каникулах отправлять куда-то в гости. На целое лето, например...

Вот пусть мама и поможет, пусть реабилитирует себя. И нам будет хорошо (сможем с женой вдвоём куда-нибудь съездить отдохнуть), и Таисия Ивановна разочек освободится (она стала серьёзно болеть, а тещь – тот всегда по горло занят), и Кирюшке – перемена обстановки. Новый город, другие впечатления, интересные знакомства...

А уж то, что мама позаботится о нём от всей души – я не сомневался.

Всё так, но как к этому приступить?.. Вдруг, как снег на голову, – здравствуй, мама! Глупость и ерунда. И я придумал: а пусть Кирилл сам напишет бабушке письмо! Вроде как от себя; мол, хочет, наконец-то, познакомиться. И повод очень хороший: у мамы день рождения скоро, как раз после Кирюшкиного. Да и юбилей, между прочим.

В общем, решено!

Ну, до чего дети – гибкие натуры! Кирилл даже не удивился. И правильно я рассчитал: он сразу заинтересовался перспективой поездки и знакомства. Самостоятельной поездки! Я пообещал, что бабушка там его встретит, и всё. Можно на Новый год, например, отправиться.

И Кирюшка под мою диктовку написал вполне пристойное письмо. А я гордился собой: какой я великодушный, оказывается! Благородный, всепрощающий.

Письмо пошло в качестве заказного, чтоб не потерялось, мало ли. И ровно через две недели пришло извещение, что и для Кирилла на почте есть тоже заказное послание. Мы обрадовались: быстро она ответила! Пошли получать вдвоём.

...Но конверт этот – оказался наш, пришедший обратно; нераспечатанный... Первая мысль, которая у меня мелькнула, была реакция обиды: смотрите, какая злопамятная! Решила той же монетой со мной рассчитаться, и это через столько лет?! Вот же...

И я перевернул конверт, несколько не сомневаясь в сопроводительной надписи. Но прочитал другую:

«Письмо не вручено в связи со смертью адресата».

Я сначала вообще не понял, что написано. Письмо не вручено – это понятно. Адресат НЕ СТАЛ получать. Ну да. Не стал – в связи со своей смертью. СО СМЕРТЬЮ!

И тут до меня дошло. Клянусь: такой боли я не испытывал никогда. Я даже в какой-то миг подумал, что это мне вернулось в один приём всё сразу: просьбы, слёзы, горе и безысходность мамы. Всё вернулось и ударило меня прямо в центр того самого сердца, которое уверенно отстукивало все эти годы: «Потом. Потом. Потом...».

... – Мужчина, вам плохо? Воды, воды дайте!!!

* * *

На другой день я собирался в дорогу. Катя ничего не комментировала, только помогала собирать вещи. А у меня в голове было пусто, как в казане, который хранят в старом чулане. Только паутина да мышьиные испражнения на ржавом дне...

И ещё – бесконечно вертелось в мозгу, как старая пластинка: «Сорок лет – ума нет... Сорок лет – ни хрена нет...».

Два дня в дороге – и я на месте. Оказывается, я не забыл, как добираться с вокзала, и ни разу не переспросил дорогу. Кроме памяти, меня вело ещё что-то... Прибыв, я узнал, что меня искали, но старые соседи давно переехали, а больше никто не знал мой адрес. Нашли бы, конечно, всё равно, но гораздо позже; так вот хорошо, что я сам прикатил.

Похоронили маму совсем недавно, то есть Кирюшкино письмо опоздало на два дня... Да это не Кирюшка опоздал, что я себе-то вру??? Не Кирюшка!..

...Ну что ж, опять по кругу? – наследство теперь приехал получать я. И квартира, и в квартире, – это всё теперь моё. Бери и владей. Оформляйте, гражданин, все права – ваши.

Мне пришлось подзадержаться. Днём – бегал с бумагами, а вечерами – бродил по квартире, будто нечаянно провалился во времени и попал в детстве. Тут ничего не изменилось...

Мне рассказали, что мама недавно овдовела и последние два года жила одна. Но в квартире я не находил следов пребывания того, другого человека; мне здесь всё напоминало только маму. Почему? Не знаю... Мне казалось, что она тут, рядом. Просто в другой комнате или на кухне. Иллюзия была такой сильной, что я пару раз сломя голову действительно бежал на кухню: там явно гремели ложками!.. Нет, конечно. Никого.

...Я нашёл в одном из ящиков старого письменного стола ТУ моё письмо. Я не смог его прочитать, не смог! Я его тут же сжёг. Именно сжёг, а не порвал. Может, огонь испепелит, наконец, этот ужас, который она хранила столько лет. ЗАЧЕМ хранила??? А потому что от сына. Пусть даже такое...

Я перелистал её общие тетради: записи, цитаты, конспекты уроков... И вдруг – наткнулся на дневник. Точнее, это был не совсем дневник; это оказались письма ко мне, датированные разными числами. Никогда не планируемые к отправке...

Письма-разговоры со мной, глухим. Некоторые – совсем крошечные, две строчки:

«14 августа. Сегодня ты мне снился, сынок, в плохом сне. Уж не заболел ли ты, не дай бог? Что-то мне тревожно...».

Иные – огромные, по двадцать страниц. Я догадался, что эти – писались ночами, в полной тишине... Я не в силах был бы объяснить, о чём они. В общем-то, ни о чём. Просто мысли. Но в конце каждого – «лишь бы ты был здоров и благополучен, деточка моя...».

* * *

...Что я могу ещё сказать? Да и надо ли?.. Я не продал мамину квартиру. Поручил соседям присматривать, даю им деньги за это регулярно. Оплачиваю и коммунальные счета, но сдавать квартирантам – не соглашаюсь, хотя постоянно есть желающие.

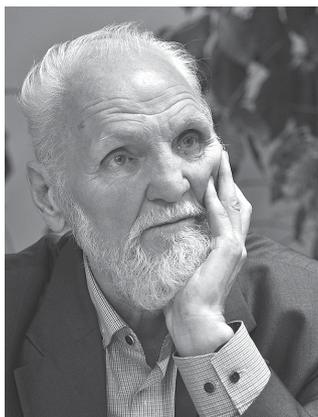
Я приезжаю сюда раз в год на день рождения мамы, живу несколько дней. И думаю, думаю, думаю... Я ничего здесь не менял и менять не буду, а после меня – уж как сложится, так тому и быть. Надеюсь, что в этой квартире захочет жить Кирилл, когда женится.

Ему уже двадцать. Глядишь – и скажет: «Есть невеста!». Сейчас у молодых с этим быстро.

Я пока этого нет – я приезжаю, иду на могилу к маме. Потом читаю её записи. И мне кажется, что она видит это и радуется. Прости меня, мама!!! Прости! Да что говорить: я ведь знаю, что ты давно простила.

Это я сам себя никогда простить не смогу.

Владимир КРУПИН (родился 7 сентября 1941 г., в п.г.т. Кильмезь Кировской области) – русский писатель, публицист и педагог. Лауреат Патриаршей литературной премии (2011). Кавалер орденов Дружбы народов и Ф. Достоевского первой степени. Лауреат премии имени Святого благоверного князя Александра Невского. Возглавлял Гончаровскую комиссию при Союзе писателей России. Несколько раз был гостем Гончаровских праздников в Ульяновске, выступал в музеях и библиотеках города.

РАССКАЗЫ

КАКОЕ СЧАСТЬЕ!

Какое счастье – затопить печь в холодном доме поздней осенью! Ветер ревет, гремит над крышей, тяга в трубе от ветра плохая, но сухие дрова не сдаются, горят весело. Солнце быстро появляется и исчезает, не успеваешь даже выглянуть в окно.

Ставишь чайник, разбираешь привезенное с собой, и вдруг не выдержишь, и почти бегом идешь в ближний лес. А ветер навстречу до слез. В лесу он отступает, взлетает вверх и треплет ни в чем не виноватые вершины деревьев. Идешь в покое, горячо лицу, а над тобой бушует и злится непогода, осыпает всего хвойными иглами.

Сегодня видел, как ветром сломало сухое дерево – сосну. Ветер вверху прерывисто гудел, но я привык и радовался лесу, собирал позднюю водянистую малину, и вдруг раздался ужасающий треск, и так близко, что я испугался и присел. И то сказать – совсем рядом повалилось огромное дерево. Оно вначале повалилось не до конца, а как бы оперлось на живую сосну, та откачнулась, но выдержала, а мертвое дерево хрустнуло еще и в середине и будто в изнеможении посунулось вперед и вниз. Земля дрогнула.

Скорей, скорей домой! Скорей посмотреть на градусник и обрадоваться, что тепло наступает, скоро можно будет снять куртку и медленно пить чай. И читать хорошую книгу. И отложить ее, когда устанут глаза, потрогать печку, подойти к окну и смотреть на близкий лес и на позолоченный крест колокольни. Когда солнце, уйдя на запад, отражается от креста. В комнате светлеет и кажется, что включать электричество еще рано.

ДЫХАНИЕ

Морозный закат. Пошел за деревню, к лесу, от которого шел розовеющий на солнце туман. Но туман оказался вовсе не туманом, это был дым, причем не дым обычного костра, запах чего-то тяжелого услышался издали. Подойдя, я понял, что это – строители жгли старые крыши, грелись около них. Гора запасенных крышек высилась рядом.

Пошел дальше. У леса оглянулся – закат заканчивался, такое было ощущение, что не солнце опускается, а тучи находят на него, затапливают. Вот солнце исчезло, только последний луч вырвался вверх, как сигнал из бездны, что именно тут затонул корабль.

И еще долго шагал. Вскоре настоящий туман разом схватил пространство, потом вдруг исчез, снег под ногой стал крепнуть, вскрикивать. Потом туман вновь появился, снег замолчал. И так несколько раз – туман то появлялся, то исчезал, будто кто приближался к земле и сокрушенно вздыхал.

Ночью поднялся ветер, поднял снег. При луне было видно, что нового снега сверху не добавлялось, это прежде упавший все носился и все не мог найти места, где улечься до весны.

РАССКАЗ МАМЫ

Запишу рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

– Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: «Коля, как ты? Он: Мамочка, всё нормально». – А отойду на кухню, слышу – тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. – «Что, Коля, что?» А он спрашивает: – «А почему ты платье передела? Такое платье красивое». – «Какое платье, я с утра в халате». – «Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: «Ну что, полегче тебе?» – «Да ничего говорю, терпимо». Говоришь: – «Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо». И как-то быстро ушла. Говорю: «Отец, может, тебе показалось?» – «Да как же показалось, я же с утра не спал».

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спусти восемнадцать лет, тоже на рассвете, ушла от нас.

Великие люди мои родители.

ПЕРЕДАЮ

Я шел быстро, но не с такой скоростью, чтобы проскочить мимо, когда он крикнул:

– Думай хоть немного!

Он не ожидал, что я остановлюсь, но обрадовался. Протянул крепкую сухую руку. Бесцветные глаза его выражали просьбу. Я постоял и дернулся, чтобы идти дальше, но он удержал мою руку и виновато улыбнулся.

Я увидел седую щетину на подбородке, худую шею, старый китель с медными пуговицами и, не отнимая руки, сказал:

– Думаю. Как же иначе?

Он выпустил мою руку, свою вскинул к козырьку кепки и торжественно объявил:

– Триста пятый полк, двенадцатая гвардейская!
– сник, уронил руку и добавил: – Сколько полегло.

Я не знал, что ответить, и сказал негромко:

– Ничего. Так уж... Что делать.

Еще помолчал и шагнул было, но он выпрямился и надменно произнес:

– Я не пьян! Фронтовые сто грамм.

Я пожал плечами, мол, я и не говорю, что вы пьяны, – и пошел.

Он догнал меня и торопливо, громко заговорил:

– Живите! Ладно, погибли. Гусеницы в крови!

Вы молодые... Если что, мы хоть сейчас. Гвардейцы! Грудью! Живите! Понял? Передай своим.

Я кивнул и зашагал, а он кричал вслед:

– Передай по цепи! Слышишь?! Всем передай!..

Передаю.

ОБЪЯВЛЕНИЯ НА СТОЛБАХ

Недавно услышал я об одном подростке. И он никак не уходит из памяти. Хотя случай самый, к несчастью нашему, обычный – его родители жили немирно друг с другом, ссорились, дело шло к разводу.

Мальчик любил родителей, и очень, до слез, страдал от их ссор. Но и это их не вразумляло. Наедине с каждым мальчик просил их помириться, но и отец и мать говорили друг о друге плохо, а мальчика старались завлечь на свою сторону. «Ты еще не знаешь, какой он подлец», – говорила мать, а отец называл ее дурой. А вскоре уже и при нем они всячески обзывали друг друга, не стесняясь в выражениях.

О размене их квартиры они говорили как о деле решенном. Оба уверяли, что мальчик ни в чем не пострадает: как была у него тут отдельная комната, так и будет. С кем бы он ни жил. И что он всегда сможет ходить к любому из них. Они найдут варианты размена в своем районе, не станут обращаться в газету, а расклеят объявления сами на близлежащих улицах.

Однажды вечером мать пришла с работы и принесла стопку желтых листочков с напечатанными на них объявлениями о размене квартиры. Велела отцу немедленно идти и их расклеивать. И клей вручила, и кисточку.

Отец тут же надернул плащ, схватил берет и вышел.

– А ты – спать! – закричала мать на сына.

Они жили на первом этаже. Мальчик ушел в свою комнату, открыл окно и тихонько вылез. И как был в одной рубашке побежал за отцом, но не стал уговаривать его не расклеивать объявления, он понимал, что отец не послушает, а крался, прячась, сзади и следил. Замечал, на каком столбе, или заборе, или на остановке отец прилеплял желтые бумажки, выжидал время, подбегал к ним и срывал. С ненавистью комкал объявления, рвал, швырял в урны, топтал ногами, как какого-то гада, или бросал в лужи книзу текстом. Чтоб никто даже и не смог прочесть объявления.

Так же незаметно вернулся в дом. Наутро затемпературил, кашлял. С ним родители сидели по очереди. Он заметил, что они перестали ругаться. Когда звонил телефон, снимали трубку, ожидая, что

будут спрашивать о размене квартиры. Но нет, никто не спрашивал.

Мальчик специально не принимал лекарства, прятал их, а потом выбрасывал. Но все равно через неделю температура выровнялась, врачиха сказала, что завтра можно в школу.

Он подождал вечером, когда родители уснут, разделся до майки и трусов и открыл окно. И стоял на сквозняке. Так долго, что сквозняк и они почувствовали. Первой что-то заподозрила мама и пришла в комнату сына. Закричала отца. Мальчику стало плохо. Он рвался и кричал, что все равно будет болеть, что пусть умрет, но не надо разменивать квартиру, не надо расходиться. Его прямо било в приступе рыданий.

– Вам никто не позвонит! – кричал он. – Я все равно сорву все объявления! Зачем вы так? Зачем? Тогда зачем я у вас? Тогда вы все ввали, да? Ввали, что будет сестричка, что в деревню все вместе поедем, ввали? Эх вы!

И вот тогда только его родители что-то поняли.

Но дальше я не знаю. Не знаю и врать не хочу. Но то, что маленький отрок был умнее своих родителей, это точно. Ведь сходились они по любви, ведь такой умный и красивый сын не мог быть рожден не по любви. Если что-то потом и произошло у них в отношениях, это же было несмертельно. Если уж даже Сам Господь прощает грехи, то почему мы не можем прощать друг другу обиды? Особенно ради детей.

«ДЕДУШКА, Я ПОМОГУ ТЕБЕ НАЙТИ ДОРОГУ»

Мой милый, любимый, единственный! Как же я люблю приходить за тобой в детский садик. Это самое счастливое событие моего дня. Мне так хочется потихоньку подсмотреть, как ты играешь в своей группе, во что и с кем. Но разве можно прийти к вам незамеченным. Еще покажешься в дверях, уже десять голосов кричат тебе и десять рук тебя теребят:

– За тобой дедушка пришел!

Ты выходишь по-разному. То сразу выскакиваешь, то идешь важно, тая в себе какую-то высокую мысль. И одеваешься то быстро, то медленно. А мне и так и так хорошо. Я люблюю тобою, ни за что на тебя не сержусь.

– А что ты мне принес? – всегда спрашиваешь ты.

– А вот если бы я ничего не принес, ты б что сказал: уходи обратно, да?

Ты весело глядишь и, не отвечая, машешь свитером как флагом.

Надев брючки и обувшись, ты бежишь вниз и прячешься. Несу твою курточку, шарфик, шапочку, ищу тебя. Ну, конечно же, я каждый раз не знаю, где ты, ведь первый этаж большой. Нахожу – вот где ты! – радуюсь. И ты радуешься.

А на улице сплошные опасности. Дороги, машины. Держу тебя за руку. И на высоком, выгнутом мосту через канал, тоже держу. Ты кричишь сверху уткам:

– Эй, утки! Вам там не холодно?

Ты замечаешь новые промоины темной воды,

бросаешь уткам кусочки приготовленного хлеба и не веришь, что уткам в воде теплее, чем на льдине.

По дороге во всех, так сказать, торговых точках, нас знают. Ты всем продавщицам рассказываешь, что было в саду, какая у тебя хорошая сестричка.

– Только она больше не принцесса, а я больше не принц, – сообщаешь ты.

– А кто вы?

– Она – Василиса Прекрасная, а я – Иван-царевич. Я ее от Кашея спасаю. У меня меч есть, и щит есть, бабушка подарила. Я бился со Змеем Горынычем, я его сломал, меч, а мама отремонтировала.

У нас начинается главная игра. Она называется так: «Дедушка опять забыл дорогу к дому».

– Да, дедушка, – огорченно говоришь ты, – ведь ты опять забыл дорогу, опять?

– Забыл, – сокрушенно признаюсь я, – что делать забыл. Но ведь ты меня выведешь, да? Я без тебя заблужусь.

– Ну, конечно, – великодушно всплескиваешь ты руками, – конечно. Я тебя не брошу.

По дороге сочиняем песни. Например: «Идем из садика домой, какая благодать! Уже рукой, уже ногой, до дому нам подать!» Или: «Мы ходили, шли снега, увязала в них нога. А теперь кругом вода, вот какая ерунда». То есть не вода – ерунда, а ерунда – наша песня. Но нам весело идти и дорога быстрее. Мы шагаем, как солдаты. Еще бы, мы поем «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»». Догоняем девочку из твоей группы. Она хохочет и рассказывает тебе, как у нее была собака, летала, рулила хвостом и улетела в зоопарк. Ты серьезно слушаешь и одобряешь:

– Это был смешной рассказ.

А иногда замолкаешь и идешь молча. Я знаю, что тебя нельзя в это время перебивать. Однажды что-то спросил, а ты очень строго заметил:

– Я же молюсь. Я у Боженьки прошу, чтобы папа и мама не болели. И бабушки, и дедушки, и Василиса Прекрасная.

Вчера ты предлагал:

– Давай пойдем по белу свету счастье искать. – А сегодня ты вдруг объявляешь о своем открытии:

– Дедушка, солнце больше неба.

– Почему?

– Небо только вверху, а солнце везде. – Ты разводишь руками и показываешь на все окружающее нас пространство, освещенное солнцем. И спрашиваешь: – А солнце далеко?

– Очень!

– Очень, очень?

– Да. Еще никто до него не долетел.

Ты смотришь на меня, о чем-то думаешь, потом поворачиваешься лицом к солнцу, делаешь несколько шагов и объявляешь:

– А я уже ближе тебя к солнцу!

Мы идем дальше. Ты выучил звук «ш» и с удовольствием говоришь слова с буквой «ш». И все время вспоминаешь Машу, которая шла по шоссе.

– А чего это она, – спрашиваю я, – по шоссе идет? Надо же по тротуару ходить.

Совершенно резонно ты отвечаешь:

– Тротуары же заняты машинами, вот ведь как. А скажи, дедушка, чем отличаются слова «сушка» и «пушка»?

– Пушка большая, сушка маленькая.

– Нет.

– Сушку едят, а пушка стреляет.

– Нет! – Ты начинаешь сомневаться в моих умственных способностях.

– У пушки колеса круглые, как у сушки, но со спицами.

– Да нет же! – кричишь ты. – Одна буква! С-с-с и Ш-ш-ш! – Тут же ты кричишь машинам: – Эй, машины, вы что, разве мухи, что вы шумите? Или комары какие-нибудь?

Тебе ужасно хочется шлепать по лужам, но это нельзя, и ты терпеливо их обходишь.

– Всех лучше осень, – говоришь ты, – спасибо осени, осенью можно по лужам ходить.

Мы приходим домой, моем руки и начинается твоя бесконечная сказка про битвы с драконами, про похождения Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Мы поем самосочиненные былины о том, как обиделись богатыри на князя Владимира, что не посадил их за стол, а как потом напало на Киев Идолище поганое да засвистал дурным посвистом Соловей Одихмантьев сын, тогда пошли богатыри, обиды забывши, стоять за землю Русскую, за веру Православную.

– Сколько голов у Змея? – спрашиваешь ты.

– Три, – говорю я, опасаясь, что если голов будет больше, то битва долго не закончится.

– Три! – говоришь ты презрительно, – три! Это и ты справишься. Сегодня двенадцать! Вот так вот!

Игрушек у вас с сестрой на два детских сада. Но все равно их не хватает. Хватился ты за коня, чтоб посадить богатыря на коня, где конь, нет коня. Тогда ты, непобедимый выдумщик, хватаешь кубик, часть архитектурного конструктора, и кричишь:

– Вот и пал конь Ильи Муромца! И схватил тогда Илья Муромец камень, отломил его от замка, превратил в коня, сел и поскакал!

Мы побеждаем. Ты вдруг говоришь:

– Ищи меня! Считаю до десяти! – и убегаешь.

В большой комнате, которая становится маленькой из-за развала игрушек, появляется бугор из двух одеял. Под ним что-то шевелится. Конечно, ты. Но разве можно дедушке так сразу найти внука. Я хожу по квартире, честно заглядываю во все углы и горестно восклицаю:

– И тут нет! И тут нет! А тут совсем нет. А тут и не было.

Наконец ты высовываешь голову и сообщаешь:

– Я же клад. Меня надо откопать.

Мама приводит младшую сестренку. Тебе уже не до меня. А уж если еще и папа сегодня пришел пораньше, тут дедушка окончательно становится лишним. Я прошу тебя перекрестить меня на прощание. Ты обращаешься к иконам:

– Боженька, помоги дедушке найти дорогу, сделай такую милость!

На сердце у меня тепло и немного грустно. Но что грустить? Бог даст, наступит завтрашний день, и опять, с радостью бросив все взрослые дела, пойду за тобой.

Вдруг обнаруживаю, что заблудился. Конечно, ведь я же иду один, без тебя. Но ты меня перекрестил, благословил, и я обязательно найду дорогу.

УМРУ ЛЮБЯ

Первое, что я запомнил у Пушкина наизусть, была поэма «Цыганы». Было мне лет шесть. Я не знал значения знаков препинания, разделения на строки, не понимал смысла скобок, я читал слова подряд, так и заучивал. Не специально, а от частого перечитывания. Рука магнитно тянулась к книге, привычно раскрывалась на влекущем месте, и я шептал: «...они сегодня над рекой в шатрах изодранных ночуют». Все было настолько точно, что я и понятия не имел, что это написано больше ста лет назад. Цыгане приходили в село летом, разбивали изодранные шатры недалеко от реки, ходили по улицам. Нас к табору не отпускали, цыган побаивались, мы смотрели издали. А благодаря этой поэме я как будто был вместе с ними, знал, что там у них костры, сидит у костра старый цыган и рассказывает о Мариуле и успокаивает Алеко. Ну разлюбила тебя Земфира, ну что ж делать, все они такие, цыганки.

Я читал и читал, а как добирался до самого главного места, забывал дышать и читал взахлеб:

«Вдруг видит близкие две тени и близкий шепот слышит он над обесславленной могилой первый голос пора второй голос постой первый голос пора мой милый второй голос нет нет дождемся дня первый голос уж поздно второй голос как ты робко любишь минуту первый голос ты меня погубишь если без меня проснется муж Алеко проснулся я куда вы не спешите оба вам хорошо и здесь у гроба Земфира мой друг беги беги Алеко постой куда красавец молодой лежи вонзает в него нож Земфира Алеко цыган умираю Земфира Алеко ты убьешь его взгляни ты весь обрызган кровью о что ты сделал Алеко ничего теперь дыши его любовью Земфира нет полно не боюсь тебя твои угрозы презираю твое убийство проклинаю Алеко умри ж и ты поражает ее Земфира умру любя умирает...».

Так я и читал: «Алеко умри ж и ты поражает ее Земфира умру любя». И ему не отомстили, только и сказал старик: «Ты зол и смел оставь же нас прости да будет мир с тобою».

Когда к нам приходили цыганки с детьми, мы обязательно что-то давали им. Раз я отдал маленькой неумытой девочке-цыганке цветные тряпочки для ее куклы. Ее мать поняла все величие моего подарка, мне же еще предстояло объяснить свой порыв сестрам, взяла мою руку, повернула ладонью вверх:

– Ой, дорога, дорога, ой, дальняя дорога. Будешь ты полковником, будет у тебя жена Маруся, и проживешь ты восемьдесят лет.

Два ее предсказания уже не сбылись.

НОЧЬЮ

В лунные ночи зимой волшебной и нестрашно в лесу.

Тени деревьев не похожи на деревья, они самостоятельны. Это отчетливые синие контуры на светлом снегу. Да и ночь ли это? Даже теневая сторона деревьев видна прекрасно.

Ветви в снегу, в тяжелых округлых сугробах, но кажутся легкими-легкими. И если стряхнуть тяжесть, ветви темнеют и тяжелеют.

Шапка на пне. Внутри нее тепло земли продышалось горло, пахнет травой и грибами.

БУМАЖНЫЕ ЦЕПИ

С годами все обостреннее вспоминается детство, особенно Новый год.

Елочных игрушек у нас было мало – терялись куда-то. Вот была картонная курочка, бронзовая, с крохотным красным гребешком, а принесли из чулана коробку с игрушками, разбираем – нет курочки. Клоун тут, самолетик тут, где курочка? Началось следствие. Старшая сестра вспоминала сама и заставляла всех вспоминать, кто в прошлом году разбирал елку, кто? Никто не помнил. И вообще никто не любил разбирать елку, всем хотелось, чтобы она подольше постояла. Значит, родители. Но чтобы родители могли сделать что-то небрежно, такого и подумать было невозможно. Потерянная курочка становилась еще дороже именно от того, что была потеряна.

– К соседям ушла, на соседский сарай, – говорила мама, – там несется. Ничего, к Пасхе вернется, без яиц не останемся, не переживайте.

В заботах о новой елке курочка забывалась. Да если бы она и не пропала, все равно надо делать новые игрушки. И фонарики, и цепи, и снег, и флажки. Оказывается, отец уже приготовил старые газеты, пузырек клея, кисточку, краски. Все хотели клеить кисточкой, ссорились.

Но мало-помалу налаживалась работа дружной бригады. Мама стригла газеты на длинные узкие полоски, с одной стороны покрывали разными красками или тушью, они быстро сохли, их резали на равные частички – это для цепей. На фонарики – тетрадную бумагу. Для «снега» жертвовали разноцветные промокашки.

Первое кольцо для цепи склеивалось сразу, второе в виде полоски продевалось в первое, потом тоже склеивалось. И так далее. Подбирали цвет, чтоб не было подряд двух красных колечек или двух синих. Клея к этому времени не оставалось, и вместо него пользовались вареной картошкой. Хорошо бы, конечно, сделать клейстер из муки, но если можно картошкой, то зачем тратить муку.

Мама доставала со дна швейной машинки «Зингер» шпульку ниток. Шпульку раскручивали, сматывая с нее столько нитки, чтобы ее хватило на несколько раз от стены до стены. Это для гирлянд с фонариками и флажками. Гирлянды возносились на свои места самыми первыми, еще до появления елки, чтоб потом ее не потревожить.

А цепи, копящиеся около стола шуршащей грудой, все удлинялись и удлинялись. И уже мне казалось, что хватит, нет, старшие продолжали трудиться, значит, и я с ними. Младшие засыпали прямо за столом.

И на другой день, в последний день старого года, еще все делали цепи. Но уже без нас со старшим братом, мы шли на лыжах за елкой. Брат помужички затыкал топор за ремень телогрейки, мне доверял только санки.

В лесу, в его тихом, белом сиянии, ожидающем восхождения солнца, елочек были целые заросли.

– Эту возьмем! – кричал я, хватая ту, которая ближе. Снег осыпался с ветвей, елка радостно зеленела. Любая елка казалась мне красавицей, мало того, я любую жалел и желал всем елочкам счастливого Нового года.

– Маленькой елочке холодно зимой, – говорил я, – из лесу елочку надо взять домой. – Давай побольше наберем, – предлагал я брату. – Все нарядим, им же обидно, вот одну возьмут, а они – так под снегом и жить?

Брат взглядывал на меня с непонятным мне интересом и все искал и искал единственную из десятков самых разных. Уже и солнце всходило, уже я замерзал и хныкал, а брат все продолжал поиски. Наконец решался.

Но уж зато и елочка у нас была! Ровно под потолок, шатериком, веточка к веточке, а запах! Будто брат и запах выбирал – запах чувствовался уже в сенях. В чулане находили прошлогоднюю крестовину или делали новую, устанавливали елку и начинали наряжать. Младшие улепляли игрушками подол елочки, мне доставались ветки повыше, маме еще повыше, брат залезал на табуретку и украшал самый верх. Сестра подавала ему игрушки и командовала. Отец осуществлял общее руководство.

Начинали окружать елку цепями. Осторожно, чтоб не порвать, подавали брату, он закреплял первое колечко на лапку у звезды, потом переставлял табуретку, принимал от нас волны бумажной цепи, которая серпантинной спиралью опоясывала разноцветное зеленое чудо.

Доблесть была в том, чтобы цепь нигде не разорвалась. Если кто попадал между елкой и цепью, работа останавливалась. Попавший вылезал на свободу.

– Ой, не хватит, – переживала сестра, – ой, дайте реже окружать.

Но реже не хотелось, потому что когда много таких цепей, то вся елка становилась кружевной. И всегда все сходилось в самый раз. Последнее колечко укрепляли на ветке у самого пола.

– Это как пельмени: стряпаешь-стряпаешь, – говорила мама, – и боишься, вот теста или фарша мало будет, вот лишнее, а всегда выходит точно.

Мы любовались елкой.

Отец начинал рассказывать, какие елки были в его детстве. Мы это, конечно, слышали. Еще бы ему не помнить – делали фактически для него одного, он был один сын, а кроме него, десять сестер, наши тетки.

– Один раз тятя поехал на Тихорецкую ярмарку, – начинал отец. Мы уже знали, о чем будет рассказ, о французской булке, но с радостью слушали, таких булок мы не едали. – Поехал и привез всем калачей, сушек, а мне еще отдельно французскую булку. Бабушка говорит: «Съешь, Колюшка, половинку сейчас, а вторую половинку завтра». И разрешила булку. А мне это так обидно показалось, говорю: «Защивай, и все!» И она, что вы думаете, она...

– Защивала! – кричали мы.

– Баринот рос, – говорила мама, – нечего говорить, баринот.

– Да, – довольно хмыкал отец, – мне ногами до пяти лет не давали ходить, все на руках таскали.

– Так уже до пяти? – сомневалась мама.

– Ну до трех, – сбавлял отец и вспоминал дальше. – А у нас в деревне были микаденки, прозвали по отцу, у них отец пришел с японской войны и все время говорил: микадо, микадо, это японское слово.

– Это – император, – говорила сестра.

– Семья большая. Звали детей микаденки. У них был японский фонарь, ох, они им хвалились. Их тоже выслали. Их раньше, успели собраться, может, фонарь сохранили, а нас выслали, ни минуты на сборы, все бросили. Игрушки пропали. А в Сибири игрушки делали из шишек. Навешаем кедровых, потом орешки щелкаем.

– Ой, а корова, – вскрикивала мама. – Отец, поило приготовил?

– Так точно! На моей фабрике ни одной забастовки.

Вот как нас елка увлекла, даже про корову забыли. А у нее скоро будет теленок, к ней надо чаще ходить. Но как же не хотелось уходить от елки! Раньше мы наперебой, напередир, как выражалась мама, старались завоевать право нести фонарь, идти с мамой или отцом давать корм корове, поросенку, курам, а сегодня маме пришлось назначать себе спутника.

– Нет добровольцев? – спросила она и поглядела на елочку. – Ну, конечно, где ж корове против елки.

Да, но оставалось в деле украшения еще одно – «снег». И оставшуюся цветную бумагу и промокашки резали мелко-премелко, потом в большом блюде этот «снег» – название «конфетти» мы узнали позже – этот «снег» перемешивался, брат опять залезал на табуретку, я на вытянутых над собой руках держал блюдо, брат пригоршнями черпал из него и обдавал нашу елочку как будто дождем. А последние заскребышки взлетали над нами и падали нам на головы, на плечи.

– Ой, – пищала младшая сестренка, – ой, на реснице сидит, ой, тихо! Ой, упала. – И она начинала реветь.

Младший брат пытался водворить «снежинку» на ресницы сестренки, но тут возвращалась мама.

Мы ужинали и начинали ждать Новый год.

Не только «конфетти» – все будет позже: будут папиным-маминым внукам, нашим детям, дорогие заграничные елочные украшения, мигающие электрические гирлянды, шагающий игрушечный Дед Мороз, луноход на батарейках, трещащие, похожие на взаправдашние автоматы, и настоящий Дед Мороз, приносящий в оплаченное время оплаченный подарок, – все будет.

И уж конечно, съедобные подарки будут другими: фрукты, шоколад, конфеты всех мастей. «Нам бы в детство такие конфеты, – недавно сказала сестра, – мы бы из этой серебряной фольги резали «снег».

Да уж, вспомнили мы свои тогдашние подарки в пакетах из газет: печенишко, конфеты-подушечки, булочка. Пакеты вышли из моды, началась новогодняя упаковка из полихлорвинила в виде матрешки, сундучка, царь-пушки, золотого ключика, а то и вовсе в виде башни...

Но все-то мне кажется, что у нас было больше радости от Нового года. Больше. Мы сами созидали его. Сидя у керосиновой лампы, тычась от усталости носом в стол и все равно ни за что не уходя, пока не будет полночь, пока не наступит этот щемящий,

так томительно ожидаемый и тут же исчезающий миг, – разве можно уйти спать, провалиться в сон? Да ни за что! Мы сидели, глядели на елку, кое-что еще подправляли в ней, каждый раз обсуждая, как будет смотреться перецепленная игрушка на новом месте.

– Ты от порога посмотри, так близко смотришь, – говорила сестра.

Старший брат брал в руки лампу, и мы торжественно обходили елку вокруг.

– Хороводы завтра, – строго говорила сестра. – Сейчас в «морской бой» или в «города».

– В «пуговки», – хныкал младший брат. Он уже совсем-совсем засыпал. Младшая давно спала.

Первое свое стихотворение я написал именно в новогоднем ожидании: «Растет история, и вот мы вместе с ней растем. И пусть войдем мы в Новый год, как в новый дом войдем».

А наутро так ликовало солнце, будто тоже понимало, что надо жить в новом году по-новому, оставив в старом все плохое. И хотя мы по-старому ломали лыжи, бросаясь на них с Красной или Малахо-

вой горы, по-старому обмораживались, но все равно, счастье продолжалось: дома нас ожидала елка, и ее запах соревновался с запахом свежей стряпни.

О, эти мамины плюшки, ватрушки, это зимнее мороженое молоко, эти пестрые пузырчатые блины...

Самое загадочное, что на следующий год бронзовая картонная курочка находилась, и мы спорили, где ей лучше жить на елке. Ей на смену терялся домик, потом он тоже находился...

И всегда-всегда делали бесконечные бумажные цепи, оковывали ими елочку.

И вот я, понимающий, что в моей жизни все прошло, кроме заботы о жизни души, думаю теперь, что именно этими бумажными цепями я не елочку украшал – я себя приковывал к родне, к детству. И приковал. Приковал так крепко, что уже не откоюсь. Многие другие цепи рвал, эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных.

Правда, крепче.

Детство сильнее всей остальной жизни.

Ирина МИХАЙЛОВА родилась в 1986 г. в Люберцах. Окончила Литературный институт им. Горького (семинар прозы А.Е. Рекемчука). Публиковалась в журналах и альманахах «Пролог», «Кольцо А», «Зеленый бульвар», «Сибирские огни», «Пятью пять», «Наш современник». Входила в лонг-лист премий «Дебют» (2008), «Лицей» (2018), конкурса «Русский Гофман». Лауреат международной литературной премии «Радуга» в номинации «Молодой автор года». Победитель конкурса «Всемирный Пушкин». Вошла в шорт-лист премии «Этноперо». Член Союза писателей Москвы. Работает учителем русского языка и литературы. Участник форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (Ульяновск, 2019). Живет в Москве.

ГОЛОС

Рассказ

Толстая некрасивая девчонка ревёт, судорожно сжимая руками горло. Лицо – красное от стёршейся помады, с чёрными пятнами от туши. Вместо голоса – хриплое страшное шипение.

– Шире открой рот! Шире! Что ты жмёшься?! Ты петь пришла или рыдать? – орёт на неё директриса – женщина, которую все ждут, все боятся, все мечтают попасть к ней на прослушивание.

Дверь залы открыта – и мы все видим, как девочка стоит навтытяжку и, пытаясь быстро успокоиться по знакомым с детства упражнениям, снова и снова начинает свою арию. И снова и снова срывается.

Директриса гремит:
– Следующий!

* * *

Мы стоим в очереди. Девочки, только что окончившие школу, и один парень. У парня бас. Его точно возьмут – парней всегда не хватает. А нас – десять. И всего одно место.

Полчаса назад директриса ходила мимо нас и всех оправляла.

– Покороче не было? – одёргивала она подол чьего-то мятого заношенного платья, которое едва достаёт до колен, – петь надо выходить в концертном, а не в этом рванье.

Смотрела на худые икры, торчащие из-под джинсов, и кроссовки.

– А шорты чего же не надела? Вас кто одеваться учил? Вы из какой деревни приехали? Вы входите в зал! В зал! Вы понимаете это?

Она вскидывала руку вверх так, как будто через эти деревянные разошедшиеся двери мы попадём в Большой театр, а не в маленькую душную комнату с потрескавшимся роялем.

– Следующий!

* * *

Медленно, с достоинством идёт высокая девочка в длинном чёрном платье. Мы прижимаемся к двери. Нас уже восемь, и мы думаем – а вдруг она? Вдруг одно-единственное место достанется этой – красивой, на каблуках, с русыми волосами и густо накрашенными глазами?

– Представьтесь, – говорит директриса.

Она сидит подальше от раскрытого окна, чтобы не продуло, подальше от рояля, чтобы не мешал.

Она слушает.

– Лена, – гордо говорит девочка и вскидывает голову.

– Лена... – передразнивает директриса, – и на сцену также выйдешь – «Лена»... Фамилия, отчество.

– Синицына Елена Николаевна, – голос уже дрожит.

– Что представлять будете, Елена Николаевна?

– Песню.

Директриса вздыхает. Песню... Нет такого понятия в опере. Ария. Оперетта.

Мы, толкаясь, всматриваемся в щёлочку. Лена поёт.

Директриса качает ногой. Когда она качает ногой – она недовольна. Это уже все знают – первокурсники доложили. Директриса смотрит в окно и морщится, как от зубной боли. За окном – июнь. Всё лето впереди. Вся жизнь. А кажется, что есть только эта минута. И не было ничего до. И не будет после.

Лена поёт.

– Спасибо! – её прерывают. – Всё понятно. Следующий.

– Голос есть, – уже когда Лена вышла, – но... не то, не то, – директриса вздыхает.

Она тучная, в ярком жёлтом платье и шёлковом шарфе, наброшенном на толстую шею. Шея всегда закрыта. Простужаться нельзя. Голос, хоть уже и не поёт давно.

* * *

– Как думаете, кого выберут? – галдят в перебиве девчонки.

Здесь всегда шумно. Распеваются, разыгрываются, тянут связки, делают упражнения, наигрывают на рояле.

– Говорят, будут спрашивать про известных вокалистов. Давай погуглим.

– Русских?

– Ну, наверное...

– Шаляпин, Вишневская, Архипова...

– А у тебя какой голос?

– Меццо-сопрано? А у тебя?

– Колоратурное...

Колоратурное – редкость. У Марии Каллас было колоратурное сопрано. И Мария Каллас его потеряла. Об этом мы никогда не говорим. Это – запрещённая тема. Об этом – только маме, ночью, чтобы никто не услышал.

– Иди! Иди! Твоя очередь!

Я иду в зал. Встаю напротив неё. Представляюсь. Начинаю петь.

Голос сразу несётся вверх. Я распевалась, как и положено, тридцать минут – не больше. Голос бежит, как волна. Я думаю о море, об Италии, про которую сейчас пою. Голос уже далеко отсюда – отражается от раскалённых камней и уносится дальше. Жаркий Рим, фонтаны, вода, Святой Пётр, стены, узкие улицы... И вдруг. Голос замирает. Он зацепился. Он не может освободиться и полететь дальше. Он боится, он мечется вокруг себя, запутываясь всё больше. Он сорвался.

И уже не голос, а жуткий хрип, который слышно сейчас всему коридору, всей Москве, всему миру, летит вниз и падает, разбиваясь сухим кашлем.

Она качает ногой. Она качает ногой. Я уже не вижу ничего – Италия рухнула вместе с моим предательским голосом. Она качает ногой.

«Пошла отсюда вон», – хочет сказать она.

– Следующий!

* * *

Потом мы стоим всё той же очередью к ней в кабинет.

Директриса сидит в кожаном кресле, и её лоб блестит от пота. На столе фотография ее молодой – на сцене какого-то театра. На стене рыжие афиши двадцатилетней давности.

– Мать есть? – спрашивает она меня.

– Есть.

– А отец?

– Тоже.

– Работает где?

– В фирме своей. Юрист.

Я всё вру. Нет у меня никакого отца. Мать одна – регистратор в поликлинике.

– Сто тысяч в семестр потянете?

Я быстро-быстро киваю.

Она протягивает мне договор и квитанцию.

– Отдашь матери на подпись. В сентябре жду.

– Спасибо, – шепчу я судорожно.

– И хватит ныть. Ты вокалистка, так что нечего мне тут сопли разводить. Шоколад любишь?

Я мотаю головой.

– Правильно. Забудь. Тебе нельзя. Запомни – тебе теперь ничего нельзя.

Я выхожу на улицу. Только начало июня, и ещё всё лето впереди.

Мне интересно – а кого возьмут на бесплатное? Кто эта девочка?

Кабинет директрисы на первом этаже. В открытое окно я вижу её и какую-то девчонку рядом. В белом платье в пол, с высокой причёской, взгляд ещё детский, но уже гордый. Она совсем не похожа на всех нас. Она не смотрит на директрису, не смотрит в ноты, она не боится, что голос сорвётся, она знает, что будет петь и что её будут слушать. Она закрыла глаза. Голос не дрожит, не мечется по кабинету, не улетает, он плавно висит в воздухе, как облако, над всеми нами, и то опускается, то поднимается, но всегда равно, как и должно быть. И я понимаю – до неё нам всем ещё очень далеко.

Директриса не качает ногой и не кивает одобрительно. Она просто слушает. И я стою и слушаю. И всё вокруг замерло и слушает. Её голос.

Нина ЯГОДИНЦЕВА, Челябинск. Поэт, член Союза писателей России, кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры.

ОКАРИНА ОКРАИНЫ

* * *

От прибоя тьмы до её истока
Лишь одна звезда – низко и далёко.

Горькое тепло опалает губы.
Зеркало твердит: на тебе лица нет...
Тишина черна, словно плащ Гекубы –
Но одна звезда вдалеке мерцает.

Нежная сестра, ясная лампада,
Розовый огонь радости вечерней!
Лишь бы ты была, лишь бы не пропала
В пепле и золе мировых кочевий!

Страх преодолев, прыгнуть на колени,
Ветви протянуть и расправить листья,
Корни ощутить, а через мгновенье
Ветер налетит – всласть наговоримся.

* * *

Покуда ехали, стемнело.
И свет, испуганный впотьмах,
Метался, рвался то и дело
И опрокидывался в страх.

Но обочь, с каждого пригорка,
Куда усталый взор ни кинь,
Звенела нестерпимо горько
Сухая серая полынь.

Сама уже почти у края
Апрельского небытия,
Она как будто бы украла
Дыханье жизни для тебя.

Родной земле почти чужая,
Забытый пестуя мотив,
Она немела, провожая,
И умирала, проводив.

* * *

Сквозная память, тайная беда,
Извечное кочевье в никуда...

Бессонницы зелёная звезда
Бессмысленно горит в пустых осинах,
И низко-низко виснут провода
Под тяжестью вестей невыразимых:

И острый скрип несмазанных колёс,
И полуптичьих окрики возникших,
И сладковатый вкус кровавых слёз,
Из ниоткуда памяти возникших,

И слабый крик младенца, и плащи,
Трепещущие рваными краями,
Безмолвно раздувающие пламя
Ноши...

Ты знаешь всё. Раскрыты небеса,
Как том стихов, и смятые страницы
Сияют так, что прочесть нельзя,
И силятся вздохнуть и распрямиться.

* * *

Владимир. Снег. Пожаром памяти
Весь горизонт заволочло.
Одна метель стоит на паперти
И застит рукавом чело.

И только облачко дыхания
Трепещет тайно возле уст...
Прости меня, не обрекай меня
На адский пламень русских чувств!

Одна мерцающая свечечка,
Ладонь скрытая, спасёт
От наплывающего вечера,
От страшной памяти высот.

Один твой взгляд, меня жалеющий
И обвиняющий стократ,
Один вопрос немой: а где ж ещё
До бела снега догорать,

Как не в России, во Владимире,
Где ты несёшь домой свечу,
А я шепчу: «Прости, прости меня» –
Но быть прощённой не хочу.

* * *

Александр Конопелькину

Окарина окраины, скука
Долгих жалоб на бедность и страх...
Но едва безысходная мука
Умолкает в неловких руках,

Серебро покрывается чернью
И губительной зеленью – медь...
Только в углу своём заточенье
Тёплый воздух пытается петь

И однажды из слабого праха
Выдыхает себя невзначай...
Остальное – печаль и неправда:
И неправда, а всё же печаль.

* * *

С*

Наш разговор плывёт, как пламя
По тополиному снежку...
Не сей же, Господи, меж нами
Непониманье и тоску,

Не сей презренье и страданье –
Весь мир вокруг стоит в цветах!
Посей ромашки – на гаданье,
И незабудки – просто так...

* * *

Вспомнил – и промолчи,
Вздригнул – и успокойся.
Ангелы на покосе
Точат свои лучи.

Искрами бьёт по коже
Их незнакомый смех:
Гости-то не из тех
Мест – из других, похоже...

Песенок не поют,
Мёда на хлеб не мажут.
Лезвия отобьют –
То-то травы поляжет!

ПАСХА

Бродяга – трезвый, хоть убей, –
С ладони кормит голубей.

Они слетелись отовсюду,
Воркуют шепотком,
Сбивая вешнюю остуду
В прозрачный шелестящий ком.

Толпа от праздничной обедни
Идёт, разбрызгивая свет,
И ей почти не виден бледный
Размытый силуэт.

Ещё, ещё одно касанье,
Прохладный взмах –
Как будто в пламени спасая,
Неся из пекла на руках

На белый свет, в луга сырые,
В росу немыслимой России.

И только шелест облетает
В следы растоптанных сапог.
Когда восторженная стая
Взмывает на восток.

* * *

Июль, расхристанный под грозами,
Прибитый молниями к стенам,
Змеится ввысь тревожно-розовым,
Животрепещущим растением.

Идёшь и дышишь океанами
И выдыхаешь бессловесно,
Не смея знать, какими ранами
Немая мучается бездна...

И вдруг на раскалённой улице
В толпе – невидимые двое,
Они смеются и целуются,
И ночь у них над головою –

С такими звёздами нездешними,
В такой немыслимой печали,
Как будто окна занавешены,
А свет ещё не выключали...

ПРОЩАНИЕ С ПТИЦАМИ

Поманил небесный берег,
Облачной чертою явленный –
Сколь серебряных свирелек
Брошено в саду под яблоней!

Рыжие обрывы рек ли,
Ветви, стрехи да скворечники
Затуманились, померкли
Перед гнёздами нездешними...

Нам привычней сеять ропот
И уста сушить молитвами –
Там ведь тоже нежность копят,
Ждут, поют, стучат калитками,

Выпекают жаворонков,
Выбегают, машут, празднуют,
В полотенежки на кромках
Заплетают нитки красные...

То-то край назвали раем
По его заботам истовым...
Мы свирельки подбираем,
Что-то грустное насвистываем.

Только больно неумело,
Даже если очень грустное:
Дунул – сердце онемело,
Сжал сильнее – свирелька хрустнула...

* * *

Целуя руки ветру и воде,
Я плакала и спрашивала: где
Душа его, в каких мирах отныне?
Вода молчала, прятала глаза,
А ветер сеял в поле голоса,
Как прежде сеял он пески в пустыне.

Когда бы знала я, в каких мирах
Его душа испытывает страх
Прошедшей жизни, тьмы её и светлы,
Я возвратила бы её назад
В исполненный цветенья майский сад,
Где есть одна любовь, а смерти нету...

Вода и ветер, ветер и вода...
Я выучила слово «никогда»,
Но и его когда-нибудь забуду –
Забуду, как завьюженный погост,
Где снег лежал безмолвно в полный рост,
И таял в небесах, и жил повсюду.

* * *

Листвы взволнованная речь
Ошеломляет, нарастая:
На этот ветер можно лечь
И долго мчаться, не взлетая,

Легко сминая гребни волн,
Сбивая листовую пену,
Зелёный гул со всех сторон
Вбирая постепенно...

Пока в душе ещё темно,
Блуждает, словно свет в кристалле,
Всё то, что произнесено
Листвы закрытыми устами –
Всё то, что обретает слог
Вблизи молчанья, между строк.

Но если настигает страх,
И даже защититься нечем –
На всех немислимых ветрах
Распутятся полотна речи:

Спасти, утешить, оберечь,
Дать мужества на ополченье...
И небо – речь, и поле – речь,
И рек студёные реченья.

* * *

Спины, надломленной в поклоне,
Не выпрямить, сколь ни моли,
И неба не увидишь, кроме
Сырой земли!

Какой бы ни был рай завещан –
Теперь он наглухо закрыт,
И позвоночник сетью трещин,
Как провод сорванный, искрит.

Теперь, вспомнив о высоком,
Клонись головой до грязных плит:
Оно придёт холодным током,
Придёт, настигнет и спалит!

И так же метко царский посох
Лицом бросает в ту же грязь
Того, кто самовольный послух
Несёт по жизни, не клонясь.

Но сладко падать на колени
В моление, жажде, удивленье
И припадать к земле сырой
Навылет сбитому стрелой
Стремительного света...

* * *

Ещё в осеннем, выйдя из-под
Сырого снежного крыла,
Поблёскивая золотисто,
Речушка мелкая спала,

Как будто с неба в сон упала,
Как будто всю впитала тишь...
Но задышал весенним палом
Сухой обветренный камыш –

И волны мечутся, и мнутся,
И задыхаются у дна:
О, как боится прикоснуться
К спалённым берегам она...

* * *

Необъяснимо – там было что-то иное:
В радужной плёнке палящего душу зноя
Горы вдали, и облако над горами,
Словно платок, безнадежно прижатый к ране.

Что-то иное: и поделиться не с кем
Не одиночеством – чистым озёрным плеском,
Зыбью, качающей лодочку или щепку...
Непостижимо! Но держит легко и цепко,
Словно репей, высыхая до золотого,
Память: ещё до света, ещё до слова.

Только тогда, не владея высоким слогом,
И никаким вообще, я делила с Богом
Тайну молчанья и тайну преображенья:
Лёгкого струения и скольженья...

Но то, что было водой, настигает лавой,
Славой кромешной и оттепелью кровавой,
Зверем, молча кладущим лапы на плечи,
Властно зрачки сужающим: жажда речи.

* * *

Покуда нет в тоске таинственного брода,
Пока она стоит, как тёмный океан,
И ты на берегу, и так проходят годы,
Тебя из тишины зовя по именам –

Покуда нет в тоске ни паруса, ни лодки,
И скользкого бревна не вынесет прибой,
И все слова пусты, и все надежды кротки,
И ты на берегу, и только Бог с тобой –

Покуда нет в тоске рассвета и заката,
Зелёный сумрак сна и каменная гладь,
Всё кажется: тебе какой-то смысл загадан,
И если ты его сумеешь отгадать –

Как посуху пойдёшь! И только Бог с тобою,
Когда из глубины, незримые почти,
Проступят как прожгут пучины под стопою
Диковинных существ холодные зрачки...

* * *

Охрана вооружена,
Дорога в белый сумрак брошена.
Вокруг такая тишина,
Что от неё не жди хорошего.

Январский холод зол и слеп,
И в полдороге – одинаково –
Кривая мельница судеб,
Крутая лестница Иакова.

По оба выросших крыла,
Куда бы злая блажь ни целила,
Зима в беспамятство слегла –
И ни кровинки на лице её.

Но с облаков наискосок –
Тонюсенький, вздохнёшь – и нет его,
Трепещет русский волосок
Луча залётного, рассветного...

Помилосердствуй же! И впредь,
Где горя горького напластано,
Не дай соблазна умереть,
Не допусти соблазна властвовать.

* * *

Выцвели бутоны полушалка,
Очи стали глубже и темней
В нищете безвыходной и жалкой,
В неизбывном страхе за детей.

Век сошёл, обрушилась держава,
Хищною травой поросла –
А она терпела и рожала,
Ношу неподъёмную несла,

Сберегая душу от надлома,
От пророчеств и иной чумы
Посреди ветшающего дома
В глубине почти недвижной тьмы...

Всё, что мир в безумии растратил,
Горьким пеплом в пажити легло.
Потемнела ликом Богоматерь,
Опустила кроткое чело.

А она жила покорно рядом
И шептала вечное «прости»,
Каждый день ловя печальным взглядом
Взгляд с холодной лаковой доски...

* * *

Город холодом набит,
Как мешок хрустящей ватой.
Не туманит, не знобит,
Но пылаешь виновато:

На рождественский мороз,
На крещенские оковы
Столько радости пришлось –
Нестерпимой, родниковой,

Обжигающей уста,
Занимающей дыханье,
Как дитя, или звезда,
Или свет под слабой тканью

Ежедневной суеты,
Наспех сотканной вручную
За мгновенье до беды,
За полшага в жизнь иную...

* * *

В пальцах сминая слабенький мякиш,
Хмуря чело,
Не для чего-то крошишь и манишь –
Ни для чего.

Вот – прилетели! Крохи ссыпая
Рядом с собой,
Думаешь: стихнет эта слепая
Жгучая боль,

Меж слепотою и слепотою,
Солнце прикрыв,
Кто-то присядет рядом с тобою
В шорохе крыл

На золотисто-радужной кромке
Яви дневной...
Веки поднимешь: прибраны крошки,
Все до одной.

* * *

Чем эта горечь успокоится –
И год прошёл, и век прошёл...
Травой, намоленной на Троицу,
В пустынной церкви устан пол,

И пахнет мятой и лавандою,
И, терпкой свежестью горя,
Стоит прозрачною лампадою
Сырой сквозняк у алтаря.

Земля сегодня именинница –
Ни плугом тронуть, ни косой.
И лишь в молитве память вскинется
На незнакомый праздник свой:

Трава травой живём, не узнаны,
Удерживаемы едва
Зеленокровного родства
Душеспасительными узами...

* * *

В средоточье города и мира
На туберкулёзном сквозняке
Что тебя спасло и сохранило,
Как ребёнок – пёрышко в руке,

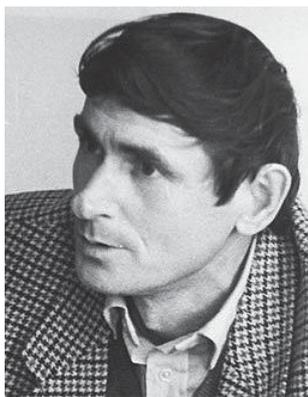
Иногда, стремительно и кратко,
Словно лёгкий солнечный ожог,
Взглядывая на тебя украдкой
И опять сжимая кулачок?

В темноте невыносимо тесной,
Крыльшками смятыми дрожа,
Замирала в муке бесполезной
Крохотная слабая душа:

Разве голос? – Где ему на клирос!
Разве сердце? – Купят, не соврут!
Но темница тёплая раскрылась
И открылось тайное вокруг:

Что ж, взлетай легко и неумело,
Где бессчётно в землю полегли...
Родина – таинственная мера
Боли и любви.

Маме

Вячеслав ТАШЛИНСКИЙ, поэт, журналист. Член Союза журналистов России. Родился в 1944 году. Печатался в различных периодических изданиях. Автор восьми сборников стихотворений. Победитель литературного конкурса «Король са-тиры», посвящённого 180-летию со дня рождения поэта-симбирянина Дмитрия Дмитриевича Минаева (2015).

СТИХИ, ИДУЩИЕ ИЗ СЕРДЦА

* * *

Мы жили в тесной коммуналке –
Двенадцать метров на троих,
Но для родителей моих
Казалась комната подарком.

Послевоенная разруха. Победа.
Долгожданный мир.
И озарялось солнцем небо –
Под солнцем не было квартир.

А было много коммуналок,
Ещё – людей – очередей.
Всё это в памяти осталось,
Всё – вместе с ликами вождей.

Дрались на лестнице соседи,
Мирились и в любви клялись.
Орденосец дядя Федя,
Напившись, крыл всю нашу жизнь.

А жизнь неслась без остановок,
Без остановок жизнь неслась:
И с горя голосили вдовы,
Любимые любили власть.

Страна вставала из разрухи,
И становилась явью быль.
И получали люди в руки
Ключи от новеньких квартир.

А мне по-прежнему так жалко
Двенадцать метров на троих.
Тогда спасала коммуналка
Меня, родителей моих.

* * *

Тихие осенние равнины
Начинаешь трепетней любить:
В листике, слетающем с осины
Слышится пронзительное: «Жить...»
Первые снежинки полетели,
Загрустили тёмные леса,
Ветви свои голые возделали,
В жалобе воздели к небесам.

* * *

Легкое платье просвечивало,
Я приходил к ней вечером.
Она приглашала ужинать.
Тихо звучала музыка.
Жизнь ее исковеркана
После развода с Валеркою.
Счастье было короткое –
Валерка сдружился с водкою.
Очень усталая женщина,
В дружбу и верность верившая,
Теперь вот разочарована,
Здоровье ее подорвано.
Серые дни одиночества,
Любви и тепла ей хочется.
Она говорит мне искренне –
Слезы от света искрами.
Мы с нею давно приятели,
Дружили и наши матери.
Что толку в словах сочувствия,
Музыка льется грустная
Про женское одиночество,
Когда же, когда оно кончится?

* * *

Старая пристань на тихой реке,
Старые лодки на белом песке.
Юности годы на том берегу
Я позабыть не смогу.

Здесь повстречался с любовью своей,
Память тревожит больней и больней.
Старая пристань на тихой реке
И седина у меня на виске.

Снова приду на знакомый причал,
Где я когда-то тебя повстречал,
Где мы с тобой ожидали рассвет.
Сколько прошло после юности лет?

Старая пристань на тихой реке,
Старые лодки на белом песке.
Юности годы на том берегу
Я позабыть не смогу.

* * *

Занавесилась далью дорога,
Полевая волнуется рожь.
Всё родное: от мягкого стога
До веселых березовых рощ.

Нет на свете милее места,
Чем вот этот родимый простор,
Где тропа из далекого детства
Забралась на крутой косогор.

Где знакомая тонка ива
Окунулась в прохладу пруда,
Где на тихую прелесть залива
Приколослась ночная звезда.

Где в раздолье – широком и синем
Колосятся всюду хлеба.
Золотая моя Россия,
Моя радость, моя судьба.

* * *

Я сын Петра и Ольги,
Потомков старины.
Я родился на Волге
В четвёртый год войны.

Как дань цветной природе,
Колючий снег частил.
Я о своём приходе
Всех криком известил.

В бараке холод лютый,
Промёрзли потолки.
Со стужею под руку
Гуляли сквозняки.

Ещё бои гремели,
А мама пела мне,
Склоняясь над колыбелью,
О солнце, о весне.

* * *

С горы на санках – в детство,
Упасть в пушистый снег.
Отчаянное бегство –
Услышать детский смех.

Зову мальчишек звонко
Сквозь толщу лет и зим,
Где я на снежной горке
Остался молодым.

* * *

Вот этот дом. Тяжёлые засовы.
Хозяин неулыбчив и угрюм.
И на виду две крепкие подковы
Хмельную сытость в доме стерегут.

Г.И. Дёмину

От толстых стен так далеко до взлёта
Романтики, что не приемлет стен.
Тупые брёвна с именем – ворота
Не терпят вольнодумия совсем.

И если песня звонко и задорно
С небесных грянет солнечных высот,
То и она, наверное, невольно
У толстых стен весёлая замрёт.

* * *

Игральных карт придуманные лица,
Власть королей и признанных тузов.
Шестёрки, вот кто может поучиться
У них, пусть даже и без всяких лишних слов.

Молоденький валет пасует перед дамой.
Он преклонил колено перед ней.
Роман их вскоре обернётся драмой,
Поскольку нет в их картах козырей.

Тузы молчат. Они неторопливы.
И бьют они наверняка всегда.
Уж короли, на что они строптивы,
Но на рожон не лезут никогда.

И ты не лезь, хоть ты игрок азартный.
Не делай ход неверный впопыхах.
Ведь может случиться, что с хорошей картой
Останешься не раз ты в дураках.

И в жизни так же, как в игре картёжной,
Не так-то просто покорить успех.
С тузами состязаться невозможно,
Они всегда берут над нами верх.

* * *

Приснились бараки и поле
В осенней унылой поре.
И детство узнал я до боли,
Прошедшее в стылом дворе.

Берёзка стоит сиротливо,
Роняя листочки в траву.
Сестрёнку по имени Нина
Из далей зову и зову.

А ветер мой голос уносит,
Его не вернуть, не позвать.
Судьбы моей грустная осень,
С тобою мне дни коротать.

И эти бараки, и поле
Уже никогда не забыть.
А ветер всё воет и воет,
Тоску свою хочет излить.

* * *

Золотая пора.
Остаётся лишь память.
Были словно вчера –
Толич, Димыч и Саня.

Грусть по ним глубока,
По друзьям и по детству.
И тревоги строка
Обжигает мне сердце.

Этот жизненный шквал
И печальные трубы.
Всех друзей потерял.
Стал я сам себе другом.

* * *

Включишь свет – увидишь мои слёзы.
Слёзы легче прятать в темноте.
Жизнь сложнее самой сложной прозы,
Долгая дорога к доброте.

И стихи о доброте слагая,
Средь сомнений всяких и кручин,
Истину простую постигаешь
Горькою отметиной седин.

* * *

Пленные немцы построили дом,
Стал он для нас спасением.
Обогревал он своим теплом,
Ставшее утешением.

В холод январский,
Назло всем ветрам,
Говор баварский
Слышался нам.

Мы не вникали в готический стиль.
Главное – крыша надёжная.
Видели, как конвоир оттащил
Немца, упавшего в обморок.

Пленные шли боязливым гуськом,
Шли, натываясь на доски.
Матери наши давали тайком
Немцам голодным картошки.

Сколько уж лет незабвенных прошло
Под черепичною кровлею.
В доме изношенном то же тепло,
Как и в годину суровую.

* * *

Анатолию Казанцеву

Когда тебя освободят – не знаю,
Когда вернёшься – осенью, весной.
На воле дни, как пули пролетают,
А в зоне каждый день глядит тоской.

Тайга сурова и суровы ээки.
Опилками богат лесоповал.
От пота задымились телогрейки,
Деревьев на снегу девятый вал.

Трескучие объяття января.
В бараке стынет горькая вода.
Ты смотришь в блёклый лист календаря.
Когда ж всё это кончится, когда?

* * *

Отцу

Крым, конечно, тебя не запомнил,
А ты вспоминал его часто.
В сорок четвёртом враг был сломлен,
А у тебя пробитая каска.

Метой стала особой Керчь,
Пыль, жара, яростные бомбёжки.
И за каждым выступом каменным – смерть,
А во рту ни воды, ни еды, ни крошки.

Когда стихал гул атак,
Наступало время для передышки,
Ты нервно курил табак,
Невысокий худой парнишка.

Завтра снова тяжёлый бой.
Надо крепким быть и надёжным.
Засыпало тебя землёй,
Рядом взрывы гремели грозно.

Дважды ранен - и снова в строй.
Ты оглох от бомбёжного визга.
Марш смертельный – из боя в бой,
До Берлина ещё не близко.

* * *

Анатолию Чеснокову

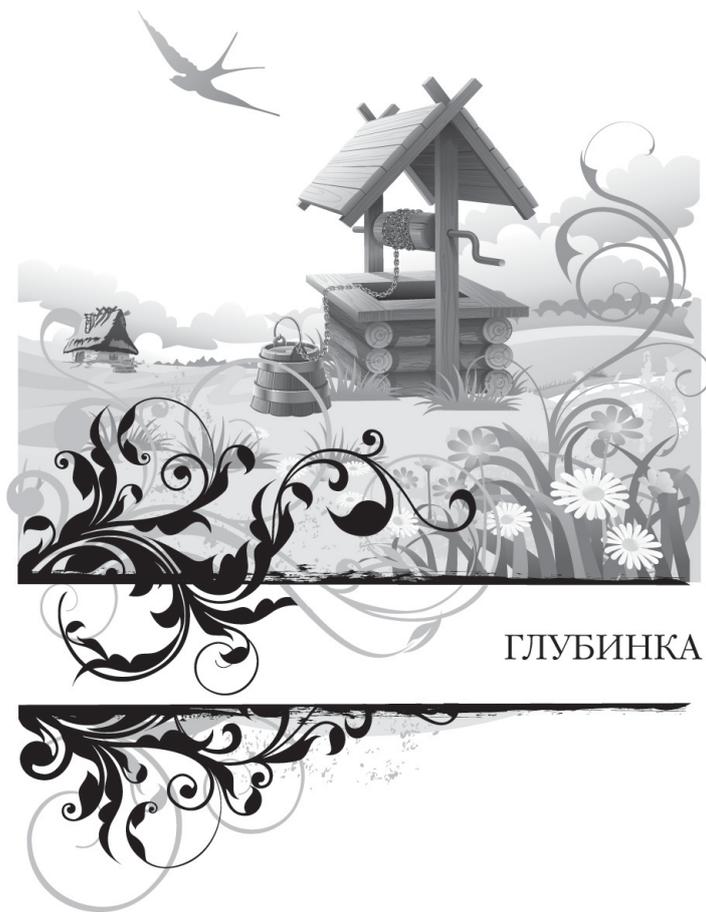
Снова дождливый октябрь,
Длинный осенний месяц.
Встретил во сне тебя,
Был ты улыбчив и весел.

Ты говорил: «Непогода пройдёт...»
Ветер пузырил твою ветровку.
Ты повторял, что тебе не везёт
И вспоминал Теньковку.

Вот уже годы, как нет тебя,
Добрый слагатель стихов и песен.
Снова и снова дожди октября.
Был, как весна, ты улыбчив и весел.

* * *

Получка моя первая.
Маме купил платок.
И к подарку наивных, наверное,
Сочинил несколько строк.
Пожелал ей здоровья крепкого,
Ведь важнее нет ничего.
Мама боли лечила таблетками.
Было ей тяжело...
Пролетели и вёсны, и осени,
Всё я слышу: «Спасибо, сынок!»
А в окно наше солнышко просится.
Мамы нет. Вижу мамин платок.

ГЛУБИНКА

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948 – 2016), поэт, прозаик, член Союза писателей России.

ДОРОГА СКВОЗЬ РЖАНОЕ ПОЛЕ

Рассказ

Сергея мучила совесть. Иногда среди ночи проснётся и не может заснуть до утра. Перед глазами мать, а в мозгу пульсирует: как она там одна.

После того, как два года назад в одночасье скончался отец, она как-то потерялась в этой жизни. Смотришь: другие женщины не так переживают потерю. Всем жалко. Но нельзя же так убиваться. Ну, можно тосковать месяц, два, ну, полгода. Но жизнь же продолжается. Тем более не юные годы, о какой любви может идти речь, когда уже за шестьдесят. Но, видимо, это всё индивидуально. И правильно классик утверждает, что любви все возрасты покорны. Видимо, для его родителей это было актуально до последних совместных дней.

Особенно мать не находила себе места первые месяцы. Соседи рассказывали, что она почти всё время дневала и ночевала у людей. Жутко было оставаться одной в собственном доме.

«Подруги её предупреждали: «Нельзя, Валенька, так переживать, убиваться, хворь можно себе нажить».

Да она и сама понимала, что нельзя долго сердце отдавать в полон горю, в организме может произойти сбой. Понимать-то понимала, но как сердцу прикажешь?

Звали её к себе, в город и дети. (У неё их трое.) И Сергей в том числе. Но она категорически отказалась. Вскинула руками: «Да как это я дом-то брошу?»

Да тут в первую же ночь всё растащат. Это, видимо, в характере у пожилых людей – беречь каждую пустяковину, нажитую долгой жизнью и нелёгким трудом. И все уговоры, что никто ничего не растащит, оказались пустыми, безрезультатными. Так и осталась она куковать в далёком глубинном селе одна-одинёшенька. Беречь нажитое семейными усилиями своё достояние. Хотя, по сути, когда утрачен интерес к самой жизни, это ей было совершенно не нужно.

На дворе весна. Середина апреля. Скоро Пасха. Светлое Христово Воскресение. Этот праздник какой-то особенно радостный, лучезарный.

Сергей помнит это ещё с самого раннего детства. Когда ещё накануне в передней комнате на большой круглый стол устанавливают большие и малые куличи и крашеные луковой шелухой золотистые яйца. И на весь дом распространяется праздничный ванильный запах. Но к столу не подходи и праздничного угощения не тронь – ни-ни. Нельзя.

И поэтому мы, дети, укладывались спать: чтоб быстрее ночь пролетела, во сне время летит незаметно.

А рано утром бабушка растормошит нас: «Вставайте, посмотрите, как солнышко на небе играет».

Босиком по крашеному, охлаждающему ступни полу бежим к окну. И обмираем от удивительного, будто сквозного зрелища. Действительно, солнце не просто встаёт из-за дальнего леса, а словно на самом деле играет. И не только праздничный огненный круг, а даже небо вокруг сверкает неземной радостью. Удивительно, но это на самом деле так: каким бы накануне не было небо пасмурным, сумрачным, к утру оно обязательно расчищается: ни единого облачка, словно наподобие людей, готовится к самому великому празднику. И так всегда. Может, за всю жизнь раза три-четыре утром было небо занавешено тучами (знать, слишком тяжки наши грехи). Но к обеду день обязательно разведривается. И солнце, как и подобало ему в этот великий праздник, начало играть, разливая в сердца такую радость и восторг, что оно замирало от переполняющих чувств.

И Сергей решил погостить у матери на Пасху, чтоб всколыхнулась душа от детских, невыцветающих воспоминаний. К тому же накануне ему приснился сон. Его и пересказать нельзя, был он совершенно безсюжетен и слишком запутан. Просто остался какой-то мутный, неприятный осадок в душе. Какой бывает после встречи с неприятным человеком. В общем, ехать нужно было обязательно.

Билет надо было купить заранее. Автобусы в дальний лесной край ходят редко. И желающих попасть на праздник в родные деревушки – не счесть.

Билет достался без места, так называемый стоячий. Но из-за этого Сергей не стал корить судьбу: полтора - два часа можно и постоять. Не какой-нибудь вельможа, к неудобствам привычный. Да оно и вправду, дорога показалась незаметной. Асфальт был сухой, ранняя весна высушила не только асфальтные дороги, но и грунтовые почти все. Топки-ми оставались лишь те, что проходили по низине да средь глухой чащобы.

Мать гостей не ждала и поэтому от неожиданной радости всплеснула руками: «Ах, батюшки, сынок приехал!».

И начала тут же суетиться, как только лишь умелот стареющие матери.

Поставила кипятиться чайник, который уже через минуту заворчал на газовом огне.

В доме было тихо и сумрачно. Огонь горел лишь на кухне, но он входил через низкий порог и в переднюю комнату. И оттого было видно, что на большом круглом столе стоят несколько разнорослых куличей. Самый маленький был с кружку, которой черпаем из ведра ключевую воду, чтоб напиток. Я не ошибался, потому что знал, что эта кружка перед Пасхой служит формой для праздничного теста. Не знаю почему, но этот самый маленький кулич всегда получался самым вкусным.

Здесь же в большой стеклянной вазе горкой лежали крашеные пасхальные яйца. В стеклянной ёмкости поменьше помещалась творожная масса, сдобренная сливочным маслом, сахаром, ванилью и изюмом (пасха).

И от всего этого так притягательно знакомо тянуло ванилью, сдобой и ещё чем-то, из-за чего и узнаёшь, что наступает праздник.

В детстве нам не запрещали протведать и кулича, и творожную сладость, которая тает во рту так же незаметно, как и мороженое.

Видимо, считали, что безгрешной детской душе простится это прегрешение.

Но сейчас Сергей даже не притронулся к пасхальному угощению: стыдно, ведь давно уже не маленький. Будет время. До праздника оставалась всего лишь короткая весенняя ночь, которая пролетит – не успеешь веки смежить. Но даже и это не пришлось делать, потому что мать, обрадованная, что после долгих дней одиночества появилась рядом родная душа, не могла наговориться. Рассказывала, что эту зиму она пережила почти что без проблем. А всё потому, что во всём селе к домам подвели природный газ. И теперь с отоплением никаких забот не надо, ни дров заготавливать, ни печки растапливать. Поднёс спичку к горелке и посиживай возле батареи. Разговор шёл вроде бы о бытовых мелочах. Но всё равно таким был сладким, что души наши таяли. Да и что может быть роднее их: материнской и сыновней. Кто может так, с полуслова, понимать друг друга?

Закончили с домашними темами – очередь дошла до общедеревенских. А они нерадостные. Село, по сути, вымирает. Один за другим уходят пожилые люди, наши родители, а мы, их дети, бывшая молодёжь, давным-давно разъехались в разные концы – сразу после школьной скамьи.

Правда, сейчас понаехало со всех сторон, но они не в счёт. Они не любят эту землю так, как надо любить, чтоб она сохранилась. Так, транзитный народ: нынче здесь, завтра – там. Им бы только плоды сорвать, а после них хоть трава не расти. Но не о них речь. А о коренных жителях, старожилах, которые всю жизнь берегли этот клочок земли. Лишний раз зряшной былинки не потревожат.

Жили через два дома от нас дядя Шура и тётя Катя Мартыновы. Люди добрые, обходительные, но по-крестьянски бережливые. Но и они ушли друг за другом. И не возвидели как. Александр Васильевич, всё казалось, здоровым и энергичным был. И вдруг сразу как-то схизнул. Видимо, время подошло. Сна-

чала ослеп, сгорбился, клюшку в правую руку взял. А потом и вообще слёг. И больше не встал.

Тётя Катя тоже недолго полипела: через полгода вслед подалась за мужем.

Приехал сын издалека за два дня. Всё, что за всю жизнь нажито было, продал за бесценок, а что-то и так, задаром отдал.

Мать охала и ахала:

– Да как это так можно? Отец с матерью всю жизнь горбатились, старались для него, а он приехал и задарма всё спустил.

– Мама, да ему, кандидату наук, живущему в городе, зачем нужна эта деревенская рухлядь?

– Ну, как это?.. Ведь обидно за стариков, но дальше не стала развивать тему, осеклась.

За столом в разговоре перебрали почти всех местных жителей: кто жив-здоров, кто болеет, кто женился, кто родился.

Хорошо было сидеть в тишине деревенского дома. Слышать, как стучат медленно и плавно настенные часы, словно падает капля за каплей из неприкрытого крана.

Улавливать долетающие из передней праздничные запахи с пасхального стола и вести длительный, нескончаемый разговор с самым близким тебе на земле человеком, наверное, не бывает уютнее и сокровеннее этой тихой беседы.

Сергей всматривался в лицо матери и замечал, что она заметно постарела. Разбежались по лицу морщинки, как трещинки по разбитому стеклу.

В волосах осенней паутиной пробилась седина.

Да и глаза как-то потускнели, словно смылся с них пролитыми за жизнь слезами молодой блеск.

Обо всём этом Сергей не собирался сообщать матери, она сама прочитала его мысли и озвучила их:

– Да, сынок, постарела я, сама не слепая – вижу в зеркале. Года поджимают, их не остановить, не приторможить...

Но не об этом я. Дивлюсь другому: как жизнь быстро пролетела... Не возвидела как. Да и что в жизни хорошего видела? Детство на войну выпало. Погиб отец. И с отцом-то твоим тоже на счастье в жизни не набрела. Что греха таить: пил он. И не от праздника до праздника, а почти каждый день. А это всё ведёт к скандалам да к ссорам. Да что тебе рассказывать? Это всё у тебя на глазах было.

А то ещё целая компания его нагрянет. А я, как дура, поеду в Панскую да в Шиловку к рыбакам за свежей рыбой. А они бы хотя бы подарочек когда-нибудь привезли. Конфеткой не угостят.

Сергей слушал и понимал, что мать в своей тоске о любимом муже иногда спохватывалась: да что это я как убиваюсь. Ведь у других тоже мужей нет, да не страдают так. И чтоб оправдать это сомнение, она начинала выискивать этому оправдание. И почти убеждала себя, что не всё так прекрасно было. И немного даже успокаивалась.

Но ненадолго, потому что вскоре захлёстывала накатной волной жгучая тоска. И все недостатки казались мелкими и незначительными. А виделось только светлое и радостное. И, словно уловив мысли Сергея, мать спохватывалась:

– Нет, что я перед собой и перед тобой лукавлю.

Было и хорошее. Много было хорошего.

Помню, в молодости мы вдвоём откуда-то возвращались. Шли пешком по полевой дороге. Рожь высокая, почти до плеч достаёт. А мы вдвоём и никого вокруг. Лишь высокое синее небо и сквозь золотую рожь – дальняя дорога.

Мы шли, о чём-то говорили. Я уже не помню о чём. Но это и не так было важно, коли забылось. Главное, осталось в памяти, что мы были молоды, любили друг друга. И вся жизнь была у нас впереди, как эта дорога сквозь золотое поле ржи.

Много потом было и радостей, и горестей, но такого больше не было. Таких счастливых минут я не испытывала больше никогда. Может, в жизни у каждого человека бывает всего лишь одно такое мгновение. Не знаю. У меня – одно единственное.

А Сергей подумал, что, наверное, бывает и так, что у кого-то не бывает и вовсе ничего подобного. Он старался припомнить такое из своей жизни. Зряшно. Ничего не приходило на ум. А потому, что не было у него, так сказать, озарения счастьем. Всё как-то утонуло в суете обыденных дней. И теперь, когда жизнь, как с крутой горки покатишься к закату, навряд ли что-то будет совершаться. Теперь только ждать огорчений и испытаний. Это лишь в детстве кажется, что жизнь бесконечна и безоблачна. А на самом деле – она совершенно другая. Жёсткая и жестокая. Мать, закончив говорить, повернула ручку краника у самовара и нацедила мне в полупустую чашку кипятка.

Мы просидели с матерью всю ночь и не заметили, как в окне плеснула алой водой утренняя заря. Начинался новый день...

Как это хорошо совпало – светлый праздник и радость встречи с матерью.

У Сергея в душе от всего этого стоял высокий, пронзительный свет, который загорается за всю жизнь редко, всего два-три раза. Не больше. После обеда он уезжал. Рейсовый автобус шёл мимо деревушки транзитом. Поэтому надо выходить к трассе заранее, чтоб не прокараулить, чтоб не промчался мимо.

Мать пошла провожать Сергея. Нарядилась, такой нарядной в селе ни Сергей и никто не видели её давно.

Автобуса дожидались совсем недолго. Мать ещё о чём-то говорила. А потом, перед самым расставанием как-то мельком проговорила: «Только что-то, Серёжа, я болею».

Он этому не придавал значения, подумал, что обычная простуда. Здесь сейчас грипп ходит волнами. Неделя и всё – как ни бывало. И с этим уехал.

Ни писем, ни других вестей никаких из деревни от матери не было. Да Сергей почему-то и не беспокоился: всё вроде у матери хорошо, всё нормализовалось. И вдруг телеграмма. Он не поверил её роковым словам. Да как это так? Только что недавно сидел, разговаривал и вдруг всё сразу резко оборвалось.

И он понимал, что тот день останется в памяти самым дорогим, как та дорога сквозь ржаное поле у матери.

Владимир ДВОРЯНСКОВ

ДОМ С ОКОШКАМИ НА ЗОРИ

* * *

Всю ночь мне снились ивы у моста,
Луга вдали,
Застенчивая речка,
И запах от смородного куста,
И юркая тропинка от крылечка.
Всю ночь так ясно, словно наяву,
Я видел дом с окошками на зори,
Стоящий над рекой на косогоре,
В котором я давно уж не живу.
Но в том доме по-прежнему светло.
И на рассвете полыхает печка,
И дым по небу вьется за село,
И мать спускается с высокого крылечка.
Спускается,
Идет в вишнёвый сад,
Проходит молодой и светлицей...
И снова я и весел, и крылат,
Лечу, как в детстве,
Вровень с вешней птицей.

* * *

Ромашки на полянах, как веснушки,
Рассыпаны по склонам у реки.
Живут на Волге в малой деревушке
Отец и мать, почти уж старики.

Живут неспешно,
Как течение Волги,
Как в гору уходящая тропа.
Чтоб песни над Россией не молкли,
Растят в полях высокие хлеба!

И слышно им, как у речной излуки
Девичий голос развивался, креп.
Так притомились их сердца и руки,
Всю жизнь детей растившие да хлеб.

И вечер льет над ними свет усталый.
Уходит солнце, завершая труд.
...Живут на Волге, в деревушке малой,
И всё ж – на главной улице живут.

* * *

Я о бедах своих ей сказать не посмел:
В её жизни их было немало.
Только снова мне мама напишет в письме:
«Что-то сердце вчера тосковало».

Что-то нет от тебя ни письма, ни вестей.
Что молчишь? Может болен опасно?
Утром кошка у печки манила гостей,
Ну, видать, все впустую, напрасно».

Зряшны тайны мои, здесь скрывай –
не скрывай –
Всё известно доподлинно маме.
Хоть и домик с рябиной, и светлый наш край
Далеко от меня, за лесами.

Если б так же я смог пронести до конца
Боль за беды людские и драмы...
Говорят, что я внешне похож на отца.
Ну, а сердцем пусть буду на маму.

* * *

Зима навяжет кружев –
Придет ее черед!
А нынче листья кружат
У дома, у ворот.

Летят под ветром косо,
Срываются с ветвей.
Подальше от берёзы,
От матери своей.

И гонит листья ветер,
Швыряет их в пыль.
И чернота отметин
Всё резче по стволу.

...За проседью тумана
Деревня не видна.
Эх, мама, мама, мама,
Ну, как ты там – одна?

О САМЫХ БЛИЗКИХ И РОДНЫХ

Татьяна МЕЛЬНИК

* * *

Все справедливо в этом мире.
Тогда откуда эта боль,
Когда свержаются кумиры,
Игра проиграна тобой?

Когда твоя болеет мама,
А ты не в силах ей помочь?
Когда любимые упрямо
Вновь навсегда уходят в ночь?

На все взглянуть пытаюсь шире:
Понять, простить и оправдать –
Все справедливо в этом мире.
Вот только б не болела мать.

* * *

За окном метель беснуется.
В светлой комнате уют.
Я вошла с морозной улицы
В дом, где мама с папой ждут.

Расписали зимы снежные
Возле глаз морщин узор,
Но улыбки по-прежнему,
Задушевен разговор,

Чай с заваркою искусною
Ароматней, чем вино,
И у мамы что-то вкусное
Для меня припасено.

Мама, папа, я, беспечная –
Наполняем смехом дом.
Это счастье быстротечное
Осознается потом.

* * *

Я спешу, я боюсь не успеть,
Я боюсь опоздать на минуту.
Опоздаю – в аду мне гореть!
(Хоть гореть всё равно я там буду).

Я спешу с невозвратных дорог –
Чем труднее мне, тем я упрямея –
Только чтоб не доставить тревог
Моей старенькой любящей маме.

* * *

Хорошая зима:
Есть снег, и есть морозы,
Есть теплые дома,
А в них – стихи и проза,
Есть елки, есть друзья,
И даже есть подарки,

Есть ты и рядом – я,
И ночи сладко-жарки,
Есть птицы за окном,
И солнце лижет рамы,
Есть дом и счастье в нем –
Живые папа с мамой.

Александр АНДРЮХИН

* * *

А сегодня так тихо, так тихо сегодня с утра:
не шумят тополя, и березы скромны и укромны.
Уж полгода как нет, уж полгода (а точно вчера)
моей бабушки, бабушки Анастасеи Петровны.

Пусть ей пухом земля,
хоть на что ей земля в облаках?
Пусть ей прахом грехи,
хоть грехам ее внуки дивятся.
Что за свойство людей распадаться
на пух и на прах?
Пусть же пухом душа ее будет,
чтоб выше подняться.

А сегодня так тихо, так тихо, как будто сама
мать-земля вспоминает вселенское
детство любовно.
Как мое беспризорное детство жалела она,
очень славная бабушка Анастасея Петровна.

Я не знаю, знавала ли счастье?
Но то, что хлебнуть
ей пришлось не выдерживает
типографская верстка:
две войны, две разрухи,
голодная волжская жуть,
грабежи, комиссары, холера, колхоз,
продразверстка.
И всю жизнь в ожиданье:
то хлеба, то свыше детей,
то с войны мужика, то из плена,
то писем из ссылок,
то зарплаты, то божеских цен, то победы идей,
а в последнее время –
все больше по ближним поминок.

Оттого на Руси поминают всех «горькой». И пол
больше дыму пускает,
чем сладко поет для спасенья.
Так всю жизнь экономя, едва накопила на гроб
очень кроткая бабушка, бабушка Анастасея.

А сегодня так тихо, так тихо, как будто в раю.
Пусть ей пухом душа,
чтоб плыла над Землей невиновно.
Кто замолвит словечко на Божьем суде за мою
некрикливую бабушку Анастасею Петровну?

Ольга ДАРАНОВА

* * *

Так и жили. Мама, кошка
Да берёза за окошком.
Так, вполсилы, понемножку,
В одиночестве вдвоём.

Нет, втроём. Да ещё ветер,
Бивший в ставни, словно плетью,
Да зима длиной в две трети
Жизни, ставшей больше сном.

Счастье в доме этом было,
Когда дочка приходила,
Когда пол на кухне мыла,
Говорила о своём.

Тихо уходили беды
И метель за ними следом.
И, накормлены обедом,
Спали двое. За окном

Берегла их сон берёза,
Леденевшая в морозы
И мечтавшая о грозах
В майский полдень. Голубком

Ворковал колючий ветер.
...Жили на большой планете
Островком на белом свете –
Мама, кошка, дочка, дом.

* * *

Старый двор, золотые шары.
Солнце сушит бельё на верёвках.
Тополя, беготня детворы
И авоськи на окнах подковкой.

Скрипы форточек, стоны дверей,
Старость в каждом куске штукатурки.
Крыши, словно скелеты зверей
Или их полинявшие шкурки...

Здесь мы жили столетие назад!
Вон та дверь, вон окно приоткрыто...
Нас отсюда водили в детсад.
Здесь любимая чашка разбита.

Помню – солнце и жёлтый песок,
Дворник в белом переднике сонный.
Птица пробует свой голосок...
Звуки утра за рамой оконной.

Мне нигде не спалось так, как здесь,
В этом тёплом, родном переулке.
Задержаться бы, вспомнить, присесть,
Пробегая под аркою гулкой.

Миновало. Зима во дворе...
Боль в груди о всё больших утратах.
Слава прошлой беспечной поре,
Слава юности в старых пенатах!

* * *

Брату Игорю

От моей боли до твоей –
Цветенье юности и зрелость,
И череда летучих дней,
Когда всё ладилось и пелось.

Когда венчался длинный день
Молитвой двух старух любимых
Там, где жар солнца грел плетень
И мордочки котят игривых.

Как быстро ходики стучат!
Как много их, ушедших в осень.
Вновь с веток яблоки летят,
Раскалываясь остро оземь.

Отец твой очень их любил...
Разламывая с хрустом чрево,
Как молодость, нектар их пил,
Грустя с есенинским напевом.

Калитку тихо открывал,
Когда под утро шёл из клуба
И на прощанье целовал
Подругу в яблочные губы.

Мы сдержаннее во сто крат.
Но с каждым днём мы снова дети.
Нас прошлое в родимый сад
Однажды примет на рассвете.

* * *

Как поживаешь, дочка,
Боль моя у височка,
Думка моя ночная,
Главная радость земная?..

Как я скучаю, слышишь?
Рай, когда рядом дышишь,
Спишь безмятежно, тихо,
А я берегу от лиха.

Май, рвутся к жизни почки,
Скоро у дочки – дочка...
А вроде недавно было –
Грудью тебя кормила.

И, словно в небо дверца, –
Когда засыпала у сердца...
К головушке припадая,
Запах пила твой, вдыхая.

Бабушка, мать и дочка...
Не разорвать цепочку.
Так вот и прирастаем
Земной и небесной стаей.

* * *

В день памяти отца
Снег падал необычно,
Он в суете привычной
Был милостью Творца.

Был солью на кусок
Темнеющего хлеба,
Был каплей на висок,
Слезую светлой – с неба.

Татьяна ЭЙХМАН

* * *

Последний мой приезд... Её ладони,
Больные пальцы в толстых узелках.
«Вас, молодых, конечно, не догонишь,
Уж старость... – и с улыбкой на устах –
Мне только бы держать покрепче ложку,
Чтоб на халатик не накапать суп,
Мне подышать бы выбраться немножко
И на ступень присесть, в отцов тулуп
Укутаться – не знаете одёжу?
Вы в куртках и в косухах, молодёжь!
А как в санях-то без тулупа можно?
Соломою от ветра не спасёшь...»

Присела на родимое крылечко.
Замокла. Вижу, слёзы на щеке.
Поглаживает на руке колечко.
А мысли бродят где-то вдалеке...
Тут и поведала, как Грома в сани папка
Впрягал, чтоб ехать к деду через лес...
Приехали. Им дед: «А где же Танька?»
«Как так? Она была в тулупе здесь».
Мы привезли на розвальнях колоду,
Что осенью для дела дед купил,
Тогда вмешались дождь и непогода,
Тащить по грязи не хватило сил.
...Вернулись к лесу. Поворот с опушки.
Завернутая в клетчатую шаль,
Лежит, не плачет, полгода девчужке,
Посапывает. «Вот он, ваш хрусталь, –
Дед хохотал, – нашлась она, пропажа!»
Лишь мама в слёзы: «Я – плохая мать!
Ах, не учуяла потерю даже,
Колоду, вишь, важнее удержать?»

...Склонилась к маме: «В городе машинки
Стиральные и газовый котёл.
Живешь в своей деревне по старинке!
(Да, газ туда и ныне не дошел...)

Поедем в город!» – «Ни за что на свете!
Ни за коврижки! Золотом обсыпь!
Здесь на погосте поджидает Петя,
По нём нельзя в квартире вашей выть!
А здесь – поплачу я и посмеюся...
Припомню имена односельчан...
На этаже без воли задохнуся...
Езжай к семье, и право, не серчай!»
...Я – за порог, тут мама вышла в сени,
Обняв, вернулась в дом, где печь с плитой...
Опять в свои дела... Не зная лени,
Крутилась до минуты роковой.

* * *

Зима. Погост. Свечу не гасит ветер.
Стою сироткою меж двух могил.
Вот тот, кого она любила – Петя...
А тут – она. Недавно кто-то был,
Цветы засохли. Хлеб... Молю прощенья!
Горька потеря! И нельзя вернуть.
Не сдерживаю слёзы очищенья,
Мне покаянье разрывает грудь.

* * *

Облака красный подбой...
Цвет золотистый. Свет...
Небо зажгла любовь,
Выше которой нет.
Но показалось, ты
Слишком честолюбив,
Горд, растеряв мечты,
Сник от забот своих.
Сер и печален дом.
Рама окна бела...
Птицею за окном
Радость вдаль уплыла.
Бог нам послал дитя –
Он, словно ангел, чист,
Снова в окне, блестя,
Бьётся сирени лист.
Клушка ведёт цыплят.
Белых ромашек – круг.
Серыми не хотят
Стать наши души, друг...
Весел и ласков взор
Ангела на руках...
Словно целебный сбор
Трав и цветов в лугах.
Розовый и голубой,
Красный и синий цвет.
Там, где живет любовь,
Черного цвета нет!

Арина ПАКИНА, ученица 11 класса гимназии № 65 имени Никаса Сафронова,
г. Ульяновск

КАЖДЫЙ МИГ ЦЕНЕН

Посвящение матери.
Размышления над поэтическими строками
ульяновских поэтов

Позвольте спросить, как давно вы общались с мамой? Нет, я не говорю о телефонных звонках и SMS после работы. Я говорю о настоящем общении, когда вы вдвоем за кружкой чая или цикория. Никуда не спешите. Она говорит о своем здоровье и дальних родственниках, вы – о работе и недавнем походе в кино. Вам тепло и спокойно. Представьте, она вспоминает о ваших детских мечтах и смеется: как же это было давно.

Но, увы, бывает и так, что не хватает времени, и о маме мы вспоминаем слишком поздно. Написано немало стихов, посвященных матери.

Обратимся к творчеству ульяновских поэтов.

Недавно я обратила внимание на стихи ульяновского поэта Анатолия Чеснокова, посвященные матери, и была поражена, как много в них горечи и запоздалого раскаяния.

*Зреет радость в твоём саду –
Я к тебе и в жизнь не дойду.
Привези домой, приезжай,
Счастья солнечный каравай.
Без тебя мне и воздух – медынь
Горше, чем вся трава-полынь.
Без тебя мне и зной пустынь –
Антарктида, сплошная ледынь,
С бедой-вьюгою на виске
Я от гибели на волоске.*

Есть у А. Чеснокова и стихи, написанные на могиле матери. Самое печальное то, что подобные чувства знакомы каждому, кто терял дорогих людей.

*Я пришел к тебе покаяться:
Ты – жива, не умерла.
Просто ты пришла на кладбище
И сиренью расцвела.
Как ты смотришь успокаивающе,
Ты – во мне, в моей судьбе –
Я пришел к тебе на кладбище
С думой светлой о тебе.
Мы с тобой поговорили.
Разбуди, как в те года.
Здравствуй, мать моя Мария!
Не прощаюсь навсегда.
Май. Сирень цветет. Я с веткою
Фиолетовой в руке...
Проплывают мысли светлые,
Исчезая вдалеке.*

Дорогие люди всегда будут с нами в наших мыслях, в нашем сердце. Мы хранители светлой памяти о них.

Мне захотелось прочесть стихи о матери и других ульяновских поэтов. Оказалось, что почти все они неоднократно обращались к этой теме. Вот, на-

пример, Николай Благов, наш классик. Он-то как раз затрагивает мысль о важности общения с мамой. Поэт хочет поговорить с мамой о наболевшем, просто посидеть или помолчать вместе. Это ему необходимо.

*Помолчать бы с тобой,
Посумерничать вместе,
Вспоминая, глаза закрыть
И спросить,
Как о сказке я спрашивал в детстве:
Научи меня снова, как жить.*

Это пишет зрелый уже человек, признанный, титулованный поэт: научи меня снова жить. Но прислушиваемся ли мы к маминым советам, когда она рядом, когда теплы и нежны ее руки, оберегающие нас от жизненных бурь? У людей примерно один и тот же неутешительный ответ на этот вопрос. Печальный и предсказуемый.

Николай Благов очень тепло относился к матери, но, как и все сыновья, улетевшие из родного гнезда в большую жизнь, не мог уделять ей много внимания. Он не баловал ее частыми встречами, разговорами, легко представлял, как его мать.

*Выйдет,
Оглядится –
Улица пустая,
Никого не видно.
Встанет у крыльца.
Под платок набьётся седина густая,
Кроткая улыбка соскользнет с лица.
Смигивая слезы, в уголок привалится,
Связаны все думы в горьком узелке.
Ей в просторах прошлого
Жизнь моя представится:
Детство – под окошками,
Юность – вдалеке.*

Вспоминая о матери, поэт представлял, как она садится за письмо сыну, и в его воображении ожила новая картина.

*Все, что передумает,
Выльет на листочке.
Мол, с такою трудностью не моим годам...
От руки морщинистой разбежались строчки,*

*Без конца вздыхая, шепчет по складам.
Так живет и тужит самая родная:
Вечно у окошка,
Вечно на часах.
Так горит, не гаснет,
Встречи ожидая,
Светлячок надежды
В гаснувших глазах.*

В этом лирическом стихотворении есть глубокое философское обобщение. На мой взгляд, Николай Благов пишет здесь не только о своей матери. Юность поэта пришлась на послевоенные годы. Почти в каждом доме были матери, не дождавшиеся своих сыновей. Их боль передавалась и молодому поэту.

*Безутешной матери
Так и будет чудиться:
Вот калиткой стукнул,
Вот прошел двором;
Вьюги закружились, закидали улицы,
Улеглись сугробы тесно под окном.*

Во многом схожи со стихотворением Николая Благова стихи о матери Владимира Дворянского. И этот поэт также вспоминает счастливое время, «село родное», где его сердечко «стучит спокойно, вечно и легко». А там, у окошка – мама:

*Все ждет меня, не зажигая свет.
И этот милый лик в оконной раме
Мой самый близкий, дорогой портрет.*

В другом своем стихотворении Владимир Дворянсков пишет о материнских сединых и просит прощения у всех матерей России от имени сыновей и мужей. Где-то недосмотрели, где-то уделили недостаточно внимания, а мать справляется со всем в одиночку:

*Святые материнские седины,
Они и днем сверкают, и в ночи,
Где поле и озязбише рябины,
Где бьют артезианские ключи.
Прости за них своих сынов и мужа,
Что не спасли от бед тебя и гроз.
Прости за то, что горевая стужа
Так отбелила смоль твоих волос.*

Поэт не просто раскаивается – он, как и Благов, переходит к философскому обобщению: образ матери – символ родной земли – и она, страдальница, покрыта паутинами седины.

*Рябины просят слезно
Беречь родную землю –
Нашу мать.
Ведь в ясный полдень с вьющейся тропинки
Над полем перепаханном,
Вдали
Виднеются не просто паутинки –
А седины пробилась у земли.*

О маме в стихах вспоминает поэт Татьяна Эйхман, когда находится от нее вдалеке – обстоятельства не позволяют быть рядом. Она так сильно скучает и желает поскорее встретиться.

*Я к вам стремилась из дальних заморских столиц,
Офисов душных, от пыли и липкого смога...
И припадая устами к прохладе криниц,
«Мама, живи», – я молила всесильного Бога...*

Татьяна Эйхман – уроженка Карсуна, для нее образ мамы тоже не отделим от образов родной природы. Даже пряди травы поэтесса сравнивает с мамиными седыми прядями. А в последней строке чувствуется вся боль и горечь потери.

*Я приросла к вам, стареющие пруды,
К белым холмам, сохраняющим думы веками...
Прядки травы словно мамины пряди седы.
Я – то хотела быть с вами, она уже с вами...*

Стихотворение «Врач», в котором Татьяна Эйхман рассказывает об основной своей профессии, посвящено маме, потому что выбор профессии был обусловлен тем, что врачом была мама – самый близкий человек.

*Помню, мамин примерила я халат,
Ей сказав, что буду врачом.*

Здесь же Татьяна Эйхман рассказывает о тревоге матери, когда та узнала о выборе своей дочери. Она пыталась предостеречь ее, рассказать, что еще принесет с собой трудная профессия врача.

*Побледнела она, чуть сдержав слезу,
Мне в ответ: «Ты что? Почему?!»*

В стихотворении «Женщине!» поэтесса, казалось бы, говорит исключительно о женщинах России. Каждое слово звучит гордо. Звучит стихотворение очень пафосно.

*Озаряясь светом материнства,
Сохраняя в очаге огонь,
Женщины! Как много в вас таится!
Нежности – снежинкой на ресницы!
Теплоты – искринкой на ладонь!
Женщина России! Ты весною
И зимою на любовь щедра!
Как же не гордиться нам тобою!
Как же не желать тебе добра!
Мир тебе: в Ульяновске и в Туле,
В городах и дальних деревнях...
Сыновья российские заснули
На любимых маминых руках.
Матери качают колыбели.
Бесконечна поколений нить!
Как признаться вам на самом деле,
Что до смерти будем вас любить!*

Но в конце стихотворения тон неожиданно меняется и приобретает лирические ноты.

*Слово «мама» понимают люди
На других планетах – верю я!
Но всегда со мною в сердце будет
Мама драгоценная моя.*

Очень часто ульяновские поэты обращаются к образу мамы, пережив трагическую потерю.

В стихах Елены Кувшинниковой звучит нестерпимая боль, когда она обращается к ушедшей из этого мира маме. Поэтесса пытается с ней поговорить и «заглянуть за край», чтобы понять, где теперь мама, каково ей там.

*Где ты теперь? я не смогу спросить.
Нельзя тревожить смолкнувшее эхо.
И лишь молитвы тоненькая нить
С трудом латает на сердце прореху.
Молчанье оглушающе звенит,
Но обратиться в тишину не может.
Моя душа во всем себя винит.*

*Себя винит. Но это не поможет
Тебе. Скажи, как заглянуть за край,
Туда, где ты сейчас. Там все иначе.
Открой мне, мама, там и вправду рай?
Но ты молчишь. и я молчу и плачу.
Что там? Сноп света?
Черная дыра?
– Ах, где ты, где ты?
– О, не спра... не спра...*

Еще одно стихотворение Елены Кувшинниковой, обращенное к маме, такое же печальное и горькое. Разговор происходит у могилы матери, где «Черный ночной подол/ Юбки великопостной» «Все до одной подмел/ Звездочки над погостом». Там и глубь, и высь – одновременно. С нежностью и любовью обращается поэтесса к маме, называя ее «берегиней».

*Страница ты моя!
Вестница, берегиня!
Где-то в иных краях
Светится твое имя.
Где-то в иных мирах
Сад твой расцвел вишневым.
Там, в заревых кострах,
Отблески жизни новой.
Это и высь, и глубь...
С вечных небес – прости нас.
Мамочка, приглубь!
Матушка Валентина...*

Довольно часто поэты Ульяновска обращаются и к теме детства, так неразрывно связанного с мамой. Возьмем как пример Александра Лайкова и его стихотворение «Первоклассница».

*Над городом курлычат журавли,
Как будто им пространства мало!
А первоклашки смотрят в «Буквари»
И по слогам читают: «Ма-ма».*

Слово «мама» с нами с самого начала. Слово, с которого начинается человеческая жизнь, – «мама». Слово, с которого начинается просвещение человека, – «мама».

Но и в поэзии А. Лайкова есть стихи, наполненные горечью. Горечью смерти и горечью ее приближения. Одно из его стихотворений так и называется «Предчувствие». В нем описывается ситуация, когда герой приехал навестить маму. И на сердце от этого светло, но...

*Где же праздничная скатерть?
Рыбный с корочкой пирог?
Слышу я сквозь стон и кашель:
«Захворала я, сынок.
Всё болит, и нету мочи.
Исушила жажда плоть.
Видно, в пасмурную осень
Приберёт меня Господь».
Ледящий мамин голос
Сердце трогает до слёз...
Поседел, посёкся волос
Смоляных роскошных кос».*

Предчувствие близкого ухода матери не оставляет поэта. И это естественно, как бы ни было это печально, но смерть – неотъемлемая и заключительная часть жизни человека. И Александр Лайков прямо об этом говорит.

Огромная боль порождает настоящие стихи. Высказанное в поэтической форме чувство помогает справиться с болью потери. Такие стихи заставляют читателя прослезиться, вспомнить о давно ушедших людях. Это ли не повод навестить близких? Это ли не напоминание о том, что нет ничего вечного, что ценить надо каждый момент, проведенный вместе? Можно заглянуть на огонек и спросить о здоровье любимой мамочки, или съездить на могилу, и поставить новый букет цветов, и молча поговорить обо всем. Каждый миг ценен.

Татьяна ФОМИНА

ГЛОТОК СВЕЖЕГО ВОЗДУХА

В теплый осенний день открылась уникальная, удивительная выставка «Семейные ценности». Она – о самом важном и дорогом в жизни каждого человека, о том, что делает нас счастливыми.

– Проект «Семейные ценности» – это давняя традиция РОСИЗО, – рассказала Юлия Логвинова, хранитель фонда живописи Государственного музейно-выставочного центра РОСИЗО. Мы проводим эту выставку в Москве каждый год в музее-усадьбе Царицыно в честь празднования Дня семьи, любви и верности. Для ульяновцев это прекрасная возможность увидеть те произведения, которые здесь не бывали прежде. В экспозиции 39 живописных работ, в том числе 6 скульптурных и 12 графических.

– Трудно было собирать экспозицию, есть ли дефицит работ на эту тему?

– Совершенно точно – не трудно. Тема семьи, взаимоотношений, радостного детства – одна из излюбленных у живописцев. Представлены работы заслуженных и народных художников России со всех уголков страны и бывших союзных республик второй половины XX века. Мы привезли работы не только из фондов РОСИЗО, но и из Союза художников России, из частных коллекций. В экспозиции представлены произведения лауреатов международной премии в области изобразительного искусства «Пластовская осень» прошлых лет Дмитрия Жилинского и Виктора Иванова.

– Какие работы особенно греют вам душу?

– Трудно выбрать. Вот смотрите – «Портрет жены» Андрея Мыльникова. Женственная красавица, картина наполнена воздухом, нежностью. Эта фантастическая женщина была солисткой балета Мариинского театра. Художник очень любил писать дочку, внуку. А образ жены постоянно вдохновлял его. Или возьмем работы Валентины Мурашевой, она в 2016 году одержала победу во Всероссийском конкурсе молодых талантов, и ее пастели пополнили фонды РОСИЗО. Самой художнице всего 33 года. Ее работы – теплые, нежные, на них простые бытовые сюжеты, посетители от них в восторге.

Невозможно не согласиться с Юлией Логвиновой. Разные стили, разные лица с отблесками друго-

Юлия Логвинова, хранитель фонда живописи Государственного музейно-выставочного центра РОСИЗО

го времени. С улыбкой смотришь, как взлетают под облака шкодливые мальчишки-акробаты Георгия Елфимова, и на живую, забавная «Девочку» Юрия Злоти – скульптуру из бронзы. Надолго останавливаешься возле многофигурной фрески «Память» Юрия Абисалова. Сколько простоты и правды в семье, что въезжает в «Новый дом» Алберта Паприкяна. А «Портрет Ромы Шубочкина» Елены Романовой с букетом земляники в руках – яркий и чистый, как само детство.

Мы попадем на «Зимнюю свадьбу» Алексея и Сергея Ткачевых, которая шумно гуляет на деревенской улице. Почувствуем покой и умиротворение «Вечера» Николая Зайцева, что заглянул в просторный деревенский дом. Умилимся семейной картинке «Сом» Константина Назарова, где сыновья, мама, папа с любопытством разглядывают плавающую в тазу рыбину. Ощутим семейное тепло и любовь «Сестер» Натальи Коноваловой: баночка парного молока, корзинка, яблоки, букет ромашек... Запахи деревенского детства, которого, увы, не вернуть

Выставка РОСИЗО состоялась в рамках IX Международной ассамблеи художников «Пластовская осень» стала результатом плодотворного сотрудничества с Ульяновским художественным музеем и Музеем изобразительного искусства XX – XXI веков.

«Название «Семейные ценности» отражает суть настоящего великого искусства, – говорит заведующая Музеем изобразительного искусства XX – XXI веков Елена Сергеева. – Тема любви к ближнему становится главной в искусстве XX века. Все художники находят свой ключик к раскрытию темы».

«Выставка как глоток свежего воздуха», – сказал народный художник России Аркадий Егуткин. А я бы добавила: «Она возвращает нас в молодость, в детство, такое теплое, такое счастливое».

Фото Павла ШАЛАГИНА

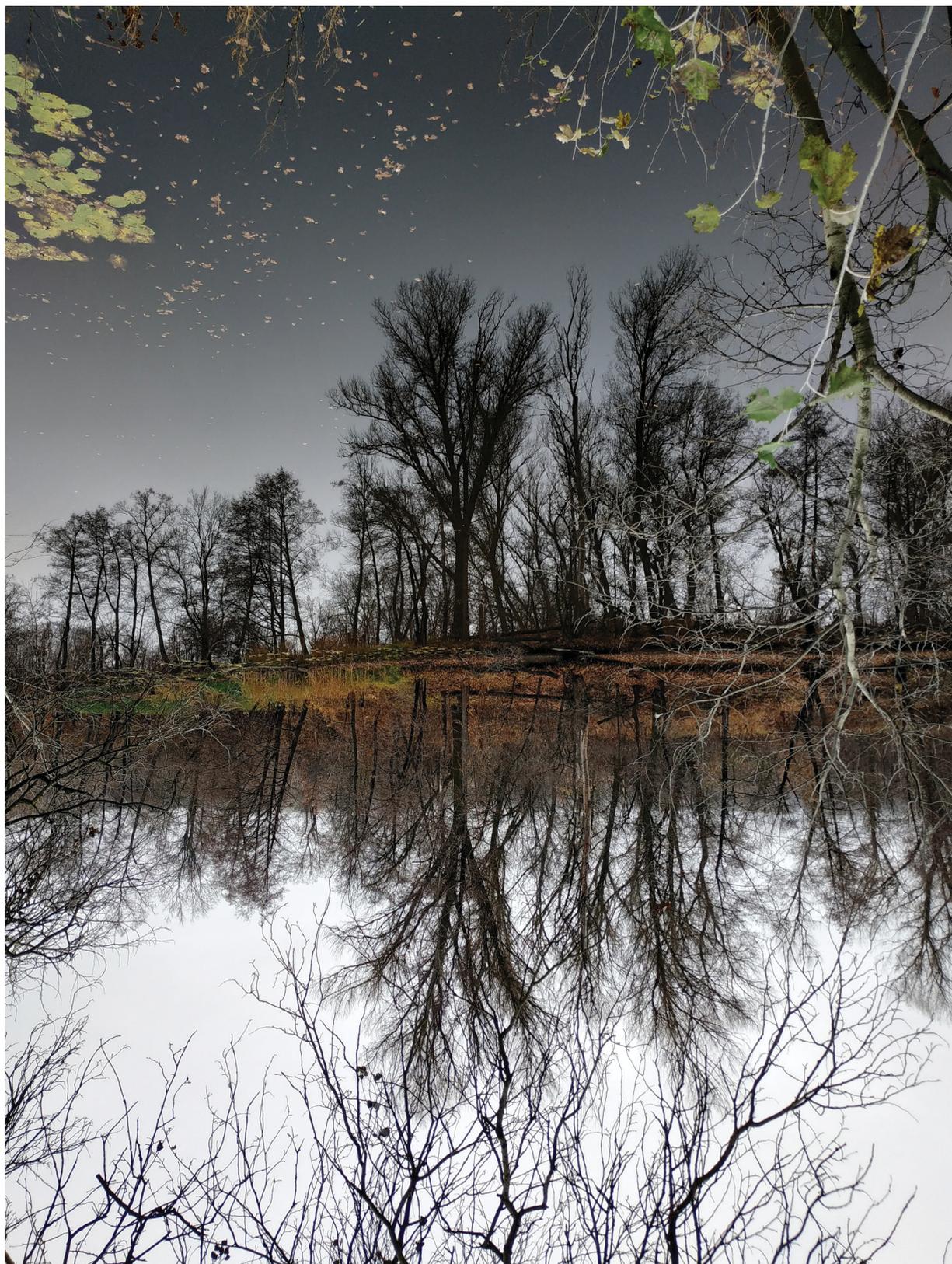
**ВЫСТАВКА
«СЕМЕЙНЫЕ
ЦЕННОСТИ»**

Юрий Абисалов. Память. (Фрагмент)

ЗАЗЕРКАЛЬЕ ОСЕНИ ФОТОГРАФИИ АЛЕКСЕЯ ШИШОВА

«То ли листья в небе отразились,
То ли звёзды по воде скользят...
Зазеркалье осени приснилось.
Дни, как сны, прозрачные стоят...»

СРЕДНЕРУССКИЕ МОТИВЫ... СЕРДЦУ МИЛЫЙ УГОЛОК

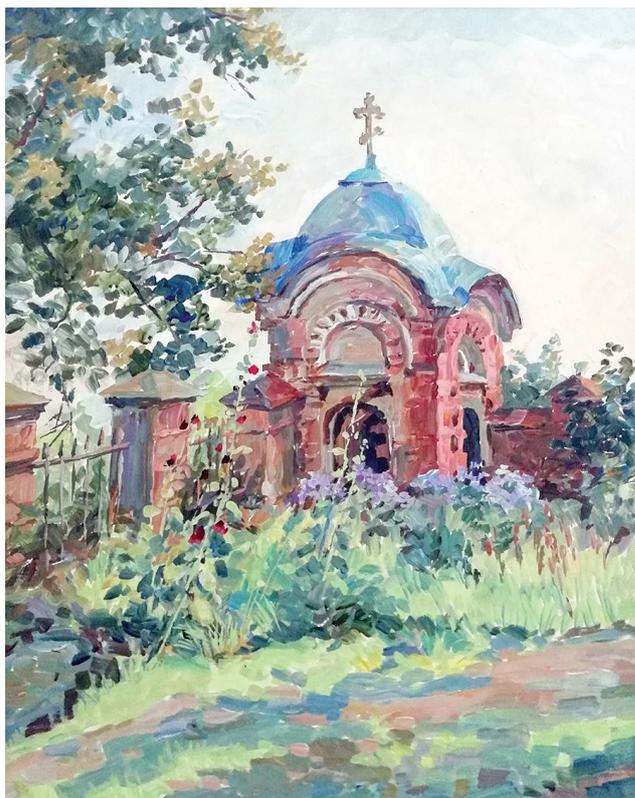
КАРТИНЫ ЛЮДМИЛЫ СЛЕСАРСКОЙ

Отзыв Николая Пластова о выставке Людмилы Слесарской:

«Со всей полнотой счастья уйду с вашей выставки. К сожалению, уйду, так как покидаю удивительную экспозицию мастерства, искренности, радости. Унося в сердце с собой ваше честное искусство, надеюсь на новые встречи с ним. Дай Бог Вам здоровья и творческих порывов, каждодневной любимой работы, к счастью благодарного зрителя.

С уважением, Н. Пластов.

3. 11. 2019 г.»

Л.Ю. Слесарская.

Старая часовня. Смолдеярово, к. акрил, 64x50, 2017 г.

Л.Ю. Слесарская. Николина гора, бум. гуашь, 56x65, 2015 г.

Л.Ю. Слесарская. В этом храме венчался А.Ф. Керенский, бум. гуашь, 40х65, 2015 г.

Л.Ю. Слесарская. Дорога в поле, бум. гуашь, 31х44, 2011 г.

Л.Ю. Слесарская. В Прислоише бархатная осень, бум. гуашь, 40х65, 2014 г.

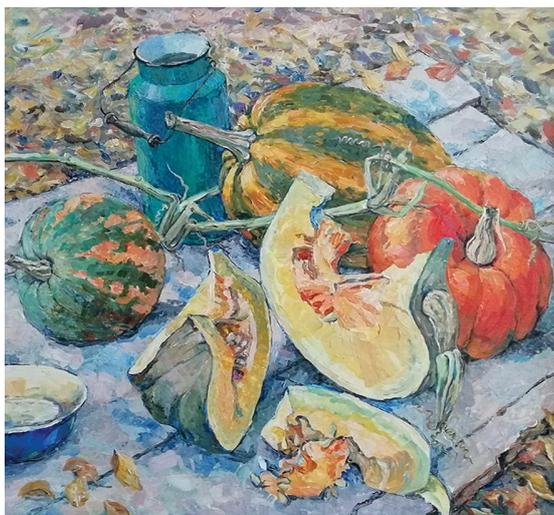

Л.Ю. Слесарская. Цветущие вишни, бум. гуашь, 56х65, 2015 г.

Л.Ю. Слесарская.
Кто в доме хозяин,
х. акрил, 90x85, 2018 г.

Л.Ю. Слесарская.
Ретро, х. акрил, 90x75, 2018 г.

Л.Ю. Слесарская.
Тыквы с зеленым бидоном, к. акрил, 70x77, 2019 г.

Л.Ю. Слесарская. Натюрморт

Л.Ю. Слесарская. Букет на крылечке, бум. гуашь, 65x50, 2014 г.

Л.Ю. Слесарская. Мальвы в огороде, бум. гуашь, 50x65, 2010 г.

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА ЛЮДМИЛЫ СЛЕСАРСКОЙ

Юбилейная выставка Людмилы Слесарской экспонировалась в октябре-ноябре в картинной галерее Союза художников.

На открытие пришли многочисленные гости, среди них были коллеги-художники, сотрудники музеев, учащиеся детской школы искусств, друзья и поклонники.

Выступили с приветственным словом заместитель директора областного художественного музея Луиза Петровна Баюра, председатель Ульяновского отделения Союза художников России Николай Чернов, скульптор, заслуженный художник России Анатолий Клюев, заслуженный художник России Борис Склярчук, народный художник России Аркадий Егуткин. На открытие выставки приехали друзья-художники из Димитровграда. Гость из Чердаклов Елена Абрамова, организатор проекта «Откроем времени лицо», посвященного В.И. Зуеву и Карлу Фаберже, вручила Людмиле Слесарской памятную медаль «Художник-миниатюрист Василий Зуев».

Людмила Слесарская часто бывает на пленэре в селе Прислониха, оттуда поздравить художницу приехала семья Ковалёвых.

Много прозвучало добрых слов. На картинах оживали милая сердцу родная сторона, природа, люди-труженики. Художник с любовью ко всему

Людмила Слесарская на пленэре

родному пишет свои картины. И посетители выставки это ощутили.

28 ноября в музее «Симбирское купечество» открылась другая выставка картин Людмилы Слесарской «Новая жизнь старых вещей». Здесь можно будет увидеть работы художницы до 2 февраля 2020 года.

Людмила СЛЕСАРСКАЯ, преподаватель детской школы искусств №2. Участник пленэров «Земля Аркадия Пластова», организатор Всероссийской передвижной творческой школы-пленэра «Киселёвские зори. Сохраняя культурное наследие». Публикуем стихи художника Людмилы Слесарской, которые глубинно перекликаются с темами ее живописных работ.

СРЕДНЕРУССКИЕ МОТИВЫ

* * *

Бабушке моей, Александре Михайловне

Ёжатся под снегом копны да стога,
Мечется над полем разгуляй – пурга,
Не спасёт одежда – холод до костей,
Бабушка в избёнке ждет к себе гостей.

Теплится лампадка в уголке святом,
Рыжий кот мурчаньем согревает дом.
Милая до боли родина моя!
Горки, да привзгорья, речка да поля.

Чуть забрезжит утро, печка затрещит,
Бабушка молитву тихо сотворит,
Воздухом хлебным пропитаны стены,
Как в детстве, понежусь в теплой постели.

На чистой холстине лежит каравай,
А бабушка скажет: «Людашка, вставай...»
За деревней вьюга распушила хвост,
Над рекою горка, а на ней погост,

Вороны-растрёпы надсадно кричат,
Кресты да былинки из снега торчат.

А В ДЕРЕВНЕ, ВО КОКРЯТИ...

Портянкиной Марии Петровне

Громко колокол вещает – Матерь Божия зовёт,
В церковь Божию на службу созывает весь народ.
Всех, от мала до велика – собирайся русский люд!
Православные Марии все сегодня в храм придут.
Кротко в беленьких платочках... Слёзы на пол упадут,
На груди скрестивши руки, ко причастью подойдут.
В честь Святого Воскресенья славу Пасхе пропоют
И Марию из Египта в службе праздничной почтут.
А в деревне, во Кокряти стоит церковь на горе,
У Марии, у Петровны нынче праздник, да вдвойне.
Рано утром, на рассвете Ангел Божий прилетел
И у маленькой избушки на скамеечке присел.
Тихо слышатся молитвы об усопших и живых –
Просит Господа Мария за знакомых и родных.
С детства ноженьки не ходят да душа о двух крылах,
Коли слёзоньки не сохнут на Давидовых псалмах.
Время близится к обедне, скоро женщины придут
И Марию на тележке в храм на службу повезут.
Уж полвека регентует, и читает, и поет,
Точно следуя уставу, службу Божию ведет.
В честь Святого Воскресенья славу Пасхе пропоёт,
И старушки все поздравят со днём Ангела её.
Пропушки ей «много лета», может быть, чуть-чуть не в лад.
И примите поздравленья от своих духовных чад.

* * *

*Без Бога – не до порога,
а с Богом за море уйдёшь.*
(русская пословица)

Уж ты бедная моя, ты, душа,
Отчего ты живёшь без гроша?
Оттого ты, душа, так бедна,
Что живёшь совершенно одна?..
Да, как прабабка говорила моя,
А я девчонкою глупой была:
– Ты без Бога не дойдёшь до порога –
Неудача случится в дороге;
Будешь с Богом, так за море уйдёшь,
А без Бога ты, душа, пропадёшь!

* * *

Снова осень пришла невпопад,
Задержалось бы лето немного,
Вот опять за окном листопад,
Словно золотом кроет дорогу.
Говорят, мы с годами мудрей –
Ты сейчас на вершине расцвета,
Пусть зима стережёт у дверей,
А в душе будет вечное лето.
Оглянись, посмотри мне вослед,
Что начертано, то и сбылось,
Сколько в жизни потерь и побед
Испытать нам с тобой довелось.

СЕРДЦУ МИЛЫЙ УГОЛОК

Среднерусские мотивы –
Незатейливый сюжет;
Так пронзительно наивны
И знакомы с детских лет.

Ты лети, моя душа,
Пёрышком куриным
В те далёкие края,
Что так сердцу милы.

Деревенская сторонка –
Сердцу милый уголок;
Поутру разбудит громко
Голосистый петушок.

Солнце позднее коровы
Поднимают на рога
И мыча брести готовы
На пожухлые луга.

От росы промокли травы
Днём над пашнею парит,
А в овраге у дубравы
Молоком туман разлит.

Да берёзки под горой
Так, забавы ради
Золотистой головой
Растрепали пряди.

Л.Ю. Слесарская. Любимая игрушка, х. акрил, 120x100, 2019 г.

Колокольным тихим звоном,
Закурлыкали вдали,
Потянулись ровным клином
Ближе к югу журавли.

Закричали им вдогонку
Наши гуси во дворе,
А соседская девчонка
Корчит рожицу в окне.

Подоив козу Белянку,
На закате у плетня,
Молоком в стеклянной банке
Встретит бабушка меня.

Хлопотливые бабёнки
(Целый день, поди, в трудах)
Натопили жарко баньки
В огородах, на задах.

Среднерусские мотивы –
Незатейливый сюжет;
Край навеки сердцу милый
И знакомый с детских лет.

Нет тебя родней и краше.
Ты живой воды глоток!
Деревенские пейзажи –
Сердцу милый уголок!

Людмила СЛЕСАРСКАЯ

ИЗ ПРИСЛОНИХИ – С ЛЮБОВЬЮ

*Белым снегом, белым снегом
Ночь морозная ту стёжку замела,
По которой, да по которой
Я с тобой, родимый, рядышком прошла...*

Моя мама сидит за швейной машинкой и поёт эту песню. Она часто пела за работой. В каждой семье есть свои традиции и свои песни.

В семье Пластовых, где выросли Аркадий, Николай и Коленка тоже были свои любимые песни. Их пели за работой и в праздники.

С чего начинается любовь к тому месту, где ты родился, к земле, на которой ты вырос? Да, с этой песни, что пела мама. С деревни, где жили бабушка с дедом. С запаха трав на сеновале, с козьего молока...

*...Подоиւ козу Белянку,
На закате у плетня
Молоком в стеклянной банке
Встретит бабушка меня...*

Из череды детских событий и мелочей завязываются узелки памяти. А когда ты, волею судьбы, попадаешь в новое место, ниточки от тех узелков, что завязались в детстве, соединяют тебя с другой землёй, другим местом и оно становится родным и близким, и по новым узелкам чувствуешь, что это место твоё. Корни-то одни – крестьянские.

«Из Прислонихи – с любовью». Не сразу Прислониха стала близкой. Вернее, это я не сразу к ней пришла. Книги о Пластове еще в юности прочла, знала – художник величайший! И мимо Прислонихи несколько лет ездила в Карсун и обратно, и в музее была, и даже в мастерской мастера.

*...Не оскудеет пластовский родник.
И сам художник в мастерскую приглашает,
Здесь каждый, как прилежный ученик,
Его уроки мастерства перенимает...*

А вот ближе познакомил меня с Аркадием Александровичем его ученик Виктор Васильевич Киселёв. И пошла я до Прислонихи из Комаровки по его пути лесной дорогой, только путь оказался длиною в несколько лет.

Чтобы понять место, принять его сердцем и душой, надо там пожить: подышать воздухом, попить студёной водицы из родника, освящённого молитвами Святителя Николая, разделить радости открытий общения с природой в творчестве и испытать горести потерь. Приехать весной на пленэр и с болью в сердце ходить по пепелищу храма. Ведь он был в любом прислонишинском пейзаже главным композиционным центром, важным камертоном, душою села! Наблюдать, как строится новый (да не такой, что был прежде – не «вписывается» в серебристую гамму изб), стоять на первой службе в новом храме. А после... провожать в последний путь Елену Николаевну Холодилину (хранительницу пластовского очага). Ведь только несколько месяцев назад мы открыли её для себя, как изумительного живописца, когда в музее А.А. Пластова в Ульяновске состоялась её первая персональная выставка. И вот, мы стоим на месте родового захоронения семьи Пластовых, прощаемся...

*...Вороны – растрёпы надсадно кричат,
Кресты, да былинки из снега торчат...
Закончится зима, придёт весна, наступит лето,*

а за нею осень. Всё продолжится своим чередом. А те, кого уже с нами нет, будут жить в наших воспоминаниях.

*...За деревней, над крестами,
Где покой хранит земля,
Золотыми куполами
Вознесутся тополя...*

Да, чтобы место понять, чтобы ощутить его, принять сердцем и полюбить, надо там пожить. Пообщаться с жителями Прислонихи, увидеть их нелёгкий крестьянский труд.

Семья Ковалёвых – Виктор и Наталья, уже несколько лет радушно принимают нас, художников, в своём доме. Печку натопят, картошечки принесут, молочка да яичек. Живите, художники, рисуйте! Приезжайте в любое время года, мы вам рады!

*...От росы промокли травы,
Днем над пашнею парит,
А в овраге, у дубравы
Молоком туман разлит,
Да берёзки под горой,
Так, забавы ради,
Золотистой головой
Растрепали пряди...*

А сколько тепла получишь от общения с Игорем Леонидовичем Романовым – заведующим музеем Пластова! Супруга его, Антонина Николаевна, человек доброты необыкновенной, как та печка из мультфильма «Гуси – лебеди». Улыбнётся, обнимет и вот, кажется, сейчас скажет: «Поешь, девочка моего горяченького пирожка», и добавит, мягко так: «Людонька, аγγελ», а начнёт о Пластовых рассказывать – глаза сияют, душа поёт! После того, как мамы моей не стало, ещё ближе сердце к ней потянулось. Они ведь с ней почти полные тёзки – обе Антонины, обе Романовы, только моя мама по отчеству Никаноровна. Вот откуда ниточка-то потянулась и в узелок завязалась.

С Валентиной Волковой, которую Аркадий Александрович писал, тоже видимся, беседуем о жизни. Болеет часто – сердце совсем никуда.

Прислонцы к художникам за столько лет привыкли и ведут себя уважительно. Редко кто подойдёт из любопытства посмотреть, чего это они там малюют? А если подходят, разрешения спросят и разговорами не докучают, понимают, наверно, что это не баловство, а работа. Большие деньги, поди, получают! А чего бы они тогда сюда ездили?

*...Среднерусские мотивы,
Незатейливый сюжет,
Край, навеки сердцу милый
И знакомый с детских лет.
Нет тебя милей и краше,
Ты живой воды глоток.
Деревенские пейзажи –
Сердцу милый уголок...*

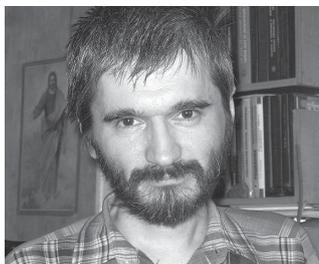
Из Прислонихи с любовью.

И тянет к себе Прислониха. Вот наступит весна, соберем краски, холсты, этюдники и поедем писать «вёсну». Бог даст!

*Белым снегом, белым снегом,
Ночь морозная ту стёжку замела...*

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Анатолий ШУТЫЙ, член Союза писателей России, доктор физико-технических наук. Лауреат премии УлГУ «Лучший учёный» (2019), учреждённой в память об академике РАН Жоресе Алфёрове.

О СТИХАХ

рубаи

1. Ядро Земли пульсирует горя,
И говорят приливами мира,
И тихо бьется сердце человецье...
Стихи впитали ритмы бытия!
2. Поэт сказал, что знал и что не знал,
Шлифую поэтический «кристалл»,
По строчкам поднимаясь до Вершины.
Стихи для знанья – новый пьедестал!
3. Зажав одно, даем иному рост,
И крепнет дух покуда груз не прост.
В «цепях» стиха рождается безбрежность...
Барьеры строчек обратятся в Мост!
4. Засевшее в душе болезненной занозой
Не выглядит порой ни лилией, ни розой.
Чтоб обнажилась суть, слова бы «приодеть»!
Стихами скажем то, что не решимся прозой.
5. Потоки уносящего эфира,
Крыло до края... и за грани мира!
Маяк и парус, посох... Что еще?
Стихи мои – для лжи моей секира!
6. Незримое касанье высших сфер:
Стихия совершает свой замер!
И будто не один я – рядом кто-то...
Стихом для кривды ставится барьер!
7. Любовью и печалью обожженным,
Быть может, некрасивым, обнаженным
Не стыдно нам предстать перед людьми –
В стихи одетым, рифмой окруженным!
8. Вздывают волны пенистые гривы,
Когда потоки вод стесняют рифы...
Вот так же Смыслы стихотворных строк
Кипят в плену размерных стоп и рифмы!
9. Мы всадники! Но под седлом Пегас!
Творим стихи, читая свой рассказ.
Но и Пегас уносит в неизвестность...
Стихи творят себя, читая нас!
10. В сердечном стуче, вздохе, век движенье...
Небытия и Сущего сраженье!
А дальше шаг... и взмахи белых крыл...
Размер стихов есть пульса отраженье!

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

ДЕКАБРЬ 2019

1 декабря – 250 лет назад родился писатель **Иринарх Иванович Завалишин** (1.12.1769, г. Казань – 17.08.1821, г. Симбирск). По другим данным, родился в марте 1770 года. Генерал-майор, сподвижник А.В. Суворова. Входил в Дружеское учёное общество И.П. Тургенева, сочинения публиковал в «Санкт-Петербургском журнале». Автор книги «Сокращённое землеописание» (1792), поэм «Героида» (1793) и «Сувороида» (1796). Умер в Симбирске во время поездки на Кавказские минеральные воды в доме сослуживца генерала П.Н. Ивашева.

1 декабря – 45-летний юбилей отмечает писатель и литературный критик **Лев Александрович Данилкин** (р. 1.12.1974, г. Винница Украинской ССР). Окончил МГУ. Работал в журнале Playboy, газетах «Ведомости» и «Российская газета». Автор книг «Парфянская стрела» (2006), «Человек с яйцом» (2007), «Нумерация с хвоста» (2009), «Клудж» (2016) и др. Был в Ульяновске 6–7 декабря 2017 года на Международном форуме историков, философов и публицистов, где представил свою новую книгу «Ленин: Пантократор солнечных пылинок».

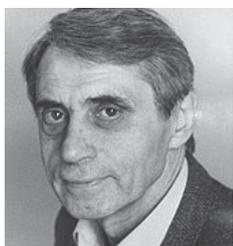
4 декабря – 195 лет со дня рождения публициста, литературного критика **Николая Васильевича Шелгунова** (4.12.1824, г. С.-Петербург – 24.04.1891, там же). Окончил Лесной институт (1841), работал таксатором в Лесном департаменте. В 1849 – 1851 гг. служил в Симбирской

губернии лесным ревизором, занимался устройством Мелекесской лесной дачи. Оставил воспоминания о жизни в Симбирском Заволжье. Автор трудов «Сочинения Н.В. Шелгунова» в 3-х томах (1871 – 1872). В 1880-х гг. редактировал журнал «Дело».

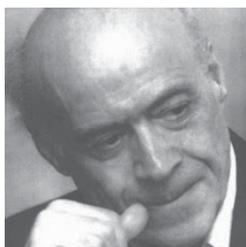
6 декабря – 110 лет назад родилась писательница **Екатерина Абрамовна Концевая** (6.12.1909, г. Херсон – 1997, г. Стокгольм, Швеция). Окончила литературный факультет МГУ (1930). Жила в Москве и Праге. В 1948 году как жена «врага народа» была сослана с

семьей в Ульяновск, где жил её брат; до 1952 года работала лаборанткой в педагогическом институте. Автор книг «Завоеюем солнце» (1931), «Книга об Эрнесте» (1985), «Когда я вернусь» (1989), «Камни Израиля» (1994) и др. Жизнь в Ульяновске описала в книге «Зоя Максимовна».

6 декабря – 95 лет со дня рождения поэта **Николая Константиновича Старшинова** (6.12.1924, г. Москва – 6.02.1998, там же). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1955). Автор поэтических сборников «Друзьям» (1951), «Протока» (1966),

«Зелёный вечер» (1972), «Милая мельница» (1978), «Река любви» (1983), «Моё время» (1984), «Мимо тёщиного дома» (1995) и др. Дружил с Н.Н. Благовым, в 1970-80-х гг. не раз приезжал в Ульяновск. Член Союза писателей СССР (1952).

7 декабря – 95 лет назад родился поэт **Михаил Яковлевич Найдиш** (7.12.1924, г. Кременчуг Полтавской губ. – 27.02.2005, г. Екатеринбург). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Уральский университет им. А.М. Горького. В 1952 году был направлен на работу

в газету «Ульяновская правда». Публиковался в журнале «Литературный Ульяновск», консультировал начинающих ульяновских поэтов. Автор сборников стихов «Чистый снег» (1981), «Для вас» (2001), «Годы твои и мои» (2002) и др. Член Союза писателей СССР (1962).

8 декабря – 135 лет со дня рождения духовного писателя **Евгения Николаевича Сумарокова** (8.12.1884, г. Симбирск – 22.09.1949, Степлаг МВД СССР). С 1920 года жил в Харбине (Китай); был деканом богословского факультета Института святого Владимира, редактором

журнала «Хлеб Небесный», заместителем редактора журнала «Вестник братства». Автор статей, книг и брошюр о русских святых, работ по истории церкви. В 1948 году выдан СССР, где осуждён на 10 лет за шпионаж. Умер в исправительно-трудовом лагере.

8 декабря – 130 лет назад родился чувашский поэт и литературовед **Николай Васильевич Васильев**, псевдоним – Шубоссинни (8.12.1889, с. Икково Казанской губ., ныне Чебоксарского р-на Чувашии – 13.02.1942, станция Сухобезводовская, ныне Нижегородской обл.). Учился в Симбирской чувашской школе

(1905 – 1907), в 1909 году сдал экстерном экзамены в Симбирской гимназии. Автор сборника «Бросьте пить водку и курить табак» (1911), поэмы «Фаворит» (1928), либретто «Сильби» (1937) и др. Член Союза писателей СССР (1934).

8 декабря – 60-летний юбилей отмечает историк, краевед **Александр Викторович Вискалин** (р. 8.12.1959, г. Ульяновск). Окончил Ленинградский государственный университет (1987). Кандидат исторических наук, доцент. Работает в Ульяновском государственном

университете. Автор публикаций в сборниках и журналах, отдельных изданий «Памятники накольчатой керамики Волго-Камья» (1999), «Археология Восточной Европы» (2006), «Историческая география России» (2010), «Каменный век Ульяновского Поволжья» (2011) и др.

10 декабря – 65 лет исполняется писателю, краеведу **Юрию Васильевичу Козлову** (р. 10.12.1954, с. Вороновка Базарносызганского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский политехнический институт (1977). Работал директором института «Спец-

проектреставрация», был одним из организаторов и первым председателем Союза краеведов Ульяновской области. Автор книг «Жизнь и судьба Аркадия Пластова» (1992), «Столыпин и Симбирск» (2013), «Генерал Капель и волжане» (2015), «Керенский из Симбирска» (2017) и др. Живёт в Москве.

11 декабря – 95 лет назад родился поэт **Лев Никифорович Колбасенко** (11.12.1924, г. Ульяновск – 25.07.1992, пос. Громово Славского р-на Калининградской обл., похоронен в г. Черняховск). Жил в Ульяновске на Московской улице, рядом с Домом-музеем В.И. Ленина. Участник Великой Отечественной войны. С 1952 года работал в посёлке Громово школьным учителем, библиотекарем, писал стихи. В 1954 году на музыку П.С. Турчанинова сочинил слова песни «В славном сорок пятом», которая была неофициальным гимном Калининграда.

12 декабря – 110 лет со дня рождения писателя и журналиста **Александра Михайловича Дунаевского** (12.12.1909, г. Полтава – 18.01.1985, г. Москва). Участник войны. Работал в газете «Правда», возглавлял в Москве профком литераторов при издательстве «Советский писатель». Автор повестей «Олеко Дундич» (1960), «Платтен известный и неизвестный» (1974) и др. Приезжал в Сенгилей в поисках материалов для книги «По следам Гая», а также в Ульяновск, когда писал книгу «Иду за Гашеком». Член Союза писателей СССР (1966).

13 декабря – 80-летний юбилей отмечает прозаик **Андрей Николаевич Перепелятников** (р. 13.12.1939, г. Элиста Калмыцкой АССР, ныне Республики Калмыкия). Окончил Новосибирское военно-техническое училище (1961), Томский государственный университет (1973). Служил на различных должностях в политических органах Советской армии, подполковник в отставке. С 1982 года живёт в Ульяновске. Автор книг прозы «Разведчики» (2008), «Я – военный строитель» (2012), «Жисть, ты наша жисть...» (2013), «Медовый месяц» (2017).

17 декабря – 220 лет назад родился поэт-дилетант **Николай Николаевич Анненков** (17.12.1799, Сергачёвский у. Нижегородской губ. – 7.12.1865, г. С.-Петербург). Окончил благородный Московский пансион (1812). Военный и государственный деятель. В 1820 году опубликовал в журнале «Благонамеренный» стихи «Портрет», «Эпиграмма (Подражание Вольтеру)», «Элегия», сатиру «Я видел», отрывки из комедии «Нерешительный» и др. В 1830-х гг. основал в Карсунском уезде Симбирской губернии деревню Малое Анненково.

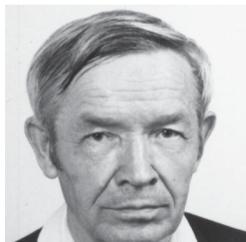

18 декабря – 205 лет со дня рождения поэта **Николая Михайловича Сатина** (18.12.1814, г. Тамбов – 11.05.1873, с. Старое Акшино Инсарского у. Пензенской губ., ныне Старошайговского р-на Мордовии). В 1835 году был сослан в Симбирск; провёл здесь несколько лет, служил в канцелярии губернатора. В 1839 году поселился в Москве. Встречался с М.Ю. Лермонтовым, Н.П. Огарёвым. Автор стихотворений «Умиравший художник» (1836), «Раскаяние поэта» (1836), «Два чувства» (1841), «Рейн» (1844) и др.

18 декабря – 200 лет назад родился прозаик, поэт, переводчик **Николай Иванович Бобылёв** (18.12.1819, г. Новгород – 21.05.1865, г. Симбирск, ныне Ульяновск). Отец в 1822 году вписан в родословную книгу Симбирской губернии. Писатель жил в Нерчинске, Москве, Петербурге. Последние два года прожил в Симбирске, куда приехал после смерти отца (1863) для управления имением. Автор повестей «Чингисов столб» (1838), «Джарго аега» (1839), очерка «Белый месяц» (1840), рассказа «Вечер с А.Е. Мартыновым» (1860) и др.

19 декабря – 200 лет со дня рождения поэта и прозаика **Якова Петровича Полонского** (19.12.1819, г. Рязань – 30.10.1898, г. С.-Петербург). По линии матери принадлежал к роду Кафтыревых, имевших владения в Симбирской губернии. По не подтверждённым данным, бывал в их имениях. Поддерживал дружеские и творческие связи с писателями-симбирянами И.А. Гончаровым, Д.В. Григоровичем, Д.Н. Садовниковым. Автор сборников «Гаммы» (1844), «Сазандар» (1849), «Вечерний звон» (1890), поэмы «Кузнечик-музыкант» (1859) и др.

20 декабря – 85 лет назад родился поэт и прозаик **Алексей Андреевич Мердеев** (20.12.1934, с. Богдашкино, ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 26.04.2014, с. Большое Нагаткино Ульяновской обл.). Окончил Саратовский юридический институт, работал адвокатом. В 1974 году написал в Верховный Совет СССР письмо в защиту А.И. Солженицына (опубликовано в журнале «Звезда»). Автор книг «Пятое время года» (2001), «Малая мозаика» (2003), «Посиделки под липами» (2003). Член Союза писателей России (2010).

24 декабря – 110 лет назад родился татарский актёр, писатель **Габдулла Рухуллович Шамуков** (24.12.1909, с. Асаново Ставропольского у. Самарской губ., ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 21.12.1981, г. Казань). Окончил Казанский педагогический

институт (1952). Работал актёром Башкирского театра драмы (Уфа), Татарского академического театра (Казань). Писал стихи, басни, очерки, перевёл на татарский язык пьесы У. Шекспира, Ж.Б. Мольера, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина и др. Народный артист СССР (1980).

30 декабря – 95 лет со дня рождения поэта и прозаика **Николая Степановича Краснова** (30.12.1924, с. Богородская Репьёвка Ульяновского у. Ульяновской губ., ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 15.10.2010, г. Краснодар, похоронен в Белгороде). После во-

йны работал в газете «Ульяновская правда». Учился в Литературном институте им. А.М. Горького (1953 – 1956). Автор книг «Зов Родины» (1948), «День свидания» (1955), «Огонь-цвет» (1964), «Жила девчонка» (1986), «Яблоко хорошавка» (1998) и др. Член Союза писателей СССР (1949).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ДЕКАБРЯ

Иринарх ЗАВАЛИШИН (1769 – 1821)

СОКРАЩЁННОЕ ЗЕМЛЕОПИСАНИЕ

(отрывок из сочинения)

Пространная из всех Российская страна,
Морями многими кругом ограждена.
Знатнейший Океан меж протчих полуночной,
За оным следует известный всем восточной:
Сибирские брега собой он заключил,
От коих имена различны получил.
Каспийско, Черное, Азовское, Балтийско,
Меж ним и Северным соседом племя Финско;
Которо королю Вандалов покорясь,
Признало над собой верховну Шведску власть.
На запад Поляки соседи и Курлянцы,
По ниже на полдень живут Магометанцы:
Граница новая от них положена,
Очаковская степь по Днестр уступлена,
Полночны острые молниеносны стрелы,
Расширили на юг Российские пределы.
От Ембы к Иртышу кочующий народ,
Ордынских отраслей издревле славный род,
В Киргис-Кайсацких весь равнинах обитает,
Рубеж тот линия Уральска охраняет:
По коей многия Башкирцов племена,
На страже видимы во всяки времена.
От моря Чернаго горами до Хвалынска
Предел вновь положен владения Российска;
В середине Грузия, на западе Кубань,
Москве дающая с себя годичну дань.
Нерчинской области рубеж лежит с Китаем,
Иркутской линией степной край ограждаем.
Курильцы в крепком сне, когда покоясь спят,
Естляндцов в те часы в трудах полдневных зрят.
Светило дневное в Камчатке коль восходит,
То в Езеле оно окончав день заходит.
И так в ИМПЕРИИ Российского Царя,
Вечерня с утренней бывает вдруг заря.

Николай СТАРШИНОВ (1924 – 1998)

* * *

Я был когда-то ротным запевалой,
в давным-давно прошедшие года...
Вот мы с учений топаем, бывало,
а с неба хлещет вёдрами вода.

И нет конца раздрызганной дороге.
Густую глину месят сапоги.
И кажется – свинцом залиты ноги,
отяжелели руки и мозги.

А что поделать? Обратишься к другу,
но он твердит одно: – Не отставай!..
И вдруг наш старшина на всю округу
как гаркнет: – Эй, Старшинов, запевай!

А у меня ни голоса, ни слуха
и нет и не бывало никогда.
Но я упрямо собираюсь с духом,
пою... А голос слаб мой, вот беда!

Но тишина за мною раскололась
от хриплых баритонов и басов.
О, как могуч и как красив мой голос,
помноженный на сотню голосов!

И пусть ещё не скоро для привала,
но легче нам шагаётся в строю...
Я был когда-то ротным запевалой,
да и теперь я изредка пою.

* * *

Ракет зелёные огни
по бледным лицам полоснули.
Пониже голову пригни
и, как шальной, не лезь под пули.

Приказ: «Вперёд!»
 Команда: «Встать!»
 Опять товарища бужу я.
 А кто-то звал родную мать,
 а кто-то вспоминал – чужую.

Когда, нарушив забытьё,
 орудия заголосили,
 никто не крикнул: «За Россию!..»
 А шли и гибли за неё.

Михаил НАЙДИЧ (1924 – 2005)

* * *

Бескрайние степи. И это же здесь
 шаги мои первые!.. Время, запомни:
 окно моей памяти не занавесь
 ни пылью, ни грохотом каменоломни.

Там ветер не спрашивал, не вопрошал:
 а кто я? какая такая персона?
 Земной, удивительно сказочный шар
 себя от Ахтырки открыл до Херсона.

Я знал безошибочно, именно где
 от птичьих рулад, хоровых, да и сольных,
 вплотную подходит к днепровской воде
 зелёный солдатик – притихший подсолнух.

Не знаю, смогу ль удержаться от слёз,
 но южную степь позабуду едва ли,
 когда вознесёмся и что-то всерьёз
 нам ангел сыграет на белом рояле.

* * *

Мне на плечо прилёг последний лист:
 был справа тополь небольшого роста.
 Промозглый день загадочен и мглист,
 и докопаться до него непросто.

Уйти б от чьей-то злобной ворожбы!..
 Опять они, напасти и невзгоды.
 Кого и что ругать? Начнём с погоды.
 Потом и доберёмся до судьбы.

Ах, люди, дай вам Бог подольше жить,
 побольше вам и музыки, и света!
 Вы не решились руку положить
 мне на плечо... А тополь сделал это.

* * *

Края небес внезапно потемнели,
 и голубь, разрезая летний зной,
 нёс тёмное послание – не мне ли? –
 стучал о подоконник жестяной.

Ты где теперь? – почти строка романса...
 Изношенный, заслуженный удел.
 И загустели тучи. И остался
 лишь голос твой:
 – Ты этого хотел?

Лев КОЛБАСЕНКО (1924 – 1992)

В СЛАВНОМ СОРОК ПЯТОМ

В славном сорок пятом
 Ты пришёл солдатом
 К берегам Прибалтики,
 Русский человек.
 И сказал: «Довольно!
 Чтобы не быть войнам –
 Пусть земля советская
 Будет здесь навек!»

Москвичи, куряне,
 Псковичи, смоляне –
 Мы в труде не ведали
 Никаких преград.
 Отдыха не знали,
 Из руин подняли
 Новый русский город –
 Наш Калининград.

Тучны наши нивы,
 Широки заливы,
 У воды балтийской
 Краны стали в ряд.
 И к родным причалам,
 Путь покрыв немалый,
 С рыбой из Атлантики
 Корабли спешат.

Год от года краше
 Будет область наша,
 В коммунизм шагая
 В ногу со страной.
 С берега янтарного
 Слово благодарное
 Шлют калининградцы
 Партии родной!

1954

Николай АННЕНКОВ (1799 – 1865)

Я ВИДЕЛ

Я видел добродетель в мире,
 Соорудившую свой трон;
 Равно как в рубище, в порфире
 Всяк чтит святой её закон.
 Я видел: злато отвергая,
 Фемиды жрец весы держал,
 И, гласу истины внимая,
 Невинных он не осуждал.
 Я видел, как Поэт нельстивый
 Вельможам правду говорил;
 Пороков гнусных враг строптивый,
 Вселенну мудрости учил.
 Довольством, видел я, дышало
 Всё в градах пышных и в полях;
 Веселье лица украшало,
 И счастье у всех в сердцах.
 Я видел дружбы совершенство,
 Я видел верность – и в жене!
 Я видел и любви блаженство.
 Друзья! не верите вы мне?
 Я видел это всё... во сне!

ЭПИГРАММА

(Подражание Вольтеру)

«Кто там?» – спросил Плутон.
 «Пустите, я Вралёв». – Себя лишь назвал он,
 Вдруг пусты сделались подземные чертоги:
 Все черти врозь – давай Бог ноги –
 И одного
 Оставили его.
 «Ого! – вскричал Вралёв –
 меня и здесь уж знают,
 Как в Петербурге принимают:
 И там, куда бывало не придёшь,
 Ни ч... дома не найдёшь».

ЭПИГРАММА

«Что Граф?» – «Изволит почивать». –
 «Ох, Боже мой! уж час! журнал пойдёт в печать:
 Не примут ведь,
 двух слов он если не напишет!» –
 «Теперь хоть разбудить: наверно не услышит. –
 Так как сказать ему?» – «Угодно ли прочесть
 Ту Оду, что Дамон желает вам поднести?» –
 «Что ж он?» – «Перекрестился,
 Поворотился
 И хоть бы раз пошевелился».

1820

Николай САТИН (1814 – 1873)

ПОЭТ (отрывок из стихотворения)

Гомер, державный царь певцов,
 Слепой, убогой странник в мире,
 Бряцал на вдохновенной лире, –
 Век не ценил его стихов!
 В нём не почтил он вдохновенье,
 Но за холодное презренье
 Отмстили тридцать пять веков.
 И сквозь их мглу, покрытый славой,
 Протёк державно, величаво
 Певец героев и богов.
 И Тасс, когда с небес сошедший
 Восторга дух его обнял,
 Посажен был как сумасшедший!..
 И Камюэнс не средь похвал,
 Не среди кликов и плесканий
 Окончил век своих страданий.
 Великий дух его иссяк
 Средь нищеты, среди презренья:
 Бессмертный, жертва отверженья,
 В больнице умер как бедняк!
 Толпе ль понять порывы духа?
 Для прозаического ль уха
 Аккорды дивные гремят?
 Благоговей, не ценят
 Коль современники поэта,
 Его не заплескает Лета:
 Грядущий ряд веков поймёт
 Бессмертной лиры песнопенья,
 Потомство грозное придёт,
 Заплатит дань благоговенья
 И светлой ризою нетленья
 Его творенья облечёт.

1835

Николай БОБЫЛЁВ (1819 – 1865)

СВОБОДНОМУ ПЕВЦУ

Ты не пой, соловей!
 Мирных песен я слушать не стану,
 Сам пою я отчизне моей
 И уснувших будить не устану.

Улетай, улетай!
 Мир довольных для чувства не тесен,
 Там о счастьяи песнь напевай, –
 Здесь ещё не до сладостных песен.

Там отворит девица окно,
 Слышит голос твой страстный и томный, –
 У меня за решёткой оно
 И за ставней тяжёлой и тёмной...

Грустны песни в холодной тюрьме,
 И, пока не увижу рассвета,
 Для меня невозможны во тьме
 Песни радости, страсти и света!

МЫСЛИ КОНФУЦИЯ

Лик времени тройствен:
 согбенному старцу подобно,
 Тянется будущность к нам,
 на костыли опираясь;
 Быстрее стрелы исчезает
 из глаз изумлённых
 Сегодня: минувшее трупом
 недвижимым лежит.
 И старец тот,
 бережно землю пытая, плетётся:
 Крыльев ему не придаст
 юной души нетерпенье;
 Ни сомненье, ни страх
 полёта того не задержат,
 Миг настоящий которым
 вечно стремится от нас.
 И ни вопли тоски,
 ни раскаянья слёзы святые –
 Ничто мертвеца
 от вечного сна не пробудит.
 Если ж, о смертный,
 желаешь свершить ты счастливо
 Путь жизни –
 советам внемли осторожного старца;
 С беглецом быстроногим
 не дружись безрассудно,
 Ни с усопшим навеки
 не расставайся в вражде.

Яков ПОЛОНСКИЙ (1819 – 1898)

БЕЛАЯ НОЧЬ

Дым потянуло вдаль, повеяло прохладой.
 Без тени, без огней, над бледною Невой
 Идёт ночь белая – лишь купол золотой
 Из-за седых дворцов, над круглой колоннадой,
 Как мертвеца венец перед лампадой,
 Мерцает в высоте холодной и немой.
 Скажи, куда идти за счастьем, за отрадой,
 Скажи, на что ты зол, товарищ бедный мой?!

Вот – тёмный монумент
 вознёсся над гранитом...
 Иль мысль стеснённая твоя
 Спасенья ищет в жале ядовитом,
 Как эта медная змея
 Под медным всадником, прижатая копытом
 Его несущего коня...

* * *

Блажен озлобленный поэт,
 Будь он хоть нравственный калека,
 Ему венцы, ему привет
 Детей озлобленного века.

Он как титан колеблет тьму,
 Ища то выхода, то света,
 Не людям верит он – уму,
 И от богов не ждёт ответа.

Своим пророческим стихом
 Тревожа сон мужей солидных,
 Он сам страдает под ярмом
 Противоречий очевидных.

Всем пылом сердца своего
 Любя, он маски не выносит
 И покупного ничего
 В замену счастья не просит.

Яд в глубине его страстей,
 Спасенье – в силе отрицанья,
 В любви – зародыши идей,
 В идеях – выход из страданья.

Невольный крик его – наш крик.
 Его пороки – наши, наши!
 Он с нами пьёт из общей чаши,
 Как мы отравлен – и велик.

Алексей МЕРДЕЕВ (1934 – 2014)

ЛЕДОХОД НА ВОЛГЕ

За пологим длинным молотом
 Взломан, вздыблен синий лёд.
 Невидимкой-ледоколом
 По реке весна идёт.

В дыме утреннем, лиловом
 Над разливом кутерьма,
 На побоище ледовом
 Здесь повержена зима.

Хаос звуков, красок буйство,
 Сил стихийных торжество –
 Первозданное искусство
 И природы волшебство!

Быстро вдаль стремятся воды,
 Блещет битых льдов хрусталь.
 ...Скоро выйдут теплоходы
 На речную магистраль.

ВЕСНА В СИМБИРСКЕ

В ночном сиянье город
 На волжской крутизне
 Красой особой дорог,
 Как друг, он близок мне.

1862

Когда в ночном молчанье
 Трамваи видят сны,
 Весны слышней дыханье,
 Сильнее власть весны.

И трепет почек первых
 С бурливым бегом вод
 По проволочным нервам
 Для нас весна несёт.

По улицам, по дамбам
 Всю ночь бродить готов,
 Примеривая к ямбам
 Напев семи ветров.

* * *

Спят недвижно вёглы у околицы,
 Ночь глядит глазами мудрых сов.
 И луна, усталая, покоится
 На подушке мягкой облаков.

Проводами небо разлиновано,
 Как большая нотная тетрадь,
 Чтоб рассвет, румяный и лиловый,
 Соловиной музыкой встречать.

Николай КРАСНОВ (1924 – 2010)

* * *

1872

Господь накажет окаянных,
 Честь разменявших на рубли,
 Родства не помнящих Иванов,
 Святой не знающих любви.

А для меня Россия свята,
 И ничего святее нет.
 Я был простым её солдатом
 В годину всенародных бед.

С ней вместе, обливаясь кровью,
 Терпели до победных дней
 Такую боль!.. И с этой болью
 Мне, может, было всех больней.

И, может, горше всех, труднее.
 Другого не было пути:
 Моя судьба – быть вместе с нею,
 Сыновний тяжкий крест нести.

И вместе с ней на ратном поле
 (Господь её благослови!)
 Лишенья, горести и боли
 Кладём на жертвенник любви.

* * *

Полынь – духи мои степные,
Хоть горьковаты, не беда,
Ни на какие на другие
Не променяю никогда.

Мне видятся густые травы
И в них бегущий босиком,
Беспечный, радостный, кудрявый
Малец с пастушеским кнутом,

Весь пропечённый зноем, юный,
Обдутый ветром, это – я.
В далёком солнечном июне,
Поныне там душа моя.

Всё светят мне по-над рекою
Мной разожжённые костры,
Всё слышу запах полынквый
Своей мальчишеской поры.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ДЕКАБРЯ

Лев ДАНИЛКИН (р. 1974)

ЛЕНИН: ПАНТОКРАТОР СОЛНЕЧНЫХ ПЫЛИНОК (отрывок из книги)

Симбирск не был родовым гнездом ни Ульяновых, ни Бланков; до того обе семьи скорее дрейфовали вдоль оси Нижний Новгород – Казань – Самара – Астрахань; Симбирск подвернулся родителям ВИ в нагрузку к должности.

Всего за 200 лет до рождения Ленина, в допетровской России, Симбирск был окраиной, гарнизонным городком в большой засечной черте – насыпи от Днепра до Волги, отделявшей коренную Россию от дикой Степи, как Адрианов вал – Англию от Шотландии. Благодаря своему господствующему географическому положению – берег там был выше, чем в других волжских городах – Симбирск стал важной крепостью, чем-то вроде Ньюкасла или Карлайла. Идём, по пословице, семь дён – Симбирск видён. (Сейчас бы эти идущие, надо полагать, увидели 23-этажную гостиницу «Венец», плюнули и больше бы не оглядывались.)

Пограничный статус города вынуждал государство демонстрировать здесь свою силу в полном объёме, щедро расставляя знаки своего присутствия. В этом смысле нынешний Симбирск транслирует то же ощущение; только сейчас здесь доминируют громоздкие советские административные комплексы, а в детстве ВИ – духовная архитектура: массивные, помпезные, напоминающие Казанский и Исаакиевский, без особых скидок на провинциальные масштабы соборы, стёртые с лица земли в 1930-е.

За два века существования, растеряв военное значение, город сумел поразительно быстро «облагородиться» – успешно конкурируя в качестве «волжских Афин» если не с Казанью и Саратовом, то с Астраханью и Самарой: обзавёлся собственного стиля архитектурой и слоем интеллигенции – до-

статочно плотным, чтобы родить, вскормить и экспортировать в петербургско-московские эмпиреи целую плеяду выдающихся личностей: Карамзина, Языкова, Гончарова – и Ленина, Керенского, Протопопова (последний министр внутренних дел царской России; как раз его нерешительность не сумела остановить февраль 17-го).

Для Ленина-экономиста, исследовавшего капиталистические перспективы разных местностей, Симбирск не представлял собой ничего особенного – типичная отсталая по части капитализма губерния: крупных предприятий нет, «феодалные» классы явно преобладают над буржуазией; три тысячи потомственных дворян, чуть меньше личных, 13 тысяч духовенства; потенциал роста населения исчерпан; железной дороги нет; навигация с апреля по октябрь, зимой экономическая жизнь замирает; ближайшая ж. д. станция – Сызрань, полтораста километров. Сонное царство – в этом смысле водружённый на центральной площади Ульяновска неслепый «обломовский диван» выглядит уместно, как скамейка запасных Российской империи; впрочем, даже и при своих размерах он вряд ли смог бы вместить всех симбирских тюрюков и байбаков. Ленин, несомненно, предпочёл бы поставить памятник Штольцу – однако деятельность этого персонажа явно противоречит как житейскому, так и историческому опыту большинства жителей Симбирска и Ульяновска. Раннего ВИ, кажется, тоже – его сон был так глубок, что, похоже, окончательно стряхнуть его удалось лишь со второго звонка будильника – смерти брата.

Тем не менее в конце 1870-х город уже наслаждался всеми преимуществами недавно принявшихся на культурной ниве институций – и ещё не стал

деградировать из-за эффекта отсутствия железной дороги. Особи, склонные к активному пользованию «социальными лифтами», чувствовали, что могут позволить себе устроить здесь на несколько лет передышку. Интеллигентная семья, благословленная талантливыми детьми, могла прожить здесь пару десятков лет, не задыхаясь от провинциальной духоты и обеспечив потомству основательное классическое образование; среда при этом оставалась достаточно провинциальной, чтобы «прогрессивные» идеи усваивались почти как религиозные, с некоторой долей экзальтации и без столичного

ироничного скепсиса по отношению к ним: в семье Ульяновых словосочетание «революционный демократ» произносили без привставаний на носки и рисования пальцами знаков «кавычек».

Нынешний Ульяновск не слишком похож на Симбирск – однако посреди города, между улицами Железной Дивизии, Льва Толстого, 12 Сентября и Энгельса – можно с головой провалиться в архаический слой: полторы сотни заботливо пересыпанных нафталином деревянных строений, сквозь которые не смог пробиться ни единый росток современности...

Николай ШЕЛГУНОВ (1824 – 1891)

СЕНТИМЕНТАЛИЗМ И КАРАМЗИН *(отрывок из статьи)*

Карамзин был весь свой век мечтателем и идеалистом; бессилые мысли и не могло в нём выработать ничего другого. Сын своей страны, питавший к ней самую нежную привязанность, Карамзин мог явиться только проповедником хороших чувств, мог писать только для грамотной толпы, – для тех, чья мысль была не в состоянии перешагнуть за пределы личного эгоизма и личных повседневных отношений. Такому обществу был даже не нужен передовой мыслитель, ибо его не только бы не поняли, но отвернулись бы от него, как от фармазона и вольтерьянца. Добродетельное общество того времени очень дорожило своими удобствами жизни и своими правами; оно было слишком суеверно и невежественно, чтобы можно было пробуждать его мысль пробуждением других чувств, более возвышенных, широких, общечеловеческих и гуманных. Понятно, что Карамзин, чтобы влиять на такое общество, не мог стоять выше этого самого общества, не мог расходиться с его коренным мировоззрением, ни с принципами, которыми оно держалось. Когда «Живописец» вздумал было выразиться порадикальнее насчёт крепостного права, то все заговорили, что он оскорбляет «целый дворянский корпус», и ему пришлось оправдываться, что он говорил о дворянах, «премущество своё во зло употребляющих». Карамзина ни в чём никогда не обвиняли, – напротив, он сам обвинял других, и после «Записки о древней и новой России», по словам г. Погодина, император Александр «явно охладил к Сперанскому»...

То, что в Карамзине называют обыкновенно противоречиями, вовсе не отступничество от своего мировоззрения; это обыкновенный процесс неустановившейся мысли, колеблющейся между противоположными очевидностями. Такое же колебание происходило и в Белинском, но никто не скажет, что это было отступничеством от самого себя. Карамзин был, неоспоримо, честный человек с благородными стремлениями, человек, не способный ни на ложь, ни на лицемерие. Но Карамзин никогда не мог встать на высоту европейской идеи, он

никогда не мог проникнуть в смысл совершавшихся перед ним исторических явлений, и лицо для него всегда заслоняло идею. Патриотизм Карамзина заключался не в сердце, в голове, где жил и его сентиментализм, которым руководило воображение. Карамзин совершенно искренно хотел взять всё хорошее от немцев и англичан, но ему нужно было, чтобы это было действительно хорошее. Таким образом, его космополитизм становился в рамки его личного вкуса, личного произвола, личного выбора, и потому Карамзин остался совершенно верен себе, когда в беспокойной Европе не нашел той «тишины», какую считал необходимой для процветания и силы, и, наконец, возвёл в целую теорию те едва зарождавшиеся мысли, которые высказал в «Письмах русского путешественника» и в «Наталье, боярской дочери».

Мечты о первобытной простоте нравов, о жизни на лоне природы, о добродетелях простого человека, наконец, та естественная, страстная привязанность к предмету своего исследования, какая была в Карамзине, когда он писал «Историю», должны были привести его к предпочтению древней России новой. Ещё бы, если он никогда не выходил из неё, и с 1803 года, когда стал заниматься русской стариной, жил в отвлечённом мире прошлого! Его биограф говорит, что «вся жизнь Карамзина за последние восемь лет сосредоточивалась в его труде, который он не оставлял до последней минуты, и в тихих радостях семейной жизни. Жизни общественной и государственной он в это время уже не замечал или, по крайней мере, старался не заметить: ему хотелось жить в мире со всеми и с самим собою». Таким образом, пламенное рвение к усовершенствованию в себе человека, с которым Карамзин поехал за границу, осуществилось; но зато Карамзин уже не замечал ни государственной, ни общественной жизни. Карамзин достиг того, о чём мечтал двадцати трёх лет от роду: душу его не возмущали «тиранские страсти»...

Юрий КОЗЛОВ (р. 1954)

КЕРЕНСКИЙ ИЗ СИМБИРСКА (отрывок из книги)

За годы жизни Керенских в Симбирске произошли большие перемены. В 1879 году усилиями отставного штабс-капитана М.Ф. Прянишникова на углу Московской (ныне улица Ленина) и Спасской улиц, напротив гимназического пансионата, был построен каменный театр. 23 октября спектаклем «Бедность не порок» там открылись представления. По утверждению современников, это был самый большой и удобный из всех провинциальных театров. Ведущее место в его репертуаре заняли трагедии У. Шекспира, драмы И. Шиллера и А.Н. Островского, комедии А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя, оперы Д. Верди, П.И. Чайковского и А.Г. Рубинштейна, имевшие большой успех у симбирского зрителя. Фёдор Михайлович и Надежда Александровна Керенские старались не пропустить ни одной театральной премьеры.

В те годы в губернском городе ставились и любительские спектакли. Так, 9 марта 1880 года в огромном зале Дворянского собрания в пользу воспитанников гимназии любителями драматического искусства была поставлена пьеса В. Александрова «Так на свете всё прекрасно». В этом спектакле принимала участие супруга Керенского. Надежда Александровна и позднее не раз «участвовала в спектаклях и концертах любителей в пользу гимназистов».

К началу 1880-х годов большую популярность среди симбирян приобрела Карамзинская общественная библиотека, открытая ещё в 1848 году в здании Дворянского собрания на Венце. В 1879 году библиотека насчитывала более 26 000 книг и журналов, которыми пользовались около двух с половиной тысяч читателей. Большая часть книжного фонда была составлена из личных библиотек сына историографа Карамзина – В.Н. Карамзина, братьев Языковых, поэта-партизана Д.В. Давыдова. В 1881 году общественная библиотека пополнилась личной библиотекой писателя И.А. Гончарова, уроженца Симбирска.

Карамзинской библиотекой управлял комитет из двенадцати действительных членов во главе с председателем А.П. Языковым. «Самыми исполнительными» членами комитета являлись директор гимназии Ф.М. Керенский и ректор духовной семинарии, протоиерей Н.В. Охотин. Фёдор Михайлович поддерживал библиотеку денежными взносами, участвовал в комплектовании её фондов. Естественно, что Керенские одними из первых в городе узнавали о поступлении новинок в библиотеку и имели возможность довольно быстро знакомиться с ними.

Фёдор Михайлович и сам неплохо владел пером. Одной из его первых работ была статья, посвящённая жизни и деятельности А.Г. Волковой, начальницы Казанской Мариинской женской гимназии, и опубликованная в 1875 году в одном из поволжских изданий. А годом раньше в трёх номерах «Журнала Министерства народного просвещения» была напечатана его научная работа «Древнерусские отречённые верования и календарь Брюса». Переплетённый оттиск этой работы он передал в библиотеку с дарственной надписью на заглавном листе: «В Симбирскую Карамзинскую общественную библиотеку от автора. 17 ноября 1879 года».

1 марта 1881 года в Симбирск по телеграфу поступило правительственное сообщение о покушении на императора Александра II, который был «опасно ранен посредством подброшенных под экипаж разрывных бомб». В столице консилиум врачей заключил, что «состояние Его Величества, вследствие потери крови, безнадежно». Керенский вернулся из кафедрального собора, где состоялась панихида, чрезвычайно расстроенным. Для Фёдора Михайловича царствование Александра II, освободившего крестьян от крепостной зависимости и осуществившего ряд других прогрессивных реформ, являлось светлой полосой...

Александр ДУНАЕВСКИЙ (1909 – 1985)

ИДУ ЗА ГАШЕКОМ (отрывок из книги)

А что, если его поискать в городе? Не помнит ли старик чешского писателя и русского командира, приходившего в девятнадцатом году на Московскую?

Позвонил в дирекцию Дома-музея В.И. Ленина. Интересуюсь: кто в первые годы революции жил в этом доме? Называют фамилию Мерло. Жив ли он? Не знают. Где находится семья Мерло – неизвестно. На этот раз на помощь пришел начальник паспортного отдела ульяновской милиции. Выяснилось, что в городе есть только один человек с такой фамилией. Зовут его Виктор Гаврилович. Год рождения 1871.

Возраст вполне подходящий. Направляюсь по адресу: улица Можайского, 8. Стучу в дверь. Глухой женский голос: «Кто здесь?» – «Виктор Гаврилович дома?» – «К нему нельзя». Но стоило объяснить, зачем я пришёл, как дверь раскрылась, и на поро-

ге показалась женщина преклонных лет – Эмилия Ивановна Мерло.

Начал с наводящих вопросов: «Давно ли ваша семья в Ульяновске?» – «С одиннадцатого года. Муж строил мост через Волгу». – «Где жили?» – «По Московской, в бывшем доме Ульяновых».

Побеседовать с Виктором Гавриловичем не удалось: он был тяжело болен. Его жена, Эмилия Ивановна, предложила мне прочесть статью мужа, написанную несколько лет назад на листках из ученической тетради.

Мерло указывал, что после того как в московских и местных газетах была напечатана телеграмма Владимира Ильича бойцам 1-й армии, в домик на Московскую началось паломничество. Приходили красноармейцы, рабочие, крестьяне из окрестных сёл. В двадцатых годах здесь бывали иностран-

цы: чехи, сербы, французы...

Инженер Мерло в своих записях не называл чешского писателя. Он, конечно, не спрашивал фамилий тех, кто бывал в доме. Мог быть среди посетителей и знаменитый сатирик.

Коль речь зашла о литературе, Эмилия Ивановна посоветовала сходить в областную библиотеку: «Там что-то о Гашеке, кажется, имеется».

«Что-то о Гашеке!» Но и «что-то» человека ищущего может зачесть. Из домика на Московской «держу курс» на областную библиотеку. От её главного библиографа узнаю любопытную историю, связанную с Гашеком.

Началась она с того, что к старшему редактору ульяновского издательства А.И. Царёву, который слывёт среди местных книжников большим гашеколюбом, однажды явился старик со сборником фельетонов и рассказов Я. Гашека, изданным на русском языке. В книге были юморески о Заволжье. Посетитель объяснил, что он получил эту книгу в со-

роковом году от сына – бойца Красной армии, участвовавшего в освобождении Прибалтики.

Прочитав сборник, Царёв готов был тотчас включить его в план переизданий. Останавливало отсутствие последней страницы с выходными данными. Неизвестно было также, кто переводил гашековские фельетоны и кто их издавал. Это насторожило ульяновских издателей. Через областную библиотеку они послали запрос в Москву. Из библиотеки имени В.И. Ленина пришёл лаконичный ответ: «Такая книга в Советском Союзе не издавалась».

Тогда упорные ульяновцы обратились во Всесоюзную библиотеку иностранной литературы. Тот же ответ. Запросили Всесоюзную книжную палату. Её издательство выпустило в 1959 году библиографический указатель произведений Гашека. И снова неутешительный ответ.

После того как ни одна из московских библиотек не подтвердила авторства Гашека, книгу вернули её владельцу, и на этом поставили точку...

Андрей ПЕРЕПЕЛЯТНИКОВ (р. 1939)

ЧЁРТ (житейская история)

На тихой деревенской улочке соседствуют: одинокий пенсионер Николаич, преклонных лет, сторбленная, тщедушная старушонка Андреевна, а промеж их дворов немалою росту средних лет мужик Юра.

У Николаича из домашней живности водится здоровенный рыжий пёс Пыж да крохотных размеров, лохматая, вся в белых и чёрных пятнах кошка. На её мордочке красуется пятно, похожее на кляксу в тетрадке двоечника, потому и наречена она Кляксой. Родилась Клякса на чердаке дома своего хозяина. Пока Клякса была маленькой, мать кормила её своим молочком, а вот когда подросла, мамаша на чердак наведываться перестала, и чтобы не помереть с голоду, Клякса стала добывать себе пищу самостоятельно. Ловила на чердаке мышей и воробышек. Когда и этого провианта на чердаке не стало, она спустилась на землю и продолжила охотничать в саду и на кучах перегноя и пищевых отходов у себя и соседей, где много мышей и промышляют провиантом воробышки. Выйдешь ночью в огород и видишь две горящие точки в дальнем углу. Это Клякса сидит в засаде, выслеживая добычу.

Завелась в доме у соседа Юры мышка. Принесил он Кляксу в свой дом, но та к жизни в доме не привыкла и интереса к охоте в доме не проявила, к тому ж и дом-то не свой. Тогда купил Юра в магазине специального клея, взял небольшой обрывок плотных обоев, клеем очертил на нём круг, положил в центр приманку для мышки. Ловушку положил в кухне под стол.

Приезжает он дня через два на свою дачку и видит, что в его ловушке на клею сидит крепко приклеенная мышка. На улице вечерело. В спешке Юра вынес ловушку с пойманной мышкой на улицу и выбросил у входа в баню, собираясь попозже сжечь бумагу вместе с погубшей разбойницей в банной печи. Рядом с его баней за забором в это самое время заканчивала работу на своих аккуратных

грядках Андреевна. Юра поздоровался с приветливой соседкой и поспешил разгружать и запирать на ночь машину.

Запер Юра машину, посидел на лавочке, потягивая сигарету, и направился в дом. Когда он вышел из-за угла, увидел вращающийся с шумом клубок. С трудом в сгущавшихся сумерках рассмотрел он, что это Клякса, позарившаяся на лёгкую добычу, приклеилась к листу обоев и никак не может освободиться. Бросился Юра на помощь бедной кошке, но та, изловчившись, с шумом нырнула в дыру забора в огород Андреевны. Оказавшись по другую сторону забора, Клякса, пытаясь освободиться, продолжила борьбу с клеем ещё более энергично.

Вращающийся с шумом клубок со сверкающими страшными глазами увидела Андреевна. Недолго думая, старушка бросила мотыгу и рванула в избу, да так, что скорости её бега с препятствиями позавидовал бы любой олимпийский чемпион. Увидав перепуганную старушку, быстро ретировался в свой дом и Юра. Он испугался, что Андреевна может в темноте споткнуться, упасть и рассыпаться, а ему за всё это как бы не пришлось ещё и отвечать. Но преклонных лет спринтерша все препятствия и расстояния в темноте преодолела благополучно. Влетевши в сени, с шумом захлопнула и заперла на засов дверь.

Минут через двадцать любопытство старушки взяло верх, и Юра услышал лёгкий скрип её двери. Осторожно выглянув из-за угла бани, он увидел приоткрытую дверь дома Андреевны, а из темноты сеней сверкнули стёклами её очки.

Утром следующего дня, как только Юра появился на крыльце своего дома, у забора появилась Андреевна и, крестясь, стала рассказывать ему о вчерашнем посещении её огорода самим чёртом. Юра, едва сдерживая смех, очень внимательно слушал старушку, разглядывая обрывки обоев на аккуратных грядках своей доброй соседки...

ЯНВАРЬ 2020

1 января – 130 лет назад родилась актриса, поэтесса, драматург **Лидия Валентиновна Лесная** (1.01.1890, г. Киев – 26.03.1972, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Играла в театрах Киева, Херсона, Гомеля, Петербурга. Осенью 1910 года переехала в Симбирск, где поступила в городской театр на амплу драматической инженеру. Автор поэтических сборников «Аллеи причуд» (1915), «Жар-птица» (1922), книг детских рассказов «Гром и молния» (1925), «Затмение луны и солнца» (1926), «Как ребята в деревне театр наладили» (1926) и др.

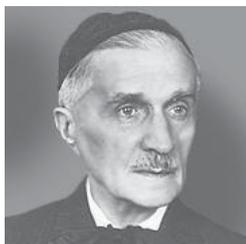

1 января – 80 лет назад родился поэт-сатирик **Валерий Александрович Фильченко** (1.01.1940, ? – 29.01.2006, г. Ульяновск). Работал главным специалистом Ульяновского отделения лицензионного центра при Госстрое России. В 1980-е гг. публиковался в газете «Ульяновский комсомолец» и более чем в 200 изданиях СССР. Автор книг «Афоризмы, приколы, анекдоты, недослышки» (2004), «Поздравления. Новогодние тосты» (2004), «Афоризмы» (2005) и др. Лауреат фестиваля юмора «Море смеха» (г. Рига).

3 января – 60 лет со дня рождения поэта **Юрия Юрьевича Селивёрстова** (3.01.1960, г. Инза Ульяновской обл. – 11.01.2015, г. Оренбург). Детство провёл в пос. Базарный Сызган Инзенского р-на. Окончил Оренбургский педагогический институт (1982). Работал учителем русского языка и литературы, журналистом в изданиях

Оренбурга. Автор поэтических книг «Стихов творение» (2001), «Жили-были» (2001), «Холодный пламень вдохновенья» (2002), «Высота глубины» (2013), «Притяжение слова» (2013) и др. Член Союза писателей России.

4 января – 145 лет назад родился прозаик, поэт **Василий Григорьевич Ян**, настоящая фамилия – Янчевецкий (4.01.1875, г. Киев – 5.08.1954, г. Звенигород Московской обл.). Окончил Петербургский университет. В 1898 году отправился пешком путешествовать по России, до-

шёл до Симбирска, где присоединился к ватаге бурлаков. В книге «Записки пешехода» (1901) описал волжские впечатления. Автор романов «Чингисхан» (1939), «Батый» (1942), «К «последнему морю» (1955) и др. Член Союза писателей СССР (1941).

4 января – 115 лет со дня рождения историка и писателя **Николая Ивановича Ульянова** (4.01.1905, г. С.-Петербург – 7.03.1985, г. Нью-Хейвен, штат Коннектикут, США). Окончил Петербургский университет (1927). В 1936 году был приговорён к 5 годам лагерей. В на-

чале войны оказался в Ульяновске, где зарабатывал на жизнь ломовым извозчиком. Затем жил в эмиграции. Автор сборников эссе и рассказов «Диптих» (1967), «Под каменным небом» (1970), «Свисток» (1972), «Скрипты» (1981), романов «Атосса» (1952), «Сириус» (1977) и др.

5 января – 175 лет назад родился писатель **Василий Иванович Немирович-Данченко** (5.01.1845, г. Тифлис, ныне Тбилиси, Грузия – 18.09.1936, г. Прага, Чехословакия). Много ездил по России, странам Европы. Весной 1876 года совершил путешествие на пароходе

по Волге, проезжал Симбирск и Сенгилей, написал о поездке книгу очерков «По Волге» (1877). Автор романов «Гроза» (1879), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперёд!» (1883), «Сторожевые огни» (1911), книга «Волчья сыть» (1879), «Цари биржи» (1886), «Монах» (1889) и др.

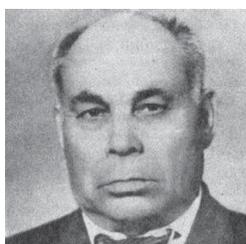
5 января – 70 лет со дня рождения писателя, журналиста **Павла Александровича Егорова** (5.01.1950, д. Кугальна Буинского р-на Татарской АССР – 18.05.1987, г. Чебоксары). Работал фотокорреспондентом в газете Сенгилеевского района Ульяновской области

(1971 – 1976). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1984). В 1985 – 1987 гг. был консультантом в Союзе писателей Чувашии. Автор книг «У тёплой реки» (1984), «На своём берегу» (1984), «Перекат» (1985), «Жить вместе» (1988) и др. Член Союза писателей СССР (1985).

6 января – 135 лет назад родился поэт, сатирик **Евгений Осипович Венский**, настоящая фамилия – Пяткин (6.01.1885, с. Средние Тимеряны Симбирского у. Симбирской губ., ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 4.11.1943, Красноярский край). Печатался в

газетах и журналах Поволжья, Петербурга, Киева, Варшавы. Автор сборников «Моё копыто. Книга великого пасквиля» (1910), «Сатира и юмор» (1912), «В тылу» (1916), «К людям вольных гор» (1919), «Опиум» (1926) и др. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

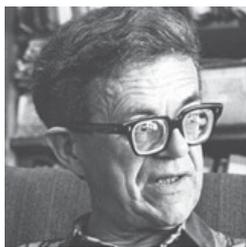
6 января – 120 лет со дня рождения чувашского прозаика **Василия Ивановича Краснова**, литературный псевдоним – Асли (6.01.1900, д. Чураково Буинского у. Казанской губ. – 19.10.1978, г. Чебоксары). Во время Гражданской войны (1918 – 1920 гг.) участвовал в подавлении контр-

революционного мятежа в Симбирске. Работал в органах ВЧК, ОГПУ, на руководящих должностях в партийных органах Чувашии. Автор книг «В гору» (1931), «В огне» (1932), «Моя школа» (1963), «Негасимое солнце» (1965) и др. Член Союза писателей СССР (1934).

7 января – 60-летний юбилей отмечает писательница **Надежда Васильевна Смирнова** (р. 7.01.1960, г. Свердловск, ныне Екатеринбург). Автор сборников стихов «Раскинуть руки и – лететь!» (2001), «Не спалось душе моей...» (2005), «Чем жива душа» (2006), «Как

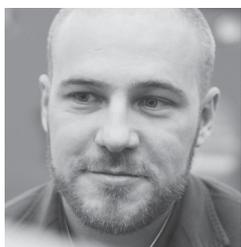
медленно я шла сама к себе» (2008) и др. Бывала в Ульяновске, приняла участие в поэтическом турнире, организованном Ульяновским отделением ВОС. Финалист Всероссийской литературной премии им. П.П. Бажова (2008). Член Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

8 января – 95 лет со дня рождения историка, краеведа **Сергея Львовича Сытина** (8.01.1925, г. Москва – 3.06.2001, г. Ульяновск). Окончил исторический факультет МГУ (1947). С 1952 года жил в Ульяновске, преподавал в педагогическом институте, много лет заведовал кафедрой всеобщей истории. Автор многих краеведческих публикаций, а также книг «Школьный историко-революционный музей» (1976), «Симбирск глазами фотографов и историка» (1999) и др. Почётный гражданин города Ульяновска (1999).

9 января – 135 лет назад родился писатель, драматург **Владимир Наумович Билль-Белоцерковский** (9.01.1885, г. Александрия Херсонской губ., ныне Кировоградской обл. Украины – 1.03.1970, г. Москва). В 1911 году уехал в США. Жил и работал в Симбирске в 1919 – 1921 гг., выпустил здесь сборник рассказов «Смех сквозь слёзы», пьесы «Бифштекс с кровью» и «Этапы», поставленные на сцене местного театра. Автор пьес «Эхо» (1924), «Штиль» (1927), «Жизнь зовёт» (1934) и др. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1935).

9 января – 35-летний юбилей отмечает поэт и режиссёр **Юрий Владимирович Толочко** (9.01.1985, г. Рубежное Луганской обл. Украинской ССР). С 1990 года живёт в Казахстане. Окончил Казахскую национальную академию музыки. Работает преподавателем в Казахском национальном университете искусств (г. Нур-Султан). Автор сборников «Стихотворения» (2003), «Ветвь» (2005), «Африканская девочка» (2007), «Ромашки на белой кошме» (2011) и др. Участник Международного культурного форума в Ульяновске 10 – 12 сентября 2015 года.

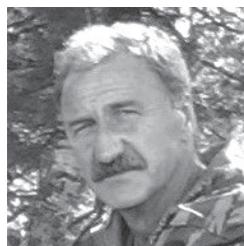

12 января – 285 лет назад родился историк **Иван Никитич Болтин** (12.01.1735, с. Ждамирово Алатырской провинции Нижегородской губ., ныне Сурского р-на Ульяновской обл. – 17.10.1792, г. С.-Петербург). В начале 1750-х гг. познакомился с М.В. Ломоносовым, В.К. Тредиаковским, А.П. Сумароковым. Написал примечания к «Истории Российской» М.М. Щербатова. Вместе с А.И. Мусиным-Пушкиным и И.П. Елагиным готовил к печати «Поучение Мономаха», «Правду Русскую», работал над переводом «Слова о полку Игореве».

12 января – 260 лет со дня рождения переводчика **Петра Петровича Тургенева** (не ранее 12.01.1760, ? – не ранее 25.11.1837, ?). Младший брат И.П. Тургенева. Учился в Московском университете. С 1782 года сотрудничал в изданиях Н.И. Новикова и журнале «Вечерняя заря» в качестве переводчика. В 1796, 1812 – 1814 гг. – предводитель дворянства Сенгилеевского у., в 1809 – 1811 гг. – Ставропольского у. Симбирской губ. Жил в одном из своих имений в Симбирске. С 1818 года – почётный член симбирской масонской ложи «Ключ к добродетели».

13 января – 105 лет назад родился краевед, прозаик **Олег Вячеславович Рождественский** (13.01.1915, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 3.01.1989, там же). Учился в Ульяновском пединституте. Работал научным сотрудником Ульяновского областного краеведческого музея, изучал позвоночных животных. В 1960 – 1970-х гг. опубликовал в газете «Ульяновская правда» под рубрикой «Заметки натуралиста» около 400 миниатюр о природе. Приволжское книжное издательство в 1976 году планировало издать их отдельной книгой «Лесные узоры».

13 января – 60-летний юбилей отмечает поэт, прозаик **Константин Викторович Еланцев** (р. 13.01.1960, пос. Базарный Сызган Ульяновской обл.). Окончил геологоразведочный техникум в Иркутске (1979). Работал в геологических организациях Сибири. Публиковался в сборниках и журналах «Атланты», «Российская литература», «Автограф», «Чувства без границ» и др. Член Международного союза писателей «Новый Современник» (2012). С 2014 года живёт в Базарном Сызгане. Автор поэтического сборника «Моя малая Русь» (2016).

14 января – 125 лет назад родился поэт **Николай Владимирович Арнольд** (14.01.1895, г. Симбирск – 9.09.1963, г. Москва). Потомок поэта-сатирика С.Н. Марина, праправнук писателя С.Т. Аксакова. Окончил Симбирский кадетский корпус (1913). Печатался в газете «Симбирянин». Работал в газете «Утро Сибири», был сотрудником Государственного литературного музея в Москве. Автор поэмы «Декабрист В.П. Ивашев и Камила Ле-Дантю», стихов, посвящённых Симбирску, Венцу, Киндяковке, Поливне, известным симбирянам.

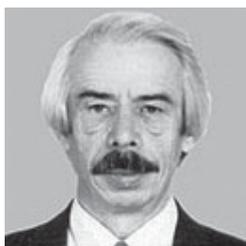
15 января – 225 лет со дня рождения поэта и драматурга **Александра Сергеевича Грибоедова** (15.01.1795, г. Москва – 11.02.1829, г. Тегеран). Его прадед И.И. Аргамаков, прабабка В.И. Анненкова и дед Ф.А. Грибоедов были владельцами имения в с. Степное Анненково Симбирского уезда. Писал стихи, пьесы, музыку. В 1826 году в С.-Петербурге по делу декабристов содержался под арестом вместе с М.П. Бартаевым. Имя Грибоедова носит улица в Ульяновске. Комедия «Горе от ума» не раз ставилась в Ульяновском театре драмы.

15 января – 85-летний юбилей отмечает краевед и публицист **Александр Михайлович Богатов** (15.01.1935, с. Кундюковка Ульяновского р-на Средневолжского края, ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский педагогический институт. Трудился учителем, корреспондентом газеты, был партийным работником. Автор книг «Село на Московском тракте» (2000), «Кундюковка – село в степной долине» (2003), «Пора факел зажечь» и др. Член Союза журналистов России. Почётный гражданин Цильнинского района (2008).

18 января – 185 лет со дня рождения писательницы **Марии Васильевны Трубниковой**, в девичестве Ивашевой (18.01.1835, Петровский Завод, ныне г. Петровск-Забайкальский Забайкальского края – 10.05.1897, г. Тамбов, похоронена в С.-Петербурге). Дочь декабриста В.П. Ивашева. После смерти родителей несколько лет жила в с. Ундоры и с. Архангельское Симбирской губ. Деятельница женского движения, журналистка, публиковалась в газетах и журналах. Переводила зарубежные романы, в т.ч. книгу Женни д'Эрикур «Свободная женщина».

18 января – 75-летний юбилей отмечает поэт **Пётр Алексеевич Шушков** (р. 18.01.1945, с. Тумутук Тумутукского р-на ТАССР, ныне Азнакаевского р-на РТ). Окончил Ульяновский политехнический институт (1972). Более 20 лет работал инженером на механическом заводе. Публиковался в газетах «Ульяновский комсомолец», «Ульяновская правда», «Авангард», в альманахе «Литературный Ульяновск», «Антологии русского лиризма. XX век» (Москва). Автор поэтического сборника «Русское слово» (2009). Живёт в Ульяновске.

22 января – 100 лет назад родился писатель и журналист **Леопольд Лабец** (22.01.1920, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 22.03.1993, г. Лондон, Великобритания). Окончил Варшавский университет. В 1939 году был арестован советскими властями и депортирован в Сибирь. Покинул Советский Союз в 1942 году. После войны переехал в Лондон. Автор книг «Литература и революция в Советской России: 1917 – 1962» (1963), «Международный коммунизм после Хрущёва» (1965), «Солженицын: документальная повесть» (1974) и др.

23 января – 185 лет со дня рождения протоиерея, духовного писателя **Евфимия Александровича Малова** (23.01.1835, с. Тереньга Сегилеевского у. Симбирской губ., ныне посёлок Ульяновской обл. – 25.02.1918, г. Казань). Окончил Симбирскую семинарию (1858), Казанскую духовную академию (1862). Служил священником в Богоявленской церкви Казани. Автор трудов «Приходы старокрещенных и новокрещенных татар» (1865), «О татарских мечетях в России» (1867 – 1868), «О чувашах» (1882), «Вразумление раскольникам» (1891) и др.

24 января – 70 лет назад родился поэт и публицист **Валерий Леонидович Гордеев** (24.01.1950, г. Мелекес, ныне Димитровград Ульяновской обл. – 10.02.2013, там же). Окончил Казанский университет (1976). Работал в газетах и журналах Узбекистана и Ульяновской области, редактором журнала «Черемшан». Автор поэтических сборников «Маршальский жезл» (1980), «Доверие» (1982), «Родство» (1985), «Чёрный собор» (1997), книг «Бери да помни. Мелекесские истории» (2000, 2012). Член Союза писателей России.

27 января – 135 лет назад родился режиссёр и сценарист **Чеслав Генрихович Сабинский** (27.01.1885, д. Вилькобруйка Вилькомирского у. Ковенской губ., ныне Каунасского у. Литвы – 11.06.1941, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). С 1911 года снимал фильмы на киностудии Тимана и Рейнгардта. В 1912 году приезжал в Симбирск для съёмок фильма «Гроза» по драме А.Н. Островского, которые проводились на Венце на фоне Волги. Сценарист фильмов «Княжна Тараканова» (1910), «Цыгане» (1910), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1911) и др.

27 января – 35-летний юбилей отмечает поэт и прозаик **Александр Анатольевич Приданов** (р. 27.01.1985, с. Андреевка Чердаклинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (2007). Автор поэтических сборников «Нечто большее» (2008), «Тайна слова» (2010), «За краем небес» (2012), «Двоеочие» (2015). Лауреат областной поэтической премии им. Н.Н. Благова в молодёжной номинации (2015).

29 января – 160 лет назад родился писатель **Антон Павлович Чехов** (29.01.1860, г. Таганрог Екатеринославской губ., ныне Ростовской обл. – 15.07.1904, Баденвайлер, Германия). Автор многих рассказов, повестей, пьес «Вишнёвый сад», «Три сестры», «Чайка», «Дядя Ваня» и др. Был проездом в Симбирской губернии в начале июля 1901 года, добираясь до Самары из кумысолечебницы под Уфой на пароходе по Каме и Волге. Именем Чехова названа одна из улиц Ульяновска. Пьесы не раз ставились на сцене Ульяновского драмтеатра.

31 января – 190 лет со дня рождения этнографа, публициста **Владимира Петровича Юрлова** (31.01.1830, с. Спешневка Сенгилеевского у. Симбирской губ., ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – 1903, г. Симбирск). В 1849 году был уволен из армии и вернулся в Симбирск. Опубликовал в «Симбирских губернских ведомостях» около 150 статей, сочинял патриотические стихи. Действительный член Русского географического общества. Написал «Этнографические очерки Симбирского Поволжья», «Мысли о крестьянском вопросе» и др.

31 января – 115 лет назад родился поэт и переводчик **Вениамин Константинович Жак** (31.01.1905, г. Петровск-Порт Дагестанской обл., ныне г. Махачкала – 30.03.1982, г. Ростов-на-Дону). С 1918-го жил в Ростове-на-Дону. Работал в библиотеках, был редактором альманаха «Литературный Ростов». В 1942 и 1943 годах приезжал в Мелекесс, где находилась в эвакуации его семья. Автор около 50 книг: «Крутизна», «Бег на выдержку», «Звонки», «Подснежник», «Кто зажёт свет», «Цветные сны» и др. Член Союза писателей СССР (1934).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ЯНВАРЯ

Лидия ЛЕСНАЯ (1890 – 1972)

* * *

Я помню полки, много, много книг –
И самый воздух – одухотворённый.
Весь этот час, как странный миг,
Волнением моим и вашим сотворённый.
Я помню розу красную на письменном столе,
Ваш взгляд, прикованный
к моим капризным строкам, –
В них аромат греха вам кажется пороком,
А мне – исканьем рая на земле.

* * *

Можно любоваться красивым бокалом,
Но когда он пуст, он просто – белое стекло.
Он становится золотым или алым
С той минуты, как вино в него потекло.
И я была, как стекло бокала,
Пока мечта о тебе меня ещё не ласкала.
Но ты влил в меня страсть,
как золотую пену вина,
И я стала алой –
И ты выпил меня до дна.

КАК ЦВЕТОК

Мне сладко было пить густой пахучий яд,
Как бархат красных роз
в большом пучке мимозы...
О празднике далёком говорят
Мне лепестки увядшей красной розы.
Я вспоминаю... я пьянею...
Целует лепестки горячий жадный рот...
Я пламенею...
О, роза красная! Цвели мы с ней – и вот –
Я вяну вместе с нею.

ПУТИ

Я помню важные лица
Тех, которые говорили: пой, как птица.
И ещё был голос чей-то:
Птицы наскучили, пой как флейта.
И ещё кто-то сказал с надменной улыбкой:
Вот если бы ты пела скрипкой...
И только теперь мне понятно,
в чём радость моя:
Я пою так, как пою – я.

Валерий ФИЛЬЧЕНКО (1940 – 2006)

РАЗНЫМИ ПУТЯМИ

С получкой к жёнам и ребятам
Спешат, закончив день, мужья.
Одни приносят в дом зарплату,
Других приносят в дом друзья!

РАЗБОРЧИВЫЙ ЖЕНИХ

Уж которую весну
Математик ходит хмурый –
Ищет он себе жену
С равнобедренной фигурой!

ГДЕ ИСТИНА?

Хвалился пьяный, привалясь к стене:
«Вино я выпил – истина во мне!»

НЕДУГ

У графомана жизнь сурова –
Страдает недержаньем слова!

ЧАЯНОВСКИЕ ЧАСТУШКИ

Я не знаю, как у вас,
А у нас в Ботсване,
Если купишь ананас –
Пустота в кармане!

Я не знаю, как у вас,
А у нас в Париже
Выставляют дамы таз
И то, что пониже!

Я не знаю, как у вас,
А у нас в Тибете
Не увидишь в поздний час
Алкашей в кювете!

Я не знаю, как у вас,
А у нас в Иране
Не показывают глаз
Женских на экране!

Я не знаю, как у вас,
А у нас в Якутии
Колют лёд и топчут наст –
Ждут приезда Путина.

Юрий СЕЛИВЁРСТОВ (1960 – 2015)

Брызнул град, как жемчуг по полу,
Развесёлым беспорядком...
Пробежал торопко по полю,
Покружил чуток по грядкам.

В лужу плюхнулся нечаянно,
Постучал ко мне в оконце...
И пустился прочь отчаянно,
Обогнав себя и солнце.

Ну и ладно – распогодится!
Дел-то всех – одна минутка...
Просто бусы Богородицы
Оборвал во сне малютка...

Любовь была пока ничья,
Сбегая робко по откосу...
Ты мыла ноги у ручья,
Сронив с плеча тугую косу.

Я знал, что счастье впереди,
Что жизнь, как зоренька, безбрежна,
Но вдруг заухало в груди
И защемило нежно-нежно.

Ведь ту любовь, пока ничью,
Я разглядел ещё с дороги,
Приревновав её к ручью,
Взахлёб целующему ноги.

Не Муза пришла,
А какая-то гадина...
Глядит исподлобья –
Хоть выплюй глаза!
Разверзлась в душе
Марианская впадина,
И канули в бездну
Мои паруса...

Тугие мои,
Штормовые, гудящие
Разорваны в клочья –
Уже не зашить...
Поэзия –
Девка, конечно, гулящая,
Но мало ли с кем
Нам приходится жить.

Евгений ВЕНСКИЙ (1885 – 1943)

Хочу на дачу... Хочу к чухонцам...
Хочу столицу скорей забыть.
Купаться в море весь день под солнцем,
Варить варенье и сливки пить.
И, в огородность уйдя под иву,
Копать там грядки и счастьем млеть,
Хочу читать я лишь «Свет» и «Ниву»...
«У моря ночью» закат смотреть.
Столичной жизни забуду вздорность,
Газет, кузенов, жены родню.
Забью забором дверь в коридорность, –
Счастливо-гордым себя возмню.
А вечер – еду винтить к соседу...
А ночью – в садик, и там кучу.
Итак, я еду на дачу в среду...
Ни слова, тёща! Я так хочу!..

Стихи певучи, как баранина,
Как мыло «Ландыш» от Рале.
Ах!.. Кто пошлее Северянина
На эго-снеговой земле?

Никто! Люблю восторг я всяческий
И удивленья общий гул.
Живу на Средней на Подъяческой,
Но к славе лезу, точно мул.

Люблю пройтись я с горняшкою,
Как господу, вдоль по Морской,
В «Торжке» сидеть за чайной чашкою,
Стихи писамши день-деньской;

Люблю сниматься в чёрной блузке я
А la Бодлер и Поль Верлен;
Люблю читать, как рати русские
Берут трусливых немцев в плен.

Люблю пропеть в бульварной прессе я,
Что предо мной Берлин падёт...
Своя у каждого профессия,
И всяк по-свойски...

Надежда СМЕРНОВА (р. 1960)

* * *

Не жгите меня в крематории!
Похороните в земле
меж тётей и бабкой, которая
была больше матери мне!

Душа то ли в ад, то ли на небо,
а то, что вчера было мной
вновь к белому свету когда-нибудь
пробьётся ромашкой лесной.

* * *

Жизнь порой – такая штука –
стережёт исподтишка,
мелет мельницею муку
для бездонного мешка.

Краем глаза смотрит косо,
гнёт безжалостно в дугу,
и висят мои вопросы
на отвесном берегу.

Заполотно сердце бьётся
всё быстрее, всё больней.
Я не знаю, как бороться
с ней...

* * *

Облако на ниточках дождя
плавню вдаль плывёт воздушным шаром
над зеркально-мокрым тротуаром,
где, машиной грузовой гудя,
человечек на велосипеде
вслед за ним на трёх колёсах едет.

И пытается поймать – дитя –
облако за ниточку дождя.

* * *

...Словно деревенский дурачок
всё дивлюсь букашке и былинке...

И душа – запечный мой сверчок –
радуется Пушкину и Глинке!

Юрий ТОЛОЧКО (р. 1985)

АРБА

Не скрипи! Не плачь! Пойми,
Отдыхать нам ещё рано!
Не проехали мы мир
Завывающих буранов.

Ты вези меня, арба,
Через вьюги, через холод,
Через всё, что даст судьба, –
В наш уютный, тёплый город!

Там разрежу я арбуз
И раздам хорошим людям.
И тебя, мою арбу,
На руках носить мы будем.

Потерпи пока что боль!
На коленях спит барашек.
Мы возьмём его с собой
На луга и пашни наши.

Пусть почувствует покой
И не знает стужи зимней.
Пусть ромашки и левкой
Его холят, будто сына.

Станет всеми он любим –
Все поймут, что он от Бога.
И подарит Бог двоим
Лёгкую к себе дорогу.

ЦВЕТЫ ВИНОВАТЫ

Прячется солнце, хотя ещё рано.
Моем лысые скверы февраль.
У кареглазой старушки в тюрбане
я покупаю цветущий миндаль.

Ты принимаешь букет, но не рада.
Слёзы. Во мрак уплывает пальто.
Я догоняю тебя. Иду рядом:
– Ну нет в это время других цветов!

Взрыв. Из метро не вернуться. Потеряна
ты – укрывает земля.
Разве я знал, что по старым поверьям
дарят к разлуке цветы миндаля.

Константин ЕЛАНЦЕВ (р. 1960)

ВЧЕРА

...Вчера случайно, как на киноплёнке,
Во сне тревожном вдруг увидел я –
Бежит, смеясь, по улице девчонка,
Девчонка – одноклассница моя.
Кричу ей вслед, прошу остановиться,
Вот только имя вспомнить не могу!
Бегу за ней, она сильней резвится,
Я ж, спотыкаясь, падаю в снегу.
...Свою судьбу, как шалую девчонку,
Не смог поймать, потом не смог простить...
Эх, если б можно эту киноплёнку
Во сне сначала было прокрутить...

ТЁПЛЫЙ ДОМ

В окна смотрит запоздалый вечер,
Звёздный свет колышется во мгле.
И назло судьбе не гаснут свечи
В самом тёплом доме на земле.

Этот дом, наверно, лучший самый.
В нём биенье дорогих сердец.
Там на кухне суетится мама,
Подшивает валенки отец.

Там в часах давно живёт кукушка,
Ароматом в печке дышат щи.
И берёзка рядом на опушке
От мороза по ночам трещит...

ЗАПАХ СЧАСТЬЯ

Она всегда во мне живёт, ей богу!
И устоять пред ней бессилён я.
Тоска моя, зовущая в дорогу,
Из городов в таёжные края.

Свободой переполненное сердце
Болит ночами, отгоняя сон.
И твёрдо знаю – никуда не деться,
Пока свобода с сердцем в унисон.

Дождём весенним небеса качает,
И запах счастья там, на берегу,
Где зимовьё давно по мне скучает.
...А я никак собраться не могу.

Николай АРНОЛЬД (1895 – 1963)

ДЕНИС ДАВЫДОВ В СИМБИРСКОЙ ВОТЧИНЕ

От своры спущенной собак
Бегут затравленные лисы,
Храпит усталый аргамак,
Дымится жуковский табак
В походной трубочке Дениса.

В сызранской вотчине поэт
Охотой и хозяйством занят.
Давно заржавил пистолет,
Поддёвкой заменён колет,
И партизан не партизанит.

К Бестужеву иль в Акшут
Заедет по привычке старой,
Он и в отставке, и женат,
Лихой гусар «полусолдат»
Ночами пишет мемуары.

«Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?»
Напрасно сетует поэт –
Давыдову подобных нет
В «крученье» пик, стиха и прозы.

И блещет сабли полосой
Живая мысль в его рассказе...
Гусар любил «красивый бой»,
Но сердце пробило отбой
Не средь мечей, а в Верхней Мазе.

В МОСКВУ

Спасать Святую Русь в Москву,
с порывом страстным
К древнейшим стенам Русского Кремля,
Не с красным знаменем,
а с бело-сине-красным
Идёт могучая военная семья.

«Вперёд» несётся клич родного полководца,
«В Москву» –
кричат войска восторженно – «идём!»
И сердце русское нетерпеливо бьётся:
«За матушку Москву мы с радостью умрём».

Сияет крест Блаженного Василья,
Пожарский с Мининым указывают путь:
Как родину спасти от красного засилья,
Мы – русские, и мы должны дерзнуть!

Александр ГРИБОЕДОВ (1795 – 1829)

ОТ АПОЛЛОНА

На замечанье Феб даёт,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тиснению
Не по его внушенью!

1815

ОСВОБОЖДЁННЫЙ

Луг шелковый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?.. но я один!..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

1826

* * *

– По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
– За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!..
– Ему не свято ничего...
– Он враг царю!..
– Он друг сестрицын!..
– Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесят ли его?..

1826

Пётр ШУШКОВ (р. 1945)

* * *

Кто-то нёс печали из колодца...
И полезла сорная трава.
Лишь одной крапиве удаётся
выживать под горькие слова.

Зарастает тропка понемногу,
жизнь другой дорогою пошла –
видно, не тому молились Богу
жители погибшего села.

Видно, люди много бедовали,
оттого и бросились в бега...
Или слишком робко воевали,
чтобы чёрту обломать рога.

* * *

Тесен мир – не обойтись без драки,
если недруг твой не сокрушён.
Все поэты были забияки,
все поэты лезли на рожон.

В этом есть, наверно, роковое:
если Пушкин, значит, и Дантес, –
никогда Прекрасное и Злое
не отыщут общий интерес.

Мир всегда находится на грани
нового и прожитого дней, –
Значит, если мне не жить в обмане,
кто-то будет целиться в меня.

* * *

Брошу правую руку на Запад,
брошу левую – на Восток,
лягу так, буду впитывать запахи,
и раскроется Русь, как цветок.

И волшебным дыханием сказок
незабвенные предки мои
оживут: алой кровью я связан
с добротой и печалью Земли.

Мне знакомо безбрежие жизни,
безраздельность великой любви, –
потому нет во мне укоризны,
только сердце немного болит.

Есть чужое и в новом, и в вечном –
никогда не сойдутся концы;
потому жить легко и беспечно
на земле не стремились отцы.

Валерий ГОРДЕЕВ (1950 – 2013)**ОТ ЯЗЫКОВА...**

1

«Свет Родионовна, забуду ли тебя?» –
Писал Языков, лаской переполнен...
Да, няню Пушкина
как нежный свет он помнил,
Строкой печали ей во след скорбя.
Изящество и буйство мысли редкой
Сошлись в Тригорском,
время всполошив.
Поэтов не было: ни малых, ни больших, –
Как нет пустышных лепестков на ветках...
Их две свечи, колеблясь, пламенея,
Друг друга обжигали, трепеща.
Успокоения у няни сообща
Искали две души. Два Гименея...

2

Да, этот парк хранит свои преданья:
Ель над прудом, беседка, бывший дом...
Ну что ещё? Невысказанность тайны?
Мы памяти покою не даём,
«Открытий чудных» жаждем мы сегодня!
Не скажется ль история нам сводней,
Которую на помощь призовём?
Хранить и то, что в малом нам досталось.
Хранить себя, грядущие века;
Да, Пушкина и муз его не стало,
Да, ломают нас заботы и усталость,
Но что ж к перу так тянется рука?

КАМЕНЬ

Я помню: на окраине села
Был камень, испещрённый именами.
В молчанье строгом женщина была –
Недвижимы и женщина, и камень.

Да, сколько их –
таких камней безвестных,
Что по дорогам родины стоят.
А рядом ждут,
не веря в смерть, невесты,
И каменеют матери солдат.

Александр ПРИДАНОВ (р. 1985)

* * *

В деревне та же, что у Бога, благодать:
Река блестит на вытянутой травке,
Улыбку расплетает Солнечная Рать,
И хочется дышать, подобно Кафке.

Туман над речкой норовит уйти.
Но кто ж его в шестом часу отпустит?!
Меня проводит. Доброго пути
Не пожелает. Я уеду с грустью.

А солнышко смеётся нараспев
И мило помещается в ладошке.
И я пою с утра, и слышат те,
Кто хочет слышать хоть немножко.

* * *

Мою молитву не соткали губы
Из слов, что тлен во временном бегу.
Она звучал там, где было б грубо
Шептать слова. Её уберегу.
Мою молитву родила стихия
И солнца свет, коснувшийся травы,
Волнение ветра, колыхнувши силы,
И мощь Земли, рождённой не в крови.
Она звучала в каждой клетке тела,
Казалось, всё вокруг играло в такт.
И Бог услышал, и Душа летела
И слышала, шептала: «Так, всё так!».

* * *

Там нет меня, где жгут листву,
Где солнце прячут около.
Я там, где никогда не мрут,
Я там, где никому не врут
И в небо с криком сокола
Взмывают. Вниз не могут пасть,
Дивясь просторам временно.
Как снег слетаем, чтоб украсть
Тот воздух полной грудью всласть.
И дышит тело в стремени...

Вениамин ЖАК (1905 – 1982)

ДВЕ СТРОЧКИ ПУШКИНА

1
Давным-давно все сказаны слова,
А сердце их не пишет под копирку.
И вновь моя пылает голова,
Как в юности, – восторженно и пылко...

Быть может, внук, в летах меня догнав,
На собственных внучат
вдруг поглядев зазорно,
Подружке седенькой промолвит:
– Пушкин прав:
«Любви все возрасты покорны».

2
«На свете счастья нет, но есть покой и воля».
Но и покоя нет. И воли часто нет...
И всё же счастлив я мне выпавшею долей
Почти полвека – столько долгих лет.
Пока в державном ласковом соседстве
На сердце у меня рука твоя лежит,
Так безоглядно радуется сердце
Возможности любить, обязанности жить!

ПОСЛЕ БОМБЁЖКИ

Катился с неба вой фугасок,
Зенитки били, разъярясь,
И стены, потолки, каркасы
Валились наземь – в кровь и в грязь.
Рассвет. Отбой. А на земле
Ещё дымит кирпич горячий...
И дети роются в золе,
Давно охрипшие от плача.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

На газонах – пышные перинки,
На аллеях – белые простынки.
Для озябших веток рукавицы
Подарил деревьям добрый снег.
Звёзды, как серебряные птицы,
В зимний парк слетелись на ночлег.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ЯНВАРЯ

Василий ЯН (1875 – 1954)

ЗАПИСКИ ПЕШЕХОДА (отрывок из книги)

Это было осенью. Выйдя из города, я пошёл по дороге не в мороз и не в оттепель. Лыдинками затянуло лужи, кругом по равнине расстилались коричневые сырые поля, кое-где редкими белыми пятнами лежал тающий снег.

Вдали виднелись небольшие рощи с молодыми тонкими деревьями, обнажёнными от листьев. Галки и вороны стаями летали по небу, прыгали по дороге и садились на мятые, низкие, полузамёрзшие озими. Иногда по дороге встречались мужики, возвращавшиеся из города. Бесчисленные облака как

будто застыли на сером небе в таком же задумчивом молчании, как и природа этой равнины.

Меня перегоняло много мужиков. Их маленькие взъерошенные лошадки мелкой рысью бежали по дороге; в телегах лежали мужики, предоставив лошадам бежать как вздумается.

В одном месте у спуска к ручью, где дорога была изрыта колеями, полными воды, шагом плелись три телеги. Мужики, соскочив на землю, шли рядом.

– Далеко идёшь? – спросил меня один из мужиков.

– Не знаю, далеко ли, – ответил я, – далеко ли, близко ли, как своё дело найду.

– По какому же делу ты идёшь?

– Моё дело такое, иду по России и хочу узнать, есть ли на свете счастье?

– Ишь ты какой, на слова гораздый! – недоверчиво стал всматриваться в меня собеседник.

– А что такое счастье? – воскликнул другой мужик, молодой парень. – Вот когда деньги звенят в кармане, вошёл в кабак, подошёл к стойке: «подходи ребята, всех я угощаю!» Да ещё девка при этом хорошая, – вот тебе и счастье!

– Нет, ты не ладно сказал, это счастье только до завтрашнего дня, сегодня счастье, а завтра голова болит.

– А ты, дядя, скажи, что такое счастье?

– Счастье? А я и не знаю, что такое счастье, в нашу деревню оно не заходит, да и на дороге я его тоже не встречал. Ты попытай, может, где в других местах оно живёт, счастье-то!

– А вот третий что ещё скажет? Ты как насчёт счастья думаешь?

– Я думаю, что счастье – это кто человек, значит, рассудительный, себя соблюдает; может всё справиться как следует быть, и в дороге, к примеру, тоже себя соблюдает и в хозяйстве тоже человек ка-

рахтерный, вот это и есть счастье!

Посмотрел я на этого мужика: одежка на нём заплатанная, из шапки дыры глядят, даже лапти растрепались.

– Да ты на меня не смотри, это я ведь не про себя говорю. Потому я сказал про счастье, что у меня самого двугривенный в кармане не залежится, сейчас его в кабак снесу.

– Так куда же ты всё-таки идёшь? Мы же видим, что счастьем ты это нам зубы заговариваешь.

– Я знаю, ты, верно, в деревню Заболоть идёшь?

– Да.

– Не к Митрию ли Иванову?

– Да.

– Так-то. Смотрю я и думаю: верно, он к Митрию Иванову в Заболоть идёт!..

Мужики уехали вперёд. Я никогда в Заболоть не собирался и не слыхивал про неё, а подавно о каком-то «Митрии». Вёрст через десять я подошёл к опушке леса, возле неё расплозились по склону несколько изб. Баба, бравшая воду у колодца, сказала, что эта деревня – Заболоть, а Митрий Иванов возле самого леса, в крайней избе.

Было часа 4 дня, когда осенние сумерки начинают заволакивать туманом даль...

Николай УЛЬЯНОВ (1905 – 1985)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УКРАИНСКОГО СЕПАРАТИЗМА (отрывок из книги)

Когда говорят о «национальном угнетении» как о причине возникновения украинского сепаратизма, то либо забывают, либо вовсе не знают, что появился он в такое время, когда не только москальского гнёта, но самих москалей на Украине не было. Он существовал уже в момент присоединения Малороссии к Московскому Государству, и едва ли не первым сепаратистом был сам гетман Богдан Хмельницкий, с именем которого связано воссоединение двух половин древнего русского государства.

Не прошло и двух лет со дня присяги на подданство царю Алексею Михайловичу, как в Москву стали поступать сведения о нелояльном поведении Хмельницкого, о нарушении им присяги. Проверив слухи и убедившись в их правильности, правительство вынуждено было послать в Чигирин окольного Фёдора Бутурлина и думного дьяка Михайлова, дабы поставить на вид гетману неблагоприятность его поведения. «Обещал ты гетман Богдан Хмельницкий со всем войском запорожским в святой Божией церкви по непорочной Христовой заповеди перед святым Евангелием, служить и быть в подданстве и послушании под высокой рукой его царского величества и во всём ему великому государю добра хотеть, а ныне слышим мы, что ты желаешь добра не его царскому величеству, а Ракочию и, ещё хуже, соединились вы с неприятелем великого государя Карлом Густавом, королём шведским, который с помощью войска запорожского его царского величества, отторгнул многие города польские. И ты гетман оказал пособие шведскому королю без

соизволения великого государя, забыл страх Божий и свою присягу перед святым Евангелием».

Хмельницкого упрекали в своеволии, в недисциплинированности, но не допускали ещё мысли об отложении его от Московского Государства. А между тем, ни Бутурлин, ни бояре, ни Алексей Михайлович не знали, что имели дело с двоюродником, признававшим над собой власть двух государей, факт этот стал известен в XIX веке, когда историком Н.И. Костомаровым найдены были две турецкие грамоты Мехмет-Султана к Хмельницкому, из которых видно, что гетман, отдавшись под руку царя московского, состоял в то же время подданным султана турецкого. Турецкое подданство он принял ещё в 1650 году, когда ему послали из Константинополя «штуку златоглаву» и кафтан, «чтобы вы с уверенностью возложили на себя этот кафтан, в том смысле, что вы теперь стали нашим верным данником».

Знали об этом событии, видимо, лишь немногие приближённые Богдана, в то время, как от казаков и от всего народа малороссийского оно скрывалось. Отправляясь в 1654 году в Переяславль на раду, Хмельницкий не отказался от прежнего подданства и не снял турецкого кафтана, надев поверх него московскую шубу.

Через полтора с лишним года после присяги Москве султан шлёт новую грамоту, из которой видно, что Богдан и не думал порывать с Портой, но всячески старался представить ей в неверном свете своё соединение с Москвой. Факт нового подданства он скрыл от Константинополя, объяснив всё дело как временный союз, вызванный трудными

обстоятельствами. Он по-прежнему просил султана считать его своим верным вассалом, за что удостоился милостивого слова и заверение в высоком покровительстве.

Двоедушие Хмельницкого не представляло чего-нибудь исключительного; вся казачья старшина настроена была таким же образом. Не успела она принести присягу Москве, как многие дали понять, что не желают оставаться ей верными. Во главе нарушивших клятву оказались такие видные люди, как Богун и Серко. Серко ушёл в Запорожье, где стал кошевым атаманом, Богун, уманский полковник и герой Хмельничины, сложив присягу, начал мутить всё Побужье.

Были случаи прямого уклонения от присяги. Это касается, прежде всего, высшего духовенства, враждебно относившегося к идее соединения с Москвой. Но и запорожцы, вовсе не высказывавшие

такой вражды, вели себя не лучше. Когда Богдан окончательно решил отдаться царю, он запросил мнение Сечи, этой метрополии казачества. Сечевики ответили письмом, выразившим их полное согласие на переход «всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущего, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего монарха российского». И после того, как присоединение состоялось и Богдан прислал им в Сечь списки с жалованных царских грамот, запорожцы выражали радость по поводу «закрепления и подтверждения превысоким монархом стародавних прав и вольностей войска малороссийского народа»; они воздавали «хвалу и благодарность Пресвятой Троице и поклоняемому Богу и низжайшее челобитствие пресветлейшему государю». Когда же дошло до присяги этому государю, запорожцы притихли и замолчали...

Василий НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО (1845 – 1936)

СОБАКА (отрывок из рассказа)

И вдруг мы вздрогнули оба. Близко-близко залаяла собака. Отчаянно, точно на помощь звала. Нам было не до неё. Мы старались не слышать. Но как это было сделать, когда лай становился всё ближе и оглушительнее. Собака, очевидно, бежала по всей линии костров, не останавливаясь нигде.

Нас уже пригревало костром, у меня глаза слепались, и ни с того ни с сего я даже дома очутился за большим чайным столом, должно быть, засыпать начал, как вдруг лай послышался у меня над самыми ушами.

Ко мне подбежала – и вдруг прочь кинулась. И даже заворчала. Я так и понял, что не оправдал её доверия... К фельдфебелю сунулась, к самой голове его; тот поманил её. Она ему в мозолистую руку холодным носом ткнулась и неожиданно завизжала и заскулила, точно зажаловалась... «Неспроста это! – вырвалось у солдата. – Пёс умный... У него дело ко мне есть!..» Точно обрадовавшись, что её поняли, собака выпустила шинель и радостно-радостно залаяла, а там опять за полу: пойдём-де, пойдём скорее!

– Неужели вы пойдёте? – спросил я у фельдфебеля.

– Значит, надо! Пёс всегда знает, что ему нужно... Эй, Барсуков, пойдём на случай чего.

Собака уже бежала впереди и только изредка оглядывалась.

...Должно быть, я долго спал, потому что в последние мгновения сознания в моей памяти как-то осталось – луна надо мною на высоте; а когда от внезапного шума я поднялся, она уже была позади, и торжественная глубина неба вся искрилась звёздами. «Клади, клади осторожнее! – слышалось приказание фельдфебеля. – Ближе к огню...».

Я подошёл. На земле у костра лежал не то свёрток, не то узел, напоминавший формою детское тело. Стали его распутывать, а фельдфебель рассказывал о том, что собака привела их на засыпанный склон горы. Там лежала замёрзшая женщина. Она

бережно держала у самой груди какое-то сокровище, с чем бедной «беженке», как их тогда называли, всего тяжелее было расстаться или что она хотела во что бы то ни стало, хотя бы ценою собственной жизни, сохранить и отнять у смерти... Всё с себя сняла несчастная, чтобы для другого существа сберечь последнюю искру жизни, последнее тепло.

«Ребёночек? – толпились солдаты. – Ребёночек и есть!.. Вот послал на Рождество Господь... Это, братцы, к счастью».

Я дотронулся до его щёк – мягкие оказались, тёплые... Глаза его блаженно закрылись из-под овчины назло всей этой обстановке – боевым костром, морозной балканской ночи, ружьям, составленным в козлы и тускло блиставшим штыками дальнему, десятками ущелий повторенному выстрелу. Перед нами покойное-покойное было детское личико, одною своею безмятежностью обесмысливавшее всю эту войну, всё это истребление...

Барсуков разжевал было сухарь с сахаром, оказавшимся в чьём-то запасливом солдатском кармане, но старый фельдфебель остановил его:

– Внизу сёстры милосердия. У них для ребёночка и молочка найдётся. Дозвольте отлучиться, ваше высокоблагородие.

Капитан дозволил и письмо даже написал, что рота берёт находку на своё попечение.

Собаке очень понравилось у огня, она даже лапы вытянула и брюхом к небу обернулась. Но как только фельдфебель тронулся с места, она без сожаления бросила костёр и, ткнувшись мордой в руку Барсукова, со всех ног кинулась за ним. Старый солдат нёс дитя под шинелью бережно. Я знал, какой страшный путь прошли мы, и с невольным ужасом думал о том, что его ожидало: почти отвесные спуски, скользкие, обледеневшие скаты, тропки, едва державшиеся на рёбрах утёса... К утру он будет внизу, а там – сдал ребенка и опять вверх, где рота уже построится и начнёт своё утомительное движение в долину...

Владимир БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ (1885 – 1970)

ДИКИЙ РЕЙС (отрывок из рассказа)

Я стоял на палубе и курил. Из своей каюты вышел боцман. Прислонившись к двери, он рассеянным взглядом оглядел море,

– Русс? – спросил он. Это слово звучало в его устах иронически.

– Да, русский!

Последовала короткая пауза.

– А русска Машка добра, добра! – Эту фразу произнёс он по-русски, хитро подмигивая. – А вот с Японией русским не повезло; всыпала она вам, здорово всыпала.

Насмешки по поводу поражения русской армии я уже не раз слышал от других, и мне это чертовски надоело.

– Маленькая Япония нокаутировала русского великана, – продолжал боцман.

Я молчал, сдерживая накипавшую злобу.

– Небось, обидно?

– А тебе не обидно, что буры помяли Англии бока? – в тон ответил я.

– Но Англия их побила.

– Побила, да только вся морда в крови.

Боцман злобно уставился на меня.

– Полегче! Англия кормит тебя.

– Я работаю, я сам кормлю себя.

Он грозно посмотрел на меня, сердито выбил пепел из трубки и повернулся ко мне спиной. Так началось наше знакомство.

Прошла неделя; кажется, мои подозрения неосновательны. Боцман как боцман. Мне только не нравится частое напоминание о Японии и кличка «русс».

– У меня есть имя, – не вытерпел я однажды.

– Мне так больше нравится, – ответил он, усмехнувшись по-волчьи.

– Я прошу называть меня по имени.

– А если я не желаю?

– Тогда я не стану отвечать.

– Попробуй, – угрожающе произнёс он.

Спустя несколько минут я попробовал.

– Русс! – крикнул он, стоя на баке.

Я не отвечал.

– Русс! Русс!

Я молчал.

– Русс! Годдем! Ступай сюда, тебе говорят!

Я даже не повернулся. Тогда он подбежал ко мне и ткнул кулаком.

– Ты почему не отзываешься?

– Потому, что я не русс, а русский, и у меня есть имя.

– Наплевать мне на твоё имя. Когда зову, должен отвечать.

(Слово «наплевать» считалось у моряков оскорблением.)

– Хоть кровью плюй, не отзовусь! – вспыхнул я.

– Смотри! – пригрозил он пальцем. – Я шутить не люблю.

– А я и не прошу тебя шутить.

– Молчать! – заорал он, потемнев от ярости. – Ступай на бак!

«Началось», – подумал я и тоскливо поплёлся на бак.

Я решил настоять на своём, но, по-видимому, боцман не собирался уступать. Теперь к слову «русс» он прибавлял ещё нецензурные выражения.

– Берегись! – кричал он. – Я из тебя выбью эту дурь...

Олег РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (1915 – 1989)

ЛЕСНЫЕ УЗОРЫ (отрывки из миниатюр о природе)

ВРЕМЯ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

Отцветает сирень у меня под окном, осыпаются кисти душистые... Вот и лето пришло! Время полного отцветания сирени считается у фенологов началом лета. Это поистине время белых ночей, когда зорька сходится с зарёй, – нет совсем и ночи!..

В БОЛОТНОЙ ТИШИНЕ

...Есть, конечно, много мест гораздо красивее, но нет более интимных, чем те уголки озёр, прудов, рек и речек, что поросли камышом, тростником и рогозами и таят внутри густых зарослей то снежно-белые цветы кувшинок, то золотисто-жёлтые – кубышек, звёздочки водокрасов или лютиков, или просто зелёный бисер рясок...

В ЗАВОЛЖСКОМ ПАРКЕ

В воскресный день лучше встать пораньше и в парк приехать первым катером или первым автобусом. Тогда вы застанете летнее утро... Невозмутим неподвижный воздух среди зелёных красавиц сосен. Ни одна ветка не шелохнётся, не качнётся... Но что это? Тяжёлый топот... Лося! Огромный старый самец со своими широкими зубчатыми рогами, а с ним четверо молодых... И лосям нравится новый заволжский парк!

ПЕВЕЦ СТАРОГО БОРА

Кончается март – первый весенний месяц, но погода пока нас не балует. Ночью мороз настойчиво напоминает нам, что старуха-зима отчаянно борется с весной. И всё-таки: «как бы март не хму-

рился – всё весною пахнет!». Это станет особенно понятно, если мы не поленившись встанем задолго до рассвета и отправимся в самую глушь старого соснового бора с величественными колоннами столетних сосен. Там сейчас разгорается глухариный ток... Токуют глухари всегда на деревьях, прилетая к «токовищам» ещё с вечера. Токовать глухари начинают под утро, задолго до рассвета. В ночной тиши доносится отдалённое тихое стрекотание, немного напоминающее заглушённое стрекотание сороки. Охотники говорят, что глухарь щёлкает и «скиркает» или «точит». Он «поёт», вытянув шею и закинув вверх голову. Щёлканье обычно продолжается несколько секунд, а точнее, всего 2-3 секунды, и повторяется много раз. В это время пернатый исполнит совершенно гложет – отсюда и его название...

ЛЕШИЙ

Вечереет... Длинные синие тени лежат на мартовском насте, и оранжевый диск солнца медленно опускается за горизонт – сразу становится холодно, колючий северный ветер заставляет поднять воротник. Март на исходе, а в лесу ещё зима зимой... Тихо, тихо, но вот «заплакала» ушастая сова, задрезжал сыч, а где-то в лесной глуши кто-то завопил диким голосом, захохотал безумным смехом. Эхо разносит этот безумный хохот по всему лесу. И невольно начинает казаться, что весь лес населён какими-то отвратительными чудовищами, которые прячутся в ночной тьме и хохочут на все голоса. Страшно!..

Александр БОГАТОВ (р. 1935)

СОЛНЕЧНАЯ ПОГОДА В ТЕТЮШСКОМ (отрывок из очерка о Николае Рябинине)

...Николай Романович был скромным и доступным человеком. Он никогда не хвастался, что пишет стихи, тем более не показывал, что он поэт. Ничем не выделялся, кроме как высокой культурой и вниманием к каждому.

Однажды мы выпускали стенгазету с дружескими шаржами на своих коллег. Художником был Николай Коржин, а остальные мужчины-учителя сочиняли четверостишия. На второй день ко мне обращается Рябинин: «Слушайте, Александр Михайлович, чувствуется, что вы не чужды поэзии. Если не трудно, посмотрите, пожалуйста, мою рукопись». Я с удивлением смотрю на него, отнекиваюсь, говорю, что я вообще-то не разбираюсь в стихах. А он уже суёт мне в руки рукопись нового сборника. Конечно, с правилами стихосложения, хотя и слабо, я был знаком, писал даже для себя, но о том никто не знал. А тут такой поэт обращается с такой просьбой!

«Рассказ одной девушки» – прочитал я заголовок и погрузился в чтение. Прошло несколько дней, и вот я снова стою перед поэтом. Высказал своё мнение, а в конце добавил: «Лучшие строки, мне кажется, вот эти» и прочитал их ему вслух:

*Есть у нас одна большая Родина,
Есть ещё у каждого своя
Маленькая родина, где пройдена
Только тропка, может, вдоль ручья.
Может, там всего-то было сделано
В жизни первых несколько шагов –
Всё равно! Нужна такая всем она,
Родина, хотя бы в пять дворов.*

У Николая Романовича расширились зрачки. Он слегка замешкался и взволнованно произнёс: «Говорите, что не разбираетесь в стихах, а я ведь тоже считаю, что это место – самое лучшее в поэме». С этого эпизода началось моё близкое знакомство с поэтом. Когда мне поручили важный участок в школе – воспитательную работу, я обратился к Николаю Романовичу с просьбой, и даже с некото-

рым укором: почему, мол, ему, как поэту, не вести в школе литературный кружок. Он отказался, ответ был краток:

– Никто сейчас не читает стихи. Век скоростей. Всем давай физику, а не лирику...

Ещё один случай, связанный с Рябининым. Я взял на себя смелость и организовал творческий вечер поэта. Николай Романович был растроган. К счастью, сохранился сборник стихов «Журавли», где имеются места с пометками. А стихи в нём – на деревенскую тему: «Земля», «На пашне», «Сено», «Проталина», «Дождь», «На стогу». Получился как бы обзор его творчества. Прочтём стихотворение – даём оценку, своё понимание и видение. Есть у него стихотворение «Васильки», которое оканчивается словами:

*Васильки – вреднейшее растение,
Васильки – какая красота.*

«Это философское понимание природы поэтом, – подчеркнул я. – Вся наша жизнь состоит из противоречий, и поэт находит литературное средство для выражения этой истины». Николай Романович сидел, чуть покрасневшись, посматривал удивлённо. И в конце встречи поблагодарил за внимание к его творчеству.

Он любил сельскую природу. Часто ходил по полям, бродил вдоль реки Трофимовки, и наверняка в эти часы у него зарождались новые замыслы. Неспроста годы, проведённые в селе, оказались самыми плодотворными. За десять лет пребывания в Тетюшском он выпустил три сборника – в 1958, 1960, в 1963 годах. Поистине солнечная погода! В 1968 году меня перевели в другую школу. Скоро уехал в Ульяновск и Николай Романович. Он, как член Союза писателей СССР, имел право на квартиру в городе. В 1973 году вышел сборник «Запах земли», а прощальный сборник стихов «Озимь» увидел свет в 1983 году, когда поэт был уже тяжело болен...

Антон ЧЕХОВ (1860 – 1904)

АХ, ЗУБЫ! (рассказ)

У Сергея Алексеича Дыбкина, любителя сценических искусств, болят зубы.

По мнению опытных дам и московских зубных врачей, зубная боль бывает трёх сортов: ревматическая, нервная и костоядная; но взгляните вы на физиономию несчастного Дыбкина, и вам ясно станет, что его боль не подходит ни к одному из этих сортов. Кажется, сам чёрт с чертенятами засел в его зуб и работает там когтями, зубами и рогами. У бедняги лопаются голова, сверлит в ухе, зеленеет в глазах, царапает в носу. Он держится обеими руками за правую щеку, бегаёт из угла в угол и орёт благим матом...

– Да помогите же мне! – кричит он, топя ногами. – Застрелюсь, чёрт вас возьми! Повешусь!

Кухарка советует ему пополоскать зубы водкой, мамаша – приложить к щеке тёртого хрена с керосином; сестра рекомендует одеколон, смешанный с чернилами, тётянька вымазала ему дёсны йодом... Но от всех этих средств он провонял лекарствами, поглупел и стал орать ещё громче... Остаётся одно только неиспробованное средство – пустить себе пулю в лоб или, выпивши залпом три бутылки коньяку, обалдеть и завалиться спать... Но вот наконец находится умный человек, который советует Дыбкину съездить на Тверскую, в дом Загвоздкина, где живёт зубной врач Каркман, рвущий зубы моментально, без боли и дёшево – по своей цене. Дыбкин хватается за эту идею, как пьяный купец за перила, одевает пальто и мчится на извозчике по данному адресу. Вот Садовая, Тверская... Мелькают Сиу, Филиппов, Айе, Габай... Вот, наконец, вывеска: «Зубной врач Я. А. Каркман». Стоп! Дыбкин прыгает с извозчика и с воплем взбегаёт наверх по каменной лестнице. Давит он пуговку звонка с таким остервенением, что ломает свой изящный ноготь.

– Дома? Принимает? – спрашивает он горничную.

– Пожалуйте, принимают...

– Уф! Снимаю пальто! Скоррей!

Ещё минута, и, кажется, голова страдальца окончательно лопнет от боли. Как сумасшедший, или, вернее, как муж, которого добрая жена окатила кипятком, он вбегаёт в приёмную, и... о ужас! Приёмная битком набита публикой. Бежит Дыбкин к двери кабинета, но его хватают за фалды и говорят ему, что он обязан ждать очереди...

– Но я страдаю! – кипятится он. – Чёрт возьми,

я переживаю ужасные минуты!

– Мало ли что! – говорят ему равнодушно. – Нам тоже не весело.

Мой герой в изнеможении падает в кресло, хватается за обе щеки и начинает ждть. Его лицо точно в уксусе вымыто, на глазах слёзы...

– Это ужасно! – стонет он. – Ох, уми-ра-а-ю!

– Бедный молодой человек! – вздыхает сидящая возле него дама. – Я страдаю не меньше вас: меня родные дети выгнали из моего же собственного дома!

Никакая финансовая передовая статья, никакой спектакль с благотворительною целью не могут быть так возмутительно скучны, как ожидание в приёмной. Проходит час, другой, третий, а бедный Дыбкин всё ещё сидит в кресле и стонет. Дома давно уже пообедали и скоро примутся за вечерний чай, а он всё сидит. Зуб же с каждой минутой становится всё злее и злее...

Но вот проходит мучительная вечность и наступает очередь Дыбкина. Он срывается с кресла и летит в кабинет.

– Бога ради! – стонет он, падая в кабинете в кресло и раскрывая рот. – Умоляю!

– Что-с? Что вам угодно? – спрашивает его хозяин кабинета, длинноволосый блондин в очках.

– Рвите! Рвите! – задыхается Дыбкин.

– Кого рвать?

– А, боже мой! Зуб!

– Странно! – пожимает плечами блондин. – Мне, г. шутник, некогда, и я прошу вас сказать: что вам угодно?

Дыбкин раскрывает рот, как акула, и стонет:

– Рвите, рвите! Кто умирает, тому не до шуток! Рвите, бога ради!

– Гм... Если у вас болят зубы, то отправляйтесь к зубному врачу.

Дыбкин поднимается и, разинув рот, тупо глядит на блондина.

– Да-с, я адвокат!.. – продолжает блондин. – Если вам нужен зубной врач, то отправляйтесь к Каркману. Он живёт этажом ниже...

– Э-та-жом ни-же? – поражается Дыбкин. – Чёрт же меня возьми совсем! Ах, я скотина! Ах, я подлец!

Согласитесь, что после такого пассажа ему остаётся только одно: пустить себе пулю в лоб... если же нет под руками револьвера, то выпить залпом три бутылки коньяку и т. д.

Владимир ЮРЛОВ (1830 – 1903)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ СИМБИРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

(отрывок из сочинения)

Не далее как лет пять тому назад мы, странствуя в приволжских горах Симбирского уезда, ещё видели довольно обильную растительность среди чернолесья, покрывающего склоны гор по Волге от Симбирска до Ундоров и от Симбирска до Сенгилея. Тогда ещё попадались среди довольно густой растительности вообще, отдельными лесками, высокий осинник, изредка берёза и деревья других пород. Прошлым же летом 1887 года, когда мы вновь посетили приволжские горы, мы невольно подивились тому опустошению растительности, которое представилось глазам нашим как в дачах Симбирска, так и в общественных и, преимущественно крестьянских лесах по Волге. Неумолимый топор везде оставил следы свои, на всём пространстве приволжских гор Симбирского уезда.

Мало того, известный сосновый лес за Волгою ныне также вырубается целыми десятинами, великопных берёзовых рощ как не бывало. Не мудрено после этого, что и Волга постоянно мелеет и что неурожаи стали обыкновенным явлением в наших местностях. В последнее время многие из жителей приволжских деревень кроме хлебопашества стали заниматься лесною торговлею и пригонять в Симбирск лесные плоты. Торговля лесом вообще значительно усилилась в последнее время в Симбирске. Произведённые в последние годы значительные постройки казённых и частных зданий дали хороший заработок многим сотням людей из крестьянского сословия.

Так, например, мастера пильщики леса получали в лето 100, 120 и до 150 рублей серебром. Подрядчики же получали с реза за сажень пологого тёса 4, 5 и 6 копеек серебра и кровельного – 2 и 3 копейки. Не говоря уже о хороших заработках плотников, каменщиков, печников и прочее. Тем не менее бедность среди крестьянского населения, даже в пригородных деревнях Симбирского Поволжья, весьма

значительна. К числу главных причин, обуславливающих эту бедность, надо отнести сильно распространённое пьянство и неурожаи. Кроме того, чрезвычайно заметное в последние годы раздробление земельных участков можно отнести к тем же причинам. Так, множество из обедневших помещиков Симбирской губернии распродали свои земли по частям или в целом составе татарам, мужикам-кулакам и другим аферистам, которые постарались до крайности уменьшить заработную плату крестьянам, причём многие из таковых землевладельцев, построив фабрики, завели при них продажу различных предметов сельского хозяйства, трактиры, харчевни и стали эксплуатировать фабричный и земельный труд платою за труд этот не деньгами, но товаром, отпускаемым по взвышенным ценам. Таким образом, явилось скопление порядочных капиталов у немногих отдельных лиц, и, наоборот, оскудение денег среди масс крестьянского населения. Бросив беглый взгляд на весьма неприглядную, впрочем, картину нашего Поволжья, мы перейдём к чисто этнографическим заметкам нашим.

Недалеко от Симбирска, в семи верстах, стоит небольшая, состоящая всего из 30 дворов деревушка Поливна, она же Фарафонтьиха. Деревушка эта, кроме своей пристани на Волге и лесной торговли, ничем не была бы замечательна, если бы не служила жилищем многим из наших кладоискателей и если бы в лице этих кладоискателей не заключала в себе множества интересных преданий о кладах, зарытых будто бы в горах на Волге. Пополняя запас прежде собранных нами материалов по народному суеверию, мы нынешним летом несколько раз побывали в Поливне, Ундорах и других деревнях, познакомились с местными кладоискателями и передаём здесь собранные нами материалы тем безыскусственным языком, которым переданы они нам одним из престарелых кладоискателей, дядей Осипом...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

